

Русская
басня

Николай Леонидович Степанов
Антиох Дмитриевич Кантемир
Василий Кириллович Тредиаковский
Михаил Васильевич Ломоносов
Александр Петрович Сумароков
Михаил Матвеевич Херасков
Василий Иванович Майков
Михаил Дмитриевич Чулков
Михаил Иванович Попов
Александр Онисимович Аблесимов
Ипполит Федорович Богданович
Михаил Никитич Муравьев
Иван Иванович Хемницер
Яков Борисович Княжнин
Денис Иванович Фонвизин
Иван Петрович Пнин
Гаврила Романович Державин
Иван Иванович Дмитриев
Василий Андреевич Жуковский
Владислав Александрович Озеров
Василий Львович Пушкин
Константин Николаевич Батюшков
Аким Николаевич Нахимов
Александр Ефимович Измайлов
Денис Васильевич Давыдов
Федор Николаевич Глинка
Петр Андреевич Вяземский
Александр Сергеевич Пушкин
Егор Иванович Алипанов
Михаил Дмитриевич Суханов
Иван Андреевич Крылов
Козьма Прутков
Демьян Бедный

Русская басня

Басня — один из древнейших жанров литературы, уходящий своими корнями в народный фольклор. Цель настоящего сборника — проследить историю классического периода русского баснописания — от А. Кантемира до И. А. Крылова. Наряду с произведениями известных баснописцев в него включены произведения мало известных авторов — М. Чулкова, А. Измайлова и др., а также образцы басенного творчества писателей, которые непосредственно баснописцами не являются — Д. И. Фонвизина, А. С. Пушкина.

Содержание

#1.....	0004
РУССКАЯ БАСНЯ.....	0005
А.Д. Кантемир.....	0019
В.К. Тредиаковский.....	0020
М.В. Ломоносов.....	0022
А.П. Сумароков.....	0025
М.М. Херасков.....	0073
В.И. Майков.....	0078
М.Д. Чулков.....	0090
М.И. Попов.....	0092
А.О. Аблесимов.....	0094
И.Ф. Богданович.....	0097
М.Н. Муравьев.....	0100
И.И. Хемницер.....	0105
Я.Б. Княжнин.....	0135
Д.И. Фонвизин.....	0139
И.П. Пнин.....	0141
Г.Р. Державин.....	0144
И.И. Дмитриев.....	0148
В.А. Жуковский.....	0177
В.А. Озеров.....	0183
В.Л. Пушкин.....	0186
К.Н. Батюшков.....	0191
А.Н. Нахимов.....	0194
А.Е. Измайлов.....	0198
Д.В. Давыдов.....	0238
Ф.Н. Глинка.....	0240
П.А. Вяземский.....	0244
А.С. Пушкин.....	0248
Е.И. Алипанов.....	0249
М.Д. Суханов.....	0253
И.А. Крылов.....	0256
Козьма Прутков.....	0330
Демьян Бедный.....	0335
ОТ РЕДАКТОРА.....	0374
#36.....	0399

Русская басня

А.Д. Кантемир
В.К. Тредиаковский
М.В. Ломоносов
А.П. Сумароков
М.М. Херасков
В.И. Майков
М.Д. Чулков
М.И. Попов
А.О. Аблесимов
И.Ф. Богданович
И.И. Хемницер
Я.Б. Княжнин
Д.И. Фонвизин
И.П. Пнин
Г.Р. Державин
И.И. Дмитриев
В.А. Жуковский
В.А. Озеров
В.Л. Пушкин
К.Н. Батюшков
А.Н. Нахимов
М.Н. Муравьев
А.Е. Измайлов
Д.В. Давыдов
Ф.Н. Глинка
П.А. Вяземский
А.С. Пушкин
Е.И. Алипанов
М.Д. Суханов
И.А. Крылов
Козьма Прутков
Демьян Бедный
РУССКАЯ БАСНЯ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986

84 P1
P 89

*Под общей редакцией В. П. Степанова
Составление, вступительная статья и примечания Н. Л. Степанова
Иллюстрации и оформление Н. Е. Бочаровой*

© Издательство «Правда», 1986. Иллюстрации.

РУССКАЯ БАСНЯ

1

Великий французский баснописец Жан Лафонтен назвал басни пространной, стоактной комедией, разыгрываемой на сцене мира. Этим определением удачно передан сатирический характер басни, какой она получила у самого Лафонтена и у Крылова. Но, прежде чем стать такой «стоактной комедией», басня должна была пройти долгий путь. «Книга мудрости самого народа»[1], басня выросла на почве фольклора, имея прочные корни в сказках, в пословицах и поговорках — этих замечательных формулах национальной мудрости. Еще у древних греков, римлян, индусов была богатая устная поэзия. И басня родилась как произведение народной фантазии, из первобытных мифов о животных. Но литература начинается с возникновения письменности, и басни стали фактом литературы лишь тогда, когда они были записаны.

Басни легендарного Эзопа были созданы в Древней Греции в VI—V веках до нашей эры. Пересказанные стихами в начале новой эры римским поэтом Федром, они разошлись по всей Европе. В России басни Эзопа были переведены еще в Петровскую эпоху, а затем, начиная с середины XVIII века, стали одной из популярнейших книг.

Сборник древнеиндийских басен — «Панчатантра» (III—IV века), в арабском пересказе под названием «Калила и Димна», широко распространился по странам Востока, а в русском переводе в XV веке стал известен на Руси («Стефанит и Ихниллат»). Это самостоятельные новеллы, герои которых по ходу действия рассказывают басни, иллюстрирующие обычно то или иное поучение.

Древнегреческие и древнеиндийские басни разбрелись по всему свету; они явились тем богатейшим источником, из которого черпали мотивы и сюжеты многие последующие баснописцы. Но при всей общечеловечности содержания басня у каждого народа приобретает своеобразный национальный колорит. Басни Эзопа и Федра в античном мире, Лафонтена во Франции, Лессинга в Германии, Крылова в России являлись выражением национального характера, «духа» народа, его национального гения. Об этом хорошо сказал Пушкин,

сравнивая басни Лафонтена и Крылова: «Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté bonhomme*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов»[2]. Пушкин очень верно определил это национальное своеобразие, видя его не только в характере изображаемого — в «свойстве нравов», но и в самом «способе выражаться». Обращаясь к уже известному сюжету, каждый баснописец рассказывает его по-своему. Вот почему такое значение приобретают самое искусство рассказа басни, манера повествования, самостоятельность автора в нахождении живописных подробностей и языковых красок.

Пользуясь традиционными сюжетами и знакомыми образами, баснописец каждый раз дает им новую жизнь, новое истолкование. Известный русский ученый А. Потенбня сравнивал басенные персонажи с шахматными фигурами, имеющими свои особые правила ходов [3].

Традиционная басенная символика способствует уяснению, вернее узнаванию, «характеров» персонажей-зверей читателем. Еще В. Тредиаковский заметил, что баснописец изображает «чувствительное подобие тихости и простоты в Агнце; верности и дружбы во Псе; напротив того, наглости, хищения, жестокости в Волке, во Льве, в Тигре... Сей есть немый язык, который все народы понимают»[4]. Общность этой символики, традиционность сюжетов и создают «заданность», сходную с шахматными правилами, но «сыгранную», разрешаемую каждым баснописцем по-своему. Ведь в каждую эпоху в эту сюжетную схему подставляется конкретное, современное содержание, новая авторская интерпретация и оценка.

С самого ее возникновения басня высмеивала недостатки и человеческие слабости, которые на протяжении многих веков, видоизменяясь по своему внешнему выражению, в сущности, сохраняются как извечные свойства характеров — алчность, хвастливость, лживость, скупость, недобросовестность, лень. Герои басни — сказочные звери, во за их проделками всегда стояла жизнь людей, их экономические, социальные и моральные отношения. Аллегориями и намеками, «эзоповым языком», басня говорила правду, неудобную правящим классам. «Басня, как нравоучительный род поэзии, в наше время — действительно ложный род, — писал Белинский. — ...Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии»[5]. В сатирической басне с особенной полнотой и силой сказалась ее демократическая природа — связь с взглядами и чаяниями народа.

А. Потенбня удачно назвал элементы, составляющие басню, «поэзией» и «прозой». Сюжет басни — яркий, образный рассказ, своего рода драматическая сценка — и есть ее «поэзия». Нравоучительное заключение, вывод из басни, краткий итог — скупая логическая «проза». Когда образность, живописная наглядность — «поэзия» преобладает над дидактикой, над «прозой», тогда и рождается художественно совершенная басня[6].

2

В русской литературе басня издавна занимала почетное место. «...Басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, — говорил Белинский, — что

родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любят побасенки и применения»[7].

Русской басне насчитывается уже более двух столетий. Первый баснописец, Антиох Кантемир, писал свои притчи (в 1731—1738 гг.) силлабическим стихом. Басни Кантемира, как и его знаменитые сатиры, направленные против «верховников» — противников петровских реформ,— зачинали собой, по мысли Белинского, то «сатирическое направление» в русской литературе, которое оказалось особенно плодотворным.

Вслед за Кантемиром к басне обратились Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Майков, Хемницер и многие другие писатели. В системе жанровой иерархии классицизма, когда вся литература была подчинена «правилам» риторики, басня считалась «низким» родом. Но это-то и сделало басенный жанр наиболее жизненным, демократизировало его, приблизило язык басни к разговорному просторечию, к фольклору.

Самобытный, национальный характер басни явственно сказался в творчестве А. Сумарокова. Его басни печатались со второй половины пятидесятых годов XVIII века. Национальные краски Сумароков находит в народном творчестве — в сказке, шуточных прибаутках, скоморошьих виршах, пословицах. А самые сюжеты для басен берет чаще всего не у Эзопа или Лафонтена, а из русской действительности. Свидетельством популярности сумароковских басен явился переход их в народный лубок.

Сумароков восстает в баснях против невежественности и моральной распущенности дворянства, против произвола вельмож и чиновников, мздоимства и казнокрадства, взяточничества и плутней «крапивного семени» — подьячих.

*Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану,—*

говорил он в одной из своих сатир («Пиит и Друг его»).

Пестрая картина тогдашних нравов живо предстает перед нами в притчах Сумарокова. Тут и разбогатевшие откупщики, и плуты подьячие, и спесивые вельможи, и невежественные дворяне, и работающие на них нищие мужики. Баснописец беспощаден к «боярину», который проводит свою жизнь в праздности и тунеядстве:

*Боярин ел, боярин пил, боярин спал;
А если от труда устал,
Для провождения он времени зевал.
(«Мышь и Кошка. Боярин и Боярыня»)*

Картина общества написана Сумароковым смелой обличительной кистью. Тот, кто не имеет ни чина, ни капитала, хотя бы и нажитого самыми грязными и бесчестными путями, обречен на нищету и непосильный труд.

Сумароков сделал басню бытовой, гротескной сценкой. В нарушение канонов классицизма он превратил ее в такой жанр, в котором действительность выступала в своем истинном, неприкрашенном, а подчас и вовсе безобразном

обличье. Балагурство ярмарочных зазывал, грубоватая шутка, стихия народного «просторечия» — таковы истоки басен Сумарокова, щедро обращавшегося к простонародному быту, к языку, отнюдь не принятому в тогдашней литературе.

Даже животные у него изображены в грубой бытовой обстановке, подчеркивающей гротескный комизм ситуаций:

*Сошлись на кабаке две Крысы
И почали орать:
Бурлацки песни петь и горло драть
Вокруг поставленной тут мисы,
В котору пиво льют
И из которья подчас и много пьют...
(«Две Крысы»)*

В притчах Сумарокова наглядно и живописно представлены народная жизнь, быт крестьянина. В басне «Новый календарь» крестьянин мечтает о том, чтобы:

*Рождались бы собой домашние потребности:
С горохом пироги, печены хлебы;
А я бы на печи истопленной потел,
И гусь бы жареный на стол ко мне летел.*

Правда, Сумароков подсмеивается над этими желаниями крестьянина и над ним самим. Поэтому и мораль басни столь безжалостна: возмечтав о вечном лете, крестьянин не засеял свою ниву и остался зимой ни с чем!

С картинами быта в басни Сумарокова пришли и живая разговорная интонация, и свобода «просторечия», не стесняемая каким-либо искусственным отбором слов («Поддай дубину, Ванька; жена мне вить не нянька»). Так через басню в литературу входило «с черного хода» демократическое «просторечие», сыгравшее важную роль в дальнейшем ее развитии. Но все это еще далеко от подлинной народности. Мужик для Сумарокова лишь объект для «комикования», и даже в тяжелой крестьянской жизни его интересует лишь живописная, бытовая «экзотика».

Сумарокову принадлежит заслуга создания и особого разностопного басенного стиха, которым с его легкой руки в дальнейшем пользовались многие русские баснописцы вплоть до Крылова. Переходы от одностопного к трех-четырёхстопному (и более) ямбу позволяли передавать разговорную интонацию, сделали басенный стих необычайно выразительным.

Притчи Сумарокова положили начало расцвету басенного жанра во второй половине XVIII века. Это время отмечено появлением многочисленной плеяды баснописцев. Из них прежде всего следует назвать автора «ирои-комической» поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» Василия Майкова. В его баснях чаще всего действуют не аллегорические звери, а русские люди: ремесленники, мастера, крестьяне. Автор сохраняет все особенности их речи. А самый рассказ его — обстоятельный, полон бытовых подробностей.

Сумароковскую традицию продолжали и такие баснописцы, сотрудники

новиловских журналов, «Живописца» и «Трутня», как М. Чулков, А. Аблесимов, М. Попов. Однако их басня утрачивает свою жанровую определенность, превращается в сатирическую картину нравов, в стиховой фельетон. Таковы «были» А. Аблесимова — «Модная жена», «Муж и жена», «Невеста» и др., представляющие собой нравоучительные бытовые сцены. Их персонажи лишены басенной обобщенности и иносказательности, но написаны эти «были» разно-стопным стихом в шутливой разговорной манере, присущей Сумарокову.

Особенно интересны «были» М. Чулкова, в которых явственно сказались демократические тенденции времени. В них отчетливо выступает мораль труженика, иронически относящегося к чиновной знати. Такова его басня «Бережливость», восхваляющая простого человека, который «потом и трудом копейку добывает». Трезвая демократическая мораль, сочувственное отношение к жизни простого люда, близость к фольклору — все это характеризует творчество «разночинцев» XVIII века, знаменует новые веяния в жизни общества.

3

Новый этап в развитии русской басни XVIII века связан с именем Ивана Хемницера. Он отказался от «площадной» грубоватости и гротеска сумароковской басни, но и не пошел по пути М. Хераскова, создавшего философско-моралистическую басню. Живописной сумароковской басне Херасков противопоставил басню-аллегория, философское поучение. В «Заключении» к своим «Нравоучительным басням» (1764) он писал, что стремился «слогом внятным полезное с приятным в стихах соединять». Это стремление к «приятности», очищенности «слога» басни сказалось в отказе от просторечия, в стремлении к «высокому» стилю. Пышным, даже выпендренным слогом Херасков старался передать возвышенный, философский смысл своих басен:

*Источник некогда с вершины гор стремился,
Шумящим в быстрине течением гордился,
И в пышности своей Ручей он презирал,
Который светлый ток в долины простираал...*
(«Источник и Ручей»)

Хемницер начал свой творческий путь с сатир: «На худых судей», «Сатира на поклонны» и др., — в которых выступал против самых губительных зол феодально-бюрократического режима — взяточничества, казнокрадства, круговой поруки.

Хемницер — просветитель XVIII века, последователь Руссо и Вольтера — глубоко уверен, что осмеяние людских пороков, признание неразумности существующего устройства общества может способствовать его улучшению, воспитанию человека в духе «естественного закона», указанного природой.

Поэтому для Хемницера особенное значение приобретает воспитательная мораль басни, ее философско-этическое содержание. Но в отличие от отвлеченности и дидактической назидательности Хераскова и его приверженцев Хемницер облакал свои идеи в конкретные образы. Учителем Хемницера был не Лафонтен, а немецкий просветитель, философ-моралист Геллерт, который в своих баснях выступал с умеренной критикой существующих порядков и феодальных пережитков.

Хемницер смотрит на жизнь глазами простого человека, выдвигая моральные нормы и критерии честности, умеренности, добродетели. Восприятие действительности у него трезвее, демократичнее, чем у его предшественников, а поэтическая система басен лишена комической гротескности, столь характерной для сумароковской школы. Подобно большинству просветителей XVIII века, Хемницер верил, что «зло» может быть исправлено при соблюдении законов и попечением добродетельного монарха. Он убежден в том, что не крутые и резкие перемены, а постепенное распространение «просвещения» приведет к справедливому порядку.

Хемницер обличает тиранию и деспотизм власти корыстолюбивых вельмож, неправедных судей. В басне «Лестница» он откровенно, недвусмысленно говорит о том, что «порядок наблюдать» надобно с «вышних степеней».

Басни Хемницера проникнуты антифеодальными настроениями. Сатира их направлена против сильных мира: вельмож, дворян, богачей. Осуждает он и «волчий» закон, дающий право «господам иным» не только «стричь шерсть», но и «шкуру содрать» со своих подчиненных, с крестьян («Волчье рассуждение»). Резко выступает писатель и против войн, затеваемых властями на горе и несчастье народов («Два Льва соседи» и др.).

Хемницер создает особый вид басни — басню-«сказку» («сказка» здесь в смысле рассказа, повести в стихах). Сборник его так и называется — «Басни и сказки».

В своих лучших баснях Хемницер добивается сжатости рассказа, изобразительной наглядности, естественности и живости интонаций. Так, его «Зеленый осел» уже предвосхищает своей словесной живописностью и разговорной непринужденностью крыловские басни («Слона и Моську», например). Рассказывая о переполохе, произведенном в городе появлением «зеленого осла», Хемницер живо рисует картину всеобщего любопытства:

*По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,
Леса, подмостки подставляют...*

Естественностью изложения, стоящим за повествованием образом самого «фабулиста», лукаво-простодушного рассказчика, Хемницер решительно отличается от Сумарокова. Там, где этот простодушный «фабулист» побеждает рассказчика-дидактика, и начинается удача Хемницера, достигающего выразительности и точности сатирического рисунка.

Одна из лучших его басен — «Метафизический ученик» (ранее печаталась под заглавием «Метафизик»). В ней он осмеивает ложную ученость, отвлеченное, метафизическое отношение к явлениям материального мира. Басня завершается весьма энергичной, эпиграмматически острой концовкой:

*Что, если бы вралеи и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?
Да яма надобна большая!*

Язык басен Хемницера — это простой, разговорный слог, отличающийся и от бурлескного «просторечия», и от книжной скованности.

В таких баснях, как «Метафизический ученик», «Друзья» и др., Хемницер выразительностью интонаций, свободой устной речи, самой манерой повествования уже предвещает Крылова.

*Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!»
«Робята, что же вы стоите?
Поможемте»,— один другому говорил...
(«Друзья»)*

4

В начале XIX века на литературную арену выступили последователи Карамзина — сентименталисты. Отвергая культ разума, они несли новое понимание действительности, утверждали прежде всего чувство, «чувствительность», эмоциональное начало в противовес логически стройным, статичным «нормам» классицизма.

Борьба за эти новые принципы сказалась и в басне. Как жанр, освященный эстетикой классицизма, басня была особенно любима «архаистами» — сторонниками уходящего классицизма, участниками «Беседы любителей русского слова». «Беседчики» имели своих баснописцев: А. Шишкова, Д. Хвостова, Г. Державина, П. Карabanова, А. Бунину; участником «Беседы» был и Крылов, хотя занимал в ней особую позицию.

Противники «Беседы» — карамзинисты, объединившиеся в литературном обществе «Арзамас», высмеивали и вышучивали нескладные басни графомана Д. Хвостова, которые для потехи читали на своих собраниях, и писали на них злые пародии. И. Дмитриев, В. Жуковский, В. Пушкин внесли в басенный жанр новые черты «чувствительной» поэтики.

Сентименталисты или вовсе отказываются в басне от всякой сатиры, или так смягчают ее, что она не выходит за пределы моральных сетований. Они суживают и резко ограничивают круг тем, предпочитая сатире изысканное остроумие, изящное «causerie» (беседу, болтовню). «Мы трогаемся судьбою увядающего цветка, разделяем заботливость ласточки, свивающей для малюток своих гнездо...»[8]— так определяет Жуковский характерные для сентименталистов сюжеты и темы. Это измельчание жанра, ослабление обличительной направленности басни тесно связано с той философией смирения, отказа от «суе жизни» во имя меланхолического уединения на лоне природы, которая характеризовала сентиментализм.

Наиболее полно принципы нового направления в басне выразил И. Дмитриев. С баснями он выступил в 90-х годах XVIII века, но широкую известность получил в начале нового столетия. Дмитриев придал басне стилистическое изящество, лирическую эмоциональность, ранее ей несвойственные.

Поэт А. Ф. Мерзляков так образно характеризовал этапы развития русской басни: «Мы очень богаты притчами,— писал он.— Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город; Дмитриев отворил им двери в просвещенные, образованные общества...»[9]. Точнее сказать, он от-

крыл басне дверь в гостиную.

Современная критика называла Дмитриева «русским Лафонтеном». Но в то время как творения Лафонтена, пронизанные чисто французским юмором, легкие и грациозные по форме, выразили самый «дух» народа, басни Дмитриева были, по признанию Белинского, «искусственными цветами в нашей литературе», пересаженными с родной почвы на чужую и возвращенными в теплице[10]. Лишенные сатирической направленности, они превратились в лирические стихотворения, в элегическую медитацию. Обличению и дидактике Дмитриев предпочел умиленность, чувствительную «наивность» и «простодушие» фабулиста.

Басня Дмитриева — философская аллегория, выражающая излюбленные мысли сентименталистов о бренности существующего, о пользе уединения и умеренности («Жаворонок с детьми и земледелец», «Дон-Кишот», «Смерть и умирающий»).

В басне «Мудрец и поселянин» «натуры испытатель» беседует с «поселянином», который и высказывает ему ту истину, которая лежала в основе эстетики сентиментализма:

«Природа мне букварь, а сердце мой учитель».

Басня завершается моралистическим поучением, передающим «философию» примирения:

*«Я зависти не знаю;
Доволен тем, что есть — богатый пусть богат,
А бедного всегда, как брата, обнимаю,
И с ним делиться рад...»*

Басни Дмитриева и его последователей отличает и самый отбор слов, характерных для поэтики сентиментализма: «луг уединенный», «он (голубь) вздрогнул, прослезился», «невинный взор».

Другим путем пошел П. Вяземский. Его басни — колкие, остроумные эпиграммы, едко высмеивающие духовную ограниченность и ничтожество лакействующей бюрократии.

Из поэтов — последователей Дмитриева нельзя не упомянуть В. Жуковского, В. Пушкина, превративших басню в изящную «безделку», альбомный экспромт, Н. Остолопова.

В эти же годы делаются и попытки возвращения к старой, сумароковской традиции возродить басню как сатиру. Антиподом Дмитриеву и другим сентименталистам выступают такие баснописцы, как А. Измайлов и харьковский писатель Аким Нахимов (басни его вышли отдельной книгой вскоре после смерти баснописца — в 1814 г.). Автор сатирической «Песни о луже», А. Нахимов непримиримо обличал корыстолюбие, алчность, грязные плутни и круговую поруку «крапивного семени». Своим грубоватым юмором и «просторечием» он близок Сумарокову.

Первая книжка басен Александра Измайлова вышла в 1814 году. Один из современников сказал про него: «...это был Крылов, навеселе зашедший в казарму, в харчевню или в питейный дом»[11]. Басни А. Измайлова — «натуральные» бытовые сценки, показывающие пьяных приказных, купцов, про-

винциальных чиновниц, квартальных. Даже животные в его баснях похожи на подгулявших чиновников и подьячих.

В. Белинский необычайно выразительно охарактеризовал Измайлова. «А. Измайлов,— писал он,— ...заслуживает особенное внимание по своей оригинальности: тогда как первые (В. Пушкин, например.— Н. С.) подражали Хемницеру и Дмитриеву, он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные и пьяные мужики и бабы, Ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своею тривиальностью, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какою-то мужиковатою оригинальностью»[12]. Этот бытовой натурализм Измайлова проявился не только в выборе героев и сюжетов его басен, но и в деталях быта, грубых, нарочито подчеркнутых «фламандскими» подробностями:

*Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улицам шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А! здравствуй, Емельян
Архипович! Да ты, брат, видно,
Уже позавтракал. Ну, как тебе не стыдно?
Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!»
(«Пьяница»)*

Так ко времени появления басен Крылова завершились основные направления в развитии басни. «Площадная», сатирическая притча Сумарокова, черпавшая свои краски в народном творчестве, философско-сатирическая — Хемницера, изысканная, стилистически изящная басня Дмитриева, каждая по своему подготовили новый, высший этап в развитии этого жанра.

5

Триумф русской басни связан с именем И. Крылова. В 1809 году вышла первая книга его «Басен», которая покорила всю читающую Россию. За более чем тридцатилетнюю деятельность баснописца он сделался, по словам Белинского, «народным поэтом», проложил другим поэтам «дорогу к народности»[13].

Крылов достиг совершенной реалистической полноты, создал басню глубоко народную по содержанию и форме. «Тот ошибется грубо,— писал Гоголь,— кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа»[14].

Народная мудрость басен Крылова восходит к сказкам, пословицам и поговоркам, в свою очередь, строки его басен стали народными пословицами.

Крылов обращался своими баснями не к узкому кругу посетителей литературных салонов, а к широкому, массовому демократическому читателю. Когда Крылова спросили, почему он пишет именно басни, он ответил: «Этот род понятен каждому: его читают и слуги и дети».

Баснописец всегда на стороне простого человека, угнетаемого сильными мира сего: вельможами, богачами, чиновниками. Мораль его басен выражает нравственные представления и идеалы народа: неприятие праздности, лживости, хвастливости, алчности, вероломства — словом, всех тех пороков, которые являются результатом социального неравенства и несправедливости.

В басне «Листы и Корни» Крылов резко противопоставляет творческую силу народа, подлинный источник мощи нации — питающие ее «Корни» — эфемерным претензиям «Листов» — господствующим, тунеядствующим классам. Простой труженик, человек из народа, честный, скромный, правдивый, отзывчивый, и является положительным идеалом баснописца. Вот этот народный, трудовой идеал он и формулирует в басне «Орел и Пчела». В противовес кичащемуся своей дерзкой силой Орлу Крылов изображает скромную Пчелу, которая сознает свой долг в том, чтобы «труды для общей пользы несть». Такая демократическая позиция и определила народный характер его басен.

В тяжелую пору Отечественной войны 1812 года Крылов создает цикл патриотических басен. В них он призывает к беспощадной борьбе с захватчиком («Волк на псарне»); в басне «Раздел» осуждает отсутствие единства в опасную для родины минуту.

В борьбе за идеал гражданина Крылов обращается к сатире. Его басни не моральные наставления, а жгучая и смелая сатира на нравы и пороки господствующего общества, на его конкретных представителей. «Как истинно гениальный человек, он, подобно другим, не ограничился в басне баснею,— писал Белинский,— но придал ей жгучий характер сатиры и памфлета»[15].

Во времена Крылова можно было только «эзоповым языком» басни сказать о том, о чем иначе, в открытую, говорить было невозможно. Крылов гневно обличал господствующие классы — от вельмож до чиновников-казнокрадов и мздоимцев. Его Львы, Волки, Медведи, Щуки в типически обобщенных образах запечатлели подлинный облик представителей тогдашней власти. Такие басни, как «Рыбья пляска», «Пестрые Овцы», «Волки и Овцы», и многие другие рисуют жестокую несправедливость, деспотизм, беззаконие вельмож и даже самого царя. Сюжеты многих басен Крылова возникали из конкретных исторических событий и фактов. Так, в басне «Демьянова уха» имелись в виду скучные заседания «Беседы любителей русского слова». «Пестрые Овцы», как и «Рыбья пляска», относились к Александру I; «Волк на псарне» — к Наполеону и Кутузову и т. д. Но обобщающий смысл его басен неизмеримо шире. Независимо от того, осмеивает ли басня «Квартет» чиновный характер заседаний «Беседы» или, как свидетельствуют некоторые современники, относится к деятельности Государственного совета, она доказывает порочность любой бюрократической организации. В этом подлинный обличительный смысл, типичность и сатирическая острота басни Крылова. В «текущем» и злободневном писатель умел увидеть и показать общее, наиболее важное и характерное. Оттого-то его басни пережили свое время.

Пользуясь «эзоповым языком» басни, Крылов высмеивал непонимание царем нужд народа («Воспитание Льва»), жестокое искоренение им всякого инакомыслия и любых попыток протеста («Пестрые Овцы»). Не менее сурово осуждал он высшую бюрократию и чиновников, неспособных к управлению страной, пекущихся лишь о своих корыстных интересах («Вельможа», «Слон на воеводстве», «Рыбья пляска» и др.), судей и подьячих, обманывавших и оби-

равших народ («Крестьянин и Овца», «Щука» и др.). Его басни дают широко обобщенную картину беззаконий, лихоимства, казнокрадства, творившихся в тогдашней России.

Недаром в комедии Грибоедова «Горе от ума» правительственный соглядатай и доносчик Загорецкий с горечью признает обличительную силу басенной сатиры:

*...А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори,
Хотя животные, а все-таки цари!*

Басня у Крылова стала миниатюрной комедией, маленькой сценкой в лицах, а ее «действующие лица», хотя и зачастую в условном облике сказочных зверей, показаны как типические людские характеры[16].

«Драматическое» начало придает басням сценическую выразительность. Этому способствуют хотя и краткие, но блестящие диалоги, образная и выразительная речь каждого персонажа, умеющего говорить своим, ему одному присущим голосом. Традиционный басенный сюжет, идущий от Эзопа и Лафонтена, у Крылова наполняется жизненными подробностями, окрашивается ярким национальным колоритом. Такова, например, басня «Крестьянин и Смерть». Знакомый сюжет обрастает здесь чисто национальными бытовыми чертами, превращается в живую сцену. В басне действует не условный, аллегорический Старик, как у Эзопа, а простой русский крестьянин. Вся обстановка, даже пейзаж чисто русские, очень конкретные, наглядные. Жалобы старика, самое описание его тяжелого труда вводят нас в безрадостный мир крепостного, замученного непосильными поборами:

*«Куда я беден! боже мой!
Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети.
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»*

Басни Крылова — торжество живой, разговорной народной речи. Ему чужд тот языковой натурализм и грубоватость, которые отличали басни Сумарокова. Совершенство и непреходящая ценность басен Крылова в их удивительной словесной найденности, музыкальной выверенности каждой фразы, живописности и выразительности. Исчерпывающе о мастерстве Крылова сказал Гоголь: «Ни один из поэтов не умел сделать свою мысль так ощутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов».

И еще. «Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоены крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймашь

его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза»[17].

Непревзойденный знаток русской речи, Крылов обратился ко всему неисчерпаемому богатству языка, к самым разнообразным разговорным и профессиональным его формам и оттенкам, Крылов не признает никакой украшенности, искусственности или нарочитости языка. Он безбоязненно пользуется народным просторечием, «низким слогом»: «С натуги лопнула и — околела», «от радости в зобу дыханье сперло», «Мужик ретивый был работник», «Лев убирал за завтраком теленка» и т. д.

В баснях Крылова национальная форма органически слилась с народностью содержания. «Он вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа,— писал В. Белинский,— в его баснях, как в чистом полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, остротой и добродушно саркастической насмешливостью... И все это выражено в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собою такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство,— что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении» [18].

Кто с детских лет не знает крыловской басни о льстивой Лисице и падкой на лесть Вороне? По удивительному богатству словесных красок, оттенков, по выразительности живой, разговорной интонации эта басня — подлинное чудо! Не приходится уже и говорить, насколько она далеко ушла от эзоповской басни, с ее сухим, кратким изложением сюжета (вдобавок прозаическим). Но даже если сравнивать ее с басней Лафонтена, то легко обнаружить преимущество русского баснописца, настолько он живописнее, сочнее, красочнее по своей манере.

Басня Лафонтена «Le Corbeau et le Renard» по-своему замечательна, но она иная. У Лафонтена Лисица говорит гораздо изысканнее и суше (даже Ворон назван ею «maitre Corbeau» — «господин Ворон»), она только приступает к обольщению Ворона, тогда как у Крылова Лиса пускает в ход все средства самой грубой лести:

*«Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»*

С покоряющей убедительностью Крылов передает вкрадчивость лукавство и ласковость ее обращения всей интонацией, образностью языка, народными уменьшительными суффиксами, лексикой.

Одноименная басня Сумарокова по сравнению с крыловской кажется кос-

ноязычной, тяжелой, невыразительной:

*«Здорово,— говорит Лисица,—
Дружок Воронушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша...»*

Сопоставление этих басен показывает, как важен в искусстве малейший оттенок. Небольшая, казалось бы, разница делает всю «музыку»! Ведь Крылов воспользовался отдельными деталями сумароковской басни. «Сестрица», «носок» и даже ласковое «светик» он заимствовал у своего предшественника. И все-таки в целом его басня несравнима по своему языковому совершенству. Одна лишь фраза Крылова, такая вкрадчивая и лукавая — «И верно, ангельский быть должен голосок!» — сразу же определяет всю тональность повествования. Этот пример интересен и в том отношении, что наглядно демонстрирует, какие прочные нити связывают Крылова с предшествующей традицией, с Сумароковым, Хемницером, Дмитриевым и др., без которых едва ли бы было возможно такое совершенное мастерство его басни.

В искусстве рассказа, в народности языка, в разговорном богатстве интонаций Крылов не знает равных. Его стих живописен и ритмически выразителен. Это музыка русской речи, это краски народного языка. В то же время язык Крылова предельно точен, эпиграмматически краток, ярок и полновесен. Множество стихов его обратились в пословицы и поговорки: «При красоте такой и петъ ты мастерица», «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться», «А ларчик просто открывался», «Слона-то я и не приметил», «А Васька слушает, да ест» и т. д.

Уже в 1831 году, в период расцвета деятельности Крылова, журнал «Телескоп» писал о том, что «после Дмитриева и Крылова басня сделалась заповедным сокровищем нашей поэзии, до которого опасно дотрогиваться ненадежной посредственности» [19].

И действительно, многочисленные подражатели Крылова — М. Майков, А. Маздорф, А. Зилов, К. Масальский и другие, не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории басни. Басня спускается в провинцию, делается достоянием поэтов-самоучек, вышедших из крестьянской среды. К басне еще при жизни Крылова обращаются такие поэты из крестьян, как Е. Алипанов, Ф. Слепушкин, М. Суханов. Для них басня являлась особенно близким жанром благодаря доступности и простоте своей формы. Они робко критикуют самоуправство знати и наивно рассуждают на темы житейской морали.

На угасание басенного жанра в эти годы указывает и самый факт появления басен Козьмы Пруткова (собираТЕЛЬНЫЙ псевдоним братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого). Они зло высмеивали упрощенное понимание басни, измелъчание ее тематики, банальные штампы. В то же время мораль их метко бьет мещанскую благонамеренность, обывательскую ограниченность.

От Эзопа до Крылова басня всегда откликалась на запросы и события своего времени, беспощадно разила косность, бюрократизм, мещанство.

«Басня, как сатира,— говорил Белинский,— была и всегда будет прекрас-

ным родом поэзии, пока будут являться на этом поприще люди с талантом и умом»[20].

Н. Степанов

А.Д. Кантемир

ЯСТРЕБ, ПАВЛИН И СОВА

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит быв, на его чин из воздушна рода
Трое у царя Орла милости просили:
Ястреб, Сова и Павлин, и все приносили,
Чтоб правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястреб храбрость представлял и многие годы,
В которых службы на ся военной нес бремя;
Сова сулила не спать век в ночное время;
Павлин хвастал перьями и хвостом пригожим.
Кто, мнишь, казался царю в воеводск чин гожим?
Сова; Ястребу отказ, отказ и Павлину.
Орел, своего суда изъяснив причину,
Сказал, что Ястреб хоть храбр, хоть и многи леты
В военной службе служил, достойно приметы
Ничего не учинил; почему уж мало
И впредь плода ожидать: в ком бо славы жало
С младых лет не действует — седина бесплодна;
Что Павлину перья так, как и гордость сродна;
А Сова нравом тиха, ссор она напрасно
Не ищет, знает себя защищать согласно
Своим силам, когда кто вредить ей желает;
Недремно та бодрствует, пока унывает
Прочее племя во сне. Таков воевода
Годен к безопасности целого народа.

ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАН

Искусный в деле своем восколей, прилежно
Трудився, излил болван, все выразив нежно
В нем уды, части, власы, так что живо тело
Болванчика того быть всяк бы сказал смело.
Окончав все, неумно забыл отдалити
Болван от огня, где воск случилось топити.
Осягл жар пламени воск, расползлося тело
Болванчика; пропал труд, пропало все дело.

Кто дело свое вершив, утвердить желает
В долги веки, должен все, что тому мешает,
Отдалять и, что вредит, искоренять скоро;
Без того дело его не может быть споро.

В.К. Тредиаковский

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА

*Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее: «Что нужды, говорит,
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?
Желал бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюем дворовые мы птицы;
К тому ж, мне на себе сей вещи не носить;
Да и не может та собой меня красить.
Итак, другим она пусть кажется любезна,
Но мне, хоть и блестит, нимало не полезна».*

ПЕС ЧВАН

*Лихому Псу звонок на шею привязать
Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
Что Пес тот лют добре; затем бы прочь бежали
Иль палку б на него в руках своих держали.
Но злой Пес, мня, что то его мзда удалства,
Стал с спеси презирать всех лучшего сродства.
То видя, говорил товарищ стар годами:
«Собака! без ума ты чванишься пред нами;
Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
Что нравами ты зол, а разумом щенок».*

ВОРОН И ЛИСИЦА

*Негде Ворону унести сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того домочья б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши,
И его вещьбу еще также похваливши,
Прямо, говорила: «Птицею почту тебя
Зевсовою впрядки, буде глас твой для себя,
И услышу песнь доброт всех твоих достойну».
Ворон похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать.
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Ворон; только ты без сердца мех».*

ГОРА, МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ

*Напружившись, Гора из глубины стонала,
Как будто час настал родить ей, тем казала.
Сей случай всех привел людей в прекрайний страх,
Боящихся, чтоб как не задавил их прах,
Но выскочила мышь из той внезапным спехом,*

И так людска боязнь окончилась общим смехом.

ПЕС И ПОВАР

*Вбежав в поварню, Пес (его не усмотрел
В то время Повар там, имея много дел)
Лежаще на столе тут сердце от скотины
Схватил и побежал зараней от дубины.
Того, как говорят, тогда он проводил
Такою речью вслед, которою грозил:
«Изрядно, что теперь ты мог унести добычу!
Но даром то тебе не пройдет, стару хрычу:
Как можно, застигу тебя я где-нибудь
И палкою потщусь бока тебе все вздуть:
Не сердце у меня унесено тобою;
Но придано к тому, которое со мною».*

ЛЕВ-ЖЕНИХ

*В девицу негде Лев влюбился не смехом
И захотел ей быть он вправду женихом;
Затем к отцу ее пришед тогда нарочно,
Ту просит за себя отдать в замужство точно.
Отец Льву отвечал: «Твоим ли я отдам
Ногтищам так кривым и острым толь зубам
Мою в замужство дочь, толь нежную всем телом?
И может ли сие быть неопасным делом?
Без тех бы, впрочем, мне ты был достойный зять,
И можно б дочь мою тебе женою взять».
Лев от любви своей почти ума лишился;
Чего для, как просил отец тот, не щитился.
И пазногти свои тому дал срезать он,
А зубы молотком все-навсе выбить вон.
Итак тот человек легко Льва побеждает,
Потом, ударив в лоб долбнею, убивает.*

М.В. ЛОМОНОСОВ

<ВОЛК-ПАСТУХ>

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье Волк
И взял пастуший посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако, чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкий сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедный Волк заметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

<УТОНУВШАЯ ЖЕНА>

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что притом и кошелек неспор.
Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
«Не усмотрел ли он,— спросил,— утопшей следа?»
Сосед советовал вниз берегом идти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он отвечивал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о том не сомневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

<СТАРИК, ЕГО СЫН И ОСЕЛ>

Послушайте, прошу, что старому случилось,
 Когда ему гулять за благо рассудилось.
 Он ехал на осле, а следом парень шел;
 И только лишь с горы они спустились в дол,
 Прохожий осудил тотчас его на встрече:
 «Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?»
 Старик сошел с осла и сына посадил;
 И только лишь за ним десяток раз ступил,
 То люди начали указывать перстами:
 «Такими вот весь свет наполнен дураками:
 Не можно ль на осле им ехать обойм?»
 Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
 Однако чуть минул местечка половину,
 Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
 Тогда старик осла домой поворотил
 И, скуки не стерпя, себе проговорил:
 «Как стану я смотреть на все людские речи,
 То будет и осла взвалить к себе на плечи».

<СВИНЬЯ В ЛИСЬЕЙ КОЖЕ>

Надела на себя
 Свинья
 Лисицы кожу,
 Кривляя рожу,
 Моргала,
 Таскала длинный хвост и, как лиса, ступала.
 И так, во всем она с лисицей схожа стала,
 Догадки лишь одной Свинье недостает:
 Натура смысла всем свиньям не подает.
 Но где ж могла Свинья лисицы кожу взять?
 Нетрудно то сказать.
 Лисица, всем зверям подобно, умирает,
 Когда она себе найти, где есть, не знает.
 И люди с голоду на свете много мрут,
 А паче те, которы врут,
 Таким от рока суд бывает:
 Он хлеб их отымает
 И путь им ко вранью тем вечно пресекает.
 В наряде сем везде пошла Свинья бродить
 И стала всех бранить,
 Лисицам всем прямым, ругаясь, говорила:
 «Натура-де меня одну лисой родила,
 А вы-де все ноги не стоите моей,
 Затем что родились от подлых вы свиней,
 Теперя в гости я сидеть ко Льву собираюсь,
 Лишь с ним я повिдаюсь,
 Ему я буду друг,
 Не делая услуг.
 Он будет сам стоять, а я у него лягу,
 Неужто он меня так примет, как бродягу?»
 Дорогою Свинья вела с собою речь:
 «Не думаю, чтоб Лев позволил мне там лечь,

Где все пред ним стоят знатнейши света звери,
Однако в те же двери
И я к нему войду.
Я стану перед ним, как знатный зверь, в виду».
Пришла пред Льва Свинья и милости просила.
Хоть подлая и тварь, но много говорила,
Однако всё врала
И с глупости она ослом Льва назвала.
Не вспал тем Лев
Во гнев.
С презреньем на нее он глядя, рассмеялся
И так ей говорил:
«Я мало бы тужил,
Когда б с тобой, Свинья, вовеки не видался,
Тотчас знал я,
Что ты свинья,
Так тщетно тщила ты лисою подбегать,
Чтоб врать.
Родился я во свет не для свиных поклонов,
Я не страшуся грóмов,
Нет в свете сем того, что б мой смутило дух.
Была б ты не свинья,
Так знала бы, кто я,
И знала б, обо мне какой свет носит слух».
И так наша Свинья пред Львом не полежала.
Пошла домой с стыдом, но, идучи, роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала
И в ярости себя стократно проклинала,
Потом сказала:
«Зачем меня несло со львами спознаваться,
Когда мне рок велел в грязи валяться».

А.П. Сумароков

ВОЛК И ЯГНЕНОК

В реке пил Волк; Ягненок пил,
Однако в низ реки гораздо отступил;
Так пил он ниже;
И следственно, что Волк к тому был месту ближе,
Отколе токи вод стремление влечет;
Известно, что вода всегда на низ течет.
Голодный Волк Ягненка озирает;
От ужаса Ягненок обмирает
И мнит: не буду я с ягнятками играть,
Не станет на руки меня пастушка брать,
Не буду голоса я слышати свирели,
И птички для меня впоследствии пропели,
Не на зеленом я скончаюся лугу,
Умру на сем песчаном берегу.
Волк почал говорить: «Бездельник, как ты смеешь
Питье мое мутить,
И в воду чистую мне сору напустить?
Да ты ж такую мать имеешь,
Которая, ко мне учтивства не храня,
Вчера бляла на меня».
Ягненок отвечает,
Что мать его дней с тридцать умерла,
Так Волка не она ко гневу привела;
А ток воды бежит на низ, он чаает,
Так Волк его опивок не встречает.
Волк третьею виной Ягненка уличает:
«Не мни, что ты себя, бездельник, извинил.
Ошибся я; не мать, отец меня бранил».
Ягненок отвечал: «Тому уж две недели,
Что псы его заели».
«Так дядя твой иль брат,
Иль, может быть, и сват,
Бранил меня вчера, я это знаю точно,
И говорю тебе я это не нарочно».
Ягненков был ответ:
«Всея моей родни на свете больше нет;
Лелеет лишь меня прекрасная пастушка».
«А! а! вертушка,
Не отвертись ты; вчера твоя пастушка
Бляла на меня: комолые рога
И длинный хвост у этого врага,
Густая шерсть, копыта невелики;
Довольно ли тебе, плутишка, сей улики?
Пастушке я твоей покорнейший слуга
За то, что на меня блять она дерзает,
А ты за то умри». Ягненка Волк терзает.

СКУПОЙ

Ни шелега в мошне бедняжка не имел,

А воровати не хотел;
Занять нельзя; такие тут обряды,
Что надобны заклады
Да росты ради барыша;
А у него кафтан, рубашка да душа.
Закладов нет, он терпит голод
И холод.
«Мне лучше смерть», — бедняжка говорит
И хочет отравиться;
Но яд не скоро уморит;
Пошел давиться.
Был дом старинный развален,
Остатки только были стен;
Пошел туда бедняк, веревку вынимает,
К кирпичью гвоздь наладя, прижимает
И почал колотить.
Стена обрушилась, и выпало оттоле
Червонцев тысяча иль, может быть, и боле;
Бедняжку лъзя всего теперь позолотить.
Бедняжка обомлел, в весельи таает,
Червонцы те хватает,
От радости дрожит
И, добычь ухватив, домой бежит.
Пришел хозяин дома,
Обрушена стена,
А деньги не солома,
Другая им цена;
Скупого сердце ноет.
Скупой кричит и воет:
«Сокровище мое! куда сокрылось ты?
Лишился я твоей навеки красоты.
Веселие мое и свет мой! Я с тобою
Расстался самою лютейшею судьбою;
Погибни, жизнь моя.
Сокровище мое! с тобой умру и я,
Не отменю сего я слова».
Скупой!
Веревка тут готова;
Пожалуй, лишнего не пой.
Однако он и сам не много норовился
И удавился,
Доволен только тем ко смерти приступил,
Что он веревки не купил.

КОШКА

Привычку одолеть гораздо трудно,
Природу одолеть гораздо чудно.
Я нечто вам теперь об этом предложу
И басенку скажу.
Я кошек не люблю и кошачья языка;
А больше мне всего противна их музыка.
Но был какой-то господин,
Хозяйки не имел, и жил один.

И кошку, не в издевку,
 Любил, как девку;
 Да кошка по его не знает говорить.
 Просил богов, чтоб кошку претворить,
 Чтоб кошка человеком стала
 И под алмазами, как барыня, блистала.
 Исполнили они желание его.
 У кошки кошачья нет больше ничего.
 На кошке фишбейная юбка
 Из китовых усов,
 Алмазы светятся из волосов,
 И ходит кошка, будто шлюпка,
 Да только по сухом пути:
 Водой пешком нельзя идти;
 У кошки не один костей на юбке ярус,
 А юбка дуется в погоду, будто парус.
 Настал его желания конец:
 Женился наш на кошке молодец
 И до приятнейша дошел часá и места:
 Он лег, легла невеста;
 Вдруг выбежала мышь. О, рок! о, случай злой!
 Вскочила барыня за ней с одра долой.
 Пресеклась барину потешиться дорожка,
 Вскочила барыня — и стала кошка.

яйцо

Когда снега не тают,
 Робята из него шары катают,
 Сертят
 И шар вертят;
 Шар больше становится:
 Шарочек их шарищем появится.
 Да кто ж
 На шар похож?
 Ложь.
 Что больше бродит,
 То больше в цену входит:
 Снежной шарика будет шар,
 А изо лжи товаришка — товар.
 «Ах! Ах! Жена, меня околдовали,—
 Кричит муж, лежучи, жене.—
 Я снес яйцо». — «Никак ты видел то во сне;
 Такие чудеса на свете не бывали».
 «Я снес яйцо, ах, женушка моя!
 Уж я
 Не муж твой, курица твоя,
 Не молви этого с соседкой;
 Ты знаешь, назовут меня еще наседкой».
 «Противно то уму,
 Чтоб я сказала то кому».
 Однако скажет;
 Болтливой бабе черт языка не привяжет.
 Сказала ей,

А та соседушке своей.
 Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире:
 Яйцо, два, три, четыре,
 И стало под вечер пятьсот яиц.
 Назавтре множество к уроду
 Сбирается народу
 И незнакомых лиц.
 За чем валит народ? Валит купить яиц.

МЫШИЙ СУД

Не столько страшен зайцам псарь,
 Медведь и волк щенятам,
 Мертвец и черт робятам,
 Ни челобитчикам бездушный секретарь,
 Как Кошка некая в большом мышей содоме,
 В каком-то доме,
 Страшна мышам была.
 Хотя она с мышей подарков не брала,
 Да только худо то, что кожи с них драла,
 И срезала их с кону.
 Она решала все дела
 Не по мышачьему, по кошачью закону.
 Стараясь от таких спастися мыши бед,
 Хотели воевать, да пушек нет;
 Не притронулися без рукавиц к крапиве,
 Лишь только сделали над кошкой суд.
 Была у них Мышь грамотная тут,
 Делец и плут,
 В приказе родилась и выросла в архиве,
 Пошла в архиву красть;
 Она с робячества любила эту сладсть,
 Подъяческую страсть,
 И должно от нее всё дале было класть:
 Тетрадей натаскала,
 Статейку приискала
 И предложила то;
 А что?
 Чтоб Кошку изловить и навязать на шею
 Ей колокол тотчас;
 Чтоб им сохранными повесткою быть сею;
 И говорит мышам: «Которая из вас
 Исполнит мой приказ?»
 Ответствовали все ей на это: «Не смею».
 «А я,— сказал делец,— хоть мужество имею,
 Да только кошек я ловити не умею».

БЛОХА

Минерва, вестно всем, богиня не плоха,
 Она боярыня, графиня иль княгиня,
 И вышла из главы Юпитера богиня;
 Подобно из главы идет моей Блоха.
 О Каллиопа, пой Блохи ты к вечной славе,

И возгласи ты мне
 То, что пригрезилось сей твари не во сне,
 Но въяве!
 Читатели! Блохой хочу потешить вас,
 Внемлите сей мой глас
 И уши протяните,
 А тварь такую зря, меня вспомяните.
 Была, жила Блоха; не знаю как, она
 Вскочила на Слона.
 Слона потом вели на улицах казаться
 И на ногу с ноги сей куче подвизаться.
 Вы знаете, что зайца больше Слон,
 И не взойдет он жареный на блюдо,
 И ежели когда прохаживается он,
 Сбегаются народ смотреть на это чудо.
 Блоха моя,
 Народ увидя
 И на Слоне великолепно сидя,
 Гордяся, говорит: «О, коль почтенна я!
 Весь мир ко мне бежит, мир вид мой разбирает
 И с удивлением на образ мой взирает;
 Судьба моя, довольна я тобой:
 Я землю зрю далеко под собой,
 И все животное я вижу под ногами!»
 Блоха на небесах, Блоха равна с богами.
 И почала Блоха от радости скакать.
 Скача, с Слона упала,
 Пропала,
 И трудно новую богиню нам сыскать.

СПОРЩИЦА

Скажи, о Муза, мне, какой злой гнев жену
 Принудил объявить жестокою войну
 Противу своего возлюбленного мужа,
 И глупость может ли жене злой быти чужа!
 Муж будет побежден; сунбурищица, не трусь
 И сделай нам над мужем шутку.
 Поставили на стол большую утку.
 Жена сказала: «Это гусь».
 «Не гусь, да утка то», — муж держит это твердо.
 «О сатана! —
 Кричит жена, —
 На то ли я с тобой сопряжена?
 Вся злоба внутренна моя разожжена».
 Кричит без памяти, пылит немилосердо:
 «Коль ты ослеп, я шлюсь на вкус,
 Иль я тебе такой дам туз,
 Что ты задремлешь,
 Коль гуся моего за утку ты приемлешь!»
 Отведал муж: «Душа! сокровище! мой свет!
 Гусинова и запаха тут нет».
 «Бездельник, это гусь, я знаю это прямо».
 «Пожалуй, женушка, не спорь ты так упрямо.

Я шлюсь на всех людей, что утка то, не гусь.
 И в этом не запрусь».
 Но чем окончилась шутка?
 Жена ему дала туза
 И плюнула в глаза.
 Признался муж: на стол поставлен гусь, не утка.

ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
 Всего полезная молчать.
 С боярами как жить, потребно это ведать.
 У Льва был пир,
 Пришел весь мир
 Обедать.
 В покоях вонь у Льва:
 Квартера такова.
 А Львы живут не скудно;
 Так это чудно.
 Подобны в чистоте жилищ они чухнам
 Или посадским мужикам,
 Которые в торги умеренно вступили
 И откупами нас еще не облупили,
 И вместо портупей имеют кушаки,
 А кратче так: торговые мужики.
 Пришла вонь Волку к носу;
 Волк это объявил в беседе без допросу,
 Что запах худ.
 Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
 Худого запаха и не бывало тут;
 И смеют ли в такие толки
 Входить о Львовом доме Волки?»
 А чтобы бредить Волк напередки не дерзал,
 Немножечко он Волка потазал
 И для поправки наказал,
 А именно — на части растерзал.

Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».

Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут;
Нарциссов, роз и не бывало тут.

Напередки не сплетай ты лести,
А за такие вести
И за приязнь

Прими и ты достойну казнь».

Преставился Волчишка,
Преставилась Мартышка.

«Скажи, Лисица, ты,— хозяин вопрошал,—
Какой бы запах нам дышал?

Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».

Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег севодни нос».

МЫШЬ И СЛОН

Вели Слона, и отовсюду
Сбегаются народ.

Смеется Мышь: «Бегут, как будто к чуду;
Чего смотреть, когда какой идет урод?

Не думает ли кто, и я дивиться буду?

А он и чванится, как будто барин он.

Не кланяться ль тогда, когда тащится Слон?

Сама я спесь имею ту же
И знаю то, что я ничем его не хуже».

Она бы речь вела
И боле;

Да Кошка бросилась, не ведаю отколе,
И Мыши карачун дала.

Хоть Кошка ей ни слова не сказала,
А то, что Мышь — не Слон, ей ясно доказала.

ОВЦА

Был дождь; Овечушка обмокла, как лягушка:

Дрожит у ней тельцо и душка,

И шуба вся на ней дрожит;

Сушиться надлежит;

Овца к огню бежит.

Ах! лучше б ты, Овца, день целый продрожала

И от воды к огню, безумка, не бежала.

Спросила ль ты, куда дорога та лежала?

Какую прибыль ты нашла?

В поварню ты зашла.

То подлинно, что ты немного осушилась;

Да шубы ты лишилась.

К чему, читатель, сей рассказ?

Я целю вить не в бровь, я целю в самый глаз:

Зайди с челобитьем когда в приказ.

ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
 Сложу,
 И сказку
 Скажу.
 Невежи Жуки
 Вползли в науки
 И стали потоку Пчел делать обучать.
 Пчелам не век молчать,
 Что их дурачат;
 Великий шум во улье начат.
 Спустился к ним с Парнаса Аполлон,
 И Жуков он
 Всех выгнал вон,
 Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
 Они работают, а вы их труд ядите,
 Да вы же скарעדством и потоку вредите!»

СОВА И РИФМАЧ

Расхвасталась Сова,
 В ней вся от гордости и злобы кровь кипела,
 И вот ее слова:
 «Я перва изо птиц в сей роце песни пела,
 А ныне я за то пускаю тщетный стон;
 Попев, я выбита из этой роци вон:
 За сладко пение я бедство претерпела».
 Ответствовал Сове какой-то Стихоткач,
 Несмысленный Рифмач:
 «Сестрица! я себе такую ж часть наследил,
 Что первый в городе на рифмах я забредил».

КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака кошку съела,
 Собаку съел медведь,
 Медведя, зевом, лев принудил умереть,
 Сразити льва рука охотничья умела,
 Охотника ужалила змея,
 Змею загрызла кошка.
 Сия
 Вкруг около дорожка.
 А мысль моя,
 И видно нам неоднократно,
 Что все на свете коловратно.

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
 Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его,
 А служки были строги
 Для бедного сего.
 Не мог там пищею несчастливый ласкаться
 И жизни был не рад,

Оставил монастырь безногий сей солдат.
 Ног нет; пополз, и стал он по миру таскаться.
 Я дело самоепреважное имел,
 Желая, чтоб никто тогда не зашумел;
 Весь мозг, колико я его имею в теле,
     Был в этом деле,
     И голова была пуста.
 Солдат, ползя с пустым лукошком,
     Ворчал перед окошком:
 «Дай милостинку кто мне, для ради Христа,
     Подайте, ради бога:
 Я целый день не ел, и наступает ночь».
 Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
     Куда лежит тебе дорога;
 Давно тебе пора, безногий, умирать,
 Ползи, и не мешай мне в шахматы играть».
 Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
 Перед купеческой ворчал солдат женою.
     Я выглянул в окно,
     Мне стало то смешно,
     За что я сперва злился,
 И на безногого я, смотря, веселился.
 Идти ко всенощной была тогда пора.
 Купецкая жена была уже стара
     И очень богомольна;
     Была вдова и деньгами довольна:
 Она с покойником в подрядах клад нашла;
     Молиться пеша шла;
 Но не от бедности; да что, колико можно,
     Жила она набóжно:
 Все дни ей пятница была и среда,
 И мяса в десять лет не ела никогда,
 Дни с три уже она не напивалась водки,
     А сверх того, всегда
     Перебирала четки.
 Солдат и ей о пище докучал,
     И то ж ворчал.
 Защекотило ей его ворчанье в ухе,
 И жалок был солдат набóжный сей старухе,
 Прося, чтоб бедному полушку подала,
 Заплакала вдова и в церковь побрела.
 Работник целый день копал из ряды
     На огороде гряды,
 И, встретившись несчастному сему,
 Что выработал он, все отдал то ему.
 С ползущим воином работник сей свидетель,
 В каком презрении прямая добродетель.

ПОДЬЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ

    Не ложно,
     Что можно
 Себя по виду обмануть
 И тварью тварь почесть иною;

Случилось ныне то со мною,
 Не на прямой попал я путь.
 Кокетку видел я в подъяческой беседе,
 У регистратора быв в праздник на обеде;
 Я сам не ведаю, как я туда зашел,
 А то еще чудняй, кокетку тут нашел:
     Кокетствовать не в моде
     Подъяческой породе.
 И помнится, нигде того в указах нет,
     Чтоб им носить корнет;
 Лъзя им чепец носить, треух, а по приволью,
     И шапку иногда соболью:
 К уборам эдаким приказных женщин лоб:
 И можно им носить кумачну телогрею.
     От самых пят по шею;
 А на этой — корнет и флеровый салоп.
 По-благородному она всю речь варила,
 Новоманерными словами говорила;
 Казалось, что в ней была господска кровь.
 То фрукты у нее, что в подлости морковь;
 Тут, сидя, не пила ни кислых щей, ни квасу
 И спрашивала, где промыслить ананасу;
 Коврижки сахарной кусочки клала в рот
     И знала то, что это цуккерброт.
 По моде нынешней некстати все болтала.
     Некстати хохотала.
     Играть хотела и в трисет,
     Да троек нет;
 Подъячие из карт те карты выбирают,
 Понеже ни в трисет, ни в ломбер не играют.
 Нахлюставшись, писцы о взятках стали врать,
 И что-де подлежит за труд и кожу драть,
     Не только брать;
 За то ругают нас, да это нам издевка.
     При сих словах вздохнула девка
     Во всю девичью мочь
     И отошла, зардевшись, прочь.
     Она подъяческая дочь.
 Блаженной памяти ее родитель грешен,
     За взятки он повешен;
     До взяток был охоч
     И грабил день и ночь.
 Живот его остался весь на рынке;
 Однако деньги все остались ей в скринке.

БОЛВАН

Был выбран некто в боги;
 Имел он голову, имел он руки, ноги
     И стан;
 Лишь не было ума на полполушку,
 И деревянную имел он душку,
 Был идол, попросту, Болван.
 И зачали Болвану все молиться,

Слезами пред Болваном литься
 И в перси бить;
 Кричат: «Потщися нам, потщися пособить!»
 Всяк помощи великой чаёт.
 Болван того
 Не примечает.
 И ничего
 Не отвечает:
 Не слушает Болван речей ни от кого,
 Не смотрит, как жрецы мошны искусно слабят
 Перед его пришедших олтари,
 И деньги грабят
 Таким подобием, каким секретари
 В приказе,
 Под несмотрением несмысленных судей,
 Сбирают подати в карман себе с людей,
 Не помня, что о том написано в указе.
 Потратя множество и злата и серебра
 И не видав себе молебники добра,
 Престали кланяться уроду
 И бросили Болвана в воду,
 Сказав: «Не отвращал от нас ты зла,
 Не мог ко счастью ты нам пути отверзти!
 Не будет от тебя, как будто от козла,
 Ни молока, ни шерсти».

КОБЕЛЬ И СУКА

У Кобеля взяла для нужды Сука ларь.
 Просила так: «Пожалуй, государь,
 Пусти меня в него на время,
 Поколь мое пройдет беремья,
 А сам ты выйди вон».
 Не грубиян был он:
 Она брюхата —
 К ее услугам хата.
 Почтенье к дамам он имел,
 И как на свете жить, он это разумел.
 Благополучно тут на свет пошли щенятки,
 И ползают робятки;
 Пора квартиру покидать,
 Да просит и она, и сыновья, и дочки
 У Кобеля отсрочки.
 Учтивый кавалер отсрочку должен дать.
 Еще, еще, и так давно прошло беремья:
 Стоялице съезжать давно с квартиры время.
 Вздурили наконец отсрочкою его.
 «Ступайте,— говорит,— из дома моего».
 А Сука уж не так хозяйина встречает
 И напрямки ему: «Не выйду,— отвечает.—
 Поди ты прочь,
 А мне отсрочь
 И помни, позабыв пустые враки,
 Что стали уж мои щенки теперь собаки».

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Не верь бесчестного ты миру никогда
 И чти врагом себе злодея завсегда.
 С волками много лет в побранке овцы жили,
 С волками наконец
 Установлен мир вечный у овец.
 А овцы им собак закладом положили.
 Одной овце волк брат, той дядя, той отец;
 Владычествует век у них Астреи в поле,
 И сторожи овцам не надобны уж боле.
 Переменился нрав и волчье естество.
 А волки, дав овцам отраду,
 Текут ко стаду
 На мирно торжество.
 Не будет от волков овцам худых судьбинок.
 Хотя собак у стада нет;
 Однако римляне сабинок
 Уносят на подклет.
 Грабительски сердца наполнилися жолчью;
 Овечье стадо все пошло в поварню волчью.

ЗАЯЦ

Толкнул какой-то Льва рогами зверь:
 За то скотине всей рогатой
 Несчастие теперь
 И ссылка платой.
 В приказ
 Пришел о том указ.
 Готов осмотр, и высылка готова.
 Ступай, не говори ни слова,
 И понесите вон отсель тела,
 Рога и души.
 Великий Заяцу страх та ссылка навела:
 Рогами, мнит, почтут в приказе зайчьи уши.
 До Заяца тот указ ни в чем не надлежит;
 Однако он, как те подобно, прочь бежит.
 Страх Заяца побеждает;
 А Заяц рассуждает:
 «Подъячий лют,
 Подъячий плут;
 Подъяческие души
 Легко пожалуют в рога большие уши;
 А ежели судьи и суд
 Меня оправят,
 Так справки, выписки одни меня задавят».

ПРОТОКОЛ

Украл подъячий протокол;
 А я не лицемерю,
 Что этому не верю.
 Впадет ли в таковой раскол

Душа такого человека!
Подьячие того не делали в век века.
И может ли когда иметь подьячий страсть,
Чтоб стал он красть!
Нет, я не лицемерю,
Что этому не верю:
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да правда говорит гораздо красноречно:
Уверила меня, что было то, конечно.
У правды мало врак;
Не спорю, было так.
Судья того приказа
Был добрый человек,
Да лишь во весь он век
Не выучил ни одного указа.
Однако осудил за протокол
Подьячего на кол.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мне жалко только то: подьячий мой
Оттоль не принесет полушечки домой.
Подьячий несколько в лице переменялся,
И извинялся,
На милосердие судью маня,
И говорил: «Попутал черт меня».
Судья на то: «Так он теперь и оправдался.
Я, право, этого, мой друг, не дожидался.
За протокол
Его поймать и посадить на кол».
Однако ты, судья, хоть город весь изрыщешь,
Не скоро черта сыщешь;
Пожалуй, справок ты не умножай
Да этого на кол сажай.

СУД

Жил-был судья Мартышка,
И следственно, имел Мартышкин и умишка.
«Судья, дай толк,—
Сказал так Волк.—
Лисица заорала,
Украла
Овцы кусок
Без сожаленья
Из волкова именья;
Так дай ей сок».
Лисица не молчала
И отвечала:
«Клянусь тебе, судья,
Что отроду нигде не крала мяса я».
Прогневалася вся судейская утроба,
Кричит судья: «Вы лжете оба,
Лишь тем утруждена судейская особа.

Я с вами более не говорю.
Подите к моему секретарю;
В землянке он живет во срубe,
Берлогу он пасет
И лапу в ней сосет,
И летом и зимой в медвежьей ходит шубе».

КИСЕЛЬНИК

Гороховый кисель мужик носил
И конопляно масло;
Кисель носить его желание погасло,
Так это ремесло кисельник подкосил.
Маленек от него доход; ему потребно
Другое, и другим он начал торговать,
А именно: он начал воровать,
Такое ремесло гораздо хлебно.
Замаранная маслом тварь
Зашла в олтарь.
Не повинуясь ни богу, ни закону,
Украл из олтаря кисельник мой икону,
И другу своему он это говорил.
А тот его журил:
«Кафтана твоего не может бытьи гаже;
Ты весь от масла будто в саже;
Пристойно ль в олтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть,
И платьице почище я имею,
Да я из олтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты творца,
Отъемля у меня на Вышнего надежду:
Не смотрит бог на чистую одежду;
Взирает он на чистые сердца».

ДЕВКА

Вдруг девка на реке, мыв платье, зарыдала
И в тяжелой горести об этом рассуждала:
Как замужем родит иль сына, или дочь,
А что носила во утробе,
Увидит то во гробе...
Вообрази себе ты, девка, первую ночь!
Повеселяе девка стала
И вдруг захохотала.
Не плачь, не хохочи, дружочек мой,
Да платье мой!

ЛЕВ И КЛОП

Клоп дерзкий Льва кусал
И вместо яда вонь на Льва бросал.
Поиман Клоп; трепещет он от страха
И думает: «Не будет больше праха
На свете моего».

Однако Лев не раздавил его,
Сказав ему: «Клопы мной вечно не попрутся;
Ты ведай то, что львы с клопами не дерутся».

СТРЕКОЗА

В зимне время подаянья
Просит жалко Стрекоза,
И заплаканны глаза
Тяжкого ее страданья
Представляют вид.
Муравейник посещает,
Люту горестъ извещает,
Говорит:
«Стражду;
Сжался, сжался, Муравей,
Ты над бедностью моей,
Утоли мой алч и жажду!
Разны муки я терплю:
Голод,
Холод;
День таскаюсь, ночь не сплю».
«В чем трудилась ты в лето?»
«Я скажу тебе и это:
Я вспевала день и ночь».
«Коль такое ваше племя,
Так лети отсель ты прочь:
Поплясати время».

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу.
Однако для-ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основана сия над страшным куча адом,
Наполнена различным гадом,
Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека
Текли часы золотого века,
Когда еще наук премудрость не ввела,
И в свете истина без школ еще цвела;
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель;
И, словом, я скажу вот это на конец:
Реченны пастухи вчера пасли овец.
По всякий день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка.
И словом так:

Из паства сделали они себе кабак,—
     Во глотку,
 И в брюхо, и в бока,
 Наместо молока,
     Цедили водку,
 И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
 Кабачный нектар сей имеючи лекарством,
 А бешеную жизнь имел небесным царством.
     От водки голова болит;
     Но водка сердце веселит;
     Молочное питье не диво;
     Его хмельняй и пиво;
 Какое ж им питье и пить,
     Коль водки не купить!
 А деньги для чего иного им копить?
 В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
 И тварию их он презренною считал,
 Что низки так они, живут колико низко.
 Всегда он видел их, всегда и хохотал,
 Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
     Поймали пастухи Сатира
     И бьют сего
 Без милосердия невинна Демокрита.
 Не видит помощи Сатир ни от кого;
 Однако Пан пришел спасти Сатира бита;
 Сатира отнял он, и говорил им Пан:
 «За что поделали ему вы столько ран?
     Напредки меньше пейте;
 А что смеялся он, за то себя вы бейте.
     А ты вперед, мой друг,
 Ко наставлению не делай им услуг;
     Опасно наставленье строго,
     Где зверства и безумства много».

КОТ И МЫШИ

Был Кот и взятки брал.
 С мышей он кожи драл,
 Мышей гораздо мучил
 И столько им наскучил,
     Чиня всегда содом,
 Что жительство мышей, а именно тот дом,
     Казался жителям сим каторгою лютой;
     Свирепый тот
     Мучитель-Кот
 Десятка по два их щелкал одной минутой.
 Ненасытимый Кот и день и ночь алкал
 И целу армию мышей перещелкал.
 Вся помочь им от ног; однако худы танцы,
     В которых можно захромать,
 А может быть, еще и ноги изломать;
 Зарылись наконец они в подполье в шанцы,
     Чтоб Кот не мог их более замать,
     И ни одна оттоле не выходит;

Ни мышачья хвоста Кот больше не находит
 И тщетно разевает рот:
     Постится Кот;
     Прошли котовы хватки;
     Простите, взятки!
 Подъячий! знаешь ты,
 Как мучатся коты,
 Которы ничего содрать не могут боле,
 И сколько тяжело в такой страдани доле,
 Сыскал мой Кот себе подъяческий крючок:
 Умыслил дать мышам он новенький щелчок,
 И задними он гвоздь ногами охватил,
     А голову спустил,
 Как будто он за то, что грешен,
     Повешен,
 Являя, что мышам уже свободный путь;
 И льстится мой мышей подъячий обмануть.
 Не слышно более разбойникова шуму;
     Так мыши сделали в подкопе думу,
     Не отступил ли прочь герой,
 И из коллегии все выступили в строй;
     И, чтя Кота не за безделку,
     Выглядывают только в щелку.
     Увидели, что Кот их жив
     И лжив;
 Ушли назад, крича: «По-прежнему Кот бешен,
 По-прежнему с нас Кот стремится кожи драть
     И взятки брать,
     Хотя уж и повешен».

НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Порядок естества умеет бог уставить
 И в естестве себя великолепно славить.
 К Юпитеру принес крестьянин календарь
     И расписал подробно
 Ко хлебородию для года что способно:
     Когда потребен дождь, сушь, холод, жар.
     Он книжку ту подносит
     И просит,
 Чтоб было только то лишь ради нив его.
     Юпитер отвечал: «Я сам того
 Не сделаю, oprичь тебя, ни для кого;
     Я больше разума имею,
 И сделать календарь получше я умею;
 А ежели когда бывает он и худ,
 То — тайна естества, и праведен мой суд».
     Крестьянин этому не верит:
 «Вот так-то, — мыслит он, — Юпитер лицемерит.
 Когда бы в небесах между богов я жил,
 Совсем бы естество не так расположил:
 Всегда б была весна, всегда цвели бы розы,
     И не было б зимы;
     На что морозы?

И век бы не пахали мы;
Не молвил бы тогда прикащик: «Вы ленивы»,
И хлеб давали б нам несеяные нивы.
А это что за свет!
Весь год покою нет.
Рождались бы собой домашние потребности:
С горохом пироги, печены хлебы;
А я бы на печи нетопленной потел,
И гусь бы жареный на стол ко мне летел».
Настало, кончилось его желанно лето.
А сделалось вот это:
Не возвратились в деревню семена,
И с нив мужик пожал их только имена.

НАДУТЫЙ ГОРДОСТЬЮ ОСЕЛ

Осел вез дровни; в них стоит большой кумир;
Сбегаются весь мир;
Безумные народы,
Противу разума и чувства природы,
Зовут его владыкой и отцом
И господом-творцом;
На землю падая, во громогласном крике,
Творят моление вселенная владыке;
Никто и намекнуть того тогда не мог,
Что едет то не бог;
За это мудреца не палкой приударят:
Изжарят,
Кому захочется пропасть?
Мала у разума, у силы больше власть.
Кричат и мудрецы, не только протчи люди:
«О творче, милостив ко твари вечно буди!»
Присвоил тут Осел себе тот весь поклон,
И думает — бог он.
Кричит: «Я, я вселенной обладатель,
Земли и небеси создатель
И блага всякого податель».
Недолго был Осел в претяжской сей вине,
Ударили его дубиной по спине,
И глупому Ослу то ясно показали
И доказали,
Сломив дубиной гордый рог,
Что он — Осел, не бог.

ДВЕ КРЫСЫ

Сошлись на кабаке две Крысы
И почали орать,
Бурлацки песни петь и горло драть
Вокруг поставленной тут мисы,
В которую пиво льют
И из которой подчас и много пьют.
Осталось немного пива в мисе,
Досталось то пиво Крысе.

Довольно нектару одной, и мало — двум;
 Одна берет на ум:
 «Лишуся этой я забавы,
 Когда сестра моя пренебрежет уставы
 И выпьет нектар весь она
 Одна
 До дна;
 В приказах я бывала,
 И у подъячих я жила;
 Уставы знаю я».
 И говорила ей: «Голубушка моя!
 Ты кушай, радость, воду
 И почитай во мне, дружок, воеводу —
 Вить я его;
 А про хозяина, сестрица, твоего
 Не только слуха,
 Да нет и духа».
 И пиво выпила досуха,
 А мерою — с два брюха.
 Сестра ворчит и говорила так:
 «Такой беседой впредь не буду я ласкаться,
 И на кабак
 За воеводскими я крысами таскаться».

ВЫСОКОМЕРНАЯ МУХА

Лошак большое бремя нес,
 А именно, телегу вез.
 Грузна была телега.
 Хотя у Лошака и не велика нега;
 Однако он
 Не слон,
 И если взручено пуд тридцать, так потянет,
 Попрет и устанет.
 А Муха на возу бренчит
 И Лошаку: «Ступай,— кричит,—
 Ступай скоряй, ступай, иль я пустое мелю?
 Не довезешь меня ты эдак и в неделю
 Туда, куда я целю».
 Как будто тот Лошак для Мухи подряжен
 И для нее впряжен.
 Ярится Муха дюже,
 Хотя она боярыня мелка,
 И жестоко кричит на Лошака
 За то, что он везет телегу неуклюже.
 Раздулась барыня. Но есть и у людей
 Такие господа, которые, и туже
 Раздувшись, гоняют лошадей,
 Которы возят их и коих сами хуже.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

По мрачной ночи
 Приятно воспевал на древе Соловей;

Еще прекрасные тогда казались рои
 От песни сей.
 Робыта у дерев тут ветви отнимали,
 Деревья свежие ломали
 И песне Соловья нимало не внимали.
 Кукушка говорит: «Ты пой или не пой,
 Невнятен, Соловей, прохожим голос твой;
 Такая песенка приятна не бывала.
 А если я открою рот,
 Так пенье в рощах сих пойдет наоборот».
 Закуковала
 И вопит на суку.
 Робыта песню ту внимают
 И прутья не ломают,
 Да только лишь кричат за ней: «куку, куку».
 Кукушке подражать не трудно:
 Она поет не чудно.
 С пастушкой шел пастух,
 И стали зажимать от хорной песни слух.
 Потом и Соловей запел; они внимают,
 Увеселяя дух,
 А те опять себе деревья тут ломают.
 «Что? — спрашивал Кукушку Соловей,—
 Не лучше ль песенка твоя моей?»
 Достойной похвалы невежи не умалят,
 А то не похвала, когда невежи хвалят.

ПОРЧА ЯЗЫКА

Послушай басенки, Мотонис, ты моей;
 Смотри в подобии на истину ты в ней
 И отвращение имей
 От тех людей,
 Которые ругаются собою,
 Чему смеюся я с Козицким и с тобою.

 В дремучий вшедши лес,
 В чужих краях был Пес,
 И, сограждан своих поставив за невежей,
 Жил в волчьей он стране и во стране медвежьей.
 Не лаял больше Пес: медведем он ревел
 И волчьи песни пел.
 Пришед оттоль ко псам обратно,
 Отеческий язык некстати украшал:
 Медвежий рев и вой он волчий в лай мешал,
 И почал говорить собакам непонятно.
 Собаки говорили:
 «Не надобно твоих нам новеньких музык,
 Ты портишь ими наш язык»,—
 И стали грызть его и уморили.
 А я надгробие читал у Пса сего:
 «Вовек отеческим языком не гнушайся
 И не вводи в него
 Чужого ничего,

Но собственной своей красою украшайся».

ЧИНОЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ

*Известно то, что многим
Чины давно вошли в оброк четвероногим;
Калигулы коню великое давно
Достоинство дано;
Однако не одни лошадки
Имели таковы припадки,
Но многие скоты
Носили без плодов почетные цветы.
Взмурзилась и Свинья, чтоб ей повеличатся
И чином отличатся;
За чин-де более всего на свете чтут,
Так, точно главное достоинство все тут;
А без того была какая бы причина
Искать и добиваться чина?
Отказано Свинье; в ней кровь кипит:
Свинья свиньей храпит,
Свинья змеей шипит,
И от досады той не ест, не пьет, не спит.
О чем Свинья хлопочет!
Какой-то Философ то видит, и хохочет,
И говорит он ей: «Безумная Свинья!
Скажи, голубушка моя,
К чему названия Свинья пустого хочет?»
Она отвечает ему:
«К тому,
Чтоб было сказано когда о мне в банкете,
Как я войду в чины:
Превосходительной покушай ветчины».
Он ей отвечивал: «Коль нет меня на свете,
На что мне чин, душа?
Свинина же притом не чином хороша».*

КАЛИГУЛИНА ЛОШАДЬ

*Калигула, любовь к лошадушке храня,
Поставил консулом коня;
Безумну цесарю и смрадному маня,
Все чтут боярином сиятельна коня;
Превосходительством высоким титулуют;
Как папу в туфлю все лошадушку целуют;
В Сенате от коня и ржание и вонь.
По преставлении Калигулы сей конь,
Хотя высокого указом был он роду,
Не кажется уже патрицием народу,
И возит консул воду.
Невтон,
Не брав рецептами к почтению лекарства,
В почтеньи жил без барства,
В почтеньи умер он.*

СТРЯПЧИЙ

Какой-то человек ко стряпчему бежит:
Мне триста, говорит, рублей принадлежит,
Что делать надобно тяжбою, как он чаёт?
А стряпчий отвечает:
«Совет мой тот:
Поди и отнеси дьяку рублей пятьсот».

ЗАЯЦ И ЛЯГУШКИ

Испуган Заяц и дрожит,
И из кустарника к болоту он бежит.
Тревожатся Лягушки,
Едва остались в них душки,
И становятся в строй.
Великий, думают, явился им герой.
Трусливый Заяц их хотя не побеждает,
Однако досаждаёт:
«Я трус,
Однако без войны я дал Лягушкам туз».
Кто подлым родился, пред низкими гордится,
А пред высокими он, ползая, не рдится.

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется Ось телегой
И, не подмазанна, кричит.
А Бык, который то везет, везя — молчит.
Изображает Ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот,
А Бык — крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не вспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

ХВАСТУН

Шел некто городом, но града не был житель,
Из дальних был он стран,
И лгать ему талант привычкою был дан.
За ним его служитель,
Слуга наемный был, из города сего,
Не из отечества его.
Вещает господин ему вещанья новы
И говорит ему: «В моей земле коровы
Не менее слонов».
Слуга ему плетет и сам рассказен ков:
«Я чаю, пуда в три такой коровы вымя,
Слонихой лучше бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней один полпуда хвост.
А мы имеем мост,

К нему теперь подходим.
 По всякий день на нем диковинку находим.
 Когда взойдет на средину,
 Кто в оный день солжет, мост тотчас разойдется,
 Лишь только лжец найдется,
 А лжец падет во глубину».

Приезжий говорит: «Коровы-то с верблюда,
 А то бы очень был велик коровий хвост.
 Слоновьего звена не взрютишь на три блюда.
 А ты скажи еще, каков бишь ваш-ат мост?»

«А мост-ат наш таков, как я сказал, конечно».

«Такой имети мост,
 Мой друг, бесчеловечно.
 Коровы-то у нас
 Поболе, как у вас.
 А мост-ат ваш каков?» — «Сказал уже я это.
 У нас же и зимой рекам весна и лето:
 Нам
 Мосты всегда потребны по рекам...»

«Коровы-то и здесь такие ж, как и там;
 Мне только на́ этот час ложно показалось,
 А оттого-то все неловко и сказалось.
 А мост-ат ваш каков?»

«Как я сказал, таков».

Приезжий говорил: «Коль это без обману,
 Так я через реку у вас ходить не стану».

ПОРТНОЙ И МАРТЫШКА

Портной кроил,
 Мартышка это примечает
 И чаёт,
 Искусства своего Портной не утаил.
 Зачем-то он,
 Скроив, и то и то оставив, вышел вон.
 Мартышка ножницы Портного ухватила

И без него,
 Не зная ничего,
 Изрядно накутила,
 И мнила так она, что это ремесло
 От знания ея не уросло.
 Зверек сей был ремеслоборец:
 Портной — шит, а он — негодный рифмотворец.

ДЕРЕВЕНСКИЕ БАБЫ

Во всей деревне шум,
 Нельзя собрати дум,
 Мешается весь ум:
 Шумят сердиты бабы.
 Когда одна шумит,
 Так кажется тогда, что будто гром гремит.
 Известно, голоса сердитых баб не слабы.
 Льет баба злобу всю, сердитая, до дна,
 Несносно слышати, когда шумит одна.
 В деревне слышится везде Ксантипна древня,
 И зашумела вся от лютых баб деревня.
 Вселенную хотят потрясть.
 О чем они кричат? — Прискучилось им прясть,
 Со пряжей неразлучно
 В углу сидети скучно
 И в скуке завсегда за гребнем вздыхать.
 Хотят они пахать.
 Иль труд такой одним мужчинам только сроден?
 А в поле воздух чист, приятен и свободен.
 «Не нравно,— говорят,— всегда здесь быть:
 Сиди,
 Пряди
 И только на углы избы своей гляди.
 Пряди и муж, когда сей труд ему угоден».
 Мужья прядут,
 А бабы все пахать и сеяти идут.
 Бесплодны нивы, будто тины,
 И пляшет худо вертено.
 В сей год деревне не дано
 Ни хлеба, ни холстины.

ВОРОНА И ЛИСА

И птицы держатся людского ремесла.
 Ворона сыру кус когда-то унесла
 И на дуб села.
 Села,
 Да только лишь еще ни крошечки не ела.
 Увидела Лиса во рту у ней кусок,
 И думает она: «Я дам Вороне сок.
 Хотя туда не вспряну,
 Кусочек этот я достану,
 Дуб сколько ни высок».
 «Здорово,— говорит Лисица,—

Дружок Воронушка, названная сестрица!
 Прекрасная ты птица;
 Какие ноженьки, какой носок,
 И можно то сказать тебе без лицемерья,
 Что паче всех ты мер, мой светик, хороша;
 И Попугай ничто перед тобой, душа;
 Прекрасные сто крат твои павлиньих перья;
 Нелестны похвалы приятно нам терпеть.
 О, если бы еще умела ты и петь!
 Так не было б тебе подобной птицы в мире».

Ворона горлушко разинула пошире,
 Чтоб быти соловьем;
 «А сыру,— думает,— и после я поем:
 В сию минуту мне здесь дело не о пире».

Разинула уста
 И дождалась поста:
 Чуть видит лишь конец Лисицына хвоста.
 Хотела петь — не пела;
 Хотела есть — не ела;
 Причина та тому, что сыру больше нет:
 Сыр выпал из роту Лисице на обед.

ПИИТ И БОГАЧ

Богатый человек прославлен быть желал,
 Отличным тщася быть отечества в народе;
 Он сроду не служил и хочет быти в моде,
 И не трудясь ни в чем. Пиита звать послал
 И на него свою надежду славы клал:
 «Пожалуй, освяти мое ты имя в оде!»
 Но что воспеть Пииту об уроде?
 «Будь ты отличностей моих, Пиит, свидетель!
 Воспой, мой друг, воспой святую добродетель!»
 «Я петь ее готов.

Пристойных приберу к тому немало слов.
 Но как, дружочек мой, ее тогда прославлю,
 Когда твое я имя вставляю?
 Да я же никогда не хваливал ослов».

ГОРШКИ

Себя увеселять,
 Пошел гулять
 Со глиняным Горшком Горшок железный.
 Он был ему знаком, и друг ему любезный.
 В бока друг друга — стук:
 Лишь только слышен звук,
 И искры от Горшка железного блистались.
 А тот недолго мог идти,
 И более его нельзя уже найти,
 Лишь только на пути
 Едины черепки остались.
 Покорствуя своей судьбе,
 Имей сообщество ты с равными себе.

РЕМЕСЛЕННИК И КУПЕЦ

Был некий человек не от больших ремесел,
 Варил он мыло, был ежеминутно весел,
     Был весел без бесед,
 А у него богач посадский был сосед.
     Посадский торгу служит
     И непрестанно тужит,
 Имеет новый он на всякий день удар:
     Иль с рук нейдет товар,
     Иль он медлеет,
     Или во кладовых он тлеет,—
     Посадский день и ночь болеет
 И всяку о себе минуту сожалеет.
 К соседу он принес на именины дар,
 И дал ему пятьсот рублей посадский златом.
 Во состоянии ремесленник богатом
 Уж песен не поет, да золото хранит,
 И золото одно в ушах его звенит;
     Не спит, как спал он прежде,
 Ко пропитанию нимало быв в надежде.
     И может ли быть сон,
 Когда о золоте едином мыслит он?
 Одно его оно лишь только утешает
     И есть и пить ему мешает
     И песни петь.
 Сей жизни мыловар не может уж терпеть,
 И как ему житье то стало неприятно,
 К посадскому отнес он золото обратно.

ПРОСЬБА МУХИ

    Старуха
     И горда Муха
 Насытить не могла себе довольно брюха,
 И самого она была гордейша духа.
     Дух гордый к наглости всегда готов.
 Взлетела на Олимп и просит там богов;
     Туда она взлетела с сыном,
 Дабы переменить ее мушонка чином,
 В котором бы ему побольше был доход.
     Кот
     В год
 Прибытка верного не меньше воевод
     Кладет себе на счет.
 «Пожалуйте котом вы, боги, мне мушонка,
 Чтоб полною всегда была его мошонка».
 На смех
 Прошением она богов тронула всех;
 Пожалован. Уже и зубы он готовит,
     И стал коток
     Жесток,
 И вместо он мышей в дому стал кур ловить:
 Хотел он, видно, весь курятник истребить

И кур перегубить;
Велели за это коту убить.
Смерть больше всякия на свете сем прорухи:
Не должны никогда котами быти мухи,
Ниже вовек
Каким начальником быть подлый человек.

МЫШЬ МЕДВЕДЕМ

Хранити разума всегда потребно зрелость,
И состояния блюсти не вредно целость;
Имей умеренность, держи в узде ты смелость;
Нас наглости во бедства мчат.
Пожалована Мышь богами во Медведи;
Дивятся все тому — родня, друзья, соседи,
И мнится, что о том и камни не молчат;
Казалось, о том леса, луга кричат.
Крапива стала выше дуба;
На голой Мыши шуба,
И из курячей слепоты
Хороши вылились цветы.
Когда из низости высоко кто воспрянет,
Конечно, он гордиться станет,
Наполнен суеты,
И мнит: «Как я еще тварь подлая бывала,
И в те дни я в домах господских поживала,
Хоть бегала дрожь,
А ныне я большая госпожа,
И будут там мои надежно целы кости:
На пир пойду к боярину я в гости».
Пришла на двор;
Собаки все кричат: «Вошел в ворота вор,
Разбойник, кровопийца,
Грабитель и убийца».
Трухнул Медведь
И стал робеть.
Однако поздно.
Настало время грозно.
Хозяин говорит: «Попотчевать пора
Нам гостя дорогого;
Дождемся ли когда Медведя мы другого?
Да лишь без пошрины не спустим со двора».
И тут рогатиной его пощекотили,
Дубиною поколотили
И кости у него, как рожь, измолотили.

БЛОХА

Блоха, подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поносит,
На воеводство просит:
«Достойна я, кричит, во мне все барска кровь».
Ответствовано ей: «На что там барска слава?
Потребен барский ум и барская расправа».

КОРШУН В ПАВЛИНЫХ ПЕРЬЯХ

Когда-то убрался в павлинья Коршун перья
И признан ото всех без лицемерья,
    Что он Павлин.
Крестьянин стал великий господин
И озирается гораздо строго,
Как будто важности в мозгу его премного.
Павлин мой чванится, и думает Павлин,
    Что эдакий великий господин
    На свете он один.
И туловище все, все гордостью жерéбо,
Не только хвост его; и смотрит только в небо.
    В чести мужик гордится завсегда,
И ежели его с боярами сверстают,
Так он без гордости не взглянет никогда;
С чинами дурости душ подлых возрастают.
Рассмотрен наконец богатый господин,
Ощипан он, и стал ни Коршун, ни Павлин.
Кто Коршун, я лишен такой большой догадки,
    Павлиньи перья — взятки.

ДВА РАКА

Рак Раку говорил: «Куда ты, Рак,
    Какой дурак!
Ты ни шага пройти порядком не умеешь.
    Кто ходит так?
    Иль ног ты не имеешь?»
Покажется, один из них был забияка,
    Другой был трус,
    А то бы стала драка;
Однако не хочу в трусах оставить Рака.
    И тот подымет ус:
    «Походкою иною,—
Сказал ему,— пройди ты сам передо мною».

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк ел — не знаю что — и костью подавился,
Метался от тоски, и чуть он не вздурился.
Увидел Журавля и слезно стал просить,
Чтоб он потщился в том ему помощник быть,
И всю он на него надежду полагает.
Журавль свой долгий нос в гортань ему пускает
И вынимает кость. Потом он просит мзды,
Что он от таковой спас злой его беды.
«Довольствуйся ты тем,— зверь хищный отвечает,—
Что Волк тебя в таком здоровье оставляет,
Какое до сея услуги ты имел,
И радуйся тому, что нос остался цел».

Тот права честности немало собирает,
Кто людям никогда худым не помогает.

МУЖИК С КОТОМОЙ

Без разбору ты ври про чужие дела,
Та работа не так, как твоя, тяжела.
Нет, не дивно нисколько и мне, как тебе,
Что милая на свете всего ты себе.
Да чужого труда ты не тщишь умалять,
И чего ты не знаешь, не тщишь похулять.
Если спросишь меня,
Я скажу, не маня,
Что честной человек
Этой гнусности сделать не может вовек.
Посмотри
И держи то в уме:
Нес Мужик пуда три
На продажу свинцу в небольшой котоме,
Нагибается он, да нельзя и не так:
Ведь не грош на вино он несет на кабак.
Мир ругается, видя, что гнется Мужик;
Свинценосца не кажется труд им велик.
Им Мужик отвечал:
«Труд мой кажется мал.
Только бог это весть,
Что в котомишке есть
Да известно тому,
Кто несет котому».

ТЯЖЕЛЫЙ КОМАР

Комар не глуп,
Увидел дуб,
Уселся тамо,
И говорит он так: «Я знаю это прямо,
Что здесь меня стрелок,
Конечно, не достанет;
Мой дуб высок,
И дробь сюда не вспрянет;
В поварню он меня, ей-ей, не отнесет
И крови из меня никто не сососет;
Сей дуб меня спасет».
А в те часы восстала буря,
Озлился воздух весь, глаза, сердясь, нахмуря,
Весь лес трясет,
А дуба ведь никто, конечно, не нагнет.
Комар поет, а ветер ревет
И дуб сей рвет.
Высокий этот дуб от ветра повалился;
Уж дуба больше нет.
Комар сказал: «Ах, я тебя отяготил,
А то б тебе злой ветер беды не накутил;
И от меня, увы! пришла его кончина.
Ах, я твоей, ах! я напастей сей причина».

ПАХАРЬ И ОБЕЗЬЯНА

Мужик своим трудом на свете жить родился.
Мужик пахал, потел, мужик трудился,
И от труда
Он ждет себе плода.
Прохожий похвалил работника с дороги.
То слыша, подняла и Обезьяна ноги
И хочет похвалы трудами испросить,
От любочестия и в ней разжегся пламень.
Взяла великой камень
И стала камень сей переносить
На место с места.
А камень не пирог, и сделан не из теста;
Так ежели когда носить его хотеть,
Конечно, надлежит, нося его, потеть.
Потеет и трудится.
Другой прохожий шел,
В труде ее нашел
И говорит: «На что толикой труд годится?
Безумцы никогда покоя не хранят».
«Вперед не заманят
К трудам меня»,— она болтала,
Свой камень бросила, трудиться перестала
И жестоко роптала:
«За что хвала другим, за то меня бранят».

ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ

С лягушками войну, злясь, мыши начинали —
За что?
И сами воины того не знали;
Когда ж не знал никто
И мне безвестно то,
То знали только в мире,
У коих бороды пошире.
Затворник был у них и жил в голландском сыре:
Ничто из светского ему на ум нейдет;
Оставил навсегда он роскоши и свет.
Пришли к нему две мышки
И просят, ежели какие есть излишки
В имени его,
Чтоб подал им хотя немного из того,
И говорили: «Мы готовимся ко брани».
Он им отвечивал, поднявши к сердцу длани:
«Мне дела нет ни до чего,
Какие от меня, друзья, вы ждете дани?»
И как он то проговорил,
Вздыхнул и двери затворил.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Лисица взлезть
На виноград хотела,
Хотелось ягод ей поесть;

Полезла, попотела.
 Хоть люб кусок,
 Да виноград высок,
 И не к ее на нем плоды созрели доле,
 Пришло оставить ей закуски поневоле.
 Как добычи Лисица не нашла,
 Пошла,
 Яряся злобно,
 Что ягод было ей покушать неудобно.
 «Какой,— ворчала,— то невкусный виноград,
 До самых не созрел таких он поздних чисел;
 Хорош на взгляд,
 Да кисел».
 Довольно таковых
 Лисиц на свете,
 И гордости у них
 Такой в ответе.

ВОЛК, СТАВШИЙ ПАСТУХОМ

Когда приятным сном пастух в лугах умолк
 И овцы спали,
 А караульщики уж больше не брехали,
 Пришел для добычи голодный к стаду Волк.
 «Способен случай мне»,— подкравшись, Волк мыслит,
 Десятка полтора овец своими числит.
 Не силу он, обман
 Употребляет:
 Аркасов он кафтан
 И шляпу надевает,
 И подпирается он посохом его,
 Мнит, волчьего на нем нет больше ничего.
 Изрядный молодец в пастушьем Волк наряде!
 А если б грамоте он знал,
 Конечно бы, на шляпе подписал:
 «Аркас мне имя, я пастух при этом стаде».
 К Аркасу схожим быть,
 Чего еще тогда ему не доставало? —
 Чтоб голосом его немного повопить.
 Лишь только закричал — всё дело явно стало!
 Перетревожил всех противный стаду слух;
 Все овцы заблеяли,
 Собаки лаять стали,
 Проснулся и пастух.
 Кафтаном лицемер окутан. Как спастись?
 Не мог бежать, ни защищаться.

МЫШЬ ГОРОДСКАЯ И МЫШЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ

Пошла из города Мышь в красный день промяться
 И с сродницей своей в деревне повидаться.
 Та Мышь во весь свой век всё в закроме жила
 И в городе еще ни разу не была.
 Как стали ужинать, Мышь градска говорила,

Какая тамо жизнь, и очень то хвалила:
 «Ты ешь простой здесь хлеб, а я там сахар ем;
 Что ради там господ, и я питаюсь тем».
 — «Про сахар много раз, сестрица, я слыхала,
 Однако я его и сроду не едала,—
 Та говорила ей.— Попотчивай меня».
 А та, сим лакомством сестру свою взманя,
 Ответствовала ей: «Коль хочешь то отведать,
 Так завтра ты ко мне пожалуй отобедать».
 И сделалось так. Тут сахар, сыр, мясá,—
 Такого гостья ввек не видела часа.
 Но как их повара за кушаньем застали,
 С какою трусостью они от них бежали!
 И только лишь ушли — ан Кошка им в глаза!
 Ужаснее еще и первыя гроза.
 Ушли и от тоя, и тут была удача.
 Но гостья у сестры домой просилась, плача:
 «Пожалуй, поскорей, сестрица, отпусти.
 Ешь сахар ты одна, и с городом прости.
 Я сладких еств таких вовек не позабуду,
 А впредь, доколь жива, на твой обед не буду».

СТАРИК СО СВОИМ СЫНОМ И ОСЕЛ

Один то так, другой то инако зовет:
 На свете разны нравы,
 На свете разны правы,
 Но все ли то ловить, рекою что плывет?
 Кто хочет,
 Пускай хлопочет,
 Пускай хохочет,—
 Хула не яд,
 А без вины никто не попадетя в ад.
 Хулитель ко всему найдет себе привязку,
 Я к этому скажу старинную вам сказку.
 Ни года, месяца не помню, ни числа,
 Как вел мужик дорогою осла.
 С крестьянином был сын, мальчишка лет десятка;
 Но то одна догадка:
 Я в зубы не смотрел, да я ж не коновал,
 И отроду в такой я школе не бывал.
 Мужик был стар и с бороною.
 С какой? С седою.
 Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
 Как будто дураку,
 И говорил: «Идут пешками,
 А есть у них осел; ослы вы, видно, сами».
 Не празден стал осел.
 Крестьянин на него полез и сел.
 Без шпор крестьянин был, толкал осла пятами.
 Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
 Как будто дураку,
 И говорил: «Конечно, брат, ты шумен
 Или безумен».

Сам едешь ты верхом,
 А мальчика с собой волочишь ты пешком».

Мужик с осла спустился,
 А мальчик на осла и так и сяк,
 Не знаю как,
 Вскарабкался, взмогился.

Прохожий, встретившись, смеялся мужику.
 Как будто дураку,
 И говорил: «На глупость это схоже.
 Мальчишка помоложе,
 Так лучше он бы шел, когда б ты был умен,
 А ты бы ехал, старый хрен».

Мужик осла еще навьютил,
 И на него себя, и с бородою, взрютил;
 А парень-таки там.
 «Не будет уж теперь никто смеяться нам»,—
 Ворчал мужик, предведав то сердечно.

Конечно,
 Я мышлю так и сам,
 Никто смеяться уж не станет;
 Известно то давно, что сердце не обманет.

Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
 Как будто дураку,
 И говорил: «Старик и в грех не ставит,
 Что так осла он давит,
 А скоро седока и третьего прибавит».

Удачи нет: никто не хочет похвалить.
 Не лучше ль на себя, мужик, осла взвалить?

ГОРА В РОДАХ

Ужасная Гора на сносях уж была:
 Не басней басня та, историей слыла.
 Неправильным дела народ аршином мерит.
 Что хочешь, то скажи,
 Ничем не докажи —
 Все му народ поверит.

Не всяк
 Дурак,
 Однако многие не видят ясно врак.
 Обманщик — вякай,
 Безумец — такай,
 Что хочешь, то набрякай,
 В поход

Весь ломится народ;
 Уставились все смотреть туда, откуда
 Из матери ийти лежит дорога чуда.
 Все бредит, мучится, кричит, ревет Гора:
 Родить пора.

Рабята говорят: «Страшней того не ведя;
 Слона
 Или медведя
 Родит она».

А люди в возрасте, наполнены обманом,

Поздравить чаяли родильницу с Титаном.
Но что родилось бишь?
Мышь.

ШУБНИК

На денежки оскалив зубы,
На откуп некто взял народу делать шубы.
Сломился дуб:
Скончался откупщик, и шуб
Не делает он боле.
Так шубы брать отколе?
А шубников уж нет, и это ремесло
Крапивою заросло.
Такую откупом то пользу принесло.

ЛИСИЦА И ТЕРНОВНЫЙ КУСТ

Стоял Терновный куст.
Лиса мошейничать обькла.
И в плутни вникла:
Науку воровства всю знает наизусть.
Как сын собачий
Науку о крючках,
А попросту — бессовестный подьячий.
Лисице ягоды прелестны на сучках,
И делает она в терновник лапой хватки,
Подобно как писец примается за взятки.
Терновный куст
Как ягодой, так шильем густ,
И колется; Лиса ярится,
Что промысел ее без добычи варится.
Лисица говорит Терновнику: «Злодей!
Все лапы исколол во злобе ты своей».
Терновник отвечал: «Бранись, как ты изволишь.
Не я тебя колю — сама себя ты колешь».
Читатель! знаешь ли, к чему мои слова?
Каков Терновный куст, сатира такова.

ОСЕЛ ВО ЛЬВОВОЙ КОЖЕ

Осел, одетый в кожу львову,
Надев обнову,
Гордится стал
И, будто Геркулес, под оною блистал.
Да как сокровищи такие собирают?
Мне сказано: и львы, как кошки, умирают.
И кожи с них сдирают.
Когда преставится свирепый лев,
Не страшен левий зев
И гнев;
А против смерти нет на свете обороны.
Лишь только не такой по смерти львам обряд:
Нас черви, как умрем, едят,

А львов едят вороны.
 Каков стал горд Осел, на что о том болтать?
 Легохонько то можно испытать,
     Когда мы взглянем
         На мужика,
     И почитати станем
     Мы в нем откупщика,
 Который продавал подовые на рынке
     Или у кабака,
         И после в скрынке
 Богатства у него великая река,
 Или ясней сказать, и Волга и Ока,
     Который всем теснит бока
     И плавает, как муха в крынке,
     В пространном море молока;
 Или когда в чести увидишь дурака,
     Или в чину урода
     Из сама подла рода,
 Которого пахать произвела природа.
     Ворчал,
     Мычал,
     Кричал,
         На всех сердился,—
 Великий Александр толико не гордился.
     Таков стал наш Осел.
 Казалось ему, что он судьёю сел.
     Пошли поклоны, лести
 И об Осле везде похвальны вести;
     Разнесся страх,
 И все перед Ослом земной лишь только прах;
     Недели в две поклоны
     Перед Ослом
 Не стали тысячи, да стали миллионы
     Числом.
 А все издалека поклоны те творятся:
 Прогневавшие льва не скоро помирятся,
     Так долг твердит уму —
     Не подходи к нему.
 Лисица говорит: «Хоть лев и дюж детина,
 Однако ведь и он такая же скотина,
 Так можно подойти и милости искать;
 А я то ведаю, как надобно ласкать».
     Пришла и милости просила,
 До самых до небес тварь подлу возносила.
 Но вдруг увидела, все лести те пропев,
     Что то Осел, не лев.
     Лисица зароптала,
 Что вместо льва Осла всем сердцем почитала.

ЛИСИЦА И СТАТУЯ

К Елизавете Васильевне Херасковой

Я ведаю, что ты парнасским духом дышишь,
     Стихи ты пишешь.
 Не возложил никто на женский разум уз;

Чтоб дамам не писать, в котором то законе?
 Минерва — женищина, и вся беседа муз
 Не пола мужеска на Геликоне.
 Пиши! Не будешь тем ты меньше хороша:
 В прекрасной быть должна прекрасна и душа.

А я скажу то смело,
 Что самое прекраснейшее тело
 Без разума — посредственное дело.
 Послушай, что тебе я ныне донесу
 Про Лису.

В каком-то Статую нашла она лесу;
 Венера то была работы Праксителя.
 С полпуда говорит Лисица слов ей, меля.
 «Промолви, кумушка», — Лисица ей ворчит,
 А кумушка молчит.

Пошла Лисица прочь, и говорит Лисица:
 «Прости, прекрасная девица,
 В которой нет ни капельки ума;
 Прости, прекрасная и глупая кума».
 А то ты ведаешь, Хераскова, сама,
 Что кум таких довольно мы имеем,
 Хотя мы дур и дураков не сеем.

ЗМЕЯ И ПИЛА

Не устремляйтесь того критиковать.
 Кого немножечко трудненько подковать:
 Все ваши сборы
 И наплетенны вздоры
 Не сделают ему малейшего вреда,
 А вам наделают примножество стыда.
 Змея нашла Пилу, зверок ее то взгляду;
 Змея не думает усердно ни о ком
 И не скупится тратить яду —
 Грызет Пилу и лижет языком.

Что больше вокруг Пилы она, яряся, вьется,
И, проливая кровь потоком из себя,
        Пилу губя,
Кровь собенну за кровь чужую почитает
        И кровью тает.
        Пилу пилит,
        Язык болит,
        Истрескались губы.
Увидела Змея, переломавши зубы,
        Что тронута она была,
        А не Пила.

ФЕБ И БОРЕЙ

С Бореем был у Феба разговор,
        Иль паче спор,
        Кто больше сил из них имеет
        И больше властвовать умеет.
Проезжий на коне — холодноват был час —
Накинул епанчу проезжий. Крышка греет,
        И есть у нас
        Указ,
        Во время холода теплей прикрыться
И никогда пред стужей не бодриться:
        Ее не победишь,
        Себе лишь только повредишь.
«Противу холода невозможно умудриться,—
Сказал Борей.— Смотри, с проезжего хочу
        Я сдернуть епанчу,
И лишек на седле я в когти ухвачу».
А Солнце говорит: «Во тщетной ты надежде.
        А если я хочу,
        Так эту епанчу
        Сниму я прежде.
Однако потрудися ты
И сделай истину из бреда и мечты».
        Борей мой дует,
        Борей мой плюет,
И сильно под бока проезжего он сует;
        Борей орет,
        И в когти епанчу берет,
        И с плеч ее дерет.
        Толчки проезжий чует
        И в нос, и в рыло, и в бока;
Однако епанча гораздо жестока —
        Хлопочет
        И с плеч идти не хочет.
        Устал Борей
        И поклонился ей!
        Вдруг солнце воссияло,
И естество другой порядок восприяло:
        Нигде не видно туч,
        Везде золотой играет луч;
        Куда ни возведешь ты взоры,

Ликуют реки, лес, луга, поля и горы.
Проезжий епанчу долой с себя сложил,
И, сняв, о епанче проезжий не тужил.
Репейник хуже райска крина.
О чем я в притче сей, читатель, говорю?
Щедрота лютости потребнее царю:
Борей — Калигула, а Феб — Екатерина.

СОБАКА И ВОР

Старый обычай и давняя мода —
Были б ворота всегда на крепях;
В доме всегда у приказного рода
Пес на часах у ворот на цепи.
Дворник, забывшись, не запер калитки,
Следственно, можно втереться во двор;
В вымыслах мудрые острые и прытки,
Входит мудрец тут, а именно — вор.
Ластится, ластится льстец ко собаке,
Бросив ей жирного мяса кусок.
Пес, рассердясь, закричал, будто в драке:
«Рвется напрасно нахал, а не впрок.
Вор подкупити меня предпримает,
Хочешь прибраться ты к нашим крохам;
Верна подарками пса не сломаешь,
Я не повинен приказным грехам.
Знаю сего я приветства причину;
Взавтре, пожалуй, да в день, а не в ночь,
Мясо снеси моему господину,
Он до подарков поболее охоч».

КОМАР

Какой-то негде шел обоз,
Клячонка на гору тянулась,
Везла она тяжелый воз
И стала, больше не тронулась.

Сердясь, как будто на жену,
Лишь только больше погоняет,
Кричит извозчик: «Ну, ну, ну!» —
И кляче палкой лень пеняет.

Ни с места конь; гора трудна,
Трудней извозчикова клика,
А кляча воз везет одна,
Поклажа на возу велика.

Внутри у клячи адский жар,
А на спине морская пена,
А на возу сидит Комар
И мнит: «Горчай я кляче хрена».

Вся тягость, мыслит, от него —

У Комара ведь есть догадка;
Сскочил он для ради того
И говорит: «Ступай, лошадка».

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб Трости говорил: «Конечно, Трость,
Тебе долгонько рость,
Быть равной крепости и вышины со мною.
Какою ты виною
Прогневала богов — и столько ты слаба?
Боярин я, а ты — раба.
Пускай ветер сильный стонет,
Пускай ревет и воеет он,
Мне столько ж, как Зефир, ужасен Аквилон,
И не погнет меня. А ты, лишь только тронет
Зефир поверхность вод,
Нагнешься до земли; когда ж разинет рот
Ветр сильный на тебя, лишь губы он посунет
И хоть немножко дунет —
Падешь и ляжешь ты.
Ты образ слабости, ты образ суеты
И вид несовершенства;
Я — образ крепости, вид вышнего блаженства».
Восстала буря; треск
И блеск
На горизонте,
И треволение в пространном понте;
Внимают ветра крик
Дуброва и тростник.
Ветр бурный с лютым гневом
Дышит отверстым зевом,
Яряся, мчится с ревом
Сразиться с гордым древом;
Через тростник летит
И весь тростник мутит.
Трость пала.
Так сила ветрова на воздухе пропала,
А он на гордый Дуб жестокость устремил.
Дуб силен; но того сил ветра не имеет,
А гнуться не умеет;
Ударил ветер и Дуб тотчас переломил.
Крепчайша сила древо сишла,
Дуб пал — и Дуб погиб, спесь пала — и погибла.

ГОЛОВА И ЧЛЕНЫ

Член члену в обществе помога,
А общий труд ко счастью дорога.
Послушайте, какой был некогда совет!
Сказала Голова Желудку: «Ты, мой свет,
Изрядно работаешь:
Мы мучимся, а ты глотаешь.
Что мы ни накопим, стремишься ты прибрать,

И наши добычи стараешься сожрать.
 Какой боярин ты, чтоб мы тебе служили?»
 Все члены, весь совет Желудку извещал:
 «Мы твердо положили,
 Чтоб так, как ты живешь, и мы спокойно жили».
 Но что последует? Желудок истощал
 И в гроб пошел. А при его особе,
 Увянув купно с ним, подобно как трава,
 Все члены и сама безмозгла Голова
 Покоятся во гробе.

СВЕЧА

В великом польза, польза в малом,
 И все потребно, что ни есть;
 Но разна польза, разна честь:
 Солдат, не можешь ты равняться с генералом.
 Свеча имела разговор,
 Иль паче спор.
 С кем? С Солнцем: что она толико ж белокура
 И столько ж горяча.
 О дерзкая Свеча!
 Великая ты дура.
 И Солнцу говорит: «Светло ты в день,
 А я светла в ночную тень».
 Гораздо менее в тебе, безумка, жиру,
 И менее в тебе гораздо красоты;
 Избушке светишь ты,
 А Солнце светит миру.

ПРОТИВУЕСТЕСТВЕННИК

Был некой человек;
 Такого не было враля под небесами,
 И чудесами
 Наполнил век.
 Язлялися ему гораздо часто черти.
 Противестественник, как мы, подвержен смерти.
 О, лютая печаль!
 Скончался враль:
 Ходил купаться,
 Воды излишно почерпнул,
 Хлебнул,
 Стал пьян, заснул,
 Не мог проспаться.
 То сведала жена
 И вверх реки за мужем рыщет,
 Повыше, где тонул, утопша мужа ищет,
 И говорит она:
 «Противу естества ему казались черти;
 Река его несет, конечно, вверх по смерти».

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Кто притчи презирает
 И пользы в них не зрит,
 И ничего из них себе не избирает,
 О людях таковых Федр это говорит.
 Петух нашел Зерно жемчужно;
 Оно ему не нужно.
 Куда его девать?
 На шею он его не хочет надевать.
 Невеже Федр ума не умножает.
 Невежа — ум, петух — жемчуг уничтожает.

ОСЛОВА КОЖА

Был Осел, и всякий день
 От хозяев был он бит; часто погоняли
 Под беременем; за лень
 Всякий час они ему палкою пеняли.
 Умер сей несчастный зверь;
 Окончал он бедну жизнь и труды несносны;
 Успокоился теперь.
 Но хозяева ему и по смерти злостны;
 И, не помня прежних ран,
 Как бивали по спине, в голову и в рожу,
 Продали на барабан
 Доброго работника за работу кожу.
 Пересекся век вотще,
 Чтоб избавиться Ослу палок и убоя;
 И по смерти бьют еще
 Часто палками его посреди покоя.
 Отлучася суеты,
 Если б чувствовал ты боль, в злой бы ввек был доле
 Преблагополучен ты,
 Что не чувствуешь, Осел, ты побоев боле.
 Всех минется тварей век:
 Что родится, то живот смертью заключает;
 Будь доволен, человек,
 Что твои, конечно, смерть суеты скончает.

ОБЕЗЬЯНА-СТИХОТВОРЕЦ

Пришла Кастильских вод напитокя Обезьяна,
 Которые она Кастильскими звала,
 И мыслила, сих вод напившись допьяна,
 Что вместо Греции в Испании была.
 И стала петь, Гомера подражая,
 Величество своей души изображая.
 Но как ей петь!
 Высоки мысли ей удобно ли иметь?
 К делам, которые она тогда гласила,
 Мала сей твари сила.
 Нет мыслей — за слова приняться надлежит.
 Вселенная дрожит,
 Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
 Гиганты холмиков на небо мечут кучи,

Горам дает она толчки.
 Зевес надел очки
 И ноздри раздувает,
 Зря пухлого певца,
 И хочет истребить нещадно, до конца,
 Пустых речей творца,
 Который дерзостно героев воспевает.
 Однако рассмотрев, что то не человек,
 Но Обезьяна горделива,
 Смеясь говорил: «Не мнил во весь я век
 Сему подобного сыскать на свете дива».

ОСЛИЦА И КОБЫЛА

Себя лъзя логикой и физикой ласкать,
 И математикой, чтоб истину сыскать;
 А инако не можно,
 И заключение, конечно, будет ложно.
 Четвертый способ был доньше прежде кнут,
 Кто добрый человек, узнать, или кто плут.
 Лишь только трудно,
 Когда не врать,
 О вкусе во вещах нам ясно разобрать.
 А это чудно:
 Ведь истина и тамо есть,
 Хотя и нелегко там истину обрести.
 Кобыла
 Осла любила.
 Какой к ослицу жар!
 Ослице сух, и дряхл, и стар,
 Изморщен, жиловат и мерзок,
 Кричат ослиным зыком дерзок,
 И недостойн был
 Не только он кобыл,
 Но ни болотныя лягушки,
 Не стоя ни полушки.
 Спросили у нея,
 Такого скареда с чего любить ей сродно
 И что в нем ей угодно?
 Она ответствует на то: «В нем я
 Всё вижу, что прельстить удобно нежны души:
 Большие уши
 И с фальбалою лоб,
 Кабаньи зубы
 И сини губы,
 А паче, что Кащей мой пахнет будто клоп».

Читатель! чем гадка скотина, коя чахнет,
 И роза чем клопа гораздо лучше пахнет?

АРАП

Чье сердце злобно,
 Того ничем исправить не удобно;
 Нравоучением его не претворю:

Злодей, сатиру чтя, злодействие сугубит.
 Дурная бабушка ведь зеркала не любит.
 Козицкий! Правду ли я это говорю?
 Нельзя во злой душе злодействия убавить.
 И так же критика несмысленным писцам
     Толико нравится, как волк овцам;
 Неможно автора безумного исправить;
 Безумные чтецы им сверх того покров,
     А авторство — неисходимый ров:
 Так лучше б авторов несмысленных оставить.
 Злодеи тщатся пусть на свете сем шалить,
 А авторы себя мечтою веселить.
 Был некто в бане муть искусен и проворен;
 Арапа сутки мыл — арап остался черен;
 В другой день баник тот арапа поволок
     На полок:
     Арапа жарит,
     А по-крестьянски-то — арапа парит
 И черноту с него старается стереть.
     Арап мой преет,
     Арап потеет,
     И кожа на арапе тлеет,—
 Арапу черным жить и черным умереть!

НЕПРЕОДОЛЕВАЕМАЯ ПРИРОДА

    Не сыщешь рыбы в луже,
 Колико во трудах прилежен ты ни будь
 И целый год хотя ты в луже рыбу удь;
 Не сыщешь никогда ты розы в зимней стуже,
     Ни мягкости во черством калаче,
     Ни жалости во пьяном палаче,
     Ни разума в безмозгом рифмаче.
     Ворону говорить учил учитель:
 Ворону сек и был вороний он мучитель,
 И над наукою Ворону он морит —
     Ворона ничего не говорит.
 Не сделаешь вовек красавца из уроды,
 Никто того не даст, чего не даст природа.

РУЖЬЕ

Среди дни бела Волк к овечушкам бежит.
 Имел пастух ружье; вздремал, ружье лежит;
 Так Волк, озревшись, не очень и дрожит.
     Ружье его страшит
     И застрелити обещает.
 А Волк отвечает: «Гроза твоя мелка,
 Ружье не действует, с ним нет когда стрелка.
 Худая без него тобой овцам отрада»,—
 И, к лесу потащив овечушку из стада,
     Сказал наш Волк: «Лес этот очень густ.
 Так ежели меня, друзья, сыскать вам надо,
 Так это буду я, стреляйте в этот куст».

Сокрылся Волк; овца за труд ему награда.
А следующу речь я знаю наизуст:
Коль истины святой начальники не внемлют
И, беззаконников не наказуя, дремлют,
На что закон?
Иль только для того, чтоб был написан он?

ИСТИНА

Хотя весь свет
Изрыщешь,
Прямья истины не сыщешь.
Ее на свете нет:
Семь тысяч лет
Живет
Она высоко,
В таких местах, куда не долетает око,
Как быстро взор ни понеси,
А именно, живет она на небеси.
Так я тебе скажу об этом поученье.
О чем ты сетуешь напрасно, человек,
Что твой недолог век
И скоро наших тел со духом разлученье?
Коль свет наполнен суеты,
Так ясно видишь ты,
Что всё на свете сем — мечты,
А наша жизнь — не жизнь, но горесть и мученье.

НАДЕЖДА

Надежда нашими сердцами обладает
И часто суетным весельем услаждает.
Надеюсь иметь я тысячу рублей;
Однако столько же они в мошне моей,
Как те, которые в мошне моей лежали
И убежали.
Что было у меня и от меня ушло,
То стало не мое уж боле,
А что меня еще поныне не нашло,
Подобно не в моей же воле.
К чему ж мечтанье плесть?
Что было,
То сплыло,
Что может быть, так то моим еще слыло:
Мое лишь только то, что есть.

ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Нельзя дивиться, что была
Под игом Росская держава
И долго паки не цвела,
Когда ее упала слава.
Ведь не было тогда
Сего великого в Европе царства,

И всегда
 Была вражда
 У множества князей едина государства.
 Я это в притче подтвержу,
 Которую теперь скажу,
 Что Россов та была падения причина.
 Была пучком завязана лучина,—
 Колико руки ни томить,
 Нельзя пучка переломить;
 Как Россы, так она рассыпалась подобно,
 И стало изломать лучину всю удобно.

ЗМЕЯ СОГРЕТАЯ

Змею мужик нашел: она гораздо дрябла,
 Озябла.
 Прикладывает он усердие свое
 И отогрел ее.
 Он думал, это так и сделать надлежало,—
 Она в него вонзила жало,
 И говорит она ему слова сии:
 «Не согревай змеи».

ВОЛОСОК

В любви некогда не знаю кто горит,
 И никакого он взаимства в ней не зрит.
 Он суетно во страсти тает,
 Но Дух к нему какой-то прилетает
 И хочет участи его переменить,
 А именно, к нему любезную склонить,
 И сердцем, а не только взором,
 Да только лишь со договором,
 Чтоб он им вечно владел.
 Детина на это рукописанье дал.
 Установилась дружба
 И с обеих сторон определена служба:
 Детину Дух контрактом обуздал
 Нерасходимо жить в одной и дружно шайке;
 Но чтоб он перед ним любовны песни пел
 И музыкальный труд терпел,
 А Дух бы, быв при нем, играл на балалайке.
 Сей Дух любил
 Забаву
 И любочестен был,
 Являть хотел ему свою вседневно славу:
 Давались бы всяк день исполнить дела,
 Где б хитрость видима была.
 Коль дела тот не даст, а сей не исполняет,
 Преступника контракт без справок обвиняет.
 Доставил Дух любовницу ему,
 Отверз ему пути Дух хитрый ко всему.
 Женился молодец; богатства в доме тучи
 И денег кучи.

Однако он не мог труда сего терпеть,
 Чтоб каждый день пред Духом песни петь;
 А Дух хлопочет
 И без комиссии вон выйти не хочет.
 Богатством полон дом, покой во стороне.
 Сказал детина то жене:
 «Нельзя мне дней моих между блаженных числить;
 От песен не могу ни есть, ни пить, ни мыслить,
 И сон уже бежит, голубушка, от глаз:
 Что я ни прикажу, исполнит Дух тотчас».
 Жена отвечает: «Освободишься мною,
 Освободишься ты, душа моя, женою,
 И скажешь ты тогда, что я тебя спасла».
 Какой-то волосок супругу принесла,
 Сказала: «Я взяла сей волос тамо;
 Скажи, чтоб вытянул Дух этот волос прямо.
 Скажи ты Духу: «Сей ты волос прими;
 Он корчится, так ты его спрями!»
 И оставайся с сим ответом,
 Что я не ведаю об этом».
 Но снят ли волос тот с арапской головы?
 Не знаю. Знаете ль, читатели, то вы?
 Отколь она взяла, я это промолчу;
 Тому причина та: сказати не хочу.
 Дознайся сам, читатель!
 Я скромности всегда был крайний почитатель.
 Пошел работать Дух и думает: «Не крут
 Такой мне труд».
 Вытягивал его, мня, прям он быти станет,
 Однако тщетно тянет.
 Почувствовал он то, что этот труд высок;
 Другою он себя работою натужил,
 Мыл мылом и утюжил,
 Но не спрямляется нимало волосок.
 Взял тяжкий молоток,
 Молотит,
 Колотит
 И хочет из него он выжать сок.
 Однако волосок
 Остался так, как был он прежде.
 Дух дал поклон своей надежде,
 Разорвался контракт его от волоска.
 Подобно так и я стихи чужие правил,
 Потел, потел и их, помучився, оставил.

ЕДИНОВЛАСТИЕ

Единовластие прехвально,
 А многовластие нахально.
 Я это предложу
 Во басенке, которую скажу.
 При множестве хвостов, таская их повсюду,
 Стоглавый был дракон —
 Согласья не было законов ниоткуда:

Глава главе тьму делает препон;
 Хвосты... лежат они ни в избу и ни вон,
 Лежат они, куда занес дракона сон.
 При множестве хвостов, подобно как и он,
 Единоглавый был дракон —
 Согласен был закон.
 Я крепко в том стояти буду,
 Что счастья.....
 И праведного там не может быть указа
 Между людей,
 Где равных множество владеющих судей;
 Где много мамушек, так там дитя без глаза.
 Не о невольниках я это говорю,
 Но лишь о подданных во вольности царю.

НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ

Жив праздности в уделе,
 И в день ни во един
 Не упражнялся в деле
 Какой-то молодой и глупый господин.
 Гораздо, кажется, там качества упруги,
 Где нет отечеству ни малья услуги.
 На что рождается человек,
 Когда проводит он во тунеядстве век?
 Он член ли общества? Моя на это справка,
 Внесенная во протокол:
 Не член он тела — бородавка,
 Не древо в роще он, но иссушенный кол:
 Не человек, но вол,
 Которого не жарят,
 И бог то ведает, за что его боярят.
 Мне мнится, без причин
 К таким прилог и чин.
 Могу ль я чтить урода,
 Которого природа
 Произвела ослом?
 Не знаю, для чего щадит таких и гром,
 Такой и мыслию до дел не достигает,
 Единой праздности он друг;
 Но ту свою вину на время возлагает;
 Он только говорит: «Сегодня недосуг».
 А что ему дела во тунеядстве — бремя,
 На время он вину кладет,
 Болтая: времени ему ко делу нет.
 Пришло к нему часу в десятом Время.
 Он спит,
 Храпит;
 Приему Время не находит
 И прочь отходит.
 В одиннадцать часов пьет чай, табак курит
 И ничего не говорит.
 Так Времени его способный час неведом.
 В двенадцать он часов пирует за обедом;

Потом он спит,
Опять храпит;
А под вечер болван он, сидя, убирает,
Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет гад,
И после в карты проиграет.
Несчастлив этот град,
Где всякий день почти и клоб и маскерад.

М.М. Херасков

СОРОКА В ЧУЖИХ ПЕРЬЯХ

Сорока в перья птиц прекрасных убралась,
 Как будто вновь она в то время родилась.
 Но можно ли одной убором любоваться?
 Сестрицам надобно в наряде показаться,
 Отменной выступью пошла
 И стадо птиц нашла;
 Взгордяся перьями чужими,
 Ворочалась пред ними,
 То подымает нос, то выставляет грудь,
 Чтоб лучше тем птиц прочих обмануть.
 Но величалась тем Сорока очень мало:
 Природной простоты убранство то не скрало,
 Могли тотчас обман все птицы угадать.
 За то, чтоб наказать,
 По перышку из ней все начали щипать.
 Вся тайна оказалась,
 Сорока бедная сорокою осталась.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Ворона негде сыр украла
 И с ним везде летала;
 Искала места, где б пристойнее ей сесть,
 Чтобы добычу съесть.
 Но на дерьво лишь села
 И есть хотела,
 Лисица мимо шла;
 Увидя то, к Вороне подошла,
 А сыру всей душой отведать захотела.
 Что ж делать ей теперь?
 Лисица — зверь,
 Коль можно было бы, то б на дерьво взлетела,
 «Что делать,— думает,— хоть не могу летать,
 Сыр надобно достать».
 Вороне поклонясь, вскричала так Лисица:
 «Куда какая птица!
 Хотя пройди весь свет,
 Тебе подобной нет,
 Я б целый день с тобой, голубка, просидела,
 Когда бы ты запела,
 Изволь-ка песенку какую ты начать,
 А я пойду плясать».
 Ворона впрямь, взгордясь, свой голод позабыла
 И, песню затянув, сыр наземь упустила.
 Лисица, сыр схватя, не думала плясать,
 Но стала хохотать,
 Потом сказала ей: «Вперед ты будь умняе
 И знай, что твоего нет голосу гнусняе».

БАБОЧКА И ПЧЕЛА

Покрыта Бабочка узорными крылами
 В беседу некогда вступила со пчелами
 И тако говорит: «Дивлюся, пчелы, вам,
     Что вы, летая по цветам,
 Подобно как и мы, с листочков, рóсу пьете
 И соки сладкие из оных достаєте;
     С цветочка на цветок
     Всечасно я летаю,
     Но век не обретаю,
     Где спрятан сладкий сок.
 Не меньше вашего проворства я имею,
 Но меда сладкого достати не умею».
 «Напрасно ты хвалить проворство начала,—
     Одна сказала ей Пчела,—
 Полезного искать, так нужды нет в убранстве,
 В проворстве ничего, а нужда в постоянстве,
     С листочка на листок
     Ты век перелетаешь;
     Как легкий ветерок,
 Коснешься до цветка и тотчас покидаешь;
 А мы собираем с них полезные плоды
     За многие труды.
 Лишь только оросит всходящая Аврора
     Слезами те сады,
     В которых обитает Флора,
 Рассыпанны в полях увидим красоты;
 Дают нам сладкий мед и ветви и цветы.
 С цветочка на цветок когда бы мы скакали,
 Как ныне скачешь ты, то меда б не сыскали».

Ко двум читателям я басенку причел,
 В единых — бабочек, в других я вижу пчел.
 Одни у книг своих листы перебирают
 И, будто бабочки, их смысл и сок теряют;
 Другие, в чтение проникнувши умом,
 Обогащаются наукой и плодом.

ИСТОЧНИК И РУЧЕЙ

Источник некогда с вершины гор стремился,
 Шумящим в быстрине течением гордился,
 И в пышности своей Ручей он презирал,
 Который светлый ток в долины простирал.
 На все его слова сказал он с тишиною:
 «Источник! можешь ли за то гнушаться мною,
     Что я в теченье тих,
     А ты опасен, вреден, лих?
 Твоим достоинством я сердца не прельщаю,
 Хотя передо мной имеешь громкий глас.
 Ты землю пустошишь, а я обогащаю,
 Так кто ж полезнее для общества из нас?»

ФОНТАННА И РЕЧКА

В середине цветника Фонтанна кверху била

И громко о своих достоинствах трубила,
 А близ ее текла
 Река по камешкам: прозрачнее стекла.
 Фонтанна гордая, шумя под облаками,
 Сказала так Реке:
 «Куда придвинулась ты, лужица, боками?
 Не лучше ли б ползла, бедняжка, вдалеке
 И поле дикое в своем теченье мыла;
 Пожалуй-ка построй себе подале дом.
 Ты видишь, какова моя велика сила:
 Я там, всходя, реву, где молния и гром.
 А ты в моем соседстве
 О подлости своей не мыслишь, ни о бедстве».
 Такою гордостью Река огорчена
 Фонтанне говорит: «Я ввек не уповала,
 Чтобы, в железные трубы заключена,
 Бедняжкой ты меня и подлой называла.
 Причиной храбрости твоей и высоты,
 Что вся, по самые уста, в неволе ты,
 А я, последуя в течении природе,
 Не знаю пышности, но я теку в свободе».

На подлинник я сей пример оборочу;
 Представя тихие с шумящими водами,
 Сравнять хочу граждан с большими господами
 И ясно докажу... однако не хочу.

ДЕВИЦА И РОЗА

Прекрасной Розе так Ифиза говорила:
 «О ты, которую природа сотворила
 Царицею цветов,
 Румяностью тебя Аврора озарила,
 Зефир любит красой твоих листов;
 Позволь, чтоб я тебе сомнение открыла:

На что толики красоты,
 Когда всех жалишь ты?
 Кто прелестям твоим дерзнет коснуться?
 Всяк может красотой притворной обмануться.
 Будь столько ты склонна, колико ты мила,
 И сколь румяна, будь толико мало зла».

Смущенная таким советом,
 Сказала Роза сим ответом:
 «Ифиза, мне моя упорность дорога,
 Колико я колка, толико будь строга;
 Без осторожности была бы я несчастна,
 Без строгия души краса есть вещь опасна».

МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

В который было век, не ведаю про то,
 Железо некогда поссорилось с Магнитом,
 Так часто в дружестве, довольно крепко сшитом,
 Случается разрыв, и часто ни за что.

«Что думает Магнит? —
 Железо говорит,—
 Что следую за ним, куда Магнит ни ходит,
 И так меня, как за нос, водит.
 Не челобитчик я,
 А он ведь не судья.
 И можно говорить с Магнитом вольным складом,
 Притом ходить обоим рядом».

Но скоро окончал Магнит с Железом бой,
 Придвинулся, влечет, как прежде, за собой.

Возможно ли тому, кто мил, не угождать,
 И склонности свои возможно ль побеждать?

МАРТЫШКА ВО ДВОРЯНАХ

С полфунта накопя умишка,
 Разумной сделалась Мартышка
 И стала сильно врать;
 А этим возгордясь, и морду кверху драть.

Но разве для глухого
 Казалась речь умна оратора такого,
 Оратор этот врал,
 А сверх того, и крал.

И так он сделался из зверя дворянином,
 Пожалован был чином.

В дворяне, господа, Мартышку занесло,
 Так, следственно, у ней и спеси приросло.

Поймала счастье в руки,
 На что уж ей науки?

Мартышка — дворянин, как ты ее ни весь,
 Обыкновенно герб таких героев — спесь.
 Но, благородный став из подлости, детина
 Сквозь благородие всем кажется скотина.

ДРОВОСЕК

Не много на свое искусство уповай
И воли быстрому желанью не давай,
Держись, притом держись, что сделать разумеешь.
За все хватаясь, напрасно лишь потеешь.

Крестьянин негде был,
Дрова рубил,
Для этакой науки
К профессору не лезь,
Имей топор да руки,
Так мастер тут и весь.

А мой крестьянин был дрова рубить охотник,
И вздумалось ему, что он столяр и плотник;
Такими думами себя он веселил
И сосну с кореня претолстую свалил.
Колоду вырубя, мужик колоду гладит.

Из ней корыто ладит.

Долбил,
Рубил,

Колода вся изрыта,
Однако не было и виду в ней корыта,
Не так пошел топор.

А плотник на упор
Еще колоду роет,

Да не корыто уж, теперь он ковшик строит.
Сказал: «Не возвращусь домой без барыша,

Добьюсь ковша».
Сердит, потеет,
А ковш не спеет,
Топор и долото
Работают не то:

Долбушка сделалась да некакие рожки,
Не вышел ковш, так выдут ложки.
Стал мастер ложки выдолбать,
Считает в ужине обновкой щи хлебать.

Скажи, Минерва, мне, художеств мастерица,
Чем кончил наш мудрец?

Что вышло из его работы наконец?

Спица.

В.И. Майков

КОЗЕЛ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА

*Козел, шатаясь, увидел мать жемчужну,
Так Раковину все жемчужную зовут—
И, почитая ту за вещь для всех ненужну,
Сказал с насмешкою: «Ты, лежа век свой тут,
Какую сделала, скажи ты мне, услугу
Земному кругу?
А я всегда встаю с зарею по утрам,
Хожу пастись в луга и лажу по горам
День целый».
Ответ дала козлу и Раковина смелый,
Сказавши так:
«Козел, дурак,
Когда ты по горам, тварь глупая, бродила,
В то время перло я жемчужное родила».*

ПОВАР И ПОРТНОЙ

*Удобней повару и жарить и варить,
Как о поваренном портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше.
Я знаю только то, что ехал пан,
А ехал из гостей, так ехал пьян.
Навстречу вдруг прохожий,
И сшелся с паном — рожка с рожей.
Пан спесью и вином надут.
Под паном двое слуг коня его ведут.
Конь гордо выступает,
Пан в спеси утопает,
Подобно как петух.
За паном много едет слуг.
А встретившийся с ним в одежде идет скудной.
Пан спрашивал его, как человек рассудный:
«Какое ремесло имеешь за собой?»
«Приспешник, государь, стоит перед тобой».
«Коль так, ответствуй мне, доколь не плюну в рожу:
Когда приспешник ты, так знаешь ли ты вкус,
Что почитаешь ты за лучший кус?»
«У жареного поросенка кожу»,—
Отвествовал приспешник так.
«Ты — повар не дурак,—
Пан говорил ему,— и дал ответ мне смело;
Поэтому свое ты прямо знаешь дело».
И по словам его пан щедро наградил,
Подобно как отец, хотя и не родил.
Приспешник с радости мой, поднимая ноги,
Помчался вдоль дороги.
Навстречу повару дорогой шел одной —
А кто? Портной.
Знакомцы оба,*

Притом же и друзья, хотя и не до гроба,
Однако же друзья.
«Куда ты, брат Илья,
Бежишь поспешно?»
Другой отвечает: «Теперь уж я
Скажу смеленько, брат, что мастерство приспешно
Получше твоего;
Не знаешь ничего
Ты, пьяница Петрушка,
Что будет у Ильи великая пирушка!
Взгляни на мой карман.
Довольны мы с женою оба,
И не прожить нам с ней до гроба,
Что дал нам пан,
Который лишь теперь проехал пьян».
И вытянул мешок со златом он с лисенка.
«Вот что от пана я достал за поросенка!»
И денежки в мешочке показал,
Притом все бытие приятелю сказал.
Портной, на деньги глядя, тает,
Из зависти он много их считает
И помышляет так:
«Конечно, пан — дурак,
Что дал за поросенка
Мешок он золота с лисенка?
И сам я побегу
И господина настигу;
И если мудрость вся лишь в коже поросячей,
Так я его обрею, как подъячий».
Сказав сии слова,
Пустилась в путь безумна голова.
Пан ехал тихо,
Портной бежал мой лихо
И вмиг
Боярина настиг.
Кричит: «Постой, боярин!
Я не татарин
И не срублю,
Я не имею сабли,
Не погублю.
Все члены у меня в бежании ослабли.
Приспешник я, не вор».
Пан, слыша разговор
И видя за спиною
Бегущего не вора с дубинью,
Коня сдержал.
Портняжка прибежал,
Пыхтит и, как собака, рьяет
И чуть зевает,
Лишася бегом сил.
Тогда его боярин спросил:
«Зачем ты, скот, за мною
Без памяти бежал?
Лишь только ты меня, безумец, испужал;
Я думал, что бежит разбойник с дубинью».

Портняжка говорит: «Не вор я, государь!»
 А пан ему на то: «Какая же ты тварь?»
 «Я мастерство,— сказал,— приспешное имею,
 И хорошо варить и жарить я умею».
 Пан тотчас спросил: «Что слаще у быка?»
 Сказал безумец: «Кожа».
 Тотчас раздулся у повара бока,
 И рожга,
 И брюхо и спина
 Плетьми ободрана.
 Пошел портняжка прочь не спешно
 И плачет неутешно —
 Клянет боярина и мастерство приспешно.

КОНЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ

Два проданы Коня,
 Какие — лишь о том не спрашивай меня.
 Один был в них хорош, другой похуже;
 Так за худого дать не можно цену ту же,
 Какая за Коня хорошего дана;
 Коль хуже был собой, так меньше и цена.
 Хорошего Коня поставили на стойло,
 Всегда довольный корм дают ему и поило,
 Конем любитесь всечасно господин
 Конь, будто дворянин,
 Пьет, ест, гуляет в поле
 И поднимает нос.
 Другой — всегда в неволе,
 Таскает на себе грязь, воду и навоз.
 Коню то стало скучно,
 Что он с трудами неразлучно;
 Наскучила навозна вонь;
 Хозяину пеняет Конь:
 «Конечно, моего не ведаешь ты роду,
 Что возишь ты на мне навоз всегда и воду;
 А если бы моих ты праотцев узнал,
 Конечно б, пред Конем ты первенство мне дал,
 Которого купил со мною ты недавно;
 Рождение мое, конечно, с ним не равно,
 Меня,
 Такого у себя имеешь ты коня,
 Которому Пегас и Буцефал родня;
 Так может ли тот конь в равенстве быть со мною?
 Хозяин вдруг пресек речь конску дубинью;
 Ударив по спине,
 Сказал: «Нет нужды мне
 До знатнейшего роду;
 Цена твоя велит, чтоб ты таскал век воду».

ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Пойман вор в разбое,
 Имел поличное, колечко золотое,

Которое пред тем с подъячего склевал
 В ту ночь, как вор сего воршика разбивал;
 Хотя подъячего так звать неосторожно,
 Однако ж взятки их почестъ разбоем можно:
     Затем я назвал так.
     Подъячий не дурак,
     Да только что бездельник;
     Он вора обличал,
     Что точно у него кольцо свое узнал,
     И с тем еще других пожитков он искал.
 На то в ответ сказал подъячему мошенник:
     «Когда меня за то достобит бить кнутом,
     Так должно и тебя пытатъ, подъячий, в том.
 Когда родитель твой жил очень небогато,
 Откуда ж у тебя сие взялося злато?
     Разбойник я ночной,
     А ты дневной;
     Скажу я и без пытки,
     Что я пожитки
     У вора крал,
     Который всех людей безвинных обирал.
 С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить,
 И если должно нас, так обоих повесить».

СКУПОЙ

Живал-бывал старик, а в нем была душа,
 Котора издержатъ жалела и гроша;
     Чрез что скопил себе он денег много
     И столько строго,
     Как стоик, жил,
     Ел хлеб и воду пил,
 И только мой старик лишь денежки копил
     И их любил,
     Любил он страстно;
 Издержатъ их ему казалось напрасно.
     Но пользы нет,
     Хотя б во области имел он целый свет
 И злата б множество в дому его лежало:
 Скупому прибыли в богатстве нет нимало.
     Он —
     Как Молиеров Гарпагон,
     Или каков у Федра есть дракон,
 Который на своем богатстве почивает,
     А Сумароков называет
     Такого дураком
     И стражем своего имени,
 Которому в нем нет увеселенья.
     Детина с стариком
     Был свой или знаком,
     Заподлинно я вас не уверяю,
 А только прежнее я слово повторяю:
     Детина с стариком в едином доме жил
     И спал с ним на одной постеле,

А пил и ел ту ж воду, тот же хлеб,
 Чрез что душа едва держалась в теле;
 Но взять детине где б
 Послаще съестъ кусок? Уж скучил той он пищей.
 Скупой живет, как нищий;
 Все деньги заключил
 В неволе у себя, без прибыли народу,
 Без пользы и себе, ест хлеб и пьет он воду.
 Детина ту тюрьму хотел освободить
 И бедных пленников на волю испустить,
 Старается о том и денно он и ночью,
 Влюбился в денежки детина и заочно;
 Желает страстно он мешки пересчитать,
 И стал он наконец любовник, а не тать,
 Имея сердце нежно,
 Старается прилежно.
 Детина был удал;
 Он, время улуча, желанье исполняет:
 Взял деньги, а мешки песком все наполняет,
 А деньгам волю дал;
 Старик еще сего несчастья не знает,
 Мешки свои с песком за деньги почитает.
 Но некогда он класть проценты вскрыл сундук,
 Поворотя мешок, не тот услышал стук,
 Кой прежде в нем бывал. Старик тут удивился,
 Вскричал: «Ахти, пропал, я денежек лишился!»
 В беспамятстве упал.
 Опомнясь, и в тоске, у петли уж стоял:
 Он с деньгами хотел и живота лишиться.
 Детина тут сказал: «Доколь тебе крушиться?
 Невозвратно что,
 Жалеть о том почто?
 Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,
 Ведь деньги у тебя лежали бесполезно.
 Богатства для тебя довольно в сундуке,
 И надобность одна — что в деньгах, что в песке».

ДЕТИНА И КОНЬ

Детина на коне, имея ум незрелый,
 Скакал день целый
 Во всю коневью мочь.
 Приходит ночь,
 Лошадушка устала,
 Скакать потише стала
 И шла шагóм.
 Внезапно с стороны набегли воры.
 Детина — трус сражаться со врагом;
 Дает лошадке шпоры
 И плетью бьет.
 Лошадушка нейдет
 И говорит детине:
 «Моей уж мочи нет,
 Хоть бей, хоть нет меня по спине;

Когда б ты давеча умел меня беречь
И не давал мне муки,
Не отдала б теперь тебя ворам я в руки».

Читатель, примечай, к чему моя здесь речь:
Кто в юности свои пороки побеждает,
Тот в старости свой век покойно провозждает.

СОРОКА, ГАЛКА И СОЯ

Сорока с Галкою нашли кусок добра,
Мешочек серебра,
И, сидючи, щекочут,
Друг другу уступить не хочут.
Так идет спор у обоих.
Летела Соя мимо их,
Спустилася проворно.
«О чем, сестрицы, так вы спорите задорно?»
Сорока с Галкою сказали ей в ответ:
«Сестрица, ты наш свет,
Дружочек,
Нашли мы сей мешочек,
И нам принадлежит он обоим,
А разделить мы не умеем —
Затем и спор имеем».
Сказала Соя им:
«Голубушки сестрицы,
Разумные вы птицы,
Обеих вас люблю,
Позвольте мне, я вас обеих разделю;
Скажите правду мне и не утайте дела:
Которая сперва к мешочку прилетела?»
Тут обе говорят пред Соей: «Я сперва
К находке прилетела».
«Так мне не разобрать, сестры, меж вами дела,
Вспорхните ж вы отсель и сядьте на древа,
И коя прилетит при мне к находке прежде,
Той будет серебро». Вспорхнули в той надежде,
Но Соя к серебру полакомее их;
Схватя мешок и сестр оставя обоих,
Внезапно улетела,
А дело их решить по времени хотела.
С того часа между людей несется речь,
Что должно серебро от этих птиц беречь,
Которые по всем домам теперь летают,
И если деньги где на окнах обретают,
Себе хватают,
Затем что их они своими почитают.

СУЕВЕРИЕ

Когда кокушечки кокуют,
То к худу и к добру толкуют.
Старухи говорят: «Кому вскричит сто раз,

Тому сто лет и жить на свете;
 А если для кого однажды пустит глас,
 Тому и умереть в том лете».
 А к этому теперь я басенку сварю
 И вас, читатели, я ею подарю.
 Ходила Девка в лес, услышала Кокушку,
 И стала Девушка о жизни ворожить:
 «Скажи, Кокушечка, долгонько ли мне жить?
 Не выпущу ли я сего же лета душу?»
 Кокушка после слов сих стала кокувать,
 А Девушка моя, разиня рот, зевать.
 Подкралася змея и Девку укусила,
 Подобно как цветок средь лета подкосила,
 Хотя Кокушка ей лет со сто наврала,
 Но Девка от змеи в то ж лето умерла.

СУД КАРТИНЕ

Один то так, другой то инако толкует,
 И всякий по своей все мысли критикует.
 Льву вздумалось себе Венеру написать,
 А дело рассудил Мартышке приказать.
 Призвав ее к себе, и тако ей вещает:
 «Мартышка! знаю я, что зверь искусный ты;
 Примись и сделай мне богиню красоты,
 Изобрази ее всех прелестей черты».
 Мартышка дело все исполнить обещает,
 Пошла домой исполнить Львов приказ.
 Ей дочь была своя красавица для глаз.
 «Довольно,— говорит,— мне будет для примеру
 Намалевать с нее прекрасную Венеру».
 И написала в-точь
 Свою Мартышка дочь.
 «Вот,— с радости кричит,— для удовольствия Львова
 Красавица готова!»
 И тако своего Мартышка ремесла
 Картину принесла.
 Лев, зря картину живу:
 «Но только,— говорит,— прибавить должно гриву,
 Которая б во всем подобилась моей;
 Тогда-то должно честь отдать картине сей».
 Мартышка говорит: «То было бы безбожно,
 Когда Венерин лик похулить здесь возможно;
 Она точь-в-точь
 Похожа на мою большую дочь,
 Которая, скажу, красавица, я прямо».
 Но Лев стоит упрямо.
 «Пожалуй,— говорит,— сей мысли не порочь,
 Которой никогда не думаю оставить;
 Конечно, надобно, чтоб гриву к ней приставить».
 И тако идет спор.
 Но Лев решить тем сей вздумал разговор:
 Собрать зверей и всю скотину
 Судить картину.

Мартышка идет в суд
 И мнит, что честь ее картине отдадут;
 Так думала Мартышка.
 Пришла всех прежде Мышка.
 «Прекрасно,— говорит,— лицо ее и рост,
 Да только надлежит прибавить ей мой хвост,
 Тогда совсем она красавица явится».
 Пришел тут Слон и, зря, дивится.
 «Куда,— он говорит,— развратен ныне свет,
 У сей красавицы и хобота уж нет».
 Верблюд сказал: «Когда б моя спина и ноги,
 То прямо бы она красавица была».
 Оленю речь была верблюжья не мила:
 «Когда бы,— говорит,— мои ей только роги;
 Да можно ль, чтоб когда без рог могли быть боги?»
 Тут Бык сказал: «Тогда б хорошей лъзя назвать,
 Когда бы роги ей мои прималевать»,—
 И в том стоял упрямо.
 Но Вепрь заговорил: «Не знаете вы прямо
 Прямого хорошства, и так вы дураки;
 Ей надобно мои клыки».
 Потом пришел Осел к написанной картине:
 Не полюбилась и сей она скотине;
 Он прочих мненье опроверг
 И говорит: «Поверх
 Сея прекрасной туши
 Когда бы написать мои большие уши,
 Тогда б сказал и я,
 Что прямо хороша красавица сия».
 Козел восстал против зверей и всей скотины,
 Когда пришла ему промолвить череда:
 «Ко украшению прекрасной сей картины,
 Конечно, надобна,— сказал он,— борода».
 Крот выполз из норы, сказав: «Хоть я не вижу,
 Однако ж думаю, что я вас не обижу,
 Когда скажу теперь полезное для вас:
 По мненью моему, быть должно ей без глаз».
 Противу сих речей тут все взнегодовали,
 Невеждою Крота и глупым называли;
 Однако же Крота хотя всяк глупым звал,
 Но мненья своего никто не отставал.
 Тогда Мартышка Льву и всем зверям пеняла,
 А мненья и она того не отменяла,
 Что точно ею Львов исполнен был приказ
 И что она должна всем нравиться для глаз:
 «А если вашего держаться мне примеру,
 Так должно написать презнусную химеру,
 А не Венеру».

СОБАКА НА СЕНЕ

Ни самому не брать
 И людям не давать —
 У всех завистливых такие странны нравы,

И те уставы
 У них затверждены;
 Такие нравы
 От злого сатаны
 Сим ядом зависти живут повреждены;
 И если он себя не пользует благим,
 Однако же отнюдь не хочет дать другим.
 А к этому скажу старинную я сказку.
 Но где, о Муза, где возьму такую краску,
 Дабы живее мог я зависть описать?
 Один хозяин был, смирен иль забияка,
 Того нельзя сказать,
 Чего не знаю,
 Лишь то напоминаю:
 Хозяин был, а у него Собака,
 Которая свою жизнь счастливо вела,
 Один с ним ела кус, и на сене спала,
 Спала, его не ела,
 Да только лишь того Собака не терпела,
 Чтобы хозяйская скотина сено ела.
 Корова ли придет иль лошадь сено есть,
 Собака все на них от зависти ворчала
 И тем скотине всей безмерно докучала;
 Хотя скотина вся просила сена в честь,
 Собака не внимала
 И к сену не пускала,
 А и сама не ест.
 Хозяин то заметил
 И делом сметил,
 Что в псе велика злость.
 Он, взявши трость,
 Которая была потолще и полена,
 А именно он, взявши пест,
 Погнал Собаку с сена,
 Притом ей говорил: «Поди-ко, друг мой гость,
 Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
 Которая тебе осталась от обеда,
 Коль честь тебе не в честь;
 Травы тебе не есть,
 А ешь-ко то, что ест Собака у соседа,
 А это дай другим, кто может это есть».
 Пошла Собака с сена,
 Боль чувствуя в боку.
 О, чудная премена!
 Собаки той кровать досталось съесть быку.

ЛИСИЦА И БОБР

Лисица некогда к Юпитеру ходила
 И, идучи оттоль, сошлася со Бобром.
 «Куда,— спросил Лису Бобр,— кумушка, бродила?
 «Ходила я туда, отколь к нам мещут гром,
 И множество с собой я весточек имею,—
 Лисица в гордости рассказывала так,—

То ведает не всяк,
 Что ныне я, сошед с Олимпа, разумею.
 Теперь
 Не всякий по земли скитаться будет зверь.
 Там вышло повеленье,
 И так угодно небесам,
 А то определенье
 Скрепил Юпитер сам:
 Волк с зайцем будут в поле,
 Баран, конь, бык и пес
 Останутся в неволе;
 Медведям, тиграм, львам дремучий отдан лес;
 В степях отныне жить слонам дано великим;
 Стремнины, горы, рвы — козам, баранам диким;
 Болота отданы в дом вечно кабанам;
 Бобрам в реках со выдрами вселиться,
 А прочее во власть оставлено все нам».

«Но человеку чем осталось веселиться?» —
 Лисицу Бобр спросил.
 «Сию Юпитер тварь всего того лишил
 И не дал нашего проворства ей, ни сил;
 Единое ему в утеху он оставил,
 Чтоб больше нашего умом своим он правил,
 И только, кум;
 Для человека лишь один оставлен ум.
 Какая для него оставлена безделка!»

Но Бобр Лисе в ответ:
 «Ах, кумушка, мой свет,
 Худая будет нам со человеком сделка,
 И дар сей кончится, конечно, не добром.
 Не осердись, что я слова промолвлю грубы:
 Он будет лисьи шубы
 Опушивать бобром».

Читатели, и вы, мню, скажете здесь то же,
 Что качество души телесных сил дороже.

ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море,
 Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре.
 В нем едет господин, при коем много слуг;
 А этот господин имел великий дух,
 Спросил бумаги в горе
 И, взяв ее, слугам отпущную писал,
 А написав ее, сказал:
 «Рабы мои, прощайте,
 Беды не ощущайте,
 Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
 А вам я всем отпущную даю».

Один из них сказал боярину в ответ:
 «Велик нам дар такой, да время грозно;
 Пожаловал ты нам свободу, только поздно,
 С которой вскорости мы все оставим свет».

В награде таковой не много барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом растается.

СЛУЧАЙ

Случилось одному прохожему в пути,
Который столь не мог в суме своей нести,
Чтоб мог пробавиться во всю дорогу пищей:
Запас весь кончился. Прохожий стал как нищий;
Сума с припасами пуста;
Через пустые шел прохожий мой места,
А хлеба взял с собой весьма неосторожно;
Проголодался так, что бресть ему не можно.
Однако же еще поел оставших крох.
Лег спать; во сне ему привиделся горох
В горшочке,
К несчастью, позабыл он ложечку в мешочке,
И нечем из горшка ему достать,
За тем он принужден опять голодный встать;
Взяв ложку в пазуху, и спать опять валится:
«Авось-либо мне сон еще такой приснится!
Тогда не буду я дурак,
Не встану так,
Как встал, без ложки;
Я выем весь горох до крошки».
Безумец, хоть с собой сто ложек наклади,
У же такого сна не будет впереди.

Толк басни этой в том: кто случай упускает,
Тот после никогда его не возвращает.

ОТЕЦ И ДЕТИ

Коснувшись жизни края,
Родитель сыновьям твердил так, умирая:
«Из света я гляжу
И к мертвым отхожу;
А вы оставшись, возлюбленные дети,
Когда не хотите вы спустя рук сидети,
Наставлю вас на лад:
Я в поле у себя зарыл великий клад.
Зарыл, не помню где, так поле вы вскопайте
И, ежели его вы сыщете, владайте».
Сих слов и жития последний был конец,
Преставился отец,
А дети, должное отдав почтенье телу,
Придвинулися к делу,
Искати клад,
Но дело их нейдет на лад.
Не зная подлинного места,
Взрывают поле мягче теста.
«Но, знать, робята, клад в сем поле не лежит!»

Насеем жит».
Потом посеяли, и житы их родились,
Труды их им самим сгодились!
Они снимают хлеб и продают.
Им цену за него хорошую дают.
Сторично семена к ним с поля возвратились,
И так, искавши клад, они обогатились.

Кто в хлебопашестве хороший знает лад,
Тот подлинно себе находит в поле клад.

М.Д. Чулков

СОРОКА

Сорока некогда в пустом лесу сидела,
И на небо она, задумавшись, глядела,
Небесны красоты исчислити хотела,
Откуда ж ей зачать, того не разумела.
По случаю тогда Скворец к ней прилетел,
И думу он ее разведати хотел.

И только лишь узнал,
То, глядя на нее, смеялся, хохотал,

И так он ей сказал:
«Когда бы все глупцы побольше рассуждали,
Поменьше бы они, как думаю я, врали.
И что несведомо, того б не разбирали».

Сорока, рассердясь, вельми защекотала

И так ему сказала:
«Ты чести у меня, мой друг, не отымай,
Я русский попугай.

По перышкам моим прекрасная я птица,
Заморским птицам всем родная я сестрица.
Да я ж еще и петь велика мастерица.
Слетаются ко мне все жители лесов
И слушают моих различных голосов;
Не так прелестна здесь пастушечья свирель,
Какая у меня при окончанье трель.

Сижу ли я или стою,
Бесперестанно я все арии пою.
Ни днем, ни ночью я, мой друг, не умолкаю,
Всех в лесе заглушаю

И пенцем моим всю братью услаждаю».

Потом разинула Сорока свой роток,
И песенку ему воспеть она хотела;

А тот ей дал щелчок,
Что с дерева она на землю полетела,
Ногами задрягала

И так защекотала,
Что птицы все ее смотрети прилетели
И жалости над ней нимало не имели.

Щелкали все ее и в голову и в рожу,
Изменяли перышки и повредили кожу.
Однако щекотать она не перестала,
Хотя и лапochку на брани потеряла.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Из области Смоленской
Мужик иль житель деревенский,
Как серп поля их вытер,
Пришел к нам в Питер,
Не города смотреть, не с дамами водиться,
Не летнею порой на шлюпке веселиться,
Не в оперы ходить, не в рощах здесь гулять:

Пришел он работáть.
И мыслит с кем-нибудь помесyчно рядиться;
Нашел хозяина, работает, трудится,
Хозяин рад,
Что бог дал клад;
Крестьянин лености и отдыху не знает,
И точно, как осел, с усердьем работает.
Скончался год, работник деньги взял,
И новый он кафтан купити предприял,
Понеже тот худенек,
А платья не дают в Санктпитере без денег,
Так должно с деньгами для платья расставаться;
Пошел он торговаться,
Смотрел и сторговал;
Но денег не давал,
Расстался с продавцом такими он словами:
«Я завтра, брат, приду с моими земляками,
Которые его доброту поглядят».
Пришли и земляки, ценят и говорят:
«Кафтан, парнюга, гож,
И очень он пригож».
Однако денег наш работник не дает
И тако говорит: «Я завтра, брат, чем свет,
Приду к тебе опять,
Еще знакомых с пять
И вся моя родня посмотрят все кафтана,
Боюсь я обмана,
А деньги я, мой друг, трудами достаю,
Так оных никогда на ветер не даю».
Родные видели, смотрели земляки,
И с легкой их руки
В полмесяца кафтан и куплен и надет.
Мужик по городу в кафтане сем идет
И всем напоминает,
Что денежки беречь прилежно подобает,
Кто потом и трудом копейку добывает.

М.И. Попов

СОЛОВЕЙ

Свистал на кустике когда-то Соловей
 Всей силою своей;
 Урчал, дробил, визжал, кудряво, густо, тонко,
 Порывно, косо вдруг, вдруг томно, нежно, звонко.
 Стенал, хрипел, щелкал, скрипел, тянул, вилял
 И разностью такой людей и птиц пленял.
 Когда ж он все пропел
 Толь громко и нарядно,
 То Жавронок к нему с поклоном подлетел
 И говорил: «Куда как ты поешь изрядно,
 Не могут птички все послушаться тебя;
 И только лишь одним бесчестишь ты себя,
 Что не во весь ты год, дружок мой, воспевашь»,
 «Желая побранить, меня ты выхваляешь,—
 Сказал на то певец,—
 Пою в году я мало,
 Но славно и удало;
 А ты глупец!
 Не сопротивлюся нисколько я природе;
 Когда она велит, тогда я и пою,
 Коль скоро воспретит, тотчас перестаню.
 А противляться ей у дураков лишь в моде;
 Им это сродно,
 Чтоб мучиться бесплодно
 И против ней идти, когда ей неугодно».

Парнасские певцы,
 Постерегитесь быть такие же глупцы:
 Не предавайтесь стремленью рифмовать,
 До тех лишь пойте пор, пока в вас будет сила;
 Не дожидайтесь, чтоб она простыла,
 Когда бессмертные страшитесь потерять.

ДВА ВОРА

Что есть во свете воры,
 О том не входят в споры;
 Но только, что они покроем не одним:
 Иные в золоте и титлами надуты,
 Другие в серяках и с именем простым;
 Одни политики, другие просто плуты.
 О двух таких ворах я басенку скажу,
 И перво в них мое искусство покажу.
 Был вор простой
 И хаживал всегда пешком и в серяке;
 Доходы он сбирал не в городе, не в съезжей,
 А на дороге на проезжей.
 Другой
 Чиновный был, и тьмы имел он в сундуке
 Червонцев и рублей,

Которые сбирал с невинного народа;
Поверье эдако или такая мода
Есть у бессовестных подьячих и судей.
Но наконец попались оба
В приказ:
Обоим строг указ,
Обоим кнут грозит отверсти двери гроба.
Судьи калякают: «Не столько лих большой» —
И оправляют вора;
Подьячьи говорят: «Не столько лих меньшей» —
И оправляют вора;
Обеим сторонам указы правота.
Читатель! будь хоть ты решителем их спора,
Скажи нам, кто из них достойнее кнута?

А.О. Аблесимов

ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ

Чиновного отца дочь, девка-сирота,
 По бедности купцом в супружество взята:
 Купецкой став молодкой,
 Другою начала ходить походкой!
 Во девушках она
 Не кушала вина
 И презирала водку,
 Одну имела лишь охотку:
 Почасту кушать чай!
 Читатель, примечай:
 Придвинувшись к купчищу,
 Придвинулась к винищу
 И к крепкому пивищу,
 Пустилась в чарку нос частехонько втыкать.
 Привыкла куликать...
 И ныне уже пьет она с охоткой
 Поутру тот же чай;
 Но пьет его уж с водкой...
 Читатель, примечай:
 Плотненько ежель кто вокруг кого потрется
 Иль с кем дружненько поведется,
 Ума и разума того и наберется.

КУПЧИХА ВО ДВОРЯНКАХ

Купеческая дочка,
 На возрасте девочка,
 Смазливенька лицом,
 В замужестве быть никак не мнила за купцом...
 Отец ее имел достаточек свободный;
 Так ей желалось быть, конечно, благородной!
 Не стало дело в том,
 Старуха шасть к ним в дом!
 Невесте роспись в руки,
 И ей за женихов сама бралась в поруки...
 Старик свое дитя,
 Утешить захотя,
 Не размышляя боле,
 Желая следовать во всем дочерней воле:
 Заметил женишка в сей росписи с чинком,
 Которого отец ему бывал знаком...
 Откладывать сего вдаль дела не хотели,
 Условились: жених, на смотр явясь,
 Невесте полюбясь,
 Ударив по рукам... подружки песни пели;
 Потом и свадебку немедленно свертели.
 Причина скорости такой сия была:
 Невесте честь мила...
 Жених же выгоды свои, напротив, числил;
 Он состояние свое поправить мыслил:

Деревню чтоб купя, иметь с нее доход...
 Но сказан вдруг ему нечаянный поход!
 Пришло супружнику с супругой расставаться;
 Однако ж не забыл он к денежкам прибраться
 И, нагружая всем, сел на воз как-нибудь,
 Да и отправился в свой путь...
 Осталась молодая,
 Об муже потужа
 И всю потом печаль на радость преложа...
 Затеяливостей тех своих не покидая,
 Какие в девушках приятны были ей,
 На воле став своей,
 Приданое она довольное имея;
 Но как себя вести, того не разумея,
 Не в зрелом возрасте она еще была,—
 По-новомодному во всем себя вела:
 Уборы и наряды
 Брала всегда без ряды.
 Сначала чистые платила рубельки;
 А после начала давать и вексельки,
 Лишь только чтобы ей со вкусом нарядиться...
 Не слушалась ни в чем родимого отца,
 Не знала, как себе уставить и лица!
 И вздумала гордиться
 Перед купчихами, их стала презирать.
 Пустилась картами исправно козырять!..
 Убит в походе муж, супружница осталась...
 Родня ей новая немедленно сыскалась:
 Кто кум, кто сват, кто брат...
 Недолго ж это длилось,
 Повсюду вексельков довольно расплодилось;
 Голубушку сию стащили в магистрат.

Отец хоть выкупил ее из сей неволи,
 Но уж восстановить не мог ей прежней доли.

Купец при свадьбе щедрёнько поступил:
 За дочерью он все именье укрепил,
 Сам чистым чист остался
 И после только чуть не по миру скитался.

ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА

Читал печатное, не помню, где-то я,
 А повесть вот сия:
 Когда б подъячих мы не сами баловали
 И повод им к тому не сами подавали,
 Они б не плутовали,
 Они б не воровали,
 И в век свой в сем грехе они бы не бывали...
 А я скажу на то:
 Вы спросите... а что?
 Не пременю я слова,
 Рассказка вот готова:

Как в свете жив, нельзя порока избежать,
Или болтливому рот накрепко зажать,
Или ленивому к наукам прилежать,
Так точно всякого подъячего от взяток
    Не можно вовсе удержать...
    Прибыток сей им сладок,
    А путь к нему им гладок;
Хоть с первых дней указ подъячих испужал,
Да брать им за труды никак не удержал!
Приказный выдумал тотчас такие хватки:
Как брать тайком им взятки,
Дабы просильщикам о том не докучать,
    А прибыль получать.
    Подъячески головки
Легко изобретут надежные уловки,
И вот что вымыслил писец: его возьми
    В свою просильщик норку,
    Напой и накорми;
    Потом в нехитрую игорку,
Что вычислил писец с просильщика содрать,
То должно тут ему, конечно, проиграть...
    И в этом:
Что взятки не берут, клянутся белым светом.
Я здесь про них сказал лишь только что вершки;
А в их казну рублей скопляются мешки.

И.Ф. Богданович

Скупой

Какую пользу тот в сокровищах имеет,
 Кто в землю прячет их и ими не владеет?
 Живет в провинции скупяк,
 И хочет вечно жить дурак,
 Затем что предки жили так.
 По дедовскому он примеру
 И по старинному манеру
 Имеет к деньгам веру,
 Не бреет никогда усов,
 Не курчит волосов:
 У прадеда его они бывали прямы,
 Который прятивал всегда богатства в ямы.
 Таков был дедушка, отец и сын таков.
 Когда он при конце, впоследствии, рот разинул,
 Едва успел сказать жене,
 Что деньги он в земле покинул,
 В саду, в такой-то стороне,
 Но чтоб не трогать их,— он умер с тем заветом;
 Жена, не тронув их, простилась после с светом;
 Вступил в наследство внук,
 Но деньги те еще людских не знали рук:
 По завещанью он зарыл их в землю ниже,
 Как будто для того, чтоб были к черту ближе.

НЕУМЕРЕННОСТЬ

Всяк ищет лучшего, на том основан свет;
 И нужен иногда к терпенью нам совет.
 В Сибири холодно, в Китае больше преют,
 И люди то сносить умеют.
 Но, Муза, далеко меня ты занесла:
 В Китае побывать и побывать в Сибири
 Подале, нежели отсюда в Кашире,
 И надобно туда дорогам быть пошире.
 Поближе я найду в пример такой Осла.
 Мужик, пастушья ремесла,
 Гонял на корм сию скотину,
 И выбрал лучшую долину.
 Долина у реки, трава была густа,
 И близки от двора хозяйского места;
 На что же далеко носить ему дубину?
 А на другом краю реки
 Паслись Быки
 У пастуха Луки;
 Казалось, туда пути недалеки.
 Их кормом мой Осел прельстился:
 Прискучило ему давно
 Есть каждый день одно,
 И переправиться однажды покусился,
 К Быкам пустился,

Да та беда,
 Что не было туда
 Сухой дороги,
 А надлежало плыть: в болоте вязнут ноги,
 Река
 Была топка.
 Кричит пастух и стонет,
 Увидя, что Осел в болоте тонет.
 Он мнил, что глупую скотину воплем тронет;
 Однако мой Осел
 На крик пастуший не смотрел
 И на середине
 Увяз по горло в тине.
 Осел
 В болоте сел;
 Раздумал ехать в гости
 И был бы рад
 Отправиться назад;
 Но, порывался он хотя сто крат,
 Хотя пастух в него метал каменья в злости,
 Отчаян был его возврат.
 К чему представлен здесь Осел, увязший в тине?
 Легко поймешь, читатель, силу слов:
 Великие стада найдешь таких Ослов,
 Которые, своей противясь судьбине,
 Пускаются в опасный путь,
 Дабы сыскать там что-нибудь,
 И часто на пути принуждены тонуть.

ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ

Пчелино общество, с тех пор как создан свет,
 Житейских должностей всегда примером было,
 Всегда союз любило,
 Всегда носило мед.
 Вблизи каких-то Пчел, пчелиный раздражитель,
 Знакомец иль приятель,
 Устроивши в земле конурку и постель,
 Работал также Шмель.
 Куда летит Пчела, туда и Шмель летает,
 И так же мед таскает.
 Хорош такой сосед,
 Который носит мед;
 И Пчелы, чтоб завести с соседом хлебосольство,
 Судили нарядить нарочное посольство,
 Шмеля просить,
 Чтоб вместе жить
 И вместе мед носить.
 К Шмелю от матки Пчел явились депутаты:
 «Послушай,— говорят,— поди ты к нам в дупло,
 У нас просторно и тепло.
 Мы будем завсегда друзья твои и братья
 И возьмем всех Шмелей к себе из-под земель».
 «Я род пчелиный почитаю

*И вашу добродетель знаю,—
    Ответствовал им Шмель,—
Но в вашем обществе живут нередко Трутни,
Которые творят и шалости и плутни;
    Их плутни разбирать,
    Так время потерять.
    Я знаю цену службы
    И всей пчелиной дружбы:
Хотя же у себя тружуся я один,
Но в доме я моем свободный господин».*

М.Н. Муравьев

Суд момов

К М. А. Засодимскому

Ты часто, слушая стихи мои с раченьем,
 Прочь гонишь от меня прельщающий туман:
 Здесь рифмой оскорблен, там смысла опущеньем,
 Свергаешь без чинов мной чтимый истукан.
 Послушай: я еще являюсь с сочиненьем,
 Чтоб случай дать тебе свой править важный сан.

Насмешник греческий, писатель остроумный,
 Такую повесть нам оставил Лукиан,
 Что будто в день какой-то шумный
 Нептун, Минерва и Вулкан

Похвастать вздумали верховностью своею
 В художествах: кто лучше из троих
 Покажет образец способностей своих —
 И Мома выбрали судьей.

Известно, парень вострый Мом:
 Ума имеет он палату,
 И уж не спустит он приятелю, ни свату,
 Лишь только бы блеснуть умом.

Условье сделано, и день суда назначен.
 Вулкан к мехам, Нептун во глубину,
 Богиня мудрости в Афинскую страну —
 И ну трудиться. Труд удачен.

В условный день, лишь начало светать,
 В какой-то роце отдаленной,
 Внизу Олимпа насажденной,
 Изволили мои художники предстать

Суда во ожиданье.
 Работу рук своих, Нептун вола привлек;
 Минерва — на столпах великолепно зданье;
 Вулканом изваян (возможно ль?) человек.

Приходит Мом. И что вы, добры люди,
 Подумаете, — он учтивость сохранит?
 «Твой вол прекрасный зверь, — Нептуну говорит, —
 Но он бы был сильней, рога имел у груди».

Минерве: «Сей фасад
 Сияющ, и по всем он правилам построен;
 Но ежели сосед и зол, и беспокоен —
 Что сделаешь? Нельзя перенести палат».
 Впоследок очередь дошла и до Вулкана:
 «Вся хитрость во твоём труде истощена.
 Но для чего в груди не сделано окна,
 Чтоб правду отличать лъзя было от обмана?»

Окончен суд, и участь всех равна.
 Тогда мои узнали поздно боги,
 Что трудно и богам на Мома угодить.

Зачем же критике, пииты! вас щадить?
 К чему ваш крик и шум? Судьи должны быть строги.

КУЧЕР И ЛОШАДИ

Не ведаю того, в каком то было лете
И точно коего то месяца и дня;
Лишь ехал господин по улице в карете,—
То только знаю я.

На козлах кучер был с предолгими усами
И тамо управлял упрямыми конями.
Не так на небесах гордился Фаетонт
Иль Ахиллесов возждь коней Автомедонт.
В то время, как то он без правил и закона
Скакал к стенам прегорда Илиона,
Как козел с высоты, скиптр кучерский в руках,
Подобно как индейский шах,
Гордился кучер мой и так превозносился:
«Какая часть моя!
Где я?»

В какой высокий чин на свет я сей родился?
Се подданны мои, на них мне власть дана,
Тварь бедна, для меня лишь ты сотворена!»
Но в час, плачевный час, как хвастал он надменно,
Неслыханное зло в то время совершенно:
Конь в брюхо брык,
Упал мужик.
Поднялся крик.

Кто прежде в высоте вверху был над конями,
Тот стал под коньими ногами.

О вы, великие и сильны на земли!
Толь страшну истину из уст моих внимая,
Страшитесь, чтобы не могли
Вы гордостью дойти погибели до края.
И вы, всевышнего подобие и вид,
Цари, я к вам мой глас днесь обращаю,
Простите мне, коль я воспоминать дерзаю,
Что не презрение любовь к вам в нас родит.

ВЕРХУШКА И КОРЕНЬ

Когда-то Корень так в себе сам говорил:
«Зачем мне истоцать своих лишь токмо сил,
Чтобы Верхушку,
Такую лишь вертушку,
Кормить,
Поить
И на себе носить?»
Затем ли сделан я, чтоб ей слугою быть?
Ниже́ она мой повелитель,
Ниже́ и я ее служитель:
Всегда ль мне ей оброк платить?
Вить

И без тебя, мой друг, могу же я прожить.
Ин сем-ка ей давать свои не стану соки,
Не сохнут ли ее авось-либо широки

Боки,
 На коих лишь сидят вороны да сороки».
 Так страшно, в ревности своей, мой Корень рек
 И с словом все пути к Верхушке он пресек,
 Через кои он ей слал питательную воду.
 Приблекло деревцо, свернулись ветви вдруг,
 И наконец Верхушка — бух;
 И Корень мой с тех пор стал превращен в колоду.

Что ж?
 Вить то не ложь,
 И басенка моя не простенька игрушка:
 Итак, какой же бы из ней нам выбрать плод?
 Правительство — Верхушка,
 А Корень — то народ.

ПОЛОВИЦА

Когда-то Половица
 Изволила поднять носок
 И вздвинуть свой бочок
 Так, что другая уж сестрица
 Высокородия ея
 Была подножием сестрицы ног сея.
 «Поди,— она ей говорила,—
 И с нами не якшись;
 Поди и побегу во всю досочью рысь,
 Поколе будет сила».
 Увидев господин, что досочка поднялась,
 Велел ее стесать: она с другой сровнялась.

Я, горделивец, баснь пишу тебе сию:
 Подобно унижат кичливость и твою.

ПЕРО

К его превосходительству Александру Петровичу Ермолову

Не на берегах прозрачной Аретузы,
 Но там, где Вологда медлительно течет,
 В смиренну сень мою спустились кротки музы,
 И прелесть некая с тех пор меня влечет
 Их несть приятны узы.
 Уже и Олешев внимал стихам моим
 Среди сельских долов;
 Теперь хочу я именем твоим
 Украсить басенку, чувствительный Ермолов.

Когда-то (может быть, теперь)
 Перо со Автором быть стало не согласно,
 Сказало так ему: «Мой друг, себе не верь
 И не хвали свое сложение прекрасно.
 Напрасно
 Ты стал бы без меня головушку ломать;
 Тебе бы никогда стихов не написать.

Когда бы за меня не думал ты приняться,
 Не стал бы ты со мной за рифмою гоняться.
 А ты меня отнюдь не бережешь,
 Раз со сто всякий час в чернила обмакнешь,—
     Чей тут
     Поболе труд?
 Спокойно ты сидишь, я только что черкаю —
     И после то ж мараю.
     Так потому стихи сии,
     Без прекословия, мои».

Писатель, тронутый, сказал во оправданье:
 «Неправедно сие, мой свет, твое желанье:
 Орудьем было ты стихи сии писать,
     Но я их сочинитель».

Сильнее можно бы сказать:
 Невидимый в нас ум — деяньям повелитель;
 Лъзя быть деятельным, хотя не хлопотать;
 Победой славится не воин — предводитель.

БАСНЬ

Подражание Де Ла Фонтеню

    Гора в родах
     Стон страшный испускала
     И причиняла смертным страх.
     Вселенна представляла,
 Что город та родит, поболе, как Париж.—
     Она родила мышь.
 Когда себе сию я баснь воображаю,
     Рассказ которой лжив,
     Но смысл правдив,
     Я стихотворца представляю,
     Что в восхищенье восклицает:
 «Пою, как поборал врагов Великий Петр!»
 То много обещать, что ж из того бывает?
     Ветр.

ЗЕРКАЛО

Венецианского искусства труд чудесный,
 Стояло Зеркало в палате золотой,
     И прямо против точки той,
 Где солнце из-за волн спешит на свод небесный.
 Уж первый луч его взливался на буграх
 И нежным горизонт румянцем багрянился,
 Пастух, что мучим быв любовью, пробудился,
 Бродил глухой стезей с овечками в полях.
 Уже настал тот час, что солнце выходило
     Из туч
     И, луч
 В пространство устремив воздушное, открыло
     Во тьме лежавший свет.
     За ним вослед

Такой же солнца круг и в Зеркале явился,
 И золотом кристалл горящим воспалился.
 Сиянье Зеркало в кичливость привело,
 И вот какую речь оно произнесло:
 «Вселенной взоры днесь я с солнцем разделяю
     И всё то презираю,
     На что я ни гляжу:
 Сиянья равного ни в чем не нахожу».
 Но туча мрачная закрыла солнце с краю;
     Весь блеск пропал;
     Кристалл
     Сумрачен стал.
 Лучами милости вельможа осиянный
 Мечтает, что пред ним преклонится весь мир;
 Но только станет ветер дышать непостоянный —
 Льстецы бегут, один останется кумир.

ИЗГНАНИЕ АПОЛЛОНА

На Феба некогда прогневался Зевес
     И отлучил его с небес
     На землю в заточенье.
 Что делать? Сильному противиться нельзя;
 Так Аполлон тотчас исполнил изречение:
 В простого пастуха себя преобразя,
 В мгновение с небес свое направил странство
 Туда, где пенится Пенеев быстрый ток.
 Смиренно платье, посошок
 И несколько цветов — вот всё его убранство.
 Адмету, доброму Фессалии царю,
 Сей кроткий юноша услуги представляет.
 И скоро царскими стадами управляет.
 Находит в пастырях худые нравы, прю,
     Сердец ожесточенье,
     О стаде нераченье,—
 Какое общество поборнику искусств!
 Несчастлив Аполлон. Но сладостной свирелью
 Стараются еще открыть пути веселью,
 Поет — и се уже владыка грубых чувств:
 Влагает в пастырей незнаемую душу,
 Учтивость, дружество, приятный разговор,
 Желанье нравиться; к нему дриады с гор
 И нимфы ручейков сбегаются на сушу.
     Небесны боги сами,
     Один по одному,
 С верхов Олимпа вниз сходились к нему,
 И сельские поля сравнялись с небесами.
 Зевес изгнанника на небо возвратил.

Искусства исправляют нравы.
 Тот первый варваров в людей преобразил,
 Который выдумал для разума забавы.

И.И. Хемницер

МЕДВЕДЬ-ПЛЯСУН

Плясать Медведя научили
И долго на цепи водили;
Однако как-то он ушел
И в родину назад пришел.
Медведи земляка лишь только что узнали,
Всем по лесу об нем, что тут он, промышчали;
И лес лишь тем наполнен был,
Что всяк друг другу говорил:
«Ведь Мишка к нам опять явился!»
Откуда кто пустился,
И к Мишке без души медведи все бегут;
Друг перед другом Мишку тут
Встречают,
Поздравляют,
Целуют, обнимают;
Не знают с радости, что с Мишкою начать,
Чем угостить и как принять.
Где! разве торжество такое,
Какое
Ни рассказать,
Ни описать!
И Мишку все кругом обстали;
Потом просить все Мишку стали,
Чтоб похожденье он свое им рассказал.
Тут всё, что только Мишка знал,
Рассказывать им стал
И между прочим показал,
Как на цепи, бывало, он плясал.
Медведи плясуна искусство все хвалили,
Которы зрителями были,
И каждый силы все свои употреблял,
Чтоб так же проплясать, как и плясун плясал.
Однако все они, хоть сколько ни старались,
И сколько все ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,—
Не только чтоб плясать,
Насилу так, как он, могли на лапы встать;
Иной так со всех ног тут о землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А Мишка, видя то,
И вдвое тут потищился
И зрителей своих поставил всех в ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть и злость искусство всё затмили;
На Мишку окрик все: «Прочь! прочь отсель сейчас!
Скотина эдака умняй быть хочет нас!»
И всё на Мишку нападали,
Нигде проходу не давали,
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужден бежать.

КОНЬ И ОСЕЛ

Конь, всадником гордясь
И выступкой храбрясь,
Чресчур резвился
И как-то оступился.
На ту беду Осел случился
И говорит Коню: «Ну, если бы со мной
Грех сделался такой?
Я, ходя целый день, ни разу не споткнуся;
Да полно, я и берегуся».
«Тебе ли говорить? —
Конь отвечал Ослу. — И ты туда ж несешься!
Твоею выступкой ходить —
И вовек не споткнешься».

УМИРАЮЩИЙ ОТЕЦ

Был отец,
И были у него два сына:
Один сын был умен, другой сын был глупец.
Отцова настает кончина;
И, видя свой конец,
Отец
Тревожится, скучает,
Что сына умного на свете покидает,
А будущей его судьбы не знает,
И говорит ему: «Ах! сын любезный мой,
С какой
Тоской
Я расстаюсь с тобой,
Что умным я тебя на свете покидаю!
И как ты проживешь, не знаю.
Послушай, продолжал, тебя я одного
Наследником всего именья оставляю,
А брата твоего
Я от наследства отрешаю:
Оно не нужно для него».
Сын усумнился и не знает,
Как речь отцову рассудить;
Но наконец отцу о брате представляет:
«А брату чем же жить,
Когда мне одному в наследство,
С его обидою, именье получить?»
«О брате нечего, — сказал отец, — тужить:
Дурак уж верно сыщет средство
Счастливым в свете быть».

ДЕРЕВО

Стояло дерево в долине
И, на судьбу свою пеняя, говорит,
Зачем оно не на вершине
Какой-нибудь горы стоит;

И то ж да то же всё Зевесу докучает.
 Зевес, который всем на свете управляет,
 Неудовольствие от Дерева внимает
     И говорит ему:
 «Добро, переменю твое я состоянье,
     Ко угодженью твоему».
     И дал Вулкану приказанье
     Долину в гору пременить;
 И так под Деревом горою место стало.
 Довольным Дерево тогда казалось быть,
     Что на горе стояло.
 Вдруг на леса Зевес за что-то гневен стал,
     И в гневе приказал
     Всем ветрам на леса пуститься.
 Уж действует свирепых ветров власть:
 Колеблются леса, листья столпом крутятся,
     Деревья ломаются, валяются,
 Всё чувствует свою погибель и напасть;
 И Дерево теперь, стоявши на вершине,
     Трепещет о своей судьбине.
     «Счастливы, говорит,
     Деревья те, которые в долине!
     Их буря столько не вредит».
     И только это лишь сказало —
     Из корня вырванно, упало.
 Мне кажется, легко из басни сей понять,
 Что страшно иногда на высоте стоять.

СКВОРЕЦ И КУКУШКА

Скворец из города на волю улетел,
     Который в клетке там сидел.
 К нему с вопросами Кукушка приступила
     И говорила:
 «Скажи, пожалуй, мне, что слышал ты об нас
 И городу каков наш голос показался?
     Я думаю, что ведь не раз
     Об этом разговор случался?
     О Соловье какая речь идет?»
 «На похвалу его и слов недостает».
 «О Жаворонке что ж?» — Кукушка повторяет,
 «Весь город и его немало похваляет».
     «А о Дрозде
     «Да хвалят и его, хотя и не везде».
     «Позволишь ли ты мне, — Кукушка продолжала, —
     Тебя еще одним вопросом затрудить,
     И обо мне, что слышал ты, спросить?
     Весьма б я знать о том желала:
     И я таки певала».
 «А про тебя, когда всю истину сказать,
     Нигде ни слова не слышать».
     «Добро! — Кукушка тут сказала. —
 Так стану же я всем за это зло платить,
 И о себе сама всё буду говорить».

ОБОЗ

Шел некогда обоз;
 А в том обозе был такой престрашный воз,
 Что перед прочими казался он возами,
 Какими кажутся слоны пред комарами.
 Не возик и не воз, возище то валит.
 Но чем сей барин-воз набит?
 Пузырями.

ДВА СОСЕДА

Худой мир лучше доброй ссоры,
 Пословица старинна говорит;
 И каждый день нам тож примерами твердит,
 Как можно не вплетаться в споры;
 А если и дойдет нечаянно до них,
 Не допуская вдаль, прервать с начала их,
 И лучше до суда, хотя ни с чем, мириться,
 Как дело выиграть и вовсе просудиться
 Иль, споря о гроше, всем домом разориться.

На двор чужой свинья к соседу забрела,
 А со двора потом и в сад его зашла
 И там бед пропасть накутила:
 Гряды изрыла.
 Встревожился весь дом,
 И в доме беганье, содом:
 «Собак, собак сюда!» — домашние кричали.
 Из изб все люди побежали
 И свинью ну травить,
 Швырять в нее, гонять и бить.
 Со всех сторон на свинью напустили,
 Поленьями ее, метлами, кочергой,
 Тот шапкою швырком, другой ее ногой
 (Обычай на Руси такой).
 Тут лай собак, и визг свиной,
 И крик людей, и стук побой
 Таковую кашу заварили,
 Что б и хозяин сам бежал с двора долой;
 И люди травлю тем решили,
 Что свинью наконец убили
 (Охотники те люди были).

Соседы в тяжбу меж собой;
 Непримируемая между соседей злоба;
 Огнем друг на друга соседы дышат оба:
 Тот просит на того за сад изрытый свой,
 Другой, что свинью затравили;
 И первый говорил:
 «Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
 Что у меня ты сад изрыл».
 Другой же говорил:
 «Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,

Что свинью у меня мою ты затравил».

Хоть виноваты оба были,

Но кстати ль, чтоб они друг другу уступили?

Нет, мысль их не туда;

Во что б ни стало им, хотят искать суда.

И подлинно, суда искали,

Пока все животы судьям перетаскали.

Не стало ни кола у истцев, ни двора.

Тогда судьи им говорили:

«Мы дело ваше уж решили:

Для пользы вашей и добра

Мириться вам пора».

КАЩЕЙ

Какой-то был Кащей и денег тьму имел,

И как он сказывал, то он разбогател

Не криводушно поступая,

Не грабя и не разоряя,

Нет, он божился в том,

Что бог ему послал такой достаток в дом,

И что никак он не боится

Противу ближнего в неправде обличиться.

А чтобы господу за милость угодить

И к милосердию и впредь его склонить,

Иль, может быть, и впрямь, чтоб совесть успокоить,

Кащею вздумалось для бедных дом построить.

Дом строят и почти достроили его.

Кащей мой, смóтря на него,

Себя не помнит, утешает

И сам с собою рассуждает,

Какую бедным он услугу показал,

Что им пристанище построить приказал.

Так внутренно Кащей мой домом веселится,

Как некто из его знакомых проходил,

Кащей знакомому с восторгом говорил:

«Довольно, кажется, здесь бедных поместится?»

«Конечно, можно тут числу большому жить;

Но всех, однако же, тебе не уместить,

Которых по миру заставил ты ходить».

СТРОИТЕЛЬ

Тот, кто дела свои вперед всё отлагает,

Тому строителю себя уподобляет,

Который захотел строение начать,

Стал для него припасы собирать,

И собирает их по всякий день немало.

Построить долго ли? Лишь было бы начало

Проходит день за днем, за годом год идет,

А всё строенья нет,

Всё до другого дня строитель отлагает.

Вдруг смерть пришла; строитель умирает,
Припасы лишь одни, не зданье оставляет.

ХОЗЯИН И МЫШИ

Две мыши на один какой-то двор попались,
И вместе на одном дворе они живут;
Но каждой жителямства различные достались,
А потому они и разну жизнь ведут:
Одна Мышь в житницу попала,
Другая Мышь в анбар пустой.
Одна в довольстве обитала,
Не видя нужды никакой;
Другая ж в бедности живет и всё горюет
И на судьбину негодует,
С богатой видится и с нею говорит,
Но в житницу ее попасть никак не может,
И только тем одним сыта, что рухлядь гложет.
Клянет свою судьбу, хозяина бранит,
И наконец к нему Мышь бедна приступила,
Сравнять ее с своей подругою просила.

Хозяин дело так решил,
И Мыши говорил,
Котора с жалобой своею приходила:
«Вы обе случаем сюда на двор зашли
И тем же случаем и разну жизнь нашли.
Хозяину Мышам не сделать уравниенье:
И я скажу тебе:
Анбар и житницу построил я себе
На разное употребленье;
А до мышей мне нужды нет,
Котора где и как живет».

ЛЖЕЦ

Кто лгать привык, тот лжет в безделице и в деле
И лжет, душа покуда в теле.
Ложь — рай его, блаженство, свет:
Без лжи лгуну и жизни нет.
Я сам лжеца такого
Знал,
Который никогда не выговорит слова,
Чтобы при том он не солгал.

В то время самое, как опыты те были,
Что могут ли в огне алмазы устоять,
В беседе некакой об этом говорили,
И всяк по-своему об них стал толковать.
Кто говорит: в огне алмазы исчезают,
Что в самом деле было так;
Иные повторяют:
Из них, как из стекла, что хочешь выливают;
И так

И сяк

Об них твердят и рассуждают;
Но что последнее неправда, знает всяк,
Кто химии хотя лишь несколько учился.

Лжеец тот, которого я выше описал,
Не вытерпел и тут, солгал:
«Да, говорит, да, так; я сам при том случился
(Лишь только что не побожился,
Да полно, он забылся).
Как способ тот нашли,
И до того алмаз искусством довели,
Что, как стекло, его теперь уж плавить стали.
А эдакий алмаз мне самому казали,
Который с лишком в фунт из мелких был стоплен».

Один в беседе той казался удивлен
И ложь бесстыдную с терпением внимает,
Плечами только пожимает,
Принявши на себя тот вид,
Что будто ложь его он правдою считает.
Спустя дней несколько лжецу он говорит:
«Как бишь велик алмаз тебе тогда казали,
Который сплавил? Я, право, позабыл.
В фунт, кажется, ты говорил?»
«Так точно, в фунт», — лжеец подтвердил,
«О! это ничего! Теперь уж плавить стали
Алмазы весом в целый пуд;
А в фунтовых алмазах тут
И счет уж потеряли».

Лжеец видит, что за ложь хотят ему платить,
Уж весу не посмел прибавить
И лжей алмаз побольше сплавить;
Сказал: «Ну, так и быть,
Фунт пуду должен уступить».

БАРОН

Жил-был скупой богач, и у него один
Был сын.
Отец его скончался;
Наследство миллион молодчику достался,
И захотел сынок, имевши миллион,
Бароном сделаться — и сделался барон.
Баронство куплено. Теперь задумал он
Быть, сверх того, еще и знатным господином
И слыть бароном с чином.
Хоть знатных он людей достоинств не имел,
Да он их представлять умел;
И все сбирался и хотел
Министром быть при кабинете,
Чтоб в царском заседать совете,
Иль славным полководцем быть.

Барон! достоинство за деньги не купить!
Но все барон не мог решиться,
К чему бы лучше прилепиться,
Где б больше чести достигнуть:
Министром быть ли добиваться
Иль в полководцы домогаться?
И так в намереньях одних живет барон,
А все достоинство барона — миллион.
Он удивленью был народов
Толпою гайдуков своих и скороходов;
Доходами его почти весь город жил,
Он в золото себя и слуг всех обложил;
И ежели когда в карете проезжался,
То больше лошадей своих он величался.
Льстецам он покровитель был
И ревностно тому служил,
Кто, ползая пред ним, его о чем просил;
А кто поступки все и вкус его хвалил,
Талантами его бесстыдно восхищался,
Тог верно помещен в число друзей тех был,
Которые на счет баронов ели, пили,
Смеясь, в глаза его хвалили;
И в тот же самый час мешки его щечили,
Как уверяли все его,
Что против глаз таких, какие у него,
И Аргусовы ничего.
Надолго ль моту миллиона?
Ему другого нет закона,
Как только чтоб по воле жить,
Страстям и прихотям служить.
Барон наш перестал уж больше говорить,
Министром, полководцем быть,
И только к роскошам одним лишь прилепился;
Пил, ел и веселился.
А как весь миллион баронов истощился,
То стал опять ничто барон,
Таков, как был и прежде он;
Без денег он от всех оставлен очутился,
И доказал своим житьем
Барон наш правду эту всем,
Что детям только зла родители желают,
Когда лишь им одно богатство оставляют:
Богатство — пагуба и вред
Тому, в ком воспитанья нет.

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и невместно,
Но Лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.

Ну, что ж? пускай числа всего бы не достало.
 Ведь это б не мешало
 Дела производить.
 Нет, как же? а устав ужли переступить?
 Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало,
 А сверх того, как Лев совет сей учреждал,
 Он вот как полагал
 И льстился:
 Ужли и впрямь, что ум слонов
 На ум не наведет ослов?

Однако, как совет открылся,
 Дела совсем другим порядком потекли:
 Ослы слонов с ума свели.

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый Конь, увидя Клячу в поле
 В работе под сохой,
 И в неге не такой,
 И не в уборе, и не в холе,
 Какую гордый Конь у барина имел,
 С пренебрежением на Клячу посмотрел,
 Пред Клячею крестьянскою бодрился
 И хвастал, чванился и тем и сем хвалился.
 «Что? — говорит он Кляче той. —
 Бывал ли на тебе убор когда такой,
 Каков убор ты видишь мой?
 И знаешь ли, меня как всякий почитает?
 Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает,
 Всяк обо мне твердит, и всякий похваляет.
 Тебя же кто на свете знает?»
 Несносна Кляче спесь Коня.
 «Пошел, хвастун! — ему на это отвечает. —
 Оставь с покоем ты меня.
 Тебе ль со мной считаться
 И мною насмехаться?
 Не так бы хвастать ты умел,
 Когда бы ты овса моих трудов не ел».

ОСЕЛ-НЕВЕЖА

Навстречу Конь Ослу попался,
 Где путь весьма тесненок был.
 Конь от Осла почтенья дожидался
 И хочет, чтоб ему дорогу уступил;
 Однако, как Осел учтивству не учился,
 И был так груб, как груб родился,
 Он прямо на Коня идет.
 Конь вежливо Ослу: «Дружок, посторонися,
 Чтоб как-нибудь нам разойтись,
 Иль дай пройти мне наперед».
 Однако же Осел невежей выступает,
 Коню проходу не дает.

Конь, видя это, сам дорогу уступает,
Сказав: «Добро, изволь ты первый проходить.
Я не намерен прав твоих тебя лишить
И сам тобою быть».

БОГАЧ И БЕДНЯК

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей,
Того почтения не дождетя,
Какое богачу всегда уж воздается.

Бедняк в какой-то дом пришел,
Который ум и чин с заслугами имел;
Но бедняка никто не только что не встретил,
Ниже никто и не заметил,
Иль, может быть, никто заметить не хотел.
Бедняк наш то к тому, то к этому подходит,
Со всеми разговор и так и сяк заводит,
Но каждый бедняку в ответ
Короткое иль да, иль нет.
Приветствия ни в ком бедняк наш не находит;
С учтивством подойдет, а с горестью отходит.

Потом,
За бедняком,
Богач приехал в тот же дом,
И не имел богач сей ни заслуг, ни чина,
И был прямая он скотина.
Что ж? богачу сказать нельзя какой прием!
Все стали перед богачом,
Всяк богача с почтением встречает,
Всяк стул и место уступает,
И под руки его берут;
То тут, то там его сажают;
Поклоны чуть ему земные не кладут,
И меры нет как величают.

Бедняк, людей увидя лесть,
К богатому неправу честь,
К себе неправое презренье,
Вступил о том с своим соседом в рассужденье.
«Возможно ль,— говорит ему,—
Что так людей богатство ослепляет!
Достоинства того, кто беден, помрачает,
А кто богат, того пороки прикрывает.

Куды как это огорчает!»
 «Дивишься ты чему! —
 Другой на это отвечает.—
 Достоинств ведь займы не ищут никогда,
 А денег завсегда».

ВЕЛИКАН И КАРЛИКИ

Купались карлики. К ним великан пришел,
 Который тож хотел
 Купаться.
 Да видит, для него река
 В том месте, где они купаются, мелка.
 Их спрашивать и добиваться:
 Не знают ли, где глубина?
 «Поди туда,— ему сказали,—»
 Вот там она».
 И место указали.
 Однако же река
 Для великана все мелка,
 Чтобы купаться.
 Еще у них он добиваться.
 «Ну говорят, так там такая глубина,
 Что не найдешь и дна!
 Мы через это место плыли».
 Но всё, где карлики и дна не находили,
 Вброд переходит великан.

Иному и в делах лужайка — океан.

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНИЕ

Увидя Волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
 «Мне мудрено, сказал, и я не понимаю,
 Зачем пастух совсем с них кожу не дерет?
 Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
 И то ж в иных дворах господских примечаю,—
 Зачем бы и ему не так же поступать?»

Слон, волчье слыша рассуждение,
 «Я должен,— говорит,— тебе на то сказать:
 Ты судишь так, как волк; а пастухово мненье —
 Овец своих не убивать.
 С тебя, да и с господ иных примеры брать —
 Не будет наконец с кого и шерсть снимать».

ЖЕЛАНИЕ КАЩЕЯ

«Вот эту б тысячу мне только докопить,
 А там уж стану я довольствуясь жить»,—
 Сказал Кащей, давно уж тысячи имея.

Сбылось желание Кащея,
 Что тысячу он докопил;

Однако же Кащей все недоволен был.
«Нет, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, более желать уже не стану».
Увидим. Тысячу и эту он достал,
Однако слова не сдержал
И тысячу еще желает;
Но уж последнюю, в том точно уверяет.

Теперь он правду говорил:
Сегодня тысячу и эту докопил,
А завтра умер он; и все его именье
Досталось по нем другим на расточенье.

Когда б кащей иной.
Доход приумножая свой,
Еще сегодня догадался
И пользоваться им старался!

ПАУК И МУХИ

«Постой,— Паук сказал,—
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается все мелочь; дай раскину
Пошире паутину,
Авось-либо тогда поймаю и больших».
Раскинув, нажидает их;
Все мелочь попадает:
Большая муха налетит —
Прорвется и сама, и паутину мчит.

А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда.
Вор, например, большой, хоть в краже попадетсЯ,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА

В неволе неутешно быть;
Как не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумав приниматься,
Чтобы беды большой от малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотела
И привязь стала было рвать;
Не рвется привязь; грызть ее — и переела.
Но тою ж привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежнего собаку привязали.

ДРУЗЬЯ

Давно я знал, и вновь опять я научился,
Чтоб другом никого, не испытав, не звать.

Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.

Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!»
«Робята, что же вы стоите?

Поможемте»,— один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.

«Поможем»,— каждый подтвердил.
Но к возу между тем никто не подходил.
А должно знать, что все одной деревни были,
Друзьями меж собою слыли,

Не раз за братское здоровье вместе пили;
А сверх того, между собой,

Для утверждения их дружбы круговой
Крестами даже поменялись.

Друг друга братом всяк зовет,
А братний воз ко дну идет.

По счастью мужика, сторонние сбежались
И вытащили воз на лед.

ЗЕЛЕНЬЙ ОСЕЛ

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.

Повел осла казать по улицам дурак;
И старики и молодые,

И малый и большой,
Где ни взялись, кричат: «Ахти! осел какой!
Сам зелен весь, как чиж, а ноги голубые!

О чем слыхом доселе не слыхать!
Нет,— город весь кричит,— нет, чудеса такие

Достойно вечности предать,
Чтоб даже внуки наши знали,
Какие редкости в наш славный век бывали».

По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;

А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,
Леса, подмости подставляют:

Всем видеть хочется осла, когда пойдет,
А всем идти с ослом дороги столько нет;

И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,

С боков, и спереди, и сзади забега.

Что ж? Два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.
Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, робят чтоб укачать,

Кота уж полно припевать,—
Осла зеленого робятам припевали.

На третий день осла по улицам ведут;
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней
Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить,—
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Был дом,
Где под окном
И чиж и соловей висели
И пели.
Лишь только соловей, бывало, запоет,
Сын маленький отцу проходу не дает.
Все птичку показать к нему он приступает,
Которая так хорошо поет.

Отец, обеих сняв, мальчишке подает.
«Ну, говорит, узнай, мой свет,
Которая тебя так много забавляет?»
Тотчас на чижика мальчишка указал:
«Вот, батюшка, она»,— сказал,
И всячески чижа мальчишка выхваляет:
«Какие перушки! Куды как он пригож!
Затем ведь у него и голос так хорош!»

Вот как мальчишка рассуждает.
Да полно, и в житействе тож
О людях многие по виду заключают:
Кто наряжен богато и пригож,
Того и умным почитают.

ЛОШАДЬ С ВОЗОМ

Когда б приманчивость людьми не управляла,
К чему б тогда годился свет?
Куда б и не идти, теперь иной идет:
Приманчивость ведет.
А эта мысль мне вот с чего припала.
Я видел, лошадь воз с камнями везет,
И очень лошадь уж пристала.
Воз сена впереди идет;
То, чтоб до сена ей добратся,

*Она, хоть через мочь, везти и надседаться,
И так вперед все шла да шла,
Пока воз с камнями до места довезла.*

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ

*Добро, которое мы делаем другим,
Добром же служит нам самим,
И в нүжде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.*

*Случилось Лошади в дороге быть с Ослом;
И Лошадь шла порожняком,
А на Осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под нею задавило.
«Нет мочи, говорит, я, право, упаду,
До места не дойду».
И просит Лошадь он, чтоб сделать одолженье
Хоть часть поклажи снять с него.
«Тебе не стоит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченье»,—
Он Лошади сказал.
«Вот, чтоб я с ношею ослиною таскалась!» —
Сказавши, Лошадь отказалась.*

*Осел потуда шел, пока под ношей пал.
И Лошадь тут узнала,
Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее одна
С ослиной кожей несть была принуждена.*

СТРЯПЧИЙ И ВОРЫ

*Какой-то стряпчий был всем стряпчим образец,
Такой делец,*

Что стряпческими он ухватками своими
Пред всеми стряпчими другими
Взяв первенство, к себе всех истцев приманил;
И, словом, так проворен был,
Что часто им и тот оправдан оставался,
Который сам суду в вине своей признался
И суд которого на казнь уж осудил.

В покраже двух воров поймали,
И должно по суду воров за то казнить;
А это воры знали.
Однако как они о стряпчем тож слышали,
Что, если за кого возьметса он ходить,
Бояться нечего, то стряпчего сыскали,
Сулят ему, что за душой,
Из краденых и денег и вещей,
Лишь только б их оправить,
А пуще бы всего от смерти их избавить.
Ведь тяжело умирать, как есть кому чем жить!

Надеясь от воров подарки получить,
Стал стряпчий за воров ходить,
И выходил, что их на волю отпустили,
Всех вообще судей заставя разуметь,
Что их напрасно обвинили:
Вот каково старателя иметь!

Как скоро их освободили,
В дом стряпчего снесли они, что посулили.
Благодарят
И впредь дарить его сулят.

Как это все происходило,
Что стряпчий от воров подарки принимал
И с ними в радости на счет их пировал,
Уж на дворе не рано было;
И стал гостей он унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только в доме улеглись,
За промысл гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчего пожитки расщечили,
Потом до сонного дошли и самого
И в барышах ему бока отколотили,
Оставя чуть живым его.

Кто плутнями живет и плутням потакает,
От них и погибает.

Все лето Стрекоза в то только и жила,
Что пела;
А как зима пришла,
Так хлеба ничего в запасе не имела.
И просит Муравья: «Помилуй, Муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей:
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть, не знаю.
Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я, право, обещаю
Тебе все вдвое заплатить».

«Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась?» — ей Муравей на это
«Так, виновата в том; да что уж, не взыщи;
Я запастися все хотела,
Да лето целое пропела».
«Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи».
Но это только в поученье
Ей Муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

ДИОНИСИЙ И МИНИСТР ЕГО

Изволь, пожалуйста, отвечать
Так, чтоб и не солгать,
И правду не сказать.

О Дионисию, я чаю, всякий знает,
Известно всем, каков он был.
Слух о делах его и ныне ужасает;
А каково ж тому, кто при тиране жил?
И я не рад, что я об нем заговорил.
Не знаю, как бы поскорее,
Сказав об нем, что понуждая,
Оставить мне его.

Раз у министра своего
Потребовал он мненье,
Когда какое-то, не помню, сочиненье
В стихах дурных он написал,
Да с тем, чтоб он ему всю истину сказал.
Министр привык всегда без лести изъясняться,
И сам тиран его за правду почитал
И часто за нее прощал.
«Стихи,— он отвечал тирану,— не годятся».
Но тут не мог тиран от злости удержаться:
Под караул отдать министра приказал;
Сам переделал сочиненье.

Спустя дней несколько министра он призвал,
Чтоб вновь его услышать мненье.
Министр ему теперь никак не отвечал,

А к караульному, который тут случился,
 Оборотился
 И говорит ему: «Я должен отвечать,
 Так поведи меня под караул опять».

ЛЕСТНИЦА

Все надобно стараться
 С потребной стороны за дело приниматься;
 А если иначе, все будет без пути.
 Хозяин некакий стал лестницу мести;
 Да начал, не умея взяться,
 С ступеней нижних мечь. Хоть с нижней сор сметет,
 А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
 «Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
 Которые при этом были.—
 Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
 Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
 Не с вышних степеней, а с нижних начинать
 Порядок наблюдать?

ДЕЛЕЖ ЛЬВИНЫЙ

Осел с Овцой, с Коровой и с Козой
 Когда-то в пайщики вступили
 И Льва с собою пригласили
 На договор такой,
 Что если зверь какой
 На чьей-нибудь земле, случится, попадет
 И зверя этого удастся изловить,
 То б в случае таком добычу разделить
 По равной части всем, кому что доведется.
 Случись,
 Олень к Козе в тенета попадись.
 Тотчас друг другу повестили,
 И вместе все оленя задушили.

Дошло до дележа. Лев тотчас говорит:
 «Одна тут часть моя и мне принадлежит,
 Затем что договор такой мы положили».
 «Об этом слова нет!» — «Другая часть моя,
 Затем что я
 Львом называюсь
 И первым между вас считаюсь».
 «Пускай и то!» — «И третья часть моя
 По праву кто кого храбрее.
 Еще четверту часть беру себе же я
 По праву кто кого сильнее.
 А за последнюю лишь только кто примись,
 То тут же и протись».

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Волк, долго не имел поживы никакой,
    Был тощ, худой
    Такой,
    Что кости лишь одни да кожа.
И Волку этому случись
    С Собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
    Жирна,
    Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой с Собакою схватиться
    И ею поживиться,
    Да полно, для того не смел,
    Что не по нем была Собака
    И не по нем была бы драка.
И так со стороны учтивой подошел,
    Лисой к ней начал подбиваться,
    Ее дородству удивляться
    И всячески ее хвалить.

«Не стоит ничего тебе таким же быть,—
Собака говорит,— как скоро согласишься
    Идти со мною в город жить.
Ты будешь весь иной и так переродишься,
    Что сам себе не удивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи
И с горем пополам поесть чего ищи;
А даром и куском не думай поживиться:
    Все с бою должно взять;
    А это на какую стать!
    Куды такая жизнь годится?
Ведь посмотреть, так в чем душа-то, право, в вас?
Не евши целы дни, вы все как испитые,
    Поджарые, худые.
Нет, то-то жизнь-то как у нас!
Ешь не хочу всего, чего душа желает:
    После гостей —
    Костей, костей,
Остатков от стола, так столько их бывает,
    Что некуда девать!
А ласки от господ — уж подлинно сказать!»
    Растаял Волк, услыша весть такую,
    И даже слезы на глазах
От размышления о будущих пирах.
«А должность отправлять за это мне какую?» —
Спросил Собаку Волк. — «Что? Должность? ничего! —
    Вот только лишь всего,
Чтоб не пускать на двор чужого никого.
    К хозяину ласкаться
И около людей домашних увиваться».

Волк, слыша это все, не шел бы, а летел;
    И лес ему так омерзел,
Что про него уж он и думать не хотел
И всех волков себя счастливее считает.

Вдруг на Собаке он дорогой примечает,
 Что с шеи шерсть у ней сошла.
 «А это что такое,
 Что шея у тебя гола?»
 «Так, это ничего, пустое».
 «Однако нет, скажи». — «Так, право, ничего.
 Я чаю,
 Это оттого,
 Когда я иногда на привязи бываю».
 «На привязи? — тут Волк вскричал. —
 Так ты не все живешь на воле?»
 «Не все; да полно, что в том нүжды?» — Пес сказал,
 «А нүжды столько в том, что не хочу я боле
 Ни за что всех пиров твоих;
 Нет, воля мне дороже их,
 А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!» —
 Сказал, и к лесу дай бог ноги.

КУРЫ И ГАЛКА

Хозяин, курам корму дать,
 Стал крохи хлеба им кидать.
 Крох этих поклевать
 И Галка захотела,
 Да той отваги не имела
 Чтоб подойти к крохам. Когда ж и подойдет, —
 Кидая их, рукой хозяин лишь взмахнет,
 Все Галка прочь да прочь, и крох как нет, как нет;
 А куры между тем, как робости не знали,
 Клевали крохи да клевали.

Во многих случаях на свете так идет,
 Что счастье иной отвагой получает,
 И смелый там найдет,
 Где робкий потеряет.

ДОБРЫЙ ЦАРЬ

Какой-то царь, приняв правленье,
 С ним принял также попеченье
 Счастливым сделать свой народ;
 И первый шаг его был тот,
 Что издал новое законам учрежденье
 Законам старым в поправленье;
 А чтоб исправнее закон исполнен был,
 То старых и судей он новыми сменил.
 Законы новые даны народу были
 И новые судьи, чтоб лучше их хранили.
 Во всем и вся была отмена хороша,
 Когда б не старая в судьях иных душа.
 А тотчас это зло поправить
 Царь способов не находил,
 Но должен это был
 И воспитанию и времени оставить.

ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал Лев указ публиковать,
 Что звери могут все вперед, без опасенья,
 Кто только смог с кого, душить и обдирать.
 Что лучше быть могло такого позволенья
 Для тех, которые дерут и без того?
 Об этом чтоб указе знали,
 Его два раза не читали.
 Уж то-то было пиршество!
 И кожу, кто лишь мог с кого,
 Похваляют, знай, указ да обдирают.
 Душ, душ погибло тут,
 Что их считают, не сочтут!
 Лисице мудрено, однако, показалось,
 Что позволение такое состоялось —
 Зверям указом волю дать
 Повольно меж собой друг с друга кожи драть! —
 Весьма сомнительным Лисица находила
 И в рассуждении самой и всех скотов.
 «Повыведают бы Льва!» — Лисица говорила
 И львиное его величество спросила,
 Не так чтоб прямо, нет, — как спрашивают львов,
 По-лисьи, на весы кладя значенье слов,
 Все хитростью, обиняками,
 Все гладкими придворными словами:
 «Не будет ли его величеству во вред,
 Что звери власть такую получили?»
 Но сколько хитрости ее ни тонки были,
 Лев ей, однако же, на то ни да, ни нет.
 Когда ж, по львову расчисленью,
 Указ уж действие свое довольно взял,
 По высочайшему тогда соизволенью
 Лев всем зверям к себе явиться указал.

Тут те, которые жирняе всех казались,
 Назад уже не возвращались.
 «Вот я чего хотел, — Лисице Лев сказал, —
 Когда о вольности указ такой я дал.
 Чем жир мне по клочкам собирать с зверей трудиться,
 Я лучше дам ему скопиться.
 Султан ведь также позволяет
 Пашам с народа частно драть,
 А сам уж кучами потом с пашей сдирает;
 Так я и рассудил пример с султана взять».
 Хотела было тут Лисица в возраженье
 Сказать свое об этом мненье
 И изъясниться Льву о следствии худом,
 Да вобразила то, что говорит со Львом...

А мне хотелось бы, признаться,
 Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
 Что также и они в число пашей годятся;
 Да также думаю по-лисьи промолчать.

ПОБОР ЛЬВИНЫЙ

В числе поборов тех, других,
 Не помню, право, я, за множеством, каких,
 Определенных Льву с звериного народа
 (Так, как бы, например, крестьянский наш народ
     Дает оброки на господ),
 И масло также шло для львина обихода.
 А этот так же сбор, как всякий и другой.
     Имел приказ особый свой,
 Особых и зверей, которых выбирали,
 Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
 Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
     А сборщиков не мало было!
 Да речь и не о том; мне хочется сказать
 То, что при сборе том и как происходило.
 Большая часть из них, его передавая,
     Катала в лапах наперед;
     А масло ведь к сухому льнет,
     Так, следственно, его не мало
     К звериным лапам приставало;
     И, царским пользуясь добром,
 Огромный масла ком стал маленьким комком.
     Однако как промеж скотами,
     Как и людскими тож душами,
 Не все бездельники, а знающие честь
     И совестные души есть,
 То эти в лапах ком не только не катали,
 Но, сверх того, еще их в воду опускали,
 Чтоб масло передать по совести своей.
     Ну, если бы честных зверей
     При сборе этом не сыскалось,
     То сколько б масла Льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил?
 Я Льву, на жалобу об этом, говорил:
     «Где сборы,
     Там и воры;
     И дело это таково:
 Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

СЛЕПОЙ ЛЕВ

Был Лев слепой; а быть и знатному слепым
     Дурное, право, состоянье.
 Давай, хоть не давай Лев подданным своим
     О чем какое приказанье,
     Иль правду в том
     Или в другом,
 Не думай Лев узнать: обманут был кругом.
     Я сам не раз бывал при том,
 Когда, пришедши, Льву Лисица репортует,
 Что львов запасный двор находится у ней
     Во всей сохранности своей,

А первая с двора запасного ворует,
 Да и другим дает с собою воровать,
 Чтоб только ей не помешать.
 Волк тож, бывало, Льву наскожет,
 Когда он наловить зверей ему прикажет,
 Что лов сегодня был дурной
 И только лишь ему попался зверь худой;
 А жирных между тем зверей себе оставит
 И, чтоб поверил Лев, свидетелей поставит.
 И словом, всяк, кому по должности дойдет
 Льву донести о чем,— что хочет, то налжет,
 И, кроме воровства и лжи, не жди другого
 От малого и до большого.

Слепого Льва легко обманывать зверям,
 Так, как по разуму слепых господ слугам.

ОСЕЛ В УБОРЕ

Одень невежду
 В богатую одежду,—
 Не сладишь с ним тогда.
 В наряде и ослы по спеси господ.
 По случаю, не помню по какому,
 Но разумеется, что не в лице посла,
 Отправил Лев Осла
 К соседу своему и другу, Льву другому,
 Какие-то, никак, ему подарки снести:
 Посольство отправлять у Льва Лисица есть.
 Но хоть подарки снести Осла употребили,
 Однако, как посла, богато нарядили,
 Хотя б турецкого султана ослепить
 И мир или войну заставить объявить.
 Не вспомнился Осел в уборе, взбеленился:
 Лягается и всех толкает, давит, бьет;
 Дороги ни встречным, ни поперечным нет;
 Ни откупщик еще так много не гордился,
 Сам Лев с зверьми не так сурово обходился.
 Ослов поступок сей
 Против достойнейших Осла других зверей
 Стал наконец им не в терпенье.
 Пришли и на Осла Льву подали прошение,
 Все грубости ему ослы рассказав.
 Лев, просьбу каждого подробно разобрал,—
 Не так, как львы с зверьми иные поступают,
 Что их и на глаза к себе не допускают,
 А суд и дело их любимцы отправляют,—
 Итак, как Лев зверей обиду всю узнал
 И видя, отчего Осел так поступает,
 Осла призвав, ему сказал,
 Чтоб о себе, что он Осел, не забывал:
 «Твое достоинство и чин определяет
 Один убор твой
 Золотой,

Других достоинство ума их отличает».
 И наказать Осла, Лев снять убор велел;
 А как Осел других достоинств не имел,
 То без убора стал опять простой Осел.

ЛЕВ-СВАТ

Лев, сказывали мне, любовницу имел
 (Ведь занимаются любовными делами
 Не только меж людьми, но также меж скотами),
 И жар к любовнице его охолодел.
 А для того он тож (как люди поступают,
 Что за другого с рук любовницу сживают,
 Когда соскучится им все одну любить)
 Хотел красавицу, но не бесчестно, сжить.
 Он Барса пестрого хотел на ней женить.
     Но как он ни старался,
 Жених замеченный никак не поддавался,
     Да Лев бы только приказал,—
     Любить указ ведь не дается;
 А б случаях таких политика ведется
     И у зверей,
     Как у людей.
     К тому же дело щекотливо
 Любовницу себе в жены такую взять,
 Котору ищет сам любовник с рук отдать.
     А потому ничуть не диво,
 Что жениха не мог невесте он сыскать.
 Но свадьбы не хотел уж больше отлагать;
 Без всех чинов Осла он прямо избирает:
 «Послушай,— говорит,— назначил я тебя
     Любовницы моей супругом.
     Возьми ее ты за себя,
     А я за то тебя
 Пожалую в чины, и будешь ты мне другом».
 Осла, не как других, раздумье не берет:
     Осел в бесчестье не загорен,
 На предложенье Льва Осел тотчас сговорен,
 Сказав: «Хоть чести мне в женитьбе этой нет,
     Как говорит и судит свет,
 Да милость львиную она мне обещает.
 К тому и меж людьми то ж самое бывает».

ЧУЖАЯ БЕДА

Ужли чужой беде не должно помогать?
 Мужик воз сена вез на рынок продавать.
 Случился косогор: воз набок повалился.
     Мужик ну воз приподымать,
     И очень долго с возом бился.
 Да видит, одному ему не совладать.
     Прохожих в помощь призывает,
     Того, другого умоляет.
     Тот мимо, и другой,

Всяк про себя ворчит: «Да что-ста, воз не мой,
Чужой!»
Услуга никогда в потерю не бывает.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слышал,
Что за море детей учиться посылают
И что вообще того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с знанием таких людей считают;
И, смотря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.

Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупе возвратился.

Попался к школьным он врялям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили,
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разумеет и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.
В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:

«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести.

А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышляя,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я,— ученый заключал,—
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенье».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот,— говорит,— тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.

Не оборвись!..»

«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя:
«Веревка вещь,— сказал,— такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».

«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».
«Да время надобно,— отец ему на то.—
А это благо уж готово».

«А время что?»
 «А время вещь такая,
 Которую с глупцом я не хочу терять.
 Сиди,— сказал отец,— пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать,
 И в яму к этому в товарищи сослать?..
 Да яма надобна большая!

ДУРАК И ТЕНЬ

Я видел дурака такого одного,
 Который все гнался за тению своею,
 Чтобы поймать ее. Да как? бегом за нею.
 За тенью он — тень от него.
 Из жалости к нему, что столько он трудится,
 Прохожий дураку велел остановиться.
 «Ты хочешь,— говорит ему он,— тень поймать?
 А это что? Ее достать —
 Лишь только стоит наклониться»,
 Так некто в счастья да счастья искал,
 И также этому не знаю кто сказал:
 «Ты счастья ищешь, а не знаешь,
 Что ты, гоняся за ним, его теряешь.
 Послушайся меня, и ты его найдешь:
 Остановись своим желаньем
 В исканьи счастья, доволен состояньем,
 В котором ты живешь».

КОШКА

Жить домом, говорят,— нельзя без кошек быть.
 Домашняя нужна полиция такая
 Не меньше, как и городская:
 Зло надобно везде стараться отвратить.
 И взяли кошку в дом, чтобы мышей ловить.
 И кошка их ловила.
 Хозяйка дому, должно знать,
 Птиц разных при себе держать
 Любила.
 Какой-то в кошку бес вселился, что с мышей
 Она на птичек напустила
 И вместе наряду с мышами их душила.
 За это ремесло свернули шею ей:
 «Ты в дом взята была,— хозяйка говорила,—
 Не птиц ловить — мышей».

ПЕС И ЛЬВЫ

Какой-то Пес ко львам в их область жить попался,
 Который хоть про львов слышал,
 Однако никогда в глаза их не видал,
 А менее того их образ жизни знал.
 А как ко львам он замешался,

Того я не могу сказать,
 Когда мне не солгать.
 Довольно, Пес ко львам попался
 И между львов живет.
 Пес видит, что у львов коварна жизнь идет:
 Ни дружбы меж собой, ни правды львы не знают,
 Друг друга с виду льстят, а внутренне терзают.
 Привыкнув жить меж псов одною простотой,
 Не зная ни коварств, ни злобы никакой,
 Дивится жизни таковой
 И рассуждает сам с собой:
 «Хоть псы между собой грызутся
 И тож, случится, подерутся,
 Однако в прочем жизнь у них
 Без всех коварств и мыслей злых,
 Не как у львов». Пса жизнь такая раздражает,
 Жилище львов он покидает.
 Пес, прибежав домой, рассказывает псам:
 Нет, наказание достаться жить ко львам,
 Где каждый час один другого рад убить,
 А вся причина та (когда у львов спросить):
 Лев всякий хочет львищем быть.

ДВА ЛЬВА СОСЕДИ

Два Льва, соседи меж собой,
 Пошли друг на друга войной,
 За что, про что — никто не знает;
 Так им хотелось, говорят.
 А сверх того, когда лишь только захотят,—
 Как у людских царей, случается, бывает,—
 Найдут причину не одну,
 Чтоб завести войну.
 Львы эти только в том от них отменны были,
 Когда войну они друг другу объявили,
 Что мира вечного трактат,
 Который иногда не служит ни недели,
 Нарушить нужды не имели,—
 Как у людских царей бывает, говорят,—
 Затем что не в обыкновеньи
 У львов такие сочиненьи.
 Итак, один из этих Львов
 Другого полонил и область, и скотов.
 Привычка и предубежденье
 Свое имеют рассужденье:
 Хотя, как слышал я о том,
 Житье зверям за этим Львом
 Противу прежнего ничем не хуже стало
 (Не знаю, какво прошедшее бывало),
 Однако каждый зверь все тайным был врагом,
 И только на уме держали,
 Как это им начать,
 Чтоб им опять за старым быть.
 Как в свете все идет своею чередою,—

Оправясь, старый Лев о том стал помышлять
Войною возвратить, что потерял войною.
Лишь только случай изменить
Льву звери новому сыскали,
Другого случая не ждали:
Ягнята, так сказать, волками даже стали.
Какую ж пользу Лев тот прежний получил,
Что на другого Льва войною он ходил?
Родных своих зверей, воюя, потерял,
А этих для себя не впрок завоевал.
Вот какова война: родное потеряй,
А что завоевал, своим не называй.

НАРОД И ИДОЛЫ

На простяков всегда обманщики бывали
Равно в старинные и в наши времена.
Ухватка только не одна,
Какую обмануть народ употребляли;
А первых на обман жрецов,
Бывало, в старину считали.
От наших нынешних попов
Обманов столько нет: умные люди стали.
А чтоб обманывать народ,
Жрецов был первый способ тот,
Что разных идолов народу вымышляли:
Везде, где ни был жрец, и идолы бывали.
Народ, о коем я теперь заговорил,
Обманут точно тем же был.
Жрец, сделав идола и принося моление,
Ему на жертвоприношение
Давать и приносить народу предписал
Все то, что, например, и сам бы жрец желал:
Жрецы и идолы всегда согласны были,
Не так, как то у нас бывает меж судей,
Что, против истины вещей,
Не могут иногда на мнение согласиться.
Но, чтобы к идолу опять нам возвратиться,—
Сперва народу дан один лишь идол был;
Потом уж идол народил
Еще, да и еще, и столько прибывало,
Что наконец числа не стало.
Как это разуметь, что идол мог родить?
Об этом надобно самих жрецов спросить.
Такие ли еще их чудеса бывали!
Жрецы на жерновах водою разъезжали;
Так мудрено ль, когда их идолы рожали?
По-моему, так мой простой рассудок тот:
В чудотворениях жрецов не сомневаться,
А слепо веровать; от них все может стать.
Чем более семья, тем более расход;
Тащут со всех сторон для идолов народ
И есть, и пить, и одеваться,
А сверх того, еще наряды украшаться,

А у народа все какой и был доход.
С часу на час народ становится бедняе,
А жертвы идолам с часу на час знатняе.
Народ сей наконец от идолов дошел,
Что пропитанья сам почти уж не имел.
Сперва повольно дань жрецы с народа брали,
Потом уж по статьям народу предписали,
По сколько идолам чего с души давать.
Народ сей, с голоду почти что помирая,
Соседов стал просить, чтоб помощь им подать,
Свою им крайность представляя.
«Да как,— соседи им сказали,—
До крайности такой дошли
Вы, кои б хлебом нас ссудить еще могли?
Земля у вас всегда богато урожала,
А ныне разве перестала?
Иль более у вас трудиться не хотят?»
«Нет, все родит земля как прежде,— говорят,—
И мы трудимся тож, как прежде,— отвечают,—
Да что мы ни сожнем, все боги поедят».
«Как? боги есть у вас, которые едят?»
«Так наши нам жрецы сказали
И, сверх того, нам толковали:
Чем больше боги с нас возьмут,
Тем больше нам опять дадут».
«Быть так, поможем вам, но знайте,— говорят,—
Вас должно сожалеть, а более смеяться,
Что вы на плутовство жрецов могли поддасться.
Не боги хлеб у вас — жрецы его едят,
И если впредь опять того же не хотите,
Так от себя жрецов сгоните,
А идолов своих разбейте и сожгите.
У нас один лишь бог; но тот не с нас берет,
А напротив того, наш бог все нам дает.
Его мы одного лишь только прославляем,
По благостям одним об нем мы вображаем,
А вид ему не можем дать».
Решился ли народ отстать
От закоснелого годами заблужденья,
От идолов своих и жертвоприношенья,—
Еще об этом не слышать.

МУХА И ПАУК

В прекрасном здании одном,
Великолепном и большом,
В котором сколько все искусством поражало,
То столько ж простотой своей равно прельщало,
В сем самом здании на камне заседала
Одна премрачная из мух и размышляла,
Так, как бы, например, ученый размышлял,
Когда глубокую задачу раздробляет.
А что у мух всегда вид пасмурный бывает,
И часто голова ногою подперта,

И бровь насуплена, тому причина та,
    Что много мухи разумеют
И в глубину вещей стараются входить,
А не вершки одни учености схватить.
Премудрой Мухе, здесь сидящей в размышленьи,
В таком же точно быть случилось положеньи.
Нахмуря плоский лоб полдюжиной морщин
В искании вещам и бытиям причин:
    «Хотелось бы мне знать,— сказала,—
    Строенье это от чего?
И есть ли кто-нибудь, кто сотворил его?
По-моему, как я об этом заключала,
То кажется, что нет; и кто бы это был?»
«Искусство,— пожилой Паук ей говорил,—
    Все, что ты видишь, сотворило;
    А что искусство это было,
Свидетельствует в том порядок всех частей
    Тобою видимых вещей».
«Искусство?— Муха тут с насмешкой повторила.—
    Да что искусство-то?— спросила.—
И от кого оно? Нет, нет, я, размышляя,
    Другого тут не нахожу,
Как то, что это все лишь выдумка пустая.
    А разве я тебе скажу,
Как это здание и отчего взялося.
Случилось некогда, что собственно собой
Здесь мелких камушков так много собралось,
Что камень оттого составился большой,
В котором оба мы находимся с тобой,
    Ведь это очень ясно мненье?»
    Такое Мухи рассужденье,
    Как Мухе, можно извинить;
Но что о тех умах великих заключить,
Которые весь свет случайным быть считают
Со всем порядком тем, который в нем встречают,
И лучше в нем судьбе слепой подвластны быть,
    Чем бога признавать, решились?
Тех, кажется, никак не можно извинить,
А только сожалеть об них, что повредились.

Я.Б. КНЯЖНИН

РЫБАК

Жил-был охотник рыбу удить.
Кто рыбу удил иногда,
Тот всяк легко рассудит,
Какого стоит то труда,
Какого беспокойства.
Охота рыбная не годна никуда,
Не моего охота эта свойства;
Однако же у всякого свой вкус.
Рыбак мой был не трус;
Сидит он у пруда, у озера, у речки,
Бросает уду днем, бросает и при свечке,
Но рыба не клюет.
Ловец напрасно рыбки ждет:
Сидит вся рыба дома,
Боится рыбака, как черт боится грома.
Казалось, что в водах нет больше рыб;
Иной бы, не привыкший к скукам,
Охоту всю свою отшиб
К форелям, к судакам и щукам.
Я плюнул бы на мокрых сих бояр,—
Пуускай их чванятся и не хотят казаться;
А я для этого уж слишком стар,
Чтобы немых в передней дожидаться.
Однако же надежда рыбака
Толкает под бока
И много рыб ему сулит на уду.
Вот так
Мой думает рыбак:
«Сегодня счастливей я буду,
Сегодня много наловлю,
И засушу, и насолю,
Ухою голод утолю,
Сухоядение вчерашнее забуду».
С такой надеждою ранехонько встает
И рыб опять обманывать идет.
Уж под вечер, как он отчаяв́лся,
И вправду карп ему попался.
Отяжелел на уде крюк,
И уда задрожала.
Весельем в рыбаке душа вострепетала.
Карп вытащен из влаги вдруг:
Карп этот был дороден, плотен;
Какая радость, кто есть рыб охотен!
«Здорово, карп, здорово ты, мой друг!—
Рыбак мой восклицает.—
Уже давно тебя очаг мой ожидает;
На ужин милости прошу к себе:
Я голоден, ты жирен,
Я в ужине себя дам знать тебе».
Но карп мой дик, не смирен:
Он людям незнаком.

За ужиною с рыбаком
 Быть не намерен и не хочет;
 Вертится на крюку, хлопочет,
     Недолго поскакав
     И уду оторвав,
     К безмолвному народу,
 Как воздух бьет стрела насквозь,
     Так поплыл он сквозь воду —
 И сделал рыбака хоть брось.
     Мы все, сему подобно,
     За случаем гонясь,
     По времени вертясь
 И время наконец сыскав удобно,
 Хватаемся с восторгом за случай;
     Но счастье невзначай
     Себя переменяет
     И своего истца,
     Как рыб сего ловца,
     С насмешкой оставляет.

МОР ЗВЕРЕЙ

За беззаконие львов, тигров, барсов,
     Четвероножных оных Марсов,
 Которым отданы в правление леса,
     Разгневаннные небеса
     Послали мор; валяются звери,
 Повсюду к смерти им отверсты страшны двери.
 Окончились пиры, которые они
     В спокойны прежде дни
     На счет овец и зайцев устроили;
 И звери в ужасе уже не звери стали.
 Изнемогают все, хоть смерть разит не всех.
     Гусей и кур лисицы не вкушают,
     И горлицы друг друга убегают.
 Нет более любви в лесах и нет утех.
 Глас добродетели сам хищный Волк стал слушать,
 Исправил наконец и Волк свой грешный век
     И стал он добрый человек;
     Но отчего?— Не хочет боле кушать.
 Сбирает Лев совет и говорит: «Друзья!
 Конечно, за грехи несчастье нам такое.
     Чтоб отвратить толико время злое,
     Кто всех грешней, хотя б то был и я,
 Тот должен искупить все общество собою,
 Тот должен умереть за общество один,
 И будет славный он по смерти господин
     Доволен бы я был моей судьбою,
     Когда б грешнее всех я был:
 Я жизньню б народ звериный искупил.
 И имя было бы мое всех львов слышнее.
     Я признаюсь, и я не без греха,
 Эдал я и овец, эдал и пастуха,
     Но я неужто всех грешнее?

Пусть всяк, подобно мне, открыв смиренный дух,
Покаяся, грехи свои расскажет вслух».
— «Великий государь,— Лисица возглашает,—
Ты праведен и милосерд всегда;
Твоя священна лапа иногда
Овец, любя, тазает;
Но что же это за беда?
Что их изволишь кушать —
То честь для подлости такой:
Они на то и созданы судьбой.
Нет, слишком совести своей изволишь слушать,
И также нет греха
Терзать и пастуха;
Он из числа той твари пренесносной,
Которая, не знаю почему,
Во гордости, зверям поносной.
Не ставя меры своему
Уму,
Себе владычество над нами присвоит
И даже и на Льва с презрением взирает».
Известно, ежели кто вступится за Льва,
С тем будут все согласны;
Итак, Лисицыны слова
Казались всем и правы и прекрасны.
Не смели также разбирать
Грехи волков, медведей строго,
И словом то сказать,
Кто был драчун хотя немного,
Тот был и праведен и свят.
Кто силен, никогда не будет тот повешен.
Но вот валит Осел, преглупый пустосвят,
И говорит: «Я много грешен!
Однажды вечером я близко шел лугов,
Монастырю луга принадлежали;
Не видно было там монахов, ни ослов,
Они все спали.
Я был один, и был тому я рад.
Трава молодая, случай, глад,
А более всего черт силен;
Вводит ослов во грех
Черт в вымыслах всегда обилен:
Приманкою там многих он утех
Мне пакости настроил,
Я весь монашеский лужок себе присвоил
И травки пощипал...»
— «В тюрьму осла! — вдруг весь совет вскричал,—
Его-то нас губит ужасно прегрешенье:
Есть ближнего траву! о, страшно преступленье!»
И, чтоб злодейства впредь такие отвратить,
Травы для защищенья,
Осла повелено казнить
Погибели для отвращенья.

И у людей такой же нрав:
Кто силен, тот у них и прав.

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб гордый, головой касаяся до неба,
На гибку Трость смотрел с презреньем с высоты,
«Какая,— говорит он ей,— в тебе потреба?
Пастушьей простоты
Игра и шутка,
Бывает из тебя лишь только дудка;
Из ветвий же моих полубогам венцы
Сплетаются, победы их в награду.
Героям я даю отраду;
А ты — утеха ты барана иль овцы.
Творение, презренно целым миром,
Что дует, ты всему покорная раба;
Ты даже спину гнешь пред слабеньким Зефиром,
А мне ничто Бореева труба».
Как водится пред знатным господином,
Пред силой коего все — мелкая черта,
Трепещущая Трость, не разевая рта,
Почтенному дубовым чином,
Чтоб лишних избежать сует,
Дает низжайшими поклонами ответ.
Но вот, нахмурия брови черны
И ветрену Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Все бей, все грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!»
Тирану этому уклончивая Трость,
Опять согнув хребтову кость,
Покорно бьет челом, ему упавши в ноги.
Не прикоснулась Бореева к ней злость;
Безвредно ей он мчится по дороге
Туда, где крепкий Дуб стоит;
Он ждет и от него поклона,
Но Дуб от спеси лишь кряхтит,—
Не хочет Дуб нести Бореева закона.
Сильнее ветер там, где более упор;
И гневаться Борей безмерно скор:
С такую яростью на Дуб упрямый дунул,
Что с места он его и с корнем ссунул.

Д.И. ФОНВИЗИН

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Кознодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт,
Пучину благодати, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала,
И правда на суде бесстрашно председадала;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель...»
«О, лесть подлеишая!— шепнул Собаке Крот.—
Я знал Льва коротко: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик слабоум, писатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных,
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско расписал монаршью пещеру:
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьёго дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты?
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями:

Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

И.П. Пнин

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР И ЗЕФИР

«Какие всюду я ношу опустошенья:
 Лишь дуноу — все падет от страшных моих сил!—
 Так, с видом гордого презренья,
 Ветр южный кроткому Зефиру говорил.—
 Крепчайшие древа я долу повергаю,
 Обширнейших морей я воды возмущаю,
 И бурь ужаснейших бываю я творец.
 Скажи, Зефир, мне, наконец,
 Не должен ли моей завидовать ты части?
 Смотри, как разнишься со мною ты во власти!
 С цветочка на цветок порхаешь только ты,
 Или над пестрыми летаешь ты полями;
 Тебе покорствуют лужочки и кусты,
 А я, коль захочу, колеблю небесами».
 — «Тиранствуй, разоряй, опустошая мир,
 Пусть будут все тебя страшиться, ненавидеть,—
 С приятной тихостью сказал ему Зефир,—
 Во мне ж пусть будет всяк любовь и благодать видеть».

ТЕРНОВНИК И ЯБЛОНЯ

Вблизи дороги небольшой
 Терновник с Яблонью росли;
 И все, кто по дороге той
 Иль ехали, иль шли,
 Покою Яблоне нимало не давали:
 То яблоки срывали,
 То листья обивали.
 В несчастье зря себя таком,
 Довольно Яблоня с собою рассуждала;
 Потом
 Накрепко предприняла
 Обиды все переносить
 И всем за зло добром платить.
 Терновник, близ ее в соседстве возрастая
 И злобою себя единою питая,
 Чрезмерно тем был рад,
 Что в горести, в тоске нет Яблоне отрад:
 «Вот добродетелям твоим какая мзда!
 Вот что за них ты получила!
 Но если б ты, как я, свою жизнь проводила,
 То б ни несчастье, ни беда
 Не смели до тебя вовеки прикасаться.
 Ты стала б, как и я,
 Покоем наслаждаться».
 Терновник, Яблоне слова сии твердя,
 Над муками ее язвительно смеялся.
 Но вдруг — откуда, как, совсем не знаю — взялся
 Прохожий на дороге той
 И, Яблони прельстясь плодами,

Вдруг исполинскими шагами
 Подходит к ней и мощною рукой
 Все древо потрясает;
 Валятся яблоки сюда, туда,
 К ногам Терновника иное упадет.
 Прохожий же тогда,
 Не мысля ни о чем, лишь только подбирает;
 И как-то невзначай за терн он зацепляет —
 Мгновенно чувствует он боль в руке своей,
 Зрит рану и зрит кровь, текущую из ней,
 И чает,
 Что сея злее раны не бывает.
 Правдива ль мысль сия?
 Кто хочет, тот о том пускай и рассуждает:
 Рука его, а не моя.
 Но это пусть всяк знает.
 Что в гневе, в ярости своей
 Прохожий до корня Терновник отсекает.

Читатель! В басне сей
 Ты можешь видеть ясно,
 Что люди добрые хоть терпят и ужасно,
 Хоть сильно гонят их, однако ж почитают,
 Злодеев же тотчас немедля истребляют.

ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

Все люди в свете сем подвержены страстям.
 К несчастью, страсти их почти всегда такие,
 Что следствия от них бывают им худые;
 Всечасно нашим то встречается глазам,
 Привержен как иной ко взяткам и крючкам,
 Как сильно прилеплен другой к обогащенью,
 Иной к вину, тот к развращенью,
 Иной к игре, другой к властям...
 А Клит, читатели, пристрастен к лошадям.
 Нетрудно согласиться,
 Что бы полезнее то было во сто раз,
 Когда бы всякий между нас
 Ко пользе общества желал всегда стремиться;
 Но, видно, этому так скоро не бывать!

Меж тем уж Клит идет ту лошадь торговать,
 Которую к нему недавно приводили,
 Которою в нем страсть лишь пуще возбудили,
 И Клит купил... Но что ж? Как лошадь ни статна,
 Собою как ни красива,
 Погрешность в ней тотчас открылася одна,
 А именно: была весьма пуглива.
 Однако этого не ставит Клит бедой,
 Он сей порок весьма легко исправить чает;
 И только что успел приехать он домой,
 То способ вот какой на то употребляет:
 Велел тотчас салфетку взять

И лошади глаза покрепче завязать.
Потом
Садится на нее верхом
И скачет близ всего,
Чего пугался конь до случая сего.
С завязанными конь глазами,
Не зря предметов пред собой,
Мчит смело седока, пыль вносит облаками...
И в ров глубокий водяной
С собою всадника с стремленьем вовлекает.

О вы, правители скотов или людей!
Заметьте через опыт сей,
Что тот безумно поступает,
Кто нужный свет скрывает
От их очей;
Что скот и человек, когда лишены зренья,
Опаснее для управленья.

Г.Р. Державин

МЕДВЕДЬ, ЛИСИЦА И ВОЛК

Медведь, Лиса и Волк согласно жили,
 Гуляли вместе, ели, пили,
 На промысел ходили заодно.
 Подцапали в одно
 Они теличку время.
 Медведь, добычу взяв в беремья,
 «Послушайте,— сказал,— коль всем нам части брать,
 То мало этого всем голод нам унять;
 А старей кто из нас, пускай тот и владеет
 Обедом сим:
 Промыслим после мы другим;
 Но старшинство везде ведь первенство имеет».
 — «Изрядно,— говорит Лиса.—
 Когда создались небеса
 И твердь звездами убралася,
 Тогда я родилася».
 — «Стара, кума, и ты,— Волк начал говорить,—
 Но не успели звезд ко тверди пригвоздить,
 Как я на свет сей произшел!» —
 И есть было теличу шел.
 «Ну, врешь,— сказал Медведь, оскалившись зубами.—
 Пусть молод, но сильней я всех теперь меж вами,
 Да мне же хочется и есть:
 Так мне принадлежит и старшинство и честь».

ЛЕВ И ВОЛК

Волк Льву пенял, что он не сделан кавалером,
 Что Пифик с лентою и с лентою Осел,
 А он сей почести еще не приобрел
 И стал его к себе немилости примером,
 Когда их носит шут, да и слуга простой,
 А он не получил доньине никакой.
 Лев дал ответ: «Ведь ты не токмо не служил,
 Но даже никогда умно и не шутил».

ФОНАРИ

Случилось в паре
 Быть фонарям в анбаре:
 Кулибинскому и простому,
 Такому,
 Как ночью в мрачну тень
 С собою носит чернь.
 Кулибинский сказал: «Как смеешь, старичишка,
 Бумажный фонаришка,
 Ты местничать со мной?
 Я барин, я начальник твой.
 Ты видишь, на столбах ночью как порою
 Я светлой полосою

В каретах, в улицах и в шлюпках на реке
 Блистаю вдалеке.
 Я весь дворец собою освещаю,
 Как полная небес луна».
 — «Так, подлинно, и я то знаю.—
 Ответствовал простой фонарь.—
 Моя перед твоей ничто величина.
 Сиянием вдали ты царь,
 Лучами яркими ты барин;
 Но только разве тем со мной не равен,
 Что, вблизи и с стороны покажемся кому,
 Во мне увидят свет, в тебе увидят тьму,
 И ты окружных стекл лишь светишь лоскутками».

Иной и господин умен секретарями.

СТРУЯ И ДОМ

Вод струйка, капелька, слезинка под землей
 Сквозь берегу прокралась —
 И все час от часу извивистой змеей,
 И так своей водой
 Тихонько расширялась,
 Что сделалась ручьем
 И стала подмывать вседневно и всеночно
 Прекрасный дом,
 В котором весело, роскошно
 Боярин знатный жил,
 Столы давал, сады садил
 И в мысли не имел о ближущемся роке.
 Но как сия
 Уже струя
 Усилилась в своем обширном быстром токе,
 То вдруг открылась свирепою рекой.
 Прости, прекрасный дом!
 И место, где ты был, струя умчала.

Сей притчи смысл такой:
 Предупреждай беду сначала,
 Доколь не грянул гром.

КРЕСТЬЯНИН И ДУБ

Рубил Крестьянин Дуб близ корня топором.
 Звучало дерево, пускало шум и гром;
 И листья на ветвях хотя и трепетали,
 Близ корня видючи топор,
 Но, в утешение себе, с собой болтали,
 По лесу распуская всякий вздор;
 А Дуб надеялся на корень свой, гордился
 И презирал мужичий труд.
 Мужик же все трудился
 И думал между тем: «Пускай их врут.
 Как корни подсеку — и ветви упадут!»

БОЙНИЦА И ВОДОПАД

С гор страшный водопад лился, шумя рекою;
 С бойницы же ревел град ядр, и огонь, и гром.
 Так что и с твердою душою
 Нельзя идти к ним напролом.
 Но воинам чрез них пробраться было должно:
 В военной службе нет не можно!
 Что ж делать, что начать?
 На месте не стоять.
 Назад не отступить,
 Чтоб не прослыть трусами;
 Сего не водится меж русскими полками.
 Но, к счастью, вождь у них старик уж был седой,
 Хоть не мудрец и не герой,
 А самый человек простой,
 Но только в опытах весь век прошедший свой.
 «Чего, ребята, вам бояться? —
 Он им с усмешкою сказал
 И батарею им и волн рев перстом показал. —
 Осмелитесь попытаться!
 Под этот поднырнем,
 Под эту подползем».
 Вот так и сделалось — решились:
 Вода и огонь чрез них перекатились.

 Какой бы нам извлечь из притчи сей совет?
 Ум опытный лишь зрит и отвращает вред.

ХОЗЯЙКА

Хозяйка, клюшница, досужа домоводка,
 Старуха иль молодка,
 Нет нужды до того, но только мать,
 Держала в доме птиц и их сама кормила,
 Умеренно бросая зерн.
 Довольны птицы были,
 Что шел им нужный корм;
 Хозяйку все хвалили,
 Благодарили,
 И меж собою говорили:
 «Чего ж еще? Дают нам хлеб зобать.
 А чтоб нам жирным стать,
 Того мы можем подождать,
 И на хозяйку не за что сердиться».
 Меж тем хозяйке той случилось отлучиться
 Куды-то со двора;
 Она ушла,
 Замедлилась, а птиц кормить пора пришла.
 Мальчишка, сын ее, схватя с пшеницею лукошко
 И высунясь по пояс из окошка,
 Ну полной горстью корм бросать;
 А птицы — ну клевать,
 И, наклевавшись до сыта,

Как уж нечего им стало ждать,
Пошли по гнездам спать.

Хозяйка домовита
С умом умела награждать.

КОРАБЛЬ И ИГЛА

Корабль на полных парусах
Летел, как птица на крылах,
— За ним не успевало око,—
И думал о себе вельми высоко:
«Как,— говорил,— чтоб смел со мною кто равняться
В отваге, быстроте, величии, красе?
Не может статься;
Ничто передо мною все!»
«Так точно, государь! ты можешь величаться,—
Сказала на корме магнитная Игла.—
Ты царь морей! Я твой министр, я прах земли,
И в мыслях равной быть с тобою я страшуся;
Но, смею доложить, я сколько ни мала,
А лишь попорчусь, пошатнуся —
Ты сядешь на мели.

И.И. Дмитриев

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТ СВЕТА

Восточны жители, в преданиях своих,
 Рассказывают нам, что некогда у них
 Благочестива Мышь, наскуча суетою,
 Слепого счастья игрою,
 Оставила сей шумный мир
 И скрылась от него в глубокую пещеру:
 В голландский сыр.
 Там, святостью одной свою питая веру,
 К спасению души трудиться начала:
 Ногами
 И зубами
 Голландский сыр скребла, скребла
 И выскребла досужным часом
 Изрядну келейку с достаточным запасом.
 Чего же более? В таких-то Мышь трудах
 Разъелась так, что страх!
 Короче — на пороге рая!
 Сам бог блюдет того,
 Работать миру кто отрекся для него.
 Однажды пред нее явилось, въздыхая,
 Посольство от ее любезных земляков;
 Оно идет просить защиты от дворов
 Противу кошечья народа,
 Который вдруг на их республику напал
 И Крысополис их в осаде уж держал.
 «Всеобща бедность и невзгода,—
 Посольство говорит,— причиною, что мы
 Несем пустые лишь сумы;
 Что было с нами, все проели,
 А путь еще далек! и для того посмели
 Зайти к тебе и бить челом
 Снабдить нас в крайности посильным подаяньем».

Затворница на то, с душевным состраданьем
 И лапки положила на грудь свою крестом:
 «Возлюбленны мои!— смиренно отвечала.—
 Я от житейского давно уже отстала;
 Чем, грешная, могу помочь?
 Да ниспошлет вам бог! а я и день и ночь
 Молить его за вас готова».

Поклон им, заперлась, и более ни слова.

Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
 Монах? Избави бог и думать!.. Нет, Дервиш.

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры.
 «Жалею,— Дуб сказал, склоня к ней важны взоры,—
 Жалею, Тросточка, об участи твоей!
 Я чаю, для тебя тяжел и воробей;

Легчайший ветерок, едва струящий воду,
 Ужасен для тебя, как буря в непогоду,
     И гнет тебя к земле;
 Тогда как я — высок, осанист и вдали
 Не только Фебовы лучи пересекаю,
 Но даже бурный вихрь и громы презираю;
 Стою и слышу вокруг спокойно треск и стон;
 Все для меня Зефир, тебе ж все Аквилон.
 Блаженна б ты была, когда б росла со мною:
     Под тению моей густою
 Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил
     Расти, наместо злачна дола,
 На топких берегах владычества Эола,
 По чести, и в меня твой жребий грусть вселил».

«Ты очень жалостлив, — Трость Дубу отвечала, —
 Но, право, о себе еще я не вздыхала,
     Да не о чем и вздыхать:
 Мне ветры менее, чем для тебя, опасны:
     Хотя порывы их ужасны
 И не могли тебя досель поколебать,
 Но подождем конца». С сим словом вдруг завыла
 От севера гроза и небо помрачила;
 Ударил грозный ветер — все рушит и валит,
 Летит, кружится лист; Трость гнется — Дуб стоит.
 Ветр, пуще вооружась, из всей ударил мочи,
 И тот, на коего с трудом взирали очи,
 Кто ада и небес едва не досягал —
     Упал!

ПЕТУХ, КОТ И МЫШОНОК

О дети, дети! как опасны ваши лета!
     Мышонок, не выдавший света,
 Попал было в беду, и вот как он об ней
     Рассказывал в семье своей.
     «Оставляя нашу нору
 И перебравшись чрез гору,
 Границу наших стран, пустился я бежать,
     Как молодой Мышонок,
     Который хочет показать,
     Что он уж не ребенок.
 Вдруг с рóзмаху на двух животных набежал:
     Какие звери, сам не знал;
 Один так смирен, добр, так плавно выступал,
     Так милovidен был собою!
 Другой нахал, крикун, теперь лишь будто с бою;
 Весь в перьях; у него косматый крючком хвост,
     Над самым лбом дрожит нарост
     Какой-то огненного цвета,
 И будто две руки служащи для полета;
     Он ими так махал
     И так ужасно горло драл,
 Что я, таки не трус, а подавай бог ноги—
     Скорее от него с дороги.

Как больно! Без него я, верно бы, в другом
 Нашел наставника и друга!
 В глазах его была написана услуга;
 Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
 С каким усердием бросал ко мне он взоры,
 Смиренны, кроткие, но полные огня!
 Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
 Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
 А уши как у нас, и я по ним сужу,
 Что у него должна быть симпатія с нами,
 Высокородными Мышами».

«А я тебе на то скажу,—
 Мышонка мать остановила,—
 Что этот доброхот,
 Которого тебя наружность так прельстила,
 Смиренник этот... Кот!
 Под видом кротости, он враг наш, злой губитель;
 Другой же был Петух, миролюбивый житель.
 Не только от него не видим мы вреда
 Иль огорченья,
 Но сам он пищей нам бывает иногда.
 Вперед по виду ты не делай заключенья».

ЧИЖИК И ЗЯБЛИЦА

Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет:
 «Ах! скоро ль солнышко взойдет
 И с домиком меня застанет?
 Ах! скоро ли оно проглянет?
 Но вот уж и вошло! как тихо и красно!
 Какая в воздухе, в дыханье, в жизни сладость!
 Ах! я такого дня не видывал давно».

Но без товарища и радость нам не в радость:
 Желаешь для себя, а ищешь разделить!
 «Любезна Зяблица!— кричит мой Чиж соседке,
 Смиренно прикорнувшей к ветке,—
 Что ты задумалась? Давай-ка день хвалить!
 Смотри, как солнышко...» Но солнце вдруг сокрылось,
 И небо тучами отвсюду обложилось;
 Все птицы спрятались, кто в гнезды, кто в реку,
 Лишь галки стаями гуляют по песку
 И криком бурю вызывают;
 Да ласточки еще над озером летают;
 Бык, шею вытянув, под плугом заревел;
 А конь, поднявши хвост и разметавши гриву
 Ржет, пышет и летит чрез ниву.
 И вдруг ужасный вихрь со свистом восшумел,
 Со треском грянул гром, ударил дождь со градом,
 И пали пастухи со стадом.
 Потом прошла гроза, и солнце расцвело,
 Все стало ярче и светлее,
 Цветы душистее, деревья зеленее,
 Лишь домик у Чижа куда-то занесло.
 О, бедненький мой Чиж! Он, мокрыми крылами

Насилу шевеля, к соседушке летит
И ей со вздохом и слезами,
Носок повеся, говорит:
«Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит:
Впредь утро похваляю, как вечер уж наступит».

ЛИСА-ПРОПОВЕДНИЦА

Разбитая параличом
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всем телом дряхлая, но бодрая умом
И в логике своей из первых мастерица.
Лисица
Уединилась от света и от зла
И проповедовать в пустыню перешла.
Там кроткие свои беседы растворяла
Хвалой воздержности, смиренности, правоте;
То плакала, то вздыхала
О братиц, в мирской утопшей суете;
А братий и всего на проповедь сбиралось
Пять-шесть, наперечет;
А иногда случалось
И менее того, и то Сурок, да Крот,
Да две-три набожные Лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор;
Какой же ожидать от них Лисице дани?
Но Лисий дальновиден взор;
Она переменяла струны,
Взяла суровый вид и бросила перуны
На кровожаждущих Медведей и Волков,
На Тигров, даже и на Львов!
Что ж? слушателей тьма стеклася,
И слава о ее витийстве донеслася
До самого Царя зверей,
Который, несмотря что он породы львиной,
Без шума управлял подвластною скотиной,
И в благочестие вдался под старость дней.
«Послушаем Лису!— Лев молвил.— Что за диво?»
За словом вслед указ;
И в сутки, ежели не лживо
Историк уверяет нас,
Лиса привезена и проповедь сказала.
Какую ж проповедь? Из кожи лезла вон!
В тиранов гром она бросала,
А в страждущих от них дух бодрости вливала
И упование на время и закон.
Придворные оцепенели:
Как можно при дворе так дерзко говорить!
Друг на друга глядят, но говорить не смели,
Смекнув, что Царь Лису изволил похвалить.
Как новость, иногда и правда нам по нраву!
Короче вам: Лиса вошла и в честь и славу;
Царь Лев, дав лапу ей, приветливо сказал:

«Тобой я истину познал
 И боле прежнего гнушаться стал пороков;
 Чего ж ты требуешь во мзду твоих уроков?
 Скажи без всякого зазренья и стыда;
 Я твой должник». Лиса глядь, глядь туда-сюда,
 Как будто совести почувствуя улику:
 «Всецедрый царь-отец! —
 Ответствовала Льву с запинкой наконец. —
 Индеек... малую толику».

ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА

«Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель,
 И сторож, и министр, и алтарей служитель,
 И доктор, и больной, и самый государь —
 Все чувствуют, что я важней, чем календарь!
 Я каждому из них минуты означаю;
 Деля и день и ночь, я время измеряю!» —
 Так, видя на нее зевающий народ,
 Хвалилась Стрелка часовая,
 Меж тем как бедная пружина, продолжая
 Невидимый свой путь, давала Стрелке ход!

Пружина — Секретарь; а Стрелка, между нами...
 Но вы умны: смекайте сами.

КАРЕТНЫЕ ЛОШАДИ

Две Лошади везли карету.
 Осел, увидя их, сказал:
 «С какою завистью смотрю на пару эту!
 Нет дня, чтоб где-нибудь ее я не встречал;
 Всё вместе: видно, очень дружны!»
 «Дурак, дурак! при всей длине своих ушей! —
 Сказала вслед ему одна из Лошадей. —
 Ты только лишь глядишь на признаки наружны
 Диковинка ль — всегда в упряжке быть одной,
 А розно жить душой?
 Увы! не нам чета, живут на нас похоже!» —
 Вчера мне Хлоин муж шепнул в собранье тоже.

ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя друзьями были,
 Издавна вместе жили
 И кушали и пили.
 Соскучился один все видеть то ж да то ж;
 Задумал погулять и другу в том открылся.
 Тому весть эта острый нож;
 Он вздрогнул, прослезился
 И к другу возопил:
 «Помилуй, братец, чем меня ты поразил?
 Легко ль в разлуке быть?.. тебе легко, жестокой!
 Я змаю; ах! а мне... я, с горести глубокой,

И дня не проживу... К тому же рассуди,
Такая ли пора, чтоб в странствие пускаться?
Хоть до Зефиров ты, Голубчик, погоди!
К чему спешишь? Еще успеем мы расстаться!
Теперь лишь Ворон прокричал,
И без сомнения — страшуся я безмерно! —
Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал,
А сердце в горести и пуще имоверно!
Когда расстанусь я с тобой,
То будет каждый день мне угрожать бедой:
То ястребом лихим, то лютыми стрелками,
То коршунами, то силками —
Все злое сердце мне на память приведет.
Ахти мне! — я скажу, — вздохнувши, дождь идет!
Здоров ли-то мой друг? Не терпит ли он холод?
Не чувствует ли голод?
И мало ли чего не вздумаю тогда!»
Безумцам умна речь, как в ручейке вода:
Журчит и мимо протекает.
Затейник слушает, вздыхает,
А все-таки лететь желает.
«Нет, братец, так и быть, — сказал он, — полечу!
Но верь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь; пройдет дни три, и буду я с тобою
Клевать
И ворковать
Опять под кровлю одною;
Начну рассказывать тебе по вечерам —
Ведь все одно да то ж приговорится нам, —
Что видел я, где был, где хорошо, где худо;
Скажу: я там-то был, такое видел чудо,
А там случилось то со мной —
И ты, дружочек мой,
Наслушавшись меня, так сведущ будешь к лету,
Как будто бы и сам гулял по белу свету.
Прости ж!» — При сих словах
Наместо всех увы! и ах!
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и расстались.
Один, носок повеся, сел;
Другой вспорхнул, взвился, летит, летит стрелою
И верно б, сгоряча край света залетел;
Но вдруг покрылось небо мглою,
И прямо страннику в глаза
Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам словом,
Со всею свитою, как водится, гроза!
При случае таком, опасном, хоть не новом,
Голубчик поскорей садится на сучок
И рад еще тому, что только лишь измок.
Гроза утихнула, Голубчик обсушился
И в путь опять пустился.
Летит и видит свысока —
Рассыпано пшено, а возле — Голубка;
Садится, и в минуту
Запутался в сети; но сеть была худа,

Так он против нее носком вооружился;
 То им, то ножкою тянув, тянув, пробился
 Из сети без вреда,
 С утратой перьев лишь. Но это ли беда?
 К усугубленью страха,
 Явился вдруг Сокол и, со всего размаха,
 Напал на бедняка,
 Который, как злодей, опутан кандалами,
 Тащил с собой снурок с обрывками силка.
 Но, к счастью, тут Орел с широкими крылами
 Для встречи Сокола спустился с облаков;
 И так, благодаря стечению воров,
 Наш путник Соколу в добычу не достался,
 Однако все еще с бедой не развязался;
 В испуге потеряв и ум и зоркость глаз,
 Задел за кровлю он как раз
 И вывихнул крыло; потом в него мальчишка —
 Знать, голубиный был и в том еще умишка —
 Для шутки камешек лукнул
 И так его зашиб, что чуть он отдохнул;
 Потом... потом, прокляв себя, судьбу, дорогу,
 Решился бресть назад, полмертвый, полхромой:
 И прибыл наконец калекою домой,
 Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которых бог любви соединил!
 Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
 И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
 Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь!
 Пускай один в другом находит каждый час
 Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный!
 Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?
 Любовь, поверьте мне, все заменит для вас.
 Я сам любил: тогда за луг уединенный,
 Присутствием моей подруги озаренный,
 Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
 Ни царства в небесах!.. Придете ль вы назад.
 Минуты радостей, минуты восхищений?
 Иль буду я одним воспоминаньем жить?
 Ужель прошла пора столь милых обольщений
 И полно мне любить?

МУДРЕЦ И ПОСЕЛЯНИН

Как я люблю моих героев воспевать!
 Не знаю, могут ли они меня прославить;
 Но мне их тяжело оставить,
 С животными я рад всечасно лепетать
 И век мой коротать.
 Люблю их общество! Согласен я, конечно,
 Есть и у них свой плут, сутяга и пролаз,
 И хуже этого; но я чистосердечно
 Скажу вам между нас:
 Опасней тварей всех словесную считаю,

И плут за плута... я Лису предпочитаю.
 Таких же мыслей был покойник мой земляк,
 Не автор, ниже чтец, однако, не дурак,
 Честнейший человек, оракул всей округи.
 Отец ли огорчен, размолвятся ль супруги,
 Торгаши ли заведет с товарищем расчет,
 Сиротка ль своего лишается наследства —
 Всем нужда до его советов иль посредства.
 Как важно иногда судил он у ворот
 На лавке, окружен согласною семьею,
 Детьми и внуками, друзьями и роднею!
 «Ты прав! ты виноват!» — бывало, скажет он,
 И этот приговор был силен, как закон,
 И ни один не смел, ни впрямь, ни стороною,
 Скрыть правды пред его почтенной сединою.
 Однажды, помню я, имел с ним разговор
 Проезжий моралист, природы испытатель.
 «Скажи мне, — он спросил, — какой тебя писатель
 Наставил мудрости? Каких монархов двор
 Открыл перед тобой все таинства правленья?
 Зенона ль строгого держался ты ученья
 Иль Пифагоровым последовал стопам?
 У Эпикура ли быть счастливым учился
 Или божественным Платоном озарился?»
 «А я их и не знал ниже по именам! —
 Ответствует ему смиренно сельский житель. —
 Природа мне букварь, а сердце мой учитель.
 Вселенну населил животными творец;
 В науке нравственной я их брал в образец;
 У кротких голубков я перенял быть нежным;
     У муравья — к труду прилежным
         И на зиму запас копить;
         Волом я научен терпенью;
         Овечкою — смиренью;
         Собакой — неусыпным быть;
 А если б мы детей невольно не любили,
 То куры бы меня любить их научили;
 По мне же, так легко и всякого любить!
     Я зависти не знаю;
 Доволен тем, что есть, — богатый пусть богат,
 А бедного всегда, как брата, обнимаю,
     И с ним делиться рад.
 Стараюсь, наконец, рассудка быть под властью,
 И только — вот и вся моя наука счастью!»

ВОРОБЕЙ И ЗЯБЛИЦА

Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен
     Или подружкой недоволен,
     А может, и несчастлив в ней!
 «Мне жалок он!» — сказал печально Воробей.
     «Он жалок? — Зяблица к словам его пристала: —
         Как мало в сердце ты читал!
         Я лучше отгадала:

Любил он, так и пел; стал счастлив — замолчал».

ОСЕЛ, ОБЕЗЬЯНА И КРОТ

*Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!
Зарюмил, зарычал:
Зачем неправосудны боги
Быкам крутые дали роги,
А он рожден без них, а он без них умрет.
Дурак дурацкое и врет!
Он, видно, думал, что в народе
Рога в великой моде.
Как Обезьяну нам унять,
Чтоб ей чего не перенять?
Ну и она богам пенять,
Зачем, к ее стыду, печали,
Они ей хвост короткий дали.
«А я и слеп! Зажмите ж рот!» —
Сказал им, высунясь из норки, бедный Крот.*

ПРОХОЖИЙ

*Прохожий, в монастырь зашедши на пути,
Просил у братий позволенья
На колокольню их взойти.
Взошел и стал хвалить различные явленья,
Которые ему открыла высота.
«Какие, — он вскричал, — волшебные места!
Вдруг вижу горы, лес, озера и долины!
Великолепные картины!
Не правда ли?» — вопрос он сделал одному
Из братий, с ним стоящих.
«Да! — труженик, вздохнув, отвечивал ему, —
Для проходящих».*

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ

*«Возможно ли, как в тридцать лет
Переменилось все!.. Ей-ей, другой стал свет! —
Подагрик размышлял, на креслах нянча ногу. —
Бывало, в наши дни и помолиться богу
И погулять — всему был час;
А ныне... что у нас?
Повсюду скука и заботы,
Не пляшут, не поют — нет ни к чему охоты!
Такая ль в старину бывала и весна?
Где ныне красны дни? где слышно птичек пенье?
Охти мне! знать, пришли последни времена;
Предвижу я твое, природа, разрушенье!»
При этом слове вдруг, с восторгом на лице,
Племянница к нему вбежала.
«Простите, дядюшка, нас матушка послала
С мадамой в Летний сад. Все, все уж на крыльце;
Какой же красный день!» И вмиг ее не стало.*

«Какая ветреность! Вот модные умы! —
Мудрец наш заворчал.— Такими ли, бывало,
Воспитывали нас? Мой бог! все хуже стало».

Читатели! Подагрик — мы.

ДОН-КИШОТ

Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться,
Решился лучше их пасти
И жизнь невинную в Аркадии вести.
Проворным долго ль снаряжаться?
Обломок дротика пошел за посошок,
Котомкой — с табаком мешок,
Фуфайка спальная — пастушечьим камзолом;
А шляпу, в знак его союза с нежным полом,
У клюшницы своей соломенную взял
И лентой розового цвета
Под бледны щеки подвязал
Узлами в образе букета.
Спустил на волю кобеля,
Который к хлебному прикован был анбару;
Послал в мясном ряду купить баранов пару,
И стадо он свое рассыпал на поля
По первому морозу;
И начал воспевать весенню розу.
Но в этом худа нет: веселому все в лад,
И пусть играет всяк любимую гремушкой;
А вот что невпопад:
Идет коровница,— почтя ее пастушкой,
Согнул наш пастушок колена перед ней
И, размахнув руками,
Отборными словами
Пустился петь эклогу ей.
«Аглая!— говорит,— прелестная Аглая!
Предмет и тайных мук, и радостей моих!
Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
Лелеять и любить овечек лишь своих?
Послушай, милая! там, позади кусточков,
На дереве гнездо нашел я голубочков:
Прими в подарок их от сердца моего;
Я рад бы подарить любезную полсветом:
Увы! мне, кроме их, бог не дал ничего!
Они белы как снег, равны с тобою цветом,
Но сердце не твое у них!»
Меж тем как толстая коровница Аглая,
Кудрявых слов таких
Седого пастушка совсем не понимая,
Стоит разинув рот и выпуча глаза,
Ревнивый муж ее, подслушав Селадона,
Такого дал ему туза,
Что он невольно лбом отвесил три поклона;
Однако ж головы и тут не потерял.
«Пастух-невежда! — он вскричал.—

Не смей ты нарушать закона!
 Начнем пастуший бой;
 Пусть победителя Аглая увенчает:
 Не бей меня, но пой!»
 Муж грубый кулаком вторичным отвечает
 И, к счастью, в глаз, а не в висок.
 Тут нежный, верный пастушок,
 Смекнув, что это взяв увечье, не проказа,
 Чрез поле рысачком во весь пустился дух
 И с этой стал поры не витязь, не пастух,
 Но просто — дворянин без глаза.

Ах! часто и в себе я это замечал,
 Что, глупости бежа, в другую попадал.

МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах,
 А Муха у него сидела на рогах,
 И Муху же они дорогой повстречали.
 «Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
 А та, поднявши нос,
 В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни навсегда
 Нечаянно дойдешь до были.
 Случалось ли подчас вам слышать, господа:
 «Мы сбили! мы решили!»?

КОКЕТКА И ПЧЕЛА

Прелестная Лизета
 Лишь только что успела встать
 С постели роскоши, дойти до туалета
 И дружеский совет начать
 С поверенным всех чувств, желаний,

Отрад, веселья и страданий,
 С уборным зеркалом,— вдруг страшная Пчела
 Вокруг Лизеты зажужжала.
 Лизета обмерла,
 Вскочила, закричала:
 «Ах, ах! Мисс Женни, поскорей!
 Параша! Дунюшка!» Весь дом сбежался к ней;
 Но поздно! Ни любовь, ни дружество, ни злато —
 Ничто не отворотит неумолимый рок!
 Чудовище крылато
 Успело уже сесть на розовый роток,
 И Лиза в обморок упала.
 «Не дам торжествовать тебе над госпожой!» —
 Вскричала Дунюшка и смелою рукой
 В минуту Пчелку поимала;
 А пленница в слезах, в отчаянье жужжала:
 «Клянуся Флорою! Хотела ли я зла?
 Я аленький роток за розу приняла».
 Столь жалостная речь Лизету воскресила!
 «Дуняша!— говорит Лизета,— жаль Пчелы;
 Пусти ее: она почти не уязвила».

Как сильно действует и крошечка хвалы!

ДВЕ ЛИСЫ

Вчера, подслушал я, две разных свойств Лисицы
 Такой имели разговор:
 «Ты ль это, кумушка! Давно ли из столицы?»
 «Давно ль оставила я двор?
 С неделю». — «Как же ты разъелась, подобрела!
 Знать, при дворе у Льва привольное житье?»
 «И очень! Досыта всего пила и ела».
 «А в чем там ремесло главнейшее твое?»
 «Безделица! С утра до вечера таскаться,
 Где такнуть, где польстить, пред сильным унижаться,
 И больше ничего». — «Какое ремесло!»
 «Однако ж мне оно довольно принесло:
 Чин, место». — «Горький плод! Чины не возвышают,
 Когда их подлости ценою покупают».

ПУСТЫННИК И ФОРТУНА

Какой-то добрый человек,
 Не чувствуя к чинам охоты,
 Не зная страха, ни заботы,
 Без скуки провождал свой век
 С Плутархом, с лирой
 И Пленирой,
 Не знаю точно где, а только не у нас.
 Однажды под вечер, как солнца луч погас
 И мать качать дитя уже переставала,
 Нечаянно к нему Фортуна в дом попала
 И в двери ну стучать!

«Кто там?»— Пустынный окликает.
 «Я! Я!»— «Да кто, могу ли знать?»
 «Я та, которая тебе повелевает
 Скорее отпереть».— «Пустое!»— он сказал
 И замолчал.
 «Отóпрешь ли?— еще Фортуна закричала.—
 Я ввек ни от кого отказа не слыхала;
 Пусти Фортуны ты со свитою к себе,
 С Богатством, Знатью и Чинами...
 Теперь известна я тебе?»
 «По слуху... Но куда мне с вами?
 Поди в другой ты дом,
 А мне не поместить, ей-ей! такой содом».
 «Невежа! да пусти меня хоть с половиной,
 Хоть с третью, слышишь ли?.. Ах, сжался над судьбиной
 Великолепия... оно уж чуть дышит;
 Над гордой Знатностью, которая дрожит
 И, стоя у порога, мерзнет;
 Тронись хоть Славою, мой миленький дружок!
 Еще минута — все исчезнет!..
 Упрямый! дай хотя Желанью уголок».
 «Да отвяжися ты, лихая пустомеля! —
 Пустынный ей сказал.— Ну, право, не могу.
 Смотри, одна и есть постеля,
 И ту я для себя с Пленирой берегу».

ПЧЕЛА И МУХА

«Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела
 Так Мухе говорила.—
 Сказать ли весточку? Какой я сот слепила!
 Мой мед прозрачнее стекла;
 И как душист! как сладок, вкусен!»
 «Поверю,— Муха ей отвечает,— ваш род
 Природно в том искусен;
 А я хотела б знать, каков-то будет плод,
 Продлятся ли жары?»— «Да! что-то будет с медом?»
 «Ах! этот мед да мед, твоим всегдашним бредом!»
 «Да для того, что мед...» — «Опять? Нет сил терпеть,
 Какое малодушье!
 Я, право, получу от слов твоих удушье».
 «Удушье? Ничего! съест мед да вспотеть,
 И все пройдет; мой мед...» — «Чтоб быть тебе без жала! —
 С досадой Муха ей сказала.—
 Сокройся в улей свой, валиха! иль молчи!»

О эгоисты-рифмачи!

РЫСЬ И КРОТ

Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота,
 Из жалости ему по-свойски говорила:
 «Увы! мой бедный Крот, несчастье слепота!
 И рощица, и луг с цветами — все места

Тебе как темная могила!
 Какая жизнь твоя!
 С утра до вечера ты спишь или зеваешь
 И ни о чем не рассуждаешь.
 А я
 Теперь же, будто на ладони,
 Все вижу на версту вокруг
 И все пересказать готова. Слушай, друг:
 Вот ястреб в облаках за коршуном в погоне;
 Здесь ласточка своих птенцов
 Питает мухами, добычей пауковой;
 Там хитрая лиса цыпленку строит ков;
 Там кролика постиг ружья удар громовый;
 Здесь кошка давит мышь; а там
 Змея впиалась в корову;
 А далее медведь, разинув пасть багрову,
 Ревет и гонится за серной по скалам;
 А вот и лютый волк ягненокка терзает...»
 «Ах, полно, полно!— Крот болтунью прерывает.—
 Утешно ль зрячим быть для ужасов таких?
 Довольно и того, что слышал я об них».

ОСЕЛ И КАБАН

Не знаю отчего зазнавшийся Осел
 Храбрился, что вражду с Кабаном он завел,
 С которым и нельзя иметь ему приязни.
 «Что мне Кабан!— Осел рычал,—
 Сейчас готов с ним в бой без всякия боязни!»
 «Мне в бой с тобой?— Кабан с презрением сказал,—
 Несчастный! будь спокоен:
 Ты славной смерти не достоин».

ЖАВОРОНОК С ДЕТЬМИ И ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Пословица у нас: на ближних уповай,
 А сам ты не плошай!
 И правда; вот пример. В прекрасные дни года,
 В которые цветет и нежится природа,
 Когда все любитя — медведь в лесу густом,
 Киты на дне морском,
 А жаворонки в поле,—
 Не ведаю того, по воле иль неволе,
 Но самочка одна,
 Из племя жаворонков, летала да гуляла
 И о влиянии весны не помышляла.
 А уж давно весна!
 Сдалася наконец природе и она
 И матерью еще назваться захотела.
 У птичек много ли затей?
 Свила во ржи гнездо, снесла яичек, села
 И вывела детей.
 Рожь выросла, созрела,
 А птенчики еще не в силах ни порхать,

Ни корма доставать;
 Все матушка ищи. «Ну, детушки, прощайте!
 Я за припасом полечу,—
 Сказала им она,— а вы здесь примечайте,
 Не соберутся ль жать, и тотчас голос дайте;
 Так я другое вам пристанище сышу».
 Она лишь из гнезда — пришел хозяин в поле
 И сыну говорит: «Ведь рожь и жать пора:
 Смотри, как матера!
 Ступай же ты, не медля боле,
 И попроси друзей на помощь к нам прийти».
 «Ах, матушка, лети! Скорее к нам лети!» —
 Малютки в страхе запищали.
 «Что, что вам сделалось?» — «Ахти! мы все пропали:
 Хозяин был, он хочет жать;
 Уж сыну и друзей велел на помочь звать».
 «А боле ничего?— ответствовала мать.—
 Так не к чему спешить: день ночи мудренее.
 Вот, детушки, вам корм: покушайте скорее,
 Да ляжем с богом спать!» Они того, сего
 Клевнули,
 Прижались под крыло к родимой и уснули.
 Уж день, а из друзей нет в поле никого.
 Пичужечка опять пустилась за припасом,
 А селянин на рожь;
 И мыслит: «На родню сторонний не похож!
 Поди-ка, сын мой, добрым часом
 Ты к дяде своему да свату поклонись!»
 Малютки пуще взволновались
 И матери вослед все в голос раскричались:
 «Ах! милая, скорей! родима, воротись!!
 Уж за родней пошли!»— «Молчите, не пугайтесь!—
 Ответствовала мать.— И с богом оставайтесь».
 Еще проходит день; хозяин в третий раз
 Приходит на поле. «Изрядно учат нас,—
 Он сыну говорит,— и дельно! Впредь не станем
 С надеждою зевать, а поскорей вспомянем,
 Что всякий сам себе вернейший друг и брат;
 Ступай же ты назад
 И матери скажи с сестрами,
 Чтоб на поле пришли с серпами».
 А птичка, слыша то, сказала детям так:
 «Ну, детки! вот теперь к походу верный знак».
 И дети в тот же миг скорей-скорей сбираться;
 Расправя крылья, в первый раз
 За маткой кое-как вверх, вверх приподниматься
 И скрылися из глаз.

ИСТУКАН И ЛИСА

Осел, как скот простой,
 Глядит на Истукан пустой
 И лижет позолоту;
 А хитрая Лиса, взглянувши на работу

Прилежно раза два,
Пошла и говорит: «Прекрасна голова!
Да жаль, что мозгу нет!» Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы с сим Истуканом схожи?

СВЕРЧКИ

Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А нацией Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейский дом;
Один в передней жил, другой же в кабинете,
И каждый день они видалися тайком.
«Нет лучше нашего хозяина на свете!—
Сказал товарищу Сверчок.—
Как гнется, даром что высок!
Какая кротость в нем! какая добродетель!
И как трудолюбив! Я сам тому свидетель,
Какую кучу он записок отберет,
И что же? Ни одной из них не издерет,
А все за ним тащат!» — «На произвол судьбины!—
Товарищ подхватил.—
Дружок! ты, видно, век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины;
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!
В передней барин то, чем хочет он казаться;
А здесь — каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться;
А до других и дела нет;
Вот нашего ханжи и все тут уложенье!
Оставь же лишнее к нему ты уваженье.
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
Парадного с приватным».

ЛЕВ И КОМАР

«Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!»—
Лев гордый Комару сказал.
«Потише!— отвечал Комар ему,— я мал,
Но сам не меньше горд и не снесу презренье!
Ты царь зверей,
Согласен;
Но мне нимало не ужасен:
Я и Быком верчу, а он тебя сильней».
Сказал и, став трубач, жужжит повестку к бою;
Потом с размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетел и в шею Льву впился:
У Льва глаз кровью налил;
Из пасти пена бьет, зубами он скрежещет,
Ревет, и все вокруг уходит и трепещет!
От Комара всеобщий страх!

Он в тысячи местах,
 И в шею, и в бока, и в брюхо Льва кусает,
 И даже в глубь ноздри влетает!
 Тогда несчастный Лев, в страданьи выше сил,
 Как бешеный вокруг чресл хвостом своим забил
 И начал грызть себя; потом... лишившись мочи.
 Упал и грозные навек смыкает очи.
 Крылатый богатырь тут пуще зажуужжал
 И всюду разглашать о подвигах помчался;
 Но скоро сам попал
 В засаду к Пауку и с жизнью расстался.

Увы! в юдоли слез неверен каждый шаг;
 От злобы, от беды, когда и где в покое?
 Опасен крупный враг,
 А мелкий часто вдвое.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ

Кто на своем веку Фортуны не искал?
 Что, если б силою волшебною какою
 Всевидящим я стал
 И вдруг открылись предо мною
 Все те, которые и едут, и ползут,
 И скачут, и плывут,
 Из царства в царство рыщут
 И дочери Судьбы отменной красоты
 Иль убегающей мечты
 Без отдыха столь жадно ищут?
 Бедняжки! Жаль мне их: уж, кажется, в руках...
 Уж сердце в восхищеньи бьется...
 Вот только что схватить... хоть как, так увернется
 И в тысяче уже верстах!
 «Возможно ль, — многие, я слышу, рассуждают, —
 Давно ль такой-то в нас искал?
 А ныне как он пышен стал!
 Он в счастья растет, а нас за грязь кидают!
 Чем хуже мы его?» Пусть лучше во сто раз,
 Но что ваш ум и всё? Фортуна ведь без глаз;
 А к этому прибавим:
 Чин стоит ли того, что для него оставим
 Покой, покой души, дар, лучший всех даров,
 Который в древности уделом был богов?
 Фортуна — женщина! Умерьте вашу ласку,
 Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.
 Так милый Лафонтен давал советы нам
 И сказывал в пример почти такую сказку.
 В деревне ль, в городке,
 Один с другим невдалеке,
 Два друга жили;
 Ни скудны, ни богаты были.
 Один всё счастье ставил в том,
 Чтобы нажить огромный дом,
 Деревни, знатный чин, — то и во сне лишь видел;

Другой богатств не ненавидел,
Однако ж их и не искал,
А каждую ночь покойно спал.
«Послушай,— друг ему однажды предлагает,—
На родине никто пророком не бывает;
Чего ж и нам здесь ждать? Со временем сумы.
Поедем лучше мы
Искать себе добра; войти, сказать умеем;
Авось и мы найдем, авось разбогатеем».
«Ступай,— сказал другой,—
А я остануся: мне дорог мой покой,
И буду спать, пока мой друг не возвратится».
Тщеславный этому дивится
И едет. На пути встречает цепи гор,
Встречает много рек, и напоследок встретил
Ту самую страну, куда издавна метил:
Любимый уголок Фортуны, то есть двор:
Не дожидаясь ни зову, ни наряду,
Пристал к нему и по обряду
Всех жителей его он начал посещать:
Там стрелкою стоит, не смея и дышать,
Здесь такает из всей он мочи,
Тут шепчет на ушко; короче: дни и ночи
Наш витязь сам не свой;
Но всё то было втуне!
«Что за диковинка!— он думает.— Стой, стой
Да слушай об одной Фортуне,
А сам всё ничего!
Нет, нет! такая жизнь несноснее всего.
Слуга покорный вам, господчики, прощайте
И впредь меня не ожидайте;
В Сурат, в Сурат лечу! Я слышал в сказках, там
Фортуне с давних лет курится фимиам...»
Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.
Но что же? Не прошло недели,
Как странствователь наш отправился в Сурат,
А часто, часто он поглядывал назад,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок,
Бедняк бесился, клял — известно, лютый рок,
Себя,— и всем, и всем изрядна песня пета!
«Безумцы!— он судил.— На край приходим света
Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!»
Синеют между тем Индийски берега,
Попутный дунул ветер,— по крайней мере кстате
Пришло мне так сказать,— и он уже в Сурате!
«Фортуна здесь?» — его был первый всем вопрос.
«В Японии»,— сказали.
«В Японии?— вскричал герой, повеся нос.—
Быть так! Плыву туда». И поплыл; но, к печали,
Разъехался и там с Фортуною слепой!
«Нет! полно,— говорит,— гоняться за мечтой».
И с первым кораблем в отчизну возвратился.
Завидя издали отеческих богов,

Родимый ручеек, домашний милый кров,
 Наш мореходец прослезился
 И, от души вздохнув, сказал:
 «Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал
 И двор, и океан, и о слепой богине!
 Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне».
 Итак, с восторгом он и в сердце и в глазах
 В отчизну наконец вступает.
 Летит ко другу,— что ж? как друга обретает?
 Он спит, а у него Фортуна в головах!

СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел.
 Добро бы строить — нет! садить еще хотел!
 А трое молодцов, зевая на работу,
 Смеялися над ним. «Какую же охоту
 На старости бог дал!»—
 Один из них сказал.
 Другой прибавил: «Что ж? еще не опоздал!
 Ковчег и большего терпенья стоил Ною».
 «Смешон ты, дедушка, с надеждою пустою!—
 Примолвил третий Старику.—
 Довольно, кажется, ты пожил на веку;
 Когда ж тебе дожидаться
 Под тению твоей рябинки прохлаждаться?
 Ровесникам твоим и настоящий час
 Неверен;
 А завтра льстить себя оставь уже ты нас».
 Совет довольно здрав, довольно и умерен
 Для мудреца в шестнадцать лет!
 «Поверьте мне, друзья,— Старик сказал в ответ,—
 Что завтра ни мое, ни ваше,
 Что Парка бледная равно
 Взирает на течение наше.
 От Провидения нам ведать не дано,
 Кому из нас оно судило
 Последнему взглянуть на ясное светило!
 Не можете и вы надежны быть, как я,
 Ниже на миг один... Работа же моя
 Не мне, так детям пригодится;
 Чувствительна душа и вчуже веселится.
 Итак, вы видите, что мной уж собран плод,
 Которым я могу теперь же наслаждаться
 И завтра может статься,
 И далее... как знать — быть может, что и год.
 Ах! может быть и то, что ваш безумец хилый
 Застанет месяца восход
 Над вашей розами усыпанной... могилой!»
 Старик предчувствовал: один, прельстясь песком —
 Конечно, золотым,— уснул на дне морском;
 Другой под миртами исчез в цветущи лета;
 А третий — дворянин, за честь к отмищенью скор,—
 Войдя с приятелем в театре в легкий спор,

За креслы, помнится... убит из пистолета.

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА

Какой-то государь, прогуливаясь в поле,
Раздумался о царской доле.
«Нет хуже нашего, — он мыслил, — ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое!
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля, чтоб народ мой ликовал в покое;
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.
Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут.
Бояра лишь чины берут,
Народ мой стонет, я страдаю,
Советуюсь, тружусь, никак не успеваю;
Полсвета властелин — не веселюсь ничем!»
Чувствительный монарх подходит между тем
К пасущейся скотине;
И что же видит он? Рассыпанных в долине
Баранов, тощих до костей,
Овечек без ягнят, ягнят без матерей!
Все в страхе бегают, кружатся,
А псам и нужды нет: они под тень ложатся;
Лишь бедный мечется Пастух:
То за бараном в лес во весь он мчится дух,
То бросится к овце, которая отстала,
То за любимым он ягненком побежит,
А между тем уж волк барана в лес тащит;
Он к ним, а здесь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастух рвет волосы, ревет,
Бьет в грудь себя и смерть зовет.
«Вот точный образ мой, — сказал самовластитель. —
Итак, и смиренных животных охранитель
Такими ж, как и мы, напастьми окружен,
И он, как царь, порабощен!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Так думая, вперед он путь свой продолжал,
Куда? и сам не знал;
И наконец пришел к прекраснейшему стаду.
Какую разницу монарх увидел тут!
Баранам счету нет, от жира чуть идут;
Шерсть на овцах как шелк и тяжестью их клонит;
Ягнятки, кто кого скорее перегонит,
Толпятся к маткиным питательным сосцам;
А Пастушок в свирель под липою играет
И милую свою пастушку воспевает.
«Несдобровать, овечки, вам! —
Царь мыслит. — Волк любви не чувствует закона,
И Пастуху свирель худая оборона».
А волк и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несетя рысь;

Но псы, которые то стадо сторожили,
 Вскочили, бросились и волка задавили;
 Потом один из них ягненок догнал,
 Который далеко от страха забежал,
 И тотчас в кучку всех по-прежнему собрал;
 Пастух же всё поет, не шевелясь нимало.
 Тогда уже в Царе терпения не стало.
 «Возможно ль? — он вскричал. — Здесь множество волков,
 А ты один... умел сберечь большое стадо!»
 — Царь! — отвечал Пастух. — Тут хитрости не надо:
 Я выбрал добрых псов».

БАШМАК, МЕРКА РАВЕНСТВА

«Да что ты, долгий, возмечтал?
 Я за себя и сам, брат, стану, —
 Грудцою наскоча, вскричал
 Какой-то карлик великану. —

Твои, мои — права одни!»
 — «Не спорю, что равны они, —
 Тот отвечает без задору, —
 Но мой башмак тебе не впору».

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

У Льва родился сын. В столице, в городах.
 Во всех его странах
 Потешные огни, веселья, жертвы, оды.
 Мохнатые певцы все взапуски кричат:
 «Скачи, земля! Взыграйте, воды!
 У Льва родился сын!» И вправду, кто не рад?
 Меж тем, когда всяк зверь восторгом упивался,
 Царь Лев, как умный зверь, заботам предавался,
 Кому бы на руки дитя свое отдать:
 Наставник должен быть умен, учен, незлобен!
 Кто б из зверей к тому был более способен?
 Не шутка скоро отгадать.
 Царь, в нерешимости, велел совет собрать;
 В благоволении своем его уверя,
 Препоручил избрать ему,
 По чистой совести, по долгу своему,
 Для сына в менторы достойнейшего зверя.
 Встал Тигр и говорит:
 «Война, война царей великими творит;
 Твой сын, о государь, быть должен страхом света;
 И так образовать его молодые лета
 Лишь тот способен из зверей,
 Который всех, по Льве, ужасней и страшней».
 — «И осторожнее, — Медведь к тому прибавил, —
 Чтоб он младого Льва наставил
 Уметь и храбростью своею управлять».
 Противу мненья двух Лисе идти не можно;
 Однако ж, так и сяк начав она вилать,

Заметила, что дядьке должно
 Знать и политику, быть хитрого ума,
 Короче: какова сама.
 За нею тот и тот свой голос подавали,
 И все они, хотя себя не называли,
 Но ясно намекали,
 Что в дядьки лучше их уж некого избрать:
 Советы и везде почти на эту стать.
 «Позволено ль и мне сказать четыре слова? —
 Собака наконец свой голос подала. —
 Политики, войны нет следствия другого,
 Как много шума, много зла.
 Но славен добрый царь коварством ли и кровью?
 Как подданных своих составит счастье он?
 Как будет их отцом? Чем утвердит свой трон?
 Любовью.
 Вот таинство, вот ключ к высокой и святой
 Науке доброго правленья!
 Кто ж принцу лучшие подаст в ней наставленья?
 Никто, как сам отец». Тигр смотрит как шальной,
 Медведь, другие то ж, а Лев, от умиленья
 Заплакав, бросился Собаку обнимать.
 «Почто, — сказал, — давно не мог тебя я знать?
 О добрый зверь! Тебе вручаю
 Я счастье мое и подданных моих:
 Будь сыну моему наставником! Я знаю,
 Сколь пагубны льстецы: укрой его от них,
 Укрой и от меня — в твоей он полной воле».
 Собака от царя идет с дитятей в поле,
 Лелеет, пестует и учит между тем.
 Урок был первый тот, что он Щенок, не Львенок,
 И в дальнем с ним родстве. Проходит день за днем,
 Уже питомец не ребенок,
 Уже наставник с ним обходит все страны,
 Которые в удел отцу его даны;
 И Львенок в первый раз узнал насильство власти,
 Народов нищету, зверей худые страсти:
 Лиса ест кроликов, а Волк душил овец,
 Оленя давит Барс; повсюду, наконец,
 Могучие богаты,
 Бессильные от них кряхтят,
 Быки работают без платы,
 А Обезьяну золотят.
 Лев молодой дрожит от гнева.
 «Наставник, — он сказал, — подобные дела
 Доходят ли когда до сведенья царева?
 Ах, сколько бедствий, сколько зла!»
 — «Как могут доходить? — Собака отвечает. —
 Его одна толпа счастливицев окружает,
 А им не до того; а те, кого съедят,
 Не говорят».
 И так наш Львенок, без дальних размышлений
 О том, в чем доброту и мудрость ставит свет,
 И добр стал и умен; но в этом дива нет:
 Пример и опытность полезней наставлений.

Он, в доброй школе той возрастая, получил
 Рассудок, мудрость, крепость тела;
 Однако же еще не ведал, кто он был;
 Но вот как случай сам о том ему открыл.
 Однажды на пути Собака захотела
 Взять отдых и легла под тенью дерев.
 Вдруг выскочил злой Тигр, разинул страшный зев
 И прямо к ней,— но Лев,
 Закрыв ее собою,
 Взмахнул хвостом, затряс косматой головою,
 Взревел — и Тигр уже растерзанный лежит!
 Потом он в радости к наставнику бежит
 И вопит: «Победил! Благодарю судьбину!
 Но я ль то был иль нет?.. Поверишь ли, отец,
 Что в этот миг, когда твой близок был конец,
 Я вдруг почувствовал и жар и силу львину,
 Я точно... был как Лев!» — «Ты точно Лев и есть,—
 Наставник отвечал, облившись слезами.—
 Готовься важную услышать, сын мой, весть:
 Отныне... кончилось равенство между нами,
 Ты царь мой! Поспешим возвратом ко двору.
 Я всё употребил, что мог, тебе к добру;
 Но ты... и радости и грусти мне причина!
 Прости, о государь, невольню слезы лью...
 Отчеству отца даю,
 А сам... теряю сына!»

КНИГА «РАЗУМ»

В начале мирозданья,
 Когда собор богов,
 Не требуя себе ни агнцев, ни цветов,
 Всех тварей упреждал желанья,
 В то время — слух дошел преданием до нас —
 Юпитер в милостивый час
 Дал книгу человеку,
 Котора заменить могла библиотеку:
 Титул ей — «Разум», и она
 Самой Минервою была сочинена
 С той целью, чтобы в ней все возрасты узнали
 Путь к добродетели и счастливее стали;
 Однако ж в даре том небесном на земли
 Немного прибыли нашли.
 Читая сочиненье,
 Младенчество одни в нем видело черты;
 А юность — только заблужденье;
 Век зрелый — поздно сожаленье;
 А старость — выдрала листы.

МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

Природу одолеть превыше наших сил;
 Смиримся же пред ней, не умствуя нисколько.
 «Зачем ты льнешь?» — Магнит Железу говорил,

«Зачем влечешь меня?»— Железо отвечало.

Прелестный, милый пол! Чем кончу я рассказ,
Легко ты отгадаешь.
Подобно так и ты без умысла прельщаешь;
Подобно так и мы невольно любим вас.

СМЕРТЬ И УМИРАЮЩИЙ

Один охотник жить, не старее ста лет,
Пред Смертью дрожит и вопит,
Зачем она его торопит
Врасплох оставить свет,
Не дав ему свершить, как водится, духовной,
Не предвзяря его хоть за год наперед,
Что он умрет.
«Увы! — он говорит. — А я лишь в подмосковной
Палаты заложил — хотя бы их докласть;
Дай винокуренный завод мой мне поправить
И правнуков женить! А там... твоя уж власть!
Готов, перекрестясь, я белый свет оставить».
— «Неблагодарный! — Смерть отвечает ему. —
Пуškai другие мрут в весеннем жизни цвете,
Тебе бы одному
Не умирать на свете!
Найдешь ли двух в Москве, — десятка даже нет
Во всей империи, доживших до ста лет.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранее тебя к свиданию со мной:
Тогда бы ты успел красивый дом достроить,
Духовную свершить, завод поправить свой
И правнуков женить; а разве мало было
Наветок от меня? Не ты ли поседел?
Не ты ли стал ходить, глядеть и слышать хило?
Потом пропал твой вкус, желудок ослабел,
У вянул цвет ума и память притупилась;
Год от году хладела кровь,
В день ясный средь цветов душа твоя томилась,
И ты оплакивал и дружбу и любовь.
С которых лет уже отсюду поражает
Тебя печальна весть: тот сверстник умирает,
Тот умер, этот занемог
И на одре мученья?
Какого ж более хотел ты извещенья?
Короче: я уже ступила на порог,
Забудь и горе и веселье,
Исполни мой устав!»
Сказала — и Старик, не думав, не гадав
И не достроя дом, попал на новоселье!
Смерть права: во сто лет отсрочки поздно ждать;
Да как бы в старости страшиться умирать?
Дожив до поздних дней, мне кажется, из мира
Так должно выходить, как гость отходит с пира,
Отдав за хлеб и соль хозяину поклон.

Пути не миновать, к чему ж послужит стон?
 Ты сетуешь, старик? Взгляни на ратно поле;
 Взгляни на юношей, на этот милый цвет,
 Которые летят на смерть по доброй воле,
 На смерть прекрасную, сомнения в том нет,
 На смерть похвальную, везде перевозносиму,
 Но часто тяжкую, притом неизбежиму!..
 Да что! Я для глухих обедню вздумал петь:
 Полмертвый пуще всех боится умереть!

ТРИ ЛЬВА

Его величество, Лев сильный, царь зверей,
 Скончался.
 Народ советовать собрался,
 Кого б из трех его детей
 Признать наследником короны.
 «Меня! — сын старший говорил.—
 Я сделаю народ наперсником Беллоны».
 — «А я обогашу», — середний подхватил.
 «А я б его любил», —
 Сказал меньшей с невинным взором.
 И тут же наречен владыкой всем собором.

ОТЕЦ С СЫНОМ

«Скажите, батюшка, как счастья добиться?» —
 Сын спрашивал отца. А тот ему в ответ:
 «Дороги лучшей нет,
 Как телом и умом трудиться,
 Служа отечеству, согражданам своим,
 И чаще быть с пером и книгой,
 Когда быть дельными хотим».
 — «Ах, это тяжело! Как легче бы?» — «Интригой,
 Втираться жабой и ужом
 К тому, кто при дворе Фортуной вознесется...»
 — «А это низко!» — «Ну, так просто... быть глупцом:
 И этак многим удается».

ОРЕЛ И ЗМЕЯ

Орел из области громов
 Спустился отдохнуть на луг среди цветов
 И встретил там Змею, ползущую по праху.
 Завистливая тварь
 Шипит и на Орла кидается с размаху.
 Что ж делает пернатых царь?
 Бросает гордый взгляд и к солнцу взлетает.
 Так гений своему хулителю отмщает.

АМУР, ГИМЕН И СМЕРТЬ

Амур, Гимен со Смертью строгой

Когда-то шли одной дорогой
 Из света по своим домам,
 И вздумалось молодцам
 Втащить старуху в разговоры.
 «Признайся,— говорят,— ты, Смерть, не рада нам?
 Ты ненавидишь нас?»— «Я? — вытараща взоры,
 Спросила Смерть их.— Да за что?»
 — «Ну, как за что! За то,
 Что мы в намереньях согласны не бываем:
 Ты всё morишь, а мы рождаем».
 «Пустое, братцы!— Смерть сказала им в ответ.—
 Я зла на вас?.. Перекреститесь!
 Людьми снабжая свет,
 Вы для меня ж трудитесь».

КАЛИФ

Против Калифова огромного дворца
 Стояла хижина, без кровли, без крыльца,
 Издавна ветхая и близкая к паденью,
 Едва ль приличная и самому смиренью.
 Согбенный старостью ремесленник в ней жил;
 Однако он еще по мере сил трудился,
 Ни злых, ни совести нимало не страшился
 И тихим вечером своим доволен был.
 Но хижиной его Визирь стал недоволен:
 «Терпим ли,— он своим рассчитывал умом,—
 Вид бедности перед дворцом?
 Но разве государь сломать ее не волен?
 Подаю ему доклад, и хижине не быть».
 На этот раз Визирь обманут был в надежде.
 Доклад подписан так: «Быть по сему; но прежде
 Строенье ветхое купить».
 Послали Кадия с соседом торговаться;
 Кладут пред ним на стол с червонными мешок.
 «Мне в деньгах нужды нет,— сказал им простачок.—
 А с домом ни за что не можно мне расстаться:
 Я в нем родился, в нем скончался мой отец,
 Хочу, чтоб в нем же бог послал и мне конец.
 Калиф, конечно, самовластен,
 И каждый подданный к нему подобострастен;
 Он может при моих глазах
 Развеять вмиг гнездо мое, как прах;
 Но что ж последует? Несчастливым слезы в пищу:
 Я всякий день приду к родиму пепелищу,
 Воссяду на кирпич с понишкой головой
 Небесного под кровом свода
 И буду пред отцом народа
 Оплакивать мой жребий злой!»
 Ответ был Визирю до слова пересказан,
 А тот спешит об нем Калифу донести.
 «Тебе ли, государь, отказ такой снести?
 Ужель останется раб дерзкий не наказан?» —
 Калифу говорил Визирь наедине.

«Да! — подхватил Калиф. — Ответ угоден мне;
 И я тебе повелеваю:
 Впредь помня навсегда, что в правде нет вины,
 Исправить хижину на счет моей казны;
 Я с нею только жить в потомках уповаю;
 Да скажет им дворец: такой-то пышно жил;
 А эта хижина: он правосуден был!»

БЫК И КОРОВА

«Как жалок ты! — Быку Корова говорила. —
 Судьба тебя на труд всегдашний осудила».
 Наутро повели Корову на убой,
 К закланию богам. Бык, вспомя речь вчерашню,
 «Гордись, красавица, — сказал, — своей судьбой:
 Ты к алтарям идешь, а я — опять на пашню».

ИСТОРИЯ

Столица роскоши, искусства и наук
 Пред мужеством и силой пала;
 Но хитрым мастерством художнических рук
 Еще она блистала
 И победителя взор дикий поражала.
 Он с изумлением глядит на истукан
 С такою надписью: «Блюстителю граждан,
 Отцу отечества, утехе смертных рода
 От благодарного народа».
 Царь-варвар тронут был
 Столь новой для него и благородной данью;
 Влеком к невольному вниманью,
 В молчаньи долго глаз он с лика не сводил.
 «Хочу, — сказал потом, — узнать его деянья».
 И вмиг толмач его, разгнув бытописанья,
 Читает вслух: «Сей царь, бич подданных своих,
 Родился к гибели и посрамленью их:
 Под скипетром его железным
 Закон безмолвствовал, дух доблести упал,
 Достойный гражданин считался бесполезным,
 А раб коварством путь к господству пролагал».
 В таком-то образе Историей правдивой
 Потомству предан был отечества отец.
 «Чему же верить мне?» — воскликнул наконец
 Смятенный скиф. «Монарх боголюбивый! —
 Согнувшись до земли, вельможа дал ответ. —
 Я, раб твой, при царях полвека пресмыкался;
 Сей памятник в моих очах сооружался,
 Когда еще тиран был бодр и в цвете лет;
 А повесть, сколько я могу припомнить ныне,
 О нем и прочем вышла в свет
 Гораздо по его кончине».

ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНИЕ

«Что сделалось с тобою ныне?

*О милый куст! Ты бледен стал;
Где зелень, запах твой?» — «Увы! — он отвечал. —
Я на чужбине».*

РЕПЕЙНИК И ФИАЛКА

*Между Репейником и Розовым кустом
Фиалочка себя от зависти скрывала;
Безвестною была, но горестей не знала.
Тот счастлив, кто своим доволен уголком.*

ПЛОДЫ МУДРОГО ПРАВЛЕНИЯ

*При Пятом Льве Медведь за правду лез из кожи,
Вол сдабривал поля и был неутомим,
Конь смелостью блистал. Короче заключим:
Велик монарх — отличны и вельможи.*

ХЛЕБ И СВЕЧКА

*«Прочь, дале! Близ тебя лежать я не хочу», —
Хлеб Свечке говорил; а та ему: «Напрасно,
Чем хуже я тебя? Подумай беспристрастно:
Ты кормишь — я свечу».*

МЯЧИК

*«Несносный жребий мой! То вверх, то вниз лечу,
Вперед, назад меня толкают.
Ракете смех, а я страдаю и молчу».
Проситель! И с тобой не лучше поступают.*

УЗДА И КОНЬ

*С чего Конь пышет, ржет? — Гортань дерут Уздою.
Ослабили Узду, и Конь пошел на статъ.
Властитель! Хочешь ли спокойно обладать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою.*

САДОВАЯ МЫШЬ И КАБИНЕТСКАЯ КРЫСА

*«Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!
Умнее ль будешь ты? Пустая то мечта»,—
Сказала Крысе Мышь, жилища в темном гроте.
Ответ был: «Что мне ум? Была бы лишь сыта».*

В.А. Жуковский

СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один неопытный Мышонок
 У старого Кота под лапою пищал,
 И так его, в слезах, на жалость преклонял:
 «Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!
 Как можно крошечке такой, как я,
 Твоим домашним быть в отягощенье?
 Твоя хозяйюшка и вся ее семья
 Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
 И в чем же мой обед? Зерно, а много два!
 Орех мне — на неделю!
 К тому ж теперь я худ! Едва-едва
 Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
 Был болен! Потерпи,пусти меня пожить!
 Пусть деточки твои меня изволят скушать!»
 «Молчи, молокосос! Тебе ль меня учить?
 И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
 Я Кот, и стар, мой друг! прощенья не жди,
 А лучше, без хлопот, поди
 К Плутону милости его отведать!
 Моим же деточкам всегда есть что обедать!»
 Сказал, Мышонка — цап! Тот пискнул и припал.
 А Кот, покушавши, ни в чем как не бывал!

Ужель рассказ без поученья?
 Никак, читатель, есть!
 Всем юность льстит себя! все мыслит приобрести!
 А старость никогда не знает сожаленья!

ИСТИНА И БАСНЯ

Однажды Истина нагая,
 Оставляя кладезь свой, на белый вышла свет.
 Бог с ней! непригожа, как смерть худая,
 Лицом угрюмая, с сутулиной от лет.
 Стук-стук у всех ворот: «Пустите, ради бога!
 Я, Истина, больна, устала, чуть хожу!
 Морозно, ветрено: иззябла и дрожу!»
 «Нет места, матушка! счастливая дорога!» —
 Везде ей был ответ.
 Что делать? на бок лечь, пусть снегом занесет!
 Присела на сугроб, стучит зубами!
 Вдруг Басня, в золоте, облитая парчой,
 А правду молвить — мишурой,
 Обнизанная жемчугами,
 Вся в камнях дорогих,
 Блистающих как жар, хотя фальшивых,
 На санках золотых,
 На тройке рысаков красивых
 Катит, и прямо к ней: «Зачем ты здесь, сестра?
 Одна! в такой мороз! прогулкам не пора!»

«Ты видишь, зябну! люди глухи:
 Никто мне не дает приюта ни на час.
 Я всем страшна! мы жалкий люд, старухи!
 Как будто от чумы, все бегают от нас!»
 «А ты ведь мне большая,
 Не хвастаясь сказать! ну, то ли дело я?
 Весь мир моя семья!
 И кто ж виной? Зачем таскаешься нагая?
 Тебе ль не знать, мой друг, что маску любит свет?
 Изволь-ка выслушать мой сестринский совет:
 Нам должно быть дружнее и жить не так, как прежде.
 Жить вместе; а тебе в моей ходить одежде.
 С тобой и для меня отворит дверь мудрец,
 Со мною и тебя не выгонит глупец:
 А глупым нынче род — и род весьма обильный!»
 Тут Истина, умильный
 На Басню обративши взор,
 К ней в сани прыг... летят, и следу нет!— С тех пор
 Везде сестрицы неразлучно:
 И Басня не глупа, и с Истиной не скучно!

ССОРА ПЛЕШИВЫХ

Два кума лысые дорогой шли
 И видят, что-то на траве блистает.
 «Ну! — думают.— Мы клад нашли!»
 «Моя находка!» — «Вздор!» Уж кума кум толкает
 И в спину и в бока!
 Увы, последнего седого хохолка
 На гладких лысынах не стало!
 За что же дело стало?
 За что свирепый бой?
 За гребень роговой!

КОТ И МЫШЬ

Случилось так, что кот Федотка-сыроед,
 Сова Трофимовна-сопунья,
 И мышка-хлебница, и ласточка-прыгунья,
 Все плуты, сколько-то, не помню, лет,
 Не вместе, но в одной дуплистой, дряхлой ели
 Пристанище имели.
 Подметил их стрелок — и сетку на дупло.
 Лишь только ночь от дня свой сумрак отделила
 (В тот час, как на полях ни темно, ни светло,
 Когда, не видя, ждешь небесного светила),
 Наш кот из норки — шасть, и прямо бряк под сеть.
 Беда Федотушке! Приходит умереть!
 Колышется, хлопочет,
 Взмяукался мой кот.
 А мышка-вор — как тут! Ей пир, в ладоши бьет.
 Хохоchet.
 «Соседушка, нельзя ль помочь мне? — из сетей
 Сказал умильно узник ей.—

Бог добрым воздаянье!
 Ты ж, нещечко мое, душа моя, была,
 Не знаю почему, всегда мне так мила.
 Как свет моих очей! Как дневное сиянье!
 Я нынче к заутрене спешил
 (Всех набожных котов обыкновенье),
 Но, зная, неведеньем пред богом погрешил,
 Зная, окаянному за дело искушенье!
 По воле вышнего под сеть попал!
 Но гневный милует: несчастному в спасенье
 Тебя мне бог сюда послал!
 Соседка, помоги!» — «Помочь тебе? Злодею!
 Мышатнику! Коту! С ума ли я сошла!
 Избавь его себе на шею!»
 «Ах, мышка! — молвил кот. — Тебе ль хочу я зла?
 Напротив, я с тобой сейчас в союз вступаю!
 Сова и ласточка твои враги;
 Прикажешь, вмиг их уберу!» — «Я знаю,
 Что ты сластена, кот! Но слов побереги:
 Меня не обмануть таким красивым слогом!
 Глуха я! Оставайся с богом!»
 Лишь хлебница домой,
 А ласточка уж там: назад, на ель взбираться!
 Тут новая беда: столкнулася с совой.
 Куда деваться?
 Опять к коту; грызть, грызть тенета!
 Удалось!
 Благочестивый распутлялся;
 Вдруг ловчий из лесу с дубиной показался,
 Союзники скорей давай бог ноги, врозь!
 И тем все дело заключилось.
 Потом опять коту увидеть мышшь случилось:
 «Ах, друг мой, дай себя обнять!
 Боишься? Постыдись; твой страх мне оскорбленье!
 Грешно союзника врагом своим считать!
 Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
 Что ты моя вторая мать?»
 «А я могу ль не знать,
 Что ты котнице-объедало?
 Что кошка с мышкою не ладят никогда!
 Что благодарности в вас духу не бывало!
 И что по нужде связь не может быть тверда».

СУРКИ И КРОТ

Свои нам недостатки знать
 И в недостатках признаваться —
 Как небо и земля; скорей от бед страдать,
 Чем бед виною называться!
 В пример вам расскажу не басенку, а былль.
 Чудна, но справедлива;
 Я очевидец сам такого дива
 И, право, не хочу пускать в глаза вам пыль!

Однажды на лужок, лишь только солнце село,
 Проказники сурки
 Сошлись играть в езду, в гулючки, в уголки
 И в жмурки! Да, и в жмурки! Это дело
 Так верно, как я здесь, и вот как: осокой
 Тому, кому ловить, завязывались глазки,
 Концы ж повязки
 Под морду в узелок; а там — бреди слепой!
 Слепой бредет! Другие же беситься,
 Кувыркатся, скакать кругом;
 Тот под нос шиш ему, тот в зад его пинком;
 Тот на ухо свистит, а тот пред ним вертится,
 Коверкаясь, как бес!
 Бедняжка лапки вверх, хватать-хватать, не тут-то было!
 И где поймать таких увертливых повес!
 Ловить бы до утра, но счастье пособило.
 Возню услышав под землей,
 Из норки вылез Крот, монах слепой!
 Туда ж, играть с сурками!
 Растешился, катит и прямо — бряк! — в силки.
 Сурки
 Сошлись и говорят: «Он слеп, а мы с глазами!
 Не лучше ли его...» — «И, братцы, что за срам! —
 Ворчит, надувшись, Крот. — Игра игрою!
 Я пойман! Мне ловить, с повязкой, как и вам».
 «Пожалуй! Но с твоей, приятель, слепотою
 Не будет ли нам грех давить тебя узлом?»
 «О, это уж обидно!
 Как будто и играть невместно мне с сурком!
 Стяни, сударь! еще! еще стяни, мне видно!»

КОТ И ЗЕРКАЛО

Невежды-мудрецы, которых век проходит
 В искании таких вещей,
 Каких никто никак в сем мире не находит,
 Последуйте коту и будьте поумней!

На дамском туалете
 Сидел Федотка-кот
 И чистил морду... Вдруг глядь в зеркало: Федот
 И там. Точь-в-точь! Сходней двух харей нет на свете.
 Шерсть дыбом, прыг к нему, и мордой щелк в стекло,
 Мяукнул, фыркнул!.. «Понимаю!
 Стекло прозрачное! Он там! Поймаю!»
 Бежит... О, чудо — никого.
 Задумался: куда б так скоро провалиться?
 Бежит назад! Опять Федотка перед ним!
 «Постой! я знаю как! Уж быть тебе моим!»
 Наш умница верхом на зеркало садится,
 Боясь, чтоб, ходя вокруг, кота не упустить
 Или чтоб там и тут в одну минуту быть!
 Припал, как вор, вертит глазами;
 Две лапки здесь, две лапки там;

Весь вытянут, мурчит, глядит по сторонам;
 Нагнулся... Вот опять хвост, лапки, нос с усами.
 Хватъ-хватъ! когтями цап-царап!
 Дал промах, сорвался и бух на столик с рамы;
 Кота же нет как нет. Тогда, жалея лап
 (Заметьте, мудрецы упрямы!)
 И ведать не хотя, чего нельзя понять,
 Федот наш зеркалу поклон отвесил низкий;
 А сам отправился с мышами воевать,
 Мурлыча про себя: «Не все к нам вещи близки!
 Что тягостно уму, того не нужно знать».

КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.
 Один
 Московский гражданин,
 Пришлец из Арзамаса,
 Матюшка-долгохвост, по промыслу Каплун,
 На кухню должен был явиться
 И там на очаге с кухмистером судиться.
 Вся дворня взбегалась: цыпъ-цыпъ—цыпъ-цыпъ! Шалун,
 Проворно,
 Смекнувши, что беда,
 Давай бог ноги! «Господа,
 Слуга покорный!
 По мне, хотя весь день извольте горло драть,
 Меня вам не прельстить учтивыми словами!
 Теперь: цыпъ-цыпъ! А там меня щипать
 Да в печку! Да сморчками
 Набивши брюхо мне, на стол меня! А там
 И поминай как звали!»
 Тут Сокол-крутонос, которого считали
 По всей округности примером всем бойцам,
 Который на жерди, со спесью соколиной,
 Раздувши зоб, сидел
 И с смехом на гоньбу глядел,
 Сказал: «Дурак Каплун! с такой, как ты, скотиной
 Из силы выбился честной народ!
 Тебя зовут, а ты, урод,
 И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!
 Смотри, пожалуй! Я тебе ль чета? Но так
 Не горд! лечу на свист! Глухарь, дурак,
 Постой! хозяин ждет! вся дворня за тобою!»
 Каплун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:
 «Князь-Сокол, я не глух! Меня хозяин ждет?
 Но знать хочу, зачем? А этот твой приятель
 Который, в фартуке, как вор с ножом
 Так чванится своим узорным колпаком
 (Конечно, каплунов усердный почитатель),
 Прогневался, что я не падок к их словам!
 Но если б соколам,
 Как нашей братье, каплунам,
 На кухне заглянуть случилось

*В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
Тогда хозяйский свист и их бы не провел;
Тогда б, как скот-Каплун, черкнул и князь-Сокол!»*

В.А. Озеров

ОРАТОР И БОЛВАН

Был некий человек,
Который целый век
От красноречия не знал себе покою:
Учение текло из уст его рекою.

Блистал мой говорун,
Подобно как перун,
И, бегая голов упорных,
Старался находить судей покорных.
В дубраву он зашел. Стоял в дубраве той
Болван. Под сенью древ вития мой
Гремит с воспламененным духом
Перед болваньим ухом
И чванится, как будто Цицерон,
Как за Лигария вступился он.

Кто ритор, кто болван — узнай, читатель!
Оратор мой — писатель,
Которому не могут быть с руки
Прямые знатоки,
И любит, чтоб ему дивились дураки.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

У Волка вечная привычка кушать жадно.
Какой-то постник Волк себя не остерег
И завтрак проглотил; но горлу лишь неладно
Пришлась последняя кость и села поперек.
Поблизости Журавль, для пищи ль, для игрушек,
Ловил у ручейка зевающих лягушек;
И Волк, которому кричать уже невмочь,
Махает Журавлю, чтобы пришел помочь.
Журавль услужлив, как известно,
И в Волчью пасть свой нос влагает честно
И тащит из нее засевшу в горле кость,
Нанесшую обоим им заботу.
Потом, подставя Волку горсть,
Покорно просит за работу.
Свирепый Волк сказал: «Благодари меня,
Что нынешнего дня
Ты в целости свою унести мог шею
Из-под моих зубов. Теперь себе поди,
Но только в когти мне вперед не попади».

Нам пагубно самим благотворить злодеев.

ОСЕЛ И СОБАЧКА

Не будем, вопреки способностям природным,
Искать несвойственных нам к счастью путей.

Природа не равно щедрила людей:
 Один рождается в свет к художествам свободным,
     Другой — к простому ремеслу.
 Пусть каждый с долею своею остается,
     И он не ошибется,
 Как то случилось Ослу.

Одним хозяевам с потешницей большою,
     С Собачкою, Осел служил.
 Сравнив ее судьбу с своею он судьбою,
     В лукавый час неловко рассудил:
 «За что Собачка так мила всему здесь дому?
 С тарелки кушать ей, из чашки пить дают,
 А мне лишь жалуют овсяную солому
 И в барыши за лень почасту только бьют.
 Когда на задние Собачка ножки станет
     И лапochку хозяину протянет,
 Хозяин милует, берет ее с собой,
 Когда ж хозяйошку она лизнет разочек,
 Хозяйка сахарцу ей уделит кусочек,
     А сахар нынче дорогой!
 Собачка ластится: вот тут и вся причина.
     Так выберу веселый день
 И приласкаюсь сам: улучшится судьбина,
     Пойдет и мне тогда ячмень,
 И, может быть, мою понежат лень».
     В сей мысли крайне бестолковой,
 Завидев издали хозяина с обновой,
     Осел бежит, и, равно перед ним
 Став дыбом, он ему кладет тяжелу ногу
 На правое плечо; горланьем же своим
 На весь наводит двор и пушную тревогу.
 Хозяин закричал: «Что сделалось с тобой?
     Какая ласка и потеха!
 Иль стал ты скот уж прямо круговой?
     Гей, дайте плеть сюда для смеха!»
 Явилась плеть; Осел переменил напев
     И отшагал смиренно в хлев.

ВОРОНА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Имела некая Ворона вкус:
     Любила муз;
 И говорит Орфею,
     По-русски — Соловью:
 «Исполни просьбу ты мою,
     О чем просить тебя я смею!
     Имею
     Лишь одного
     Я сына;
 Он в старости отрада мне едина;
     Пожалуй, ты его
 Наставь так петь, как сам поешь ты нежно!
 Он скоро переймет, лишь поучи прилежно».

А Соловей в ответ: «Голубушка моя,
Готов бы оказать тебе услугу я;
Но знай, не только я, да если с Геликона
Сынка сведешь учить всех муз и всех богов,
Не будет он в числе певцов:
Не может соловьем быть никогда ворона».

Вовек того не даст искусству мастерство,
Чего лишило нас, к несчастью, естество.

КУЗНЕЧИК

Кузнечик ветреный, про стужу позабыв,
Все красны дни пропел среди веселых нив,
Как вдруг зима: не стало в поле крошки,
Ни червяков, ни мушечек, ни мошки,
Чем душу пропитать.
Пришлось умереть иль где займы искать.
Кузнечик к Муравью, ближайшему соседу,
Явился к самому обеду:
«Почтенный Муравей, премудрый сын земли,
Запаса твоего частичку удели!
Я уверяю клятвой,
Что с ростом всё отдам пред будущею жатвой!»
Но Муравей довольно всем знаком:
Великий скопидом,
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит.
«Да как же заpastись ты в лето не успел?» —
Спросил Кузнечика капиталист нечивый.
— «Я, малым быв счастливый,
И день и ночь напевы пел
Всем встречным
И поперечным,
И поперечным,
Не чаяв летним дням конца».
— «Так ты, голубчик, пел? Пляши же голубца!»

В.Л. Пушкин

ЛЕВ И ЕГО ЛЮБИМЕЦ

Собачку Лев любил,
 И все тогда ее ласкали;
 Лисицы в гости звали,
 Медведи кланялись, и тигры уважали;
 Спесивый даже слон Собачке другом был.
 И хоботом своим огромным
 То на спину сажал, то гладил он ее.
 Надеяться нельзя на счастье свое!
 Врагам угодно было злобным,
 Чтоб царь зверей сослал любимца своего.
 Любимец изгнанный не стоит ничего!
 Все стали клеветать на счет Собачки бедной,
 Что ум она имеет вредный;
 Лисица голос подала,
 Что будто так Собака зла,
 Что гнусную на Льва сатиру сочинила;
 Медведь всех уверял,
 Что две сатиры он читал
 И что всю истину Лисица говорила;
 А Заяц побежал
 (В том зайцев вся и сила),
 Не выслушав конца, рассказывать везде,
 Что было, как и где.

И мы, как звери, поступаем:
 Нередко зло ко злу нарочно прилагаем.

СУРОК И ЩЕГЛЕНОК

Сурку Щегленок говорил:
 «Как! Вечно спать? Какая скука!
 И вечно быть в норе? Так жить, конечно, мука!
 Сон — та же смерть. Чтоб я, лишенный сил,
 В гнезде своем лежал, как ты, Сурок несчастной?
 Нет, я хочу летать по рощам, по лугам,
 По селам, городам,
 Все слышать, видеть все. Свободою прекрасной
 Я пользуюсь своей.
 О бедненький Сурок, об участи твоей
 Я истинно жалею:
 Ты знаешь, я любить умею!»
 «Что ж нового? Скажи скорей», —
 Спросил Сурок рассказчика Щегленка.
 «От старика и до ребенка
 Все заняты умы в столичных городах:
 Тот проживается, тот копит, богатится,
 И в страшных откупах;
 Другой над картами трудится;
 Заботы, происки о лентах, о чинах;
 Никто не думает о ближних, о друзьях;

Жена пред мужем лицемерит,
 А муж перед женой,— и до того дошло,
 Что брату брат не верит».
 «Какой разврат, какое зло! —
 Вскричал Сурок с презреньем.—
 Не говори с таким, пожалуй, сожаленьем!
 Чтоб ужасов таких не слышать и не знать,
 По-моему, не лучше ль спать?»

ГОЛУБКА И БАБОЧКА

Однажды Бабочка Голубке говорила:
 «Ах, как ты счастлива! Твой голубок с тобой.
 Какой он ласковый! Как он хорош собой!
 А мне судьба определила
 Совсем иначе жить: неверный мотылек
 Все по лугам летает;
 То незабудочку, то розу выбирает;
 А я одна сижу». — «Послушай, мой дружок! —
 Голубка отвечала.—
 Напрасно, может быть, пеняешь ты ему:
 Не ты ль причиною тому,
 Что счастья не сыскала?
 Я правду говорю: любимой нежно быть
 Здесь средство лишь одно — умеи сама любить!»

Элиза милая, пример перед тобою:
 Люби... и будешь век довольна ты судьбою!
 Супруг твой добр и мил. Он сердца твоего,
 Конечно, цену знает;
 Люби и почитай его!
 Там счастье, где любовь: оно вас ожидает.

ВОЛК И ЛИСИЦА

Волк хищный занемог. Раскаянье с недугом
 Приходит часто и к зверям.
 «Нет,— так он рассуждал с кумой своей и другом,—
 Нет, полно рыскать мне по рощам и лугам!
 Довольно подушил овечек я невинных;
 Не лучше ль смирно жить, питаться мне травой?
 Мы, кумушка, с тобой
 Забудем о делах бесчинных!
 Ты грешнику поверь: в прожорстве нет добра!
 И нам опомниться пора!
 Советую тебе оставить кур в покое;
 Смиренье дело золотое.
 Увидишь, я во всем с ягненком буду схож —
 И если не лицом, обычаем хорош».
 Лисица удивилась.
 «Волк,— думала она,— недаром слезы льет
 И злость свою клянет;
 Он, верно, завтра же умрет».
 С почтеньем, молча, поклонилась.

Но, к счастью, у волков
 Не знают докторов:
 Больной оправился. Курятница-Лисица,
 В политике, как всем известно, мастерица,
 Пустилась Волка поздравлять.
 Не худо иногда зубастым угождать!
 Итак, угодница является в пещеру
 К нравоучителю, иль, лучше, лицемеру.
 Что ж видит там она? Покойно Волк сидит
 И кушает барана;
 Овца несчастная полмертвая лежит,
 Такой же участи ждет скоро от тирана.
 «Прекрасно, куманек,— Лисица говорит,—
 Ты каялся в грехах и плакал, как ребенок,
 Но видно, что в тебе глас совести умолк!» —
 «Так что ж? — вскричал злодей.— В болезни я ягненок;
 Когда здоров, я — волк».

МЕДВЕДЬ И ЕГО ГОСТИ

Медведю вздумалось зверям дать угощенье;
 Толпою все бегут на зов,
 И пир, конечно, был таков,
 Что он гостей привел в восторг и удивленье.
 Вельможа не жалел кармана своего;
 Все было славно и богато.
 Без спору, можно жить медведям торовато!
 Лишь только на пиру веселья одного,
 Не знаю, как-то не случилось.
 В тот вечер, может быть,
 Оно в сердечную беседу удалилось.
 Мартышка резвая, охотница шутить,
 Прожора небольшая,
 Зевала, морщилась, плечами пожимая,
 И наконец, отдав хозяину поклон,
 Сказала Барсуку: «Веселье — мой закон:
 У пышных богачей, я вижу, все прекрасно;
 Но что-то говорить и трудно и опасно!
 Ты оставайся здесь, а я бегу туда,
 Где рассмеяться не беда».

КОТ И МОСЬКА

Кот вздумал с Моською играть.
 Собаки все добры. Курноса храпела,
 В восторге хвостиком вертела
 И всячески Кота старалась забавлять.
 Но дружба непрочна с коварными сердцами!
 Кот в Моську когти запустил
 И даже стал кусать зубами!
 «Что так ты морщишься? — бедняжку он спросил,—
 С тобой я пошутил;
 А я люблю шутить с друзьями.
 Сердиться на меня не только что смешно,

Но, право, кажется, грешно».
 «Пожалуй, смеяться надо мною,—
 Сказала Моська,— но с тобою
 Водиться не хочу. Нимало не сержусь,
 А шуточек твоих боюсь
 И вредное навек знакомство разрываю:
 Ошиблась — так и быть — опомниться пора!»

Известных я врагов всегда предпочитаю
 Друзьям, которые царапать мастера.

ДВЕ СТАРЫЕ КОШКИ

Две Кошки старые смиренно рассуждали
 О прежних радостях своих,
 Как в старину они живали,
 Как все любили их!
 «Настали времена, обычаи дурные,—
 Одна вполголоса твердила так другой.—
 В котах учтивости не видно никакой,
 Все стали сорванцы прямые.
 Поверишь ли? Сижу по суткам я одна;
 Никто не примечает,
 Никто не приласкает,
 Как будто я чумой заражена».
 «Ах, как, сестрица, ты мурлычешь справедливо! —
 Седая Кошка ей в ответ.—
 Совсем переменился свет!
 Учтивость, постоянство — диво!
 Бывало, я взгляну, и несколько котов
 Вертятся вокруг меня, прыжками забавляют;
 Клянусь, что всякий был мне угождать готов.
 А нынче все пересмевают.
 Неблагодарные, как я любила их!
 Они изменой заплатили;
 Забудем мы с тобой обманщиков таких,
 Забудем, как они забыли!»
 «Голубушки мои,— прервал усатый Кот,—
 Все чередом своим идет;
 Вы были молоды, и вас тогда любили!
 Взгляните на себя: вы седы, без зубов;
 Какой же ожидать вам ласки от котов?»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

(Сказка)

Муж умирающий так говорил жене:
 «Скажи чистосердечно мне;
 Вот слишком десять лет, как я живу с тобою,
 Была ль ты мне верна? Я от тебя не скрою:
 Казалось мне, сосед Фома
 Любил тебя, дружочек, без ума.
 Скажи всю истину; чего тебе бояться?
 Я через час умру, впросак не попадешь!»

*«Нет, муженек, не смею я признаться:
Ну, как обманешь — не умрешь!»*

БЫЛЬ

(Сказка)

*На Лизе молодой богач-старик женился,
И участью своей он недоволен был.
«Что ты задумалась? — жене он говорил.—
Я, право, пищи всей лишился
С тех пор, как бог меня с тобой соединил!
Все ты сидишь в углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вечно вы да вы,
Дружочек, любушка! скажи мне нежно: ты —
И шаль турецкая готова».
При слове «шаль» жена переменяла тон:
«Как ты догадлив стал! Поди ж скорее вон!»*

КРАСАВИЦА В ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

(Сказка)

*Шестидесяти лет Пульхерия-старушка,
Которая в свой век была
Кокетка и вострушка,
Мечтала, что еще пленять она могла
И что амуры вокруг прелестницы резвились;
Но, в зеркале себя увидев невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!
Как зеркала переменялись!»*

К.Н. Батюшков

ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

Любимец строгой Мельпомены,
Прости усердный стих безвестному певцу!
Не лавры к твоему венцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я в дар тебе принес. К чему мой фимиам
Творицу «Димитрия», кому бессмертны музы,
Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих,
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой,
Захочешь с музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.

Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,
Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком
Листы колеблемы шептали
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.

Из рощи Соловей

Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Всё душу Пастуха задумчиво пленяло,
Как вдруг певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш Пастух просил о песнях новых.
Печальный Соловей, вздохнув, ему сказал:

«Недолго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!

Пройдет и петь охота,

Когда с соседнего болота

Лягушки кваканьем как бы назло глушат;

Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!»

— «Пой, нежный Соловей,— Пастух сказал Орфею,—

Для них ушей я не имею.

Ты им молчаньем петь охоту придаешь:

Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»

СОН МОГОЛЬЦА

Могольцу снилися жилища Елисейски.

Визирь блаженный в них

За добрые дела житейски,

В числе угодников святых,

Покойно спал на лоне гурий.

Но сонный видит ад,
Где, пламенем объят,
Терзаемый бичами Фурий,
Пустынник испускал ужасный вопль и стон.

Моголец в ужасе проснулся,
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что Пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал.
Тотчас гадалателя призвал,
И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь нимало,
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сеи праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье;
Пустынник на поклон таскался к визирям».
С гадалелем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! Ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах, кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье,
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом;
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он?
Зимой — близ огонька, в тени древесной — летом,
Без страха двери сам для Парки отопру;
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

ФИЛОМЕЛА И ПРОГНА[21]

Когда-то Прогна залетела
От башен городских, обители своей,
В леса пустынные, где пела
Сиротка Филомела;
И так сказала ей
Болтливая певица:
«Здорово, душенька сестрица!
Ни видом не видать тебя уж много лет!
Зачем забыла свет?
Зачем наш край не посещала?»

Где пела, где жила? Куда и с кем летала?
Пора, пора и к нам,
Залетом, по веснам;
Здесь скучно: всё леса унылы,
И колоколен нет».
— «Ах, мне леса и милы!» —
Печальный был ответ.
«Кому ж ты здесь поешь, — касатка возразила, —
В такой дали от жила,
От ласточек и от людей?
Кто слушает тебя? Стада глухих зверей
Иль хищных птиц собранье?
Сестра! грешно терять небесно дарованье
В безлюдной стороне.
Признаться... здесь и страшно мне!
Смотри: песчаный бор, река, пустынные виды,
Гора, висяща над горой,
Как словно в Фракии глухой,
На мысль приводят нам Тереевы обиды.
И где же тут покой?»
— «Затем-то и живу средь скучного изгнанья,
Боясь воспоминанья,
Лютейшего сто раз:
Людей боюсь у вас», —
Вздыхнув, сказала Филомела,
Потом: «Прости, прости!» — взвилась и улетела
Из ласточкиных глаз.

А.Н. Нахимов

СВИНЬИ И ЯГНЕНОК

Ягненку погулять без матери случилось,
 И горе страшное бедняжке приключилось:
 Увяз в болоте он; барахтаясь там,
 Блеял о помощи к свиньям,
 Что в тине не жились, в серали, как султан.
 Расхрюкалося вдруг Эпикурейцев стадо;
 Не помогать оно — упреки делать радо:
 «В какую ты забрел, бесстыдник, грязь?
 Вот молодость, увьи! к чему приводит вас!
 А если б пожилым скотам повиновался,
 Тогда б, молокосос, в беду ты не попался.
 Каков ты прежде был? — Как свинка бел, пригож,
 Теперь же — посмотри: ну на кого ты схож?»
 Так мудрецы сии Ягненка укоряли;
 Но между тем они того не примечали,
 Что сами глужже все в болоте погрязали.

Всяк скажет, кто сию (уж какова ни есть)
 Изволит басенку прочесть:
 Бывают и у нас наставники такие —
 Всем проповедают, а сами не святые.

ЖИВОПИСЕЦ

Был живописец славный,
 Рафа́илу в искусстве равный
 И очень, очень не дурак;
 Но сердцем жалкий был простак:
 Уж до того он совести держался,
 Что даже знатным льстить боялся!
 А кто сие почтет за грех?
 Спросите вы у всех.
 Сей добрый человек хотел себя прославить,
 И чем же? Вздумал он представить
 Пороки все и глупости людей.
 Судя по мастерству, он суций чародей:
 Нельстива кисть его что ни изобразила,
 Одушевила.
 Картину кончивши, тотчас
 Он выставил ее народу на показ:
 Но лишь ее узрели,
 Кокетки обомлели,
 У плута волос дыбом стал,
 Лжец трепетал,
 Грызть ногти начал скряга,
 Грозил указами сутяга,
 Кобенился пред живописцем франт,
 И Катилиною назвал его педант.
 Пылая в сердце мщеньем,
 Порочные кричат художнику с презреньем:

«Ты пасквиль написал,
 Честь нашу обругал;
 В картине сей хотел смеяться ты над нами».
 «Бог с вами! —
 Художник отвечал: —
 Я глупость и порок изобразить желал,
 А вас не трогал я, да я вас и не знал:
 Уродов можно ли вам сравнивать с собою,
 Когда красавицы вы душою?»
 Но мастер сей не мог себя тем оправдать;
 Хоть умные его взялись защищать,
 Но их немного было,
 И все витийство их глупцов не убедило.
 Художник отдан был под суд,
 Который сжечь велел его прекрасный труд.
 Так будет всякому, кто только дар имеет
 И льстит пороку не умеет.

ПАРИК И БОЛВАН, НА КОТОРОМ ЕГО РАСЧЕСЫВАЮТ

С плешивой знатности когда парик снимали,
 То самый сей парик болван носил.
 «Уж то-то, чаю, вы сегодня рассуждали? —
 Болван у Парика спросил.—
 Ведь много, думаю, у знатности рассудка?»
 «Как у тебя, дубового отрубка».

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ

«Ах! сжался надо мной, сиятельная Моська! —
 Любимицу барскому Пес старый говорил.—
 Весь век усердно я на привязи служил.
 Смотри! изранена дубиной грудь геройска;
 Я ужас был всегда для здешних всех воров,
 Я был прямой слуга, не из числа льстецов!
 Воззри! премудрый Мопс, на многие заслуги,
 На дряхлость лет моих, на слабость и недуги:
 Доставь в награду мне, почтенный мой патрон,
 Хоть каплю молока». — «Да где такой закон? —
 С презреньем временщик речь псову прерывает.—
 Нет! Барин милостей своих не расточает;
 Послушай! Молоко дается только нам,
 Придворным господам;
 А вы, на привязи герои,
 Довольны будьте тем, что вам дают помои».

ОСЕЛ В СЧАСТИИ

«Ты помнишь ли Осла? — Вол Лошади сказал.—
 У нашего он господина
 Навоз таскал;
 Но, к удивлению, сия скотина
 На верх величия взошла:
 Фортуна по уши влюбилась в Осла!

Навоз сперва возил, а ныне возит папу,
 И папские льстецы Осла целуют в лапу;
 Обвешан золотом, осыпан жемчугом,
 Из смирной твари он стал страшным гордецом».
 «Да стал ли он умней средь пышности и славы?»—
 Спросила Лошадь у Вола.—
 «Того-то сделать лишь Фортуна не могла.
 Переменяет честь ведь не умы, а нравы!»

ПОВЕСТКА

Понеже завтра именины
 Могучей госпожи алтынницы Макрины,
 То все в указный час должны явиться к ней
 С почтением, при форме всей
 И не с порожними руками,
 Но с полными кульками.
 К ней вход не возбранен с кульком и мужику,
 И всякий дар ее приятен сундуку.
 Но кто ей поднесет куль с паюсной икрою,
 Иль с семгою, иль с ветчиною,
 Утробе тот ее и мужней удружит,
 И рада по делам она тому служить.
 А буде к оной кто не придет с челобитьем,
 При форме и с кульком, притом в указный час,—
 Тот с делом никогда не смей входить в приказ:
 Понеже муж ее владеет там повытьем.

ДЬЯК И НИЩИЙ

Придрался к нищему старинный, пьяный дьяк:
 «Ноздря твоя гласит, что нюхал ты табак,
 И буде на тебя пойду в приказ с доносом,
 По уложенью ты проститься должен с носом.
 Так если нужен нос тебе для табаку,
 Отдай котомку мне, лохмотья и клюку».

АССИГНАЦИЯ И АЛТЫН

Увидевши Алтын в подъяческой мошне,
 Бумажка синяя сказала: «Больно мне,
 Почтенной в обществе пятирублевым чином,
 В одном собрании присутствовать с Алтыном;
 Как мог позволить то преблагородный крюк,
 Чтобы к нему в мошну входил полушкин внук!»
 «Оставь пустую спесь и глупые издевки! —
 Бумажке отвечал Алтын.—
 То правда, что мой чин
 По курсу стоит три копейки;
 Но древностью алтынов род
 Едва ль не превзошел подъяческий народ!
 Давно уже слывут алтыны господами:
 Дружились они с дьяками
 И через частое, различно сватовство

Вступили в близкое с подъячими родство;
 Старинное свое прозвание им дали,
 И многим вотчины алтыны отказали!
 Я братец внучатный хозяину мошны;
 Мы оба искренно друг в друга влюблены,
 Мы оба совестью славны,
 И оба мы достоинствами равны».

МОЛЬ И КАФТАН

Жил-был суконный великан:
 Приказныя версты Кафтан,
 Отличный от других кафтанов
 Ужасной глубиной карманов.
 Подъячий сей Кафтан от деда получил,
 А дед подъяческий подъячий также был,
 Верстою также слыл
 И также клал в карманы взятки.
 Кафтан-старик имел премногие заплатки
 И требовал отставки.
 Не скоро от него прошение принял внук,
 Но наконец старик уволен был в сундук.
 Покоился Кафтан. Вдруг Моли страшна сила
 К его карманам приступила
 И их без жалости точила.
 Вскричал Кафтан: «Помилуй, Моль!
 Точить карманов не изволь!
 Ей-ей, они невинны,
 Не грабили они, но берегли алтыны,
 А грабили всегда приказны дед и внук.
 Почто не точишь, Моль, подъяческих ты рук?»

КРЫСА И СЕКРЕТАРША

Нередко женщины влюбляются в зверьков:
 В собачек, кошечек, и в белок, и в сурков.
 Жена секретаря любила крысу страстно,—
 Творенье гнусное, но для нее прекрасно.
 А муж, усердный хлоп, нижайший секретарь,
 Не смел уж не любить жене любезну тварь.
 Вседневно уделял он крысе часть хабара
 И отдал ей ключи от шкафа и амбара.
 Когда бы ключница ему отгрызла нос,
 Муж нежный для жены и то бы перенес!
 Все привилегии та крысица имела:
 Гуляла, кушала, покоилась, жирела,
 Но секретарша тем довольна не была,
 И крысу в стряпчие она произвела.
 Кто одолеть хотел в приказе супостата,
 Искал тот милости у крысы-адвоката.
 Сутяги с крысою знакомство вдруг свели,
 В карманах сахарны гостинцы ей несли;
 В приказе шайка их победоносна стала
 И с стряпчим-крысою законы все попраля.

А.Е. Измайлов

УМИРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,
 Султанка слег в постелю;
 Лежит он день, лежит неделю,
 Никто из медиков Султанке не помог;
 Час от часу лишь только хуже:
 Все ребра у него наруже;
 Как в лихорадке, он дрожит
 И уж едва-едва визжит.
 В конуре, у одра больного,
 Соколка, внук его, стоял;
 Не мог он вымолвить от жалости ни слова
 И с нежностью его лизал.
 Султанка на него взглянул и так сказал:
 «Ну! видно, мой конец приходит:
 Нельзя ни встать, ни сесть;
 Душа из тела вон выходит...
 А перед смертью как хотелось бы поесть!
 Послушай, милый внук, что я тебе открою:
 Две кости спрятал я, как был еще здоров;
 Умру, ведь не возьму с собою;
 Они вон там лежат, у дров;
 Поди же, принеси их обе
 И старика утешь,
 Который скоро будет в гробе...
 Да только сам, смотри, дорогою не ешь».
 Как из лука стрела, Соколка мой пустился,
 В минуту воротился
 И кости в целости принес.
 Султанка тронут был до слез.
 Ну нюхать кости он,— глодать уже не может;
 Понюхал и промолвил так:
 «Когда умру, пускай мой внучек это сгложет...
 Однако же теперь не тронь ты их никак.
 Кто знает? Может быть, опять здоров я буду.
 Коль веку бог продлит, тебя не позабуду:
 Вот эту кость отдам тебе,
 Большую же возьму себе.
 Постой, что мне на ум приходит:
 Есть славный у меня еще кусок один;
 Я спрятал там его, куда никто не ходит.
 Сказать ли? Нет, боюсь! ты съешь, собачий сын!
 Ох, жаль!..» И с словом сим Султанка умирает.
 На что сокровища скупой весь век собирает?
 Ни для себя, ни для других!
 Несозна жизнь и смерть скупых.

КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЖЕНЩИНУ

Был в старину такой дурак,
 Что в Кошку по уши влюбился,

Не мог он жить без ней никак:
 С ней вместе ночью спать ложился,
 С одной тарелки с нею ел
 И наконец на ней жениться захотел.
 Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
 Чтоб Кошку для него в девицу превратил.
 Юпитер внял мольбе и чудо сотворил:
 Девицу красную из Машки-кошки серой!
 Чудак от радости чуть не сошел с ума,
 Ласкает милую, целует, обнимает,
 Как куклу наряжает.
 Без памяти невеста и сама!
 Охотно руку дать и сердце обещает:
 Жених не стар, пригож, богат еще притом.
 Какая разница с Котом!
 Скорей к венцу; и вот они уж обвенчались;
 Все гости разошлись, они одни остались.
 Супруг супругу раздевал,
 То пальчики у ней, то шейку целовал;
 Она сама его, краснея, целовала,
 Вдруг вырвалась и побежала.
 Куда же? — Под кровать: увидела там мышь.

 Природной склонности ничем не истребишь.

СОВЕТ МЫШЕЙ

В мучном анбаре Кот такой удалый был,
 Что менее недели
 Мышей до сотни задавил;
 Десяток или два кой-как уж уцелели
 И спрятались в норах.
 Что делать? Выйти — страх;
 Не выходить? — так смерти ждать голодной!
 На лаврах отдыхал Кот сытый и дородный.
 Однажды вечером на кровлю он ушел,
 Где милая ему назначила свиданье.
 Слух до мышей о том дошел,—
 Повыбрались из нор, открыли заседанье
 И стали рассуждать,
 Какие меры им против Кота принять.
 Одна Мышь умная, которая жила
 С учеными на чердаках
 И много книг переглодала,
 Совет дала в таких словах:
 «Сестрицы! Отвратить грозящее нам бедство
 Я нахожу одно лишь средство,
 Простое самое. Оно в том состоит,
 Чтоб нашему злодею,
 Когда он спит,
 Гремущку привязать на шею,
 Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,
 И не удастся нас врасплох ему поймать».
 «Прекрасно! Ах! Прекрасно! —

Вскричали все единогласно.—
 Зачем откладывать, как можно поскорей
 Коту гремяшку мы привяжем!
 Уж то-то мы себя докажем!
 Ай, славно! Не видать ему теперь мышей
 Так точно, как своих ушей!»
 «Все очень хорошо; привязывать кто ж станет?»
 «Ну, ты».— «Благодарю!»
 «Так ты».— «Я посмотрю,
 Как духа у тебя достанет!»
 «Однако ж надобно».— «Что долго толковать?
 Кто сделал предложенье,
 Тому и исполнять.
 Ну, умница, свое нам покажи уменье».
 И умница равно за это не взялась.
 И для чего ж бы так?.. Да лапка затряслась!

Куда как, право, чудно!
 Мы мастера учить других;
 А если дело вдруг дойдет до нас самих,
 То исполнять нам очень трудно!

КУКУШКА

«Послушайте меня, я, право, не совру,—
 Кукушка говорила птицам,
 Чижам, щеглятам и синицам,—
 Была я далеко, в большом, густом бору;
 Там слышала, чего доселе не слышала,
 Как Соловей поет.
 Уж не по-нашему. Я хорошо певала,
 Да все не то! Так сердце и замрет
 От радости, когда во весь он голос свистнет,
 А там защелкает иль тихо пустит трель;
 Забудешься совсем, и голова повиснет.
 Ну что против него свирель!
 Дивилась, право, я дивилась...
 Однако же не потаю:
 По-соловьинному и я петь научилась.
 Для вас, извольте, пропою
 Точнехонько как он,— хотите?»
 «Пропой, послушаем».— «Чур, не шуметь, молчите!
 Вот выше сяду на суку.
 Ну, слушайте ж теперь: куку, куку, куку!»

Кукушка хвастуна на память мне приводит,
 Который классиков-поэтов переводит.

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА И ЖУРАВЛЬ

Две птицы плавали в пруде:
 Красивый Лебедь, чистый, белый,
 Да серый Гусь дрянной. Гляделся месяц светлый
 В прозрачной зеркальной воде;
 Лучи его в струях играли серебристых;

*Зефир чуть колебал листы дерев ветвистых,
И Лебедь начал гимн вечерний богу петь.*

*Гусь этого не мог стерпеть,
Вскричал: «Га! га!» и, вытянувши шею,
Шипел, подобно змею.*

*Где Утка ни возьмися тут
И говорит: «Куда как хорошо поют!
Однако Гусь поет приятнее, нежнее,
Да он же и плывет важнее».*

*«Что ты, прожора, врешь? —
Прервал ее Журавль.— Молчи, пока не бита!
Недаром первенство ты Гусю отдаешь:
Он есть тебе дает из своего корыта».*

*Кто Утка? — Подлый журналист.
А Гусь? — Рифмач-капиталист.*

БЕСХВОСТАЯ ЛИСИЦА

*Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплят и кур ловить большая мастерица,
На старости своей так сделалась проста,
Что в западню попалась;
Вертелась всячески, туда-сюда металась
И вырвалась кой-как, но только без хвоста.
Как в лес бесхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взяв важный и степенный вид,
Идет в пещеру, где сбиралися Лисицы.
«Подруги и сестрицы! —
Так говорит она.— Какой нам, право, стыд,
Что по сие мы время
Все носим гнусное и тягостное бремя —
Сей хвост, который по земли
За нами тащится в грязи или в пыли.*

Какая польза в нем, скажите?
 А вред весь от него я доказать могу.
 Вы, верно, сами подтвердите,
 Что без хвоста быть легче на бегу,
 Что часто за хвосты собаки нас ловили;
 Но если бы теперь хвосты мы обрубили...»
 «Остановись, остановись!» —
 Одна ей из сестер сказала.
 «А что?» — «Пожалуйста, к нам задом обернись».
 Кургузая тут замолчала,
 Попятилась назад и тотчас убежала.

«Как страшно замуж выходить!» —
 Невестам всем твердит увядшая девица.
 Конечно, что ж ей говорить?
 Такая ж и она бесхвостая Лисица!

НАСЕДКА

«Куда как я ужасно похудела! —
 Наседка хвастала перед сестрой своей.—
 Подумай, двадцать дней
 На яйцах сидела,
 Все время ни пила, ни ела:
 Скажу, что много было дела!..»
 «А много ль у тебя, скажи, цыпляток всех?» —
 Подруга у нее спросила.
 «Да нет ни одного, попутал как-то грех —
 Все яицы передавила».

Как эта курица, точь-в-точь,
 Иной твердит: сижусь за делом день и ночь!
 И подлинно сидит, от места не отходит,
 Да перья попусту с бумагой переводит.

ДВА КОТА

Кот Ванька с Ваською родные братья были;
 В одном доме они родились и жили.
 Кот Ванька тощий был такой,
 Что страшно и взглянуть, доска совсем доской!
 А Васька толщиной дворецкому равнялся:
 От жира он едва-едва передвигался;
 Шерсть лоснилась на нем, как будто бы атлас,
 «Нам счастье не одно, хоть мать одна у нас,—
 Сказал ему скелет.— Вот ты забот не знаешь,
 Без мяса никогда и в будни не бываешь;
 Тебе все мясоед, а мне великий пост!
 Ты только спишь, а я и сна почти не знаю;
 Дом целый от мышей и крыс оберегаю.
 При всем усердии я голоден!..» — «И прост!—
 Прервал его жиряк.— Будь, братец, поумнее;
 Возьми меня в пример, коль хочешь быть жирнее».
 «Что ж делать мне? Скажи». — «Хозяина смеши,

На задних перед ним ногах ходи, пляши;
Подставит руки он, ты прыгай через руки
И перейми мои забавные все штуки;
Поверь, что будешь ты любим, не только сыт.
Знай, глупенький, что тот, кто людям угождает
В безделках, пустяках — у них не потеряет;
А кто для пользы их трудится и не спит,
Тот часто голоден бывает».

ДВА РАКА

«Все пятится назад! Куда какой дурак! —
Журил так сына старый Рак. —
Вперед ступай, вперед! Не то я драться стану!»
«Да покажите мне вы, батюшка, хоть раз,
Как надобно ходить: я перейму у вас;
Извольте вы вперед, а я уж не отстану».

Слугу за пьянство барин бьет,
Но не уймет!
А отчего? Сам барин пьет.

УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
Лежит от них невдалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому;
А тот нагнулся уж и руку протянул.
Товарищ тут его толкнул
И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя».
«Да, как бы не твоя!»
«Я указал тебе...» — «Что, ты? Перекрестися».
«Конечно, первый я увидел...» — «Вот те раз!
И у меня остер, брат, глаз».
«Пусть видел ты, а я так даже слышал носом».
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел Судья к ним Миротвор.
Он начал с важностью по форме суд допросом,
Взял устрицу, открыл
И проглотил.
«Ну, слушайте, — сказал, — теперь определенье:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям!

ДВА ОСЛА

Шли два Осла дорогою одной,
И рассуждали меж собой
О политических и о других предметах
(Они уж оба были в летах).

«Что, братец,— говорит один,—
 Как может мнимый наш, бесхвостый господин —
 Ну, знаешь, человек — ругаться так над нами?
 В насмешку он зовет ослами,
 Кого же? самых уж безмозглых дураков!
 А право, у людей не много есть голов,
 Какие у ослов!»
 «И ведомо! да вот, без лести,
 Каков ты, например, у них такого нет.
 Гордился бы тобой парламент иль совет».
 «Помилуй! много чести!»
 «Нет, нет, что чувствую, то я и говорю.
 Конечно!.. от тебя не скрою,
 И я инога члена стою;
 Но что же я перед тобою?
 Советовал бы я Льву, нашему царю,
 Чтоб воспитать тебе наследника дал трона:
 Ты, без пристрастия, умнее Фенелона.
 Не поленись, любезный брат,
 О воспитании нам сочинить трактат».
 «То правда, я имею знанья,
 Пригодные для воспитанья,
 Но не имею остроты
 И красноречия, как ты».
 «Э! шутишь! а твое похвальное-то слово
 Ослицам!.. Лучше бы я сам не написал!»
 «Другое у меня еще теперь готово;
 Изволь, прочту тебе». О, черт бы их побрал!
 Друг дружку до того хвалили,
 Что после и у всех ослов в почтеньи были.

Нет легче ничего, как нравиться глупцам:
 Хвали их, и они равно тебя похвалят;
 Притом и в нужде не оставят.
 Где много дураков, житье там подлецам.

ПОЕДИНОК

Осла нечаянно толкнул Лошак.
 «Смотри же ты, дурак! —
 Осел мой закричал.— Как смеешь ты толкаться?»
 «Ах, скот! как смеешь ты ругаться?».
 «Я жив быть не хочу,
 Когда тебя не проучу».
 «Разделайся со мной». — «Изволь... На чем угодно?»
 «Ну на копытах?» — «О! охотно!»
 «Мой секундант Баран». — «А у меня Козел».
 Вот через час, не боле,
 С Козлом Осел,
 С Бараном же Лошак явились в чистом поле;
 У обоих блистает гнев в глазах.
 Дрожат от ярости; друг к дружке задом стали,
 И очень близко: в двух шагах.
 Уж кинут жеребий — знак секунданты дали —

Сперва Лошак лягнул — Осел лягнул потом.
 Откуда ни возьмись, Хозяин тут с кнутом,
 Нет, с плетью, виноват! Не говоря ни слова,
 Давай стегать того он и другого;
 По очереди им всю спину истегал.
 «Проклятые! — из сил он выбившись, вскричал,—
 Да что вам вздумалось лягаться?»
 Сквозь слёз Осел на это говорит:
 «Когда point d'honneur[22] велит,
 Не рад, а должен драться.
 Сам посуди, он стал толкаться...»
 «А он так стал ругаться...»
 «А если станете вы у меня лягаться,—
 Хозяин подхватил,—
 Хоть и не рад, за плеть я должен буду взяться.
 Смотрите же!» Тут он им плетью погрозил.
 При взгляде на нее герои онемели;
 Жест более еще подействовал, чем речь,
 И после не было уже у них дуэли.

Что, если бы велели
 Мальчишек розгами за поединки сечь?

МАКАРЬЕВНИНА УХА

Макарьевна уху сварила.
 Десятка три ершей,
 Налимов двух и двух лещей
 Со стерлядью большой в кастрюлю положила,
 Да лучку, корешков и соли не забыла.
 Кондрата Кузьмича с хозяйкой пригласила
 И дорогим гостям ущицу подает.
 Отведали — но в душу им нейдет.
 Что ж так? Проклятая, уху пересолила!

Иной остряк иль баловень-пиит
 Уж так стихи свои пересолит
 Или, как говорят поэты-обезьяны,
 Положит густо так румяны,
 Что смысла не видать.
 Охота же кому бессмыслицу читать!

БЛИНЫ

На масленице здесь один
 Приезжий дворянин
 Просил приятеля к себе блинов покушать.
 (Не лучше ль есть блины, чем оды, притчи слушать?)
 Пришел тот и принес с собою аппетит,
 И водка и икра уж на столе стоит.
 Хозяин на людей кричит
 И подавать блины велит.
 «Скорее ж подавайте!..
 Угодно водочки?.. полнее наливайте!»

Вот подали блины.
 Чернехоньки все, сожжены!
 «Назад, назад! Я этих есть не стану!
 Скажите Куприяну,
 Чтобы прислал других,
 Да не таких.
 Получше... слышишь ли? с яичками, с припекой!
 Скорее ж!» — «Слушаю-с», — сказал лакей высокой,
 Ушел и через пять минут
 Блины другие подают.
 Блины уж были не такие —
 С припекою! зато прекислые, сырые.
 «И этих есть нельзя! Вот, право, грех каков!
 Но делать нечего, быть, видно, без блинов!
 Хоть хлебца нам к икре подайте!
 Селедку, масла, сыру дайте...
 Скажу вам, у меня ведь повар золотой!
 И предводитель наш такого не имеет;
 Готовить кушанья он только не умеет —
 Ну, каши не сварит простой.
 Но, впрочем, я им страх доволен».
 «Да чем? желал бы знать». — «Ах! Как он богомолен!»

ЧЕРНЫЙ КОТ

Посв. А. Я. Н.

Вы любите кота?
 Любите: он ведь сирота!
 Малюткой вам еще достался!
 Кто подарил его, тот с жизнью расстался!
 Отличен всем ваш кот: умом и красотой!
 Пленяет взоры он своею пестротой.
 Какая белизна с блестящей чернотой!
 Гордяся быть у вас слугою,
 Как важно спину он сгибает вверх дугою,
 И, ластясь вокруг вас, мурлычит, и ворчит![23]
 Как мил, когда против дивана,
 Свернувшись клубком, он на шкапу лежит
 И, шейку приподняв, по временам глядит,
 Как госпожа его сидит
 За нотами у фортепьяна;
 Огонь блестит в его глазах,
 Игрою вашей очарован,
 Лежит, как будто бы прикован,
 Не думает и о мышах.
 Да ест ли он мышей? — Он вами избалован,
 Шерсть лоснится — так он жирен!
 А нечего сказать, прекрасен и умен!

 Коты и все умны; но только лицемеры:
 Я знаю многие примеры.
 Сказать ли сказку вам про черного Кота,
 Который уж в преклонные лета
 В молоденькую Мышь влюбился

И чуть-чуть жизни не лишился?

Кот этот был злодей;
В анбарах, в погребах его все трепетали,
И усачом его, Арабом называли;
Жестокосердием превосходил судей
    В республиках во время бунта;
Хотя говядины ел каждый день полфунта,
Но все мышей, и крыс, и воробьев ловил.
    Ловил — да и давил.
Однажды Мышку он увидел молодую,
    Таковую
Прелестную, какой ни разу не видал —
    Увидел, изумился,
    Глазами засверкал
    И по уши в нее влюбился
    На старости мой черный Кот:
Подвластны все любви — и человек и скот.

Хотел Кот броситься пред Мышкой на колени;
Но та бегом, бегом из комнаты да в сени,
    И в норку — юрк.
Простерся Кот перед норкою,
    Лежит гора горою.
«Виновница моих смертельных мук!—
    Он Мышке говорит, вздыхая
    И лапу в нору запуская,—
Люблю, люблю тебя, дай на себя взглянуть;
Я честный кот, все кошки это скажут,
    И боги пусть меня накажут,
    Коль я хочу...» — «Я не хочу!—
Из норки Мышь кричит Арабу-усачу.—
    Ну не хочу и не хочу!»

Поджавши хвост, повеся вниз головку,
    Пошел Кот бедный прочь;
Опять пришел назад, провел у норки ночь;
Не только говорил — и плакал, но плутовку
    Никак не мог он убедить,
    Чтоб вышла, показала глазки —
Напрасно было все: как слезы, так и ласки.
Решился наконец ее он подарить
    И говорит: «Послушай,
Вот, милая, тебе ветчинный свежий жир,
    Голландский лучший сыр,
Конфеты... я уйду; ты без меня покушай...»

Сказал, дары свои у норки положил.
    Вздыхнул и скрылся.
Назавтра Кот опять с гостинцами явился,
И с месяц каждый день к жестокой он ходил.
    Чего он ей ни говорил!
    Чего, чего ни приносил!
Но тщетно все — любить его Мышь не хотела,
    Или хотела, да не смела.

А Кот

Совсем уж стал не тот:
Разбоем он не занимался;
По крышам, чердакам, анбарам не таскался,
Мышей и крыс не ел;
Ужасно похудел,
Чуть ноги волочил и так, как тень, шатался.

К возлюбленной его дошла о том молва,
Неопытная удивилась;
От жалости едва-едва
Она не прослезилась!
Но на свидание с зубастым не решилась,
Хотя и слышала, что скоро он умрет.

Вот наконец приходит к норке Кот.
Чуть дышит! В чем душа! Совсем доска доскою!
«В последний раз тебя, мой свет, я беспокою,—
Так говорит губитель прежний крыс,—
Ты на меня не осердись:
Грешно и на врагов пред смертью их сердиться,
Пришел с тобою я проститься.
Что делать, если я любимым быть не мог!
По крайней мере, я умру теперь у ног
Твоих... прости!..» С сим словом протянулся...
Лежит час, два — не смеет идохнуть.
Вот Мышке вздумалось на мертвеца взглянуть,—
Из норки выползла... поближе — Кот очнулся,
Как тигр, на бедную прыгнул,
Когтями так ее давил,
Что только пискнула, и поминай как звали![24]
С отчаянья, с печали
Не знал, что делать, Кот;
Вот Мышку в зубы он берет,
Потом перед себя кладет...
Глядит, как Сибарит на статую Венеры.
Глядел, глядел,
Да всю и съел,—
Опять стал есть мышей, опять он растолстел!

Всего противней мне Тартюфы-лицемеры!
О, как бы я был рад,
Когда бы поскорей они попали в ад!

КУПЕЦ МОШНИН

В Калуге был купец Мошнин,
Нет, именитый гражданин.
Торговлю отправляя он многие уж годы,
Не знал, что есть наклад, а только богател.
Чего он не имел?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
С которых получал великие доходы;
Деревни сыновьям с чинами покупал,

И всякий перед ним поклоны в пояс клал.
 Все деньги у него, как в банке, занимали.
 Однако же они в долгах не пропадали;
 Прикащики его отнюдь не воровали;
     Возьмет ли откуп иль подряд,
     Наверное найдет тут клад!
 За то его и называли
     В Калуге колдуном.

Жил очень хорошо, как чаша, полон дом!
 Держал открытый стол, давал пиры и балы;
 Обедать ездили к нему и генералы.
 Приятель Мошнину купец был Бородин.
 Вот как-то, подгуляв, один с ним на один
     Тот искренне ему признался,
 Что счастью его в торговле удивлялся.
 Мошнин расхохотался
 И наконец сказал: «Послушай, брат Семен,
     Всегда тот счастлив, кто умен.
     Знай, я, не испытавши броду,
     Не суюсь в воду:
 Есть разум у меня, и оттого богат;
 Убытков не несую, зато я осторожен!»

Лет через шесть попал наш умник в магистрат—
 Не в члены, а в тюрьму! За что ж? был много должен;
 Остался только лишь на нем кафтан один,
 И он почти мирским питался подаяньем.
 В то время с ярманки приехал Бородин;
     Идет к нему и с состраданьем,
 С слезами говорит: «Что сделалось с тобой!»
 «Судьба!» — тот отвечал. А вот какой судьбой
     Мошнин-бедняжка разорился:
     При откупах погорячился
 И всех соперников своих он победил,
 Да после миллион за это заплатил.
 Должник его себя тут объявил банкротом;
 Прикащик сделался из честного вдруг плутом;
     Один сынок деревню промотал;
     Другой сто тысяч проиграл,
 А кажется, он их как должно воспитал!
 К тому ж за молодой второй своей женою
 Заводы укрепил, хоть в ней нашел врага
 И получил еще на старости рога.
     Судьба! Судьба всему виною!

Вот так-то в счастья гордимся мы умом;
 В несчастья вину всю на судьбу кладем.

СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
 Платон, Леванда ли, иль кто-то с ними равный,
 Однажды в пост великий говорил
     О милостыне поученье

И слушателей всех привел во умиление.
 Кащей у кафедры стоял и слезы лил.
 Знакомый у него спросил:
 «Да что за удивленье!
 Ты плачешь, кажется?» — «Как слез не проливать!
 Я эту проповедь вовек не позабуду».
 «Что ж? Станешь ли убогим подавать?»
 «Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

КАРЕТА И ЛОШАДИ

Ах! Если бы хотя под старость дал мне бог
 Местечко где-нибудь такое,
 Где б мог остаток дней я провести в покое,
 Где б взятки брать иль красть я мог,—
 Клянуся честью и совестью моею,
 Уж дал бы знать себя! Что? Скажут, не умею?
 Пустое! Выучусь, лишь только захочу,
 Да многих, может быть, еще и поучу.
 Взгляните: грамоте иные не умеют,
 А как живут! Как богатеют!
 Вот главное: иметь не надобно стыда.
 Отставят? Отставляй, и это не беда:
 Коль наживу полмиллиона,
 В отставку сам тогда пойду без пенсионера.
 Рассказывал один знакомый мне купец
 (Не здешний и теперь едва ли не покойник),
 Что в городе у них советник был делец,
 Великий взяточник, невежда и законник:
 Указ прибравши на указ,
 Оправит всякого за денежки как раз.
 Когда напишет сам экстракт, определенье,
 Хоть юрисконсультам отдай на рассмотрение:
 В законах пропуска, ей-богу, не найдут,
 А дела не поймут!
 Так спутает, так свяжет
 И белым наконец вам черное покажет.
 Кто больше даст ему, тот у него и прав;
 А там в глаза ругай, он ничего не скажет,
 Такой имел уж нрав!
 Проситель подарил советнику карету;
 Соперник же, узнав о том через людей,
 Не знаю, по чьему совету,
 Прислал к советнику четверку лошадей.
 Он принял их, и я бы сделал то же.
 Как четверня была кареты подороже,
 То в пользу лошадей и сделан приговор.
 Объявлено истцу с ответчиком решение.
 Вот вечером катит к советнику на двор
 Бедняк, что потерял с каретою именье.
 В сердцах кричит ему: «Бездельник! Шельма! Вор!
 Ты обманул меня; отдай мою карету».
 «Да, как не так!» — «И совести-то нету!
 Отдай; в присутствии при всех я расскажу».

«Так что ж?» — «Свидетелей представлю, докажу;
 К присяге ведь тебя притянем».
 «Пожалуй, присягать мы станем».
 «Ты взял карету, взял?» — «Ну что же, взял так взял!»
 «А чалых четверню кто, кто к тебе прислал?»
 «Соперник твой, на нем ищи своей потери:
 Ведь чалые свезли карету со двора.
 Однако ужинать пора.
 Прощай, вот бог, вот двери!»

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Предвидя свой конец, Петр-лавочник в грехах
 Духовному отцу признался,
 И смерти дожидался.
 Жена стоит пред ним в слезах.
 «Не плачь,— он ей сказал,— Дуняша!
 Ты знаешь, сколько нам приносит лавка наша;
 Беда, коль отойдет от нас теперь Кузьма;
 Выдь замуж за него, людских речей не бойся...»
 «Ох! батюшка, не беспокойся:
 Я это думала давно уж и сама».

ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставкой кварталный,
 Советник титулярный,
 Исправно насандалив нос,
 В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
 По улицам шел утром и шатался.
 Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
 «Мое почтение!» — «А! Здравствуй, Емельян
 Архипович! Да ты, брат, видно,
 Уже позавтракал! Ну, как тебе не стыдно?
 Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!»
 «Ах! Виноват, мой благодетель!
 Ведь с горя, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
 «Да как же быть!
 Вот бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
 Есть нечего; все дети босиком;
 Жену оставил я с одним лишь пятаком.
 Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
 Сгубил меня разбойник пристав частный!
 Я до отставки не пивал:
 Спросите, скажет весь квартал.
 Теперь же с горя как напьюся,
 То будто бы развеселюся».
 «Не пей, так я тебе охотно помогу».
 «В рот не возьму, ей-богу, не солгу;
 Господь поручою!..» — «Ну, полно, не божися.
 Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
 «Отец!.. дай ручку...» — «Ну, поди домой, проспися,
 Да, чур, смотри вперед не пей».
 Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,

И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги;
 Летит... домой? О нет! Неужели в кабак?
     Да! Как бы вам не так!
 В трактир, а не в кабак, зашел, чтобы промена
 С бумажки беленькой напрасно не платить;
     Спросил ветчинки там и хрена,
     Немножко так перехватить,
 Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
     А после пуншику стакан...
     Другой, и наконец, о диво!
 Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
 К несчастью, еще в трактире он подрался,
     А с кем? За что? И сам того не знал;
     На лестнице споткнулся и упал,
 И весь, как черт, в грязи, в крови перемарался.
 Вот вечером его по улице ведут
     Два воина осанки важной,
     С секирами, в броне сермяжной,
 Толпа кругом. И кум, где ни возьмися, тут.
     Увидел, изумился,
     Пожал плечами и спросил:
 «Что? Верно, с горя ты, бедняк, опять напился?»
 «За здоровье твое от радости я пил!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
     Всегда есть случай пьяным быть;
     Закается лишь только пить,
     Да и напьется вскоре.
 Однако надобно, чтоб больше пил народ:
 Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

ПЬЯНИЦА И СУДЬБА

В ночь темную, зимой,
 Подъячий пьяный шел через реку домой;
     С прямой дороги сбился
 И где ж? У полыньи, каналья, очутился!
 Споткнулся и на край на самый повалился;
 Заснул и думает, что он на съезжей спит;
 На чистом воздухе, как богатырь, храпит.
 Ну если б только он во сне поворотился?
     Тогда б прощай и взятки и вино!
     Пошел бы к тюленям на дно!
 Случись же так: Судьба тут мимо проходила,
     Приблизилась к нему,
     Тихонько разбудила
     И говорит ему:
     «Проснись, здесь полынья, опасно!
 Встань, встань!.. Постой, тебе я помогу...
 Вот лучше ляг подальше на снегу,
     Там мягче... ну вот так, прекрасно!
 Когда б ты утонул, тогда бы всю вину
     Сложили на меня одну».

И подлинно! В чем мы Судьбу ни обвиняем?
 Именье ль глупо расточим
 Иль от страстей своих здоровье потеряем,
 Всегда уже Судьбу, а не себя виним.

СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию разбойник попросил.
 Приходит поп. Ему тот в ноги повалился
 И прослезился.
 «Простит ли бог меня?» — он у него спросил.
 «Покаяться тебе чистосердечно должно...
 Ну, сколько душ ты потерял?»
 «Да как упомянуть можно!
 Я, право, не считал».
 «А что, посты, чай, соблюдал?»
 «Помилуй, батюшка! Да разве я татарин,
 Чтоб не соблюл поста!
 Избави бог! я христианин;
 Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»
 И не разбойники за грех большой считают
 В пост оскоромиться, обедню прогулять;
 А ближнего оклеветать,
 Имение и с ним нередко жизнь отнять
 В достоинство еще и в честь себе вменяют.

КУПЕЦ БРЮХАНОВ

Когда б я был богат, я все бы спал да ел,
 Еще бы пил и так бы растолстел,
 Чтоб скоро с Пробтером[25] сравнялся,
 Ничем бы я тогда уже не занимался:
 Сидел бы и лежал;
 Стихов бы даже не писал,
 А только б прежние приятелям читал.

Однако чересчур быть толстым также худо.
 В Москве я знал купца — осьмое, право, чудо!
 Представьте: он сажень почти был в вышину
 И два аршина в ширину.
 Однажды из его кафтана,
 Без спора, без хлопот,
 Обил обойщик два дивана
 И для жены еще украл тут на капот.
 Ну, нечего сказать, мой Брюханов был диво!
 А как тянул он пиво!
 Как ел! Зато не мог ходить
 И заставлял себя по комнатам водить.
 Держал он по совету
 Искусных докторов престрогую диету,
 Пускал и кровь — все пользы нету.
 Без ужина сыпал на жестком тюфяке
 И наконец на голом сундуке:
 В лице немного станет хуже,

Глядишь — а платье уже!
К несчастью, мой толстяк купец
Бездетный был вдовец.
Одни прикащики с ним жили,
И многие из них сродни ему хоть были,
Но в лавках у него и в доме все щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы от серебра.
Однако без смотренья
Дошел бы наконец совсем до разоренья:
Он счетов три года уже не поверял;
Так мудрено ль и весь утратить капитал?
Решился Брюханов жениться,
Не для того чтобы наследников иметь,
А чтоб жена могла за домом приглядеть,
И перестал лечиться.
Когда есть деньги у кого,
Хоть будь урод, пойдут охотно за него.
Притом же не искал жених наш ни богатства,
Ни красного лица; искал себе жену
Для облегчения в заботах, для хозяйства;
И сваха честная нашла ему одну
Девушку пожилую,
Лет под сорок такую,
Пресмирную, хозяйку дорогую:
Без арифметики по пальцам все сочтет;
Крупинка у нее и та не пропадет;
Пример для всех купчих: тиха, скромна, учтива,
В компании важна и молчалива.
Нельзя пересказать, как Брюханов был рад,
Что бог ему послал такой завидный клад.
Какое сделал он приданое невесте!
И сколько подарил парчи ей, жемчугу,
Серег, перстней — всего припомнить не могу,
А свахе сто рублей да лисью шубу в двести.
В три тысячи ему стал на другой день бал.
Лишь только молодой на нем не танцевал.

Вступила наконец в хозяйство молодая,—
Пошла тут кутерьма такая,
Что боже упаси!
Святых вон понеси;
С утра до вечера бранится и дерется,
А мужу бедному всех больше достается!
Коль скажет что, беда,— беда, коль и молчит.
Пропал сон у него, пропал и аппетит.
Прошло недели три, четыре —
Кафтан день ото дня становится все шире.
Вот начал уже сам ходить.
Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить.
Нашел в супруге он находку!
Куда девалась его вся толщина!
Как раз избавила его от ней жена
Простыми средствами — и вогнала в чахотку.
Осталась через год лишь тень его одна!

От лишней тягости кто хочет свободиться,
Тому на злой жене советую жениться.

ПРОСТОДУШНАЯ

Параша девушка премилая была;
В деревне с матерью жила
И вместе с ней хозяйством занималась.
Скромненько, просто одевалась,
Романов в руки не брала
И, кроме сонника, других книг не читала,
А только кружева плела,
Да в пяльцах вышивала.
Исполнилось ей уже семнадцать лет;;
Пора узнать ей свет,
Пора пристроить уж и к месту.
Приданого ж за ней: большой в Зарайске дом,
Пять тысяч в банке серебром
И триста душ. Не правда ль, что невесту
Такую дай бог хоть кому...
Хоть предводителю в уезде самому?
Но женихи в уездах редки:
Сорокины, мои зарайские соседки,
В девицах все еще сидят,
А им уже сто лет обеим, говорят.
По первому пути зимою,
Лишь начался Филиппов пост,
Парашу маменька взяла в Москву с собою
И прямо — на Кузнецкий мост.
Там у француженок обнов ей накупила,
Как куколку, ее по моде нарядила,
И начала учить Парашу танцевать,
Чтоб святками могла в собранье побывать.
Вот святки уж пришли: Параша выезжает,
И с важной маменькой своей
Собранья, клубы посещает.
Недели не прошло — явилось у ней
Двенадцать женихов, штаб, обер-офицеры
Большую частью кавалеры;
Но всех счастливее был ротмистр Пустельгин;
Параше только он понравился один,
И чем же? черными поддельными усами.
Другие были с орденами
И лучше во сто раз,
Но без усов, так им отказ.
В Крещенье Пустельгин с Парашей обручился;
От радости он ум последний потерял;
Всем уши о своей невесте прожужжал.
«По чести, — говорил, — я век бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскал:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И что милей всего, то очень простодушна,
Невинность сущая, а ей семнадцать лет!
Поверьте, что другой такой в столице нет.

В сорочке, право, я родился!»
 Через месяц Пустельгин женился
 И новый сделал в долг себе к венцу мундир;
 Невеста множество имела бриллиантов,—
 В копейку свадебный стал пир!
 При громе певчих, музыкантов
 Шампанское лилось рекой;
 А ужин был какой!
 Пять лучших поваров его приготавливали;
 Часов в одиннадцать из-за столов уж встали.
 Лишь польский заиграли,
 Парашу увели — все гости по домам,
 За исключением двух самых близких дам.
 Вот новобрачную раздели;
 Сидит в дезабилье на креслах у постели.
 Явился в шлафроке пред ней ее супруг.
 Параша бедная краснеет.
 Целует он ее — и вдруг
 Она, как смерть, бледнеет.
 Вся сморщилась, и слезы на глазах.
 «Что, ангел мой, с тобой?» — спросил ее муж. «Ах!
 Ах, дурно, дурно мне! Нет мочи! Помогите!..»
 «Прикажешь каплей, что ли, дать
 Или за доктором послать?» —
 «За акушером? Да, скорей, скорей пошлите».

СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться!

В какой-то дом пришла
 Служанка наниматься.
 «Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
 Что делала?..» — «Жила-с я у моста Тучкова,
 У маклера Волчкова.
 Женат, сударыня, на третьей он жене;
 Дочь старшая меня немного помоложе;
 Совсем почти уж сед, а приставал ко мне!
 Бог знает, что сулил, да честь всего дороже!
 Я отошла. Потом жила у Покрова,
 У Галкиной; она вдова;
 При флоте здесь служил ее муж комиссаром.
 У ней жил мичман бедный... даром...
 Племянник, по ее словам,—
 Уж правда или нет, о том судить не нам!
 Хоть беден, но зато и молодец собою!
 Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
 А как она ряба! худа! доска доскою!..
 Изволила меня к нему приревновать!..
 У немца-доктора я после нанялася —
 И тут не ужилася!
 Муж мот, жена скупа;
 Представьте: кофею мне даже не давала!
 Да и сама какой пивала!

С цикорием! Еще жила я у попа;
 Немного пил старик; дочь у него невеста.
 Скажу, что модница! Зато коса, глупа!..»
 «Прощай, голубушка, ищи другого места».
 «Помилуйте! да чем я так противна вам?
 Сшить, вымыть, выгладить умею,
 Все в доме сделать разумею,
 И десять лишь рублей...» — «Полушки я не дам» .
 «Да чем же так я несчастлива?
 Чем не понравилась?» — «Болтлива!»

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ

Какой-то человек имел в приказе дело.
 Он прав был и богат; итак, взяв денег, смело
 К секретарю ранехонько идет,
 Челом ему, а сам мошонку вынимает
 И перед ним на стол крестовики кладет.
 Тот, бросивши перо, просителя сажает,
 Но с денег сам не сводит глаз
 «Вчерашнего числа в приказ
 Я подал, батюшка, прошение...»
 «Читал его, ты прав! Все знаю!» — «А решенье
 Когда последует, осмелюсь спросить?»
 «Да стоит только доложить...
 А там и в город свой ты можешь убираться,
 Чем здесь напрасно проживаться».
 «Счастливо ж оставаться!»
 Проситель через день пришел опять в приказ.
 «Что ж, батюшка, указ
 По делу моему? Когда б сегодня можно...»
 «Ведь я сказал тебе, что доложить мне должно».
 Проситель принужден был с месяц тут прожить.
 И слышал то ж да то: лишь только доложить.
 Не знал, что делать, челобитчик;
 Но сжалился над ним повытчик.
 «Ну полно, не тужи,—
 Шепнул он так ему,— всю правду мне скажи,
 Что дал секретарю?» — «Да двадцать пять целковых».
 «Ну, так десятичек еще ты доложи.
 Да мне пять рубликов. Учи вас, бестолковых!
 Не смыслите, что доложить
 Все то же, что и приложить.
 Фунт чаю взять еще с тебя за объясненье».
 Истец исполнил все тотчас,
 И на другой же день как раз
 Поспел экстракт, определенье,
 И выдали ему указ.

ЛГУН

Павлушка медный лоб (приличное прозвание!)
 Имел ко лжи большое дарованье.
 Мне кажется, еще он в колыбели лгал!

Когда же с барином в Париже побывал
 И через Лондон с ним в Россию возвратился,
 Вот тут-то лгать пустился!
 Однажды... ах, его лукавый побори!.,
 Однажды этот лгун бездушный
 Рассказывал, что в Тюльери
 Спускали шар воздушный.
 «Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
 Клянуся честью, такого не бывало!
 С Адмиралтейство!.. Что? Нет, мало!
 А делал кто его? Мужик,
 Наш русский маркитант, коломенский мясник,
 Софрон Егорович Кулик,
 Жена его Матрена
 И Таня, маленькая дочь.
 Случилось это летом в ночь,
 В день именин Наполеона.
 На шаре вышиты герб, вензель и корона.
 Я срисовал — хотите? — покажу...
 Но после... слушайте, что я теперь скажу:
 На лодочку при шаре посадили
 Пять тысяч человек стрелков
 И музыку со всех полков.
 Все лучшие тут виртуозы были.
 Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
 Наполеон махнул рукою —
 И вот Софрон Егорыч наш,
 В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
 Как хватит топором, —
 Канат вмиг пополам; раздался ружей гром —
 Шар в небе очутился
 И вдруг весь газом осветился.
 Народ кричит: «Diable! Vive Napoléon!
 Bravo, monsieur Sophron!»[26]
 Шар выше, выше все — и за звездами скрылся...
 А знаете ли, где спустился?
 На берегу морском, в Кале!
 Да опускаясь к земле,
 За сосну как-то зацепился
 И на суку повис,
 Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
 Шар только прорвался и больше не годился...
 Каков же мужичок Кулик?»

«Повесил бы тебя на сосну за язык, —
 Сказал один старик. —
 Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
 Обманывал бы ты в Париже дураков,
 Не земляков.
 Смотри, брат, на кого наскочишь!..
 Как шар-то был велик?»
 «Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
 В объеме будет с полверсты».
 «Ну как же прицепил его на сосну ты?
 За олухов, что ль, нас считаешь?»

Прямой ты медный лоб! Ни крошки нет стыда!»
 «Э! Полно, миленький, неужели не знаешь,
 Что надобно прикрасить иногда».

ТАК, ДА НЕ ТАК

Был жадный Воевода
 (Давно его уж прибрал бог),
 Богатым друг, враг бедного народа,
 Без взяток дня пробыть не мог!
 Однажды поутру пришел к нему приятель,
 Питейных сборов содержатель,
 И говорит: «Из Питера сейчас
 Я получил письмо; мне пишут, что в правленье
 К вам с той же почтою отправится указ
 Сената, чтобы мне отдать за долг именье
 Корнета Тройкина. Вот, делай одолженье!
 Наличных у меня взял тысяч шестьдесят,
 А за именье дадут ли пятьдесят!..
 Но сам я виноват; введите во владенье».
 «Не можно, братец, сделать так».
 «Как?»
 Сенат велел, так сделать должно».
 «Конечно, только так не можно».
 «Помилуйте, Сенат...»
 «Все знаю, брат!
 Пускай велел Сенат отдать тебе именье:
 Мы по сенатскому указу исполненье
 Сегодня ж сделаем... однако все не так...»
 «Ах, извините,— ну какой же я дурак!
 Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
 Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
 Из них одну...»
 «Да обе уж пришли: я подарю жену,
 Другую дочери». Проситель поклонился
 И с шальями чрез пять минут назад явился;
 А Воевода тот же час
 Послал подьячего в правленье,
 И написали там Откупщику как раз
 Указ
 О вводе во владенье.

И взятки брать ведь надобно уменье!
 Вот Воевода мой хоть глуп, но не дурак,
 Он ничего не делал так.

ДВЕ КОЗЫ

По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
 Навстречу ей другая.
 «Ах, дерзкая какая!
 Где у тебя глаза?»
 Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
 Посторонись!»

«Направо кругом обернись
 Сама, а я упряма...
 Да почему ты дама?
 Такая же коза, как я».
 «Как ты? Ты чья?
 Ты шустера Абрама,
 А я Исправница! Исправник барин мой!
 Майор!» — «Так что ж? И мой осьмого также класса,
 Честнее твоего драбанта Брамербаса
 Да поумней, чем твой.
 Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь.
 Всем лекарям у нас в губернии пример:
 Он оператор, акушер;
 Им не нахвалится аптекарь.
 А твой Исправник-то головкой очень слаб,
 В делах он знает меньше баб,
 Лишь мастер драться с мужиками,
 Дерет с них кожу он обеими руками.
 Неправду, что ли, говорю?
 Пойдем к секретарю
 Иль к стряпчему; спроси». — «Вот я ж тебя рогами».
 «Есть роги и у нас; бодаемся мы сами».
 Сошлись, нагнувшись, и стукнулись лбами.
 Летит исправница, штаб-лекарша летит,
 Летят вниз обе вверх ногами.
 Ров преглубокий был; на дне лежал гранит.
 Бух! — Козы об него, и поминай как звали!
 Вороны с галками тут долго пировали.

Пустая, право, честь
 Вперед идти иль выше сесть.
 Что до меня, так я, ей-богу,
 Дам всякому скоту дорогу.
 Признаться, я ведь трус:
 Скотов и женщин злых особенно боюсь.

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ

Барбоска у крыльца избы людской лежал.
 К нему без памяти вдруг Жучко прибежал
 И говорит: «Барбоска!
 Ведь господа
 Приехали из Питера сюда,
 А с ними моська,
 Хрипунья старая, Полкан...»
 «Щенчишка?» — «Погляди, какой стал великан!
 Да как пристал к нему ошейник...»
 «Ошейник? Ах, мошенник!
 Давно ли я таскал за шиворот его?
 Нам, старикам, так ничего?
 Ну, право, господа не знают,
 За что так награждают!
 Да попадись он мне, то я уж проучу:
 Как за уши схвачу
 И тряску
 Таковую дам...»
 «А вот он сам;
 Ну, дай-ка, брат, ему острастку».
 Взглянул Барбос —
 По жилам пробежал мороз:
 Собаку страшную он видит пред собою;
 Полканка был не то, что за год перед сим,
 Нет, не Барбоске сладить с ним.
 Ретироваться он хотел бы прежде бою.
 Вскочил подлец. Не знает, что сказать,
 Хвостом вертит — и ну щенка лизать.

Вот так-то Гур Пафнутьич рассердился
 На Разумова, что тот орден получил.
 «Да как он к нам определился,
 Я уж тогда... в архиве был
 Помошником! А он был что? Мальчишка,
 Так, школьник, писаришка!
 Теперь ассессор, кавалер!
 А я уж тридцать лет как обер-офицер,
 Но нету у меня и бронзовой медали;
 Писцу же так крест дали!» —
 «Послушай, Гур: был Разумов писцом,
 И мы с тобой писцами были;
 Он после сделался дельцом,
 Служил с отличием; за то и наградили.
 Что сделает он в день,
 Того, хоть пять очков надень,
 Не сделаешь и в год, как ты ни хоробрися».
 «Молчать, архивна крыса!»

ЗАВЕТНОЕ ПИВО

Фома на завтрак звал Кузьму,
 И после водки
 Так говорил ему:

«Покушай-ка селедки.
Ну, что за сельдь! Крупна! жирна!
А как вкусна!
Голландская, ей-богу! Без обману!
У Королева брал. Тебе-то лгать не стану...
Вот свежая икра
Из осетра...
Прикажешь лучку
Зеленого?.. Попробуй эту штучку:
Балык, да ведь какой балык!
Ну так, как мед, во рту и тает.
Нельзя не есть; возьми: кусочек невелик».
«Помилуй! Этак я не стану и обедать».
«А семужки нельзя никак, чтоб не отведают;
Ведь из Архангельска прислал в гостинец сват.
Покушай, брат!».
«Фома Панкратьевич! покушал я довольно».
«Э, как тебе не стыдно? Полно.
Чем только лишь богат,
Тем гостю дорогому рад...
А вот грибочки,
Тут рыжички, а здесь груздочки;
И тех отведай, и других.
Груздочки хороши, а рыжики так диво!
Здесь не найдешь таких:
Из Вологды!» — «А в кружке что?» — «Да пиво».
«Ну, накормил ты молодца;
Пожалуй-ка теперь пивца».
«Вот этого нельзя; пей, если хочешь, водку».
«Помилуй, ты меня соленым все кормил;
А пива жаль тебе!» — «Я звал ведь на селедку;
О пиве ж ничего тебе не говорил».
«Умилосердися! Дай промочить мне глотку».
«Пей водку!»
«Ведь пиво есть?» — «Есть про себя,
Не про тебя».
«Хотя кваску вели подать, Панкратьич».
«Есть, Елизарьич,
И квас,
Да лишь про нас».
«Ей-ей, пить хочется». — «А знаешь, на хотенье —
Терпенье».
Терпение Кузьма тут вовсе потерял,
Встал,
За кружку — хватить рукою;
Другою
Он так хозяина толкнул,
Что опрокинул тот стол с завтраком и стул.
Упал — кричит: «Ай! Караул!»
Рукой дрожащею хватает
За свой кровоточивый лоб;
Сквозь слез грозит, ругает;
Молчит гость, пиво допивает
И об пол кружку — хлоп!

Красавицы кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать
Притворной нежностью и хитрыми словами,
Когда мы не любимы вами
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любовь к вам жаждем,
Смеетесь, как мы страждем...
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк костью как-то подавился.
Не мудрено: всегда есть торопился;
Кость стала в горле у него.
Прожора захрипел, стеснилось в нем дыханье,
Ну, словом, смерть пришла его,
И он хотел в грехах принести уж покаянье.
По счастью, Журавль тут мимо проходил.
Страдалец перед ним пасть жалобно разинул;
Журавль в нее свой нос предлинный опустил
И кость удачно вынул.
Волк вспрыгнул с радости, избавясь от беды.
«А что ж мне за труды?» —
Спросил носатый врач. «Ах ты неблагодарный! —
Волк с сердцем отвечал. — Да как просить ты смел?
Смотри какой нахальный!
Благодари за то, что нос остался цел».

ФИЛИН И ЧИЖ

В лесу Соловушка зарей вечерней пел,
А Филин на сосне нахмурясь сидел
И укал что в нем было мочи,
Как часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка, голубчик, перестань, —
Сказал Чиж Филину, — ты Соловью мешаешь».
— «Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? Дрянь!
Ну так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?»
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слышали,
Ему здесь первенство все птицы отдают».
— «Неправда! Он поет негодно, вяло, грубо,
А хвалит кто его, несет тот суший бред.
Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также черный Грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышкой храма славы!
Кукушкин на кладбище плач
Нам тоже делает забавы.
Но Сыч! Вот из певцов певец!»

Его братъ должно в образецъ:
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми беспристрастно,
Что нет здесь равного Сычу...
Зато я сам его учу!»

ГОРЛИЦА И МАЛИНОВКА

«Позволь сказать тебе, сестрица: ты чудна,—
Так Горлица одна
Малиновке-певице говорила,—
Ты никого еще в лесу не полюбила.
Что ты монахиней живешь
И только от утра до вечера поешь?
Хоть петь и весело, а, право, веселее
Весною жить сам-друг.
Ах, поцелуй один всех песен мне милее!
Послушайся меня, мой друг:
Жить надобно для наслажденья;
Возьми любовника». — «Спасибо за совет,—
Сказала скромно ей Малиновка в ответ.—
Мне скучно быть без упражненья,
Я быть свободною хочу
И счастлива сама собою». —
«Прощай же, бог с тобою!
Пой на просторе ты, я к Голубку лечу». —
При сих словах они расстались
И долго, долго не встречались;
Но наконец, лет через пять,
Увиделись опять.
Кокетка Горлица уж очень устарела,
Потух в глазах огонь, чуть ноги волокла.
Малиновка с трудом узнать ее могла.
«А, здравствуй, милая! Что так ты похудела? —
Спросила у нее она.—
С дружком ты здесь или одна?» —
«Одна,— ей Горлица со вздохом отвечала.—
Ты видишь, какова я стала!
Кому теперь меня любить?
Мне платят за любовь лишь смехом да презреньем.
Куда несносно старой быть». —
«А мне так песни утешеньем
На старости моей», —
Малиновка сказала ей.
«Неужли и теперь ты петь не перестала?» —
«Я спала с голоса давно,
Но слуха я не потеряла;
Так слушаю других, а это всё равно».

О, как полезны нам искусства и науки!
Счастлив, кто в юности к занятиям привык:
И в самой старости не чувствует он скуки.
Пусть, сил лишась, старик
Не может более с успехом сам трудиться,

Но дарованием чужим он веселится.

ДВА ЧЕЛОВЕКА И КЛАД

Бедняк, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всем терпеть,
Задумал удавиться.

От голода еще ведь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую
Для места казни он поблизости избрал
И, петлю укрепив вокруг гвоздя глухую,
Вколачивать лишь в стену стал,
Как вдруг из потолка, карниза и панели
Червонцы на пол полетели,
И молоток из рук к червонцам полетел!
Бедняк вздрогнул, остолбенел,
Протер глаза, перекрестился
И деньги подбирать пустился.
Он второпях уж не считал,
А просто так, без счета,

В карманы, в сапоги, за пазуху наклал.
Пропала у него давиться тут охота,
И с деньгами бедняжка мой
Без памяти бежал домой.
Лишь он отсюда удалился,
Хозяин золота явился.

Он всякий день свою казну ревизовал;
Увидя ж в кладовой большое разрушенье
И всех своих родных червонцев похищенье,
Всплеснул руками и упал,—
Лежал минуты две, не говоря ни слова;
Потом как бешеный вскочил
И петлю себя с досады удавил,
А петля, к счастью, была уже готова.
И это выгода большая для скупого,
Что он веревки не купил!

Вот так-то иногда не знаешь,
Где что найдешь, где потеряешь;
Но впрочем, верно то: скупой как ни живет,
Спокойно не умрет.

ГОРА В РОДАХ

Родами мучилась Гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка престонала
С полудни до утра;
Расселась наконец — и родила мышонка!

Но это старая, все знают, побасенка,
А вот я быль скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;

Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
Шараду.

ЛЕСТНИЦА

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень пред нижними гордилась.
Шел мимо человек, на лестницу взглянул,
Схватил ее, перевернул —
И верхняя ступень внизу уж очутилась.

Так человек иной на вышине стоит,
Гордится — и глядишь: как раз на низ слетит.
Возьмем в пример Наполеона:
Как сатана с небес, так он слетел со трона.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Бездушин прежде пил, играл,
И женщин и мужчин, как дьявол, соблазнял;
Ни чести, ни родства, ни бога он не знал;
Но вдруг потом переменился:
Ходить прилежно в церковь стал
И в землю всё молился,
А дома Библию и Штиллинга читал.
Вот этим сатана ужасно огорчился,
И говорит ему он так:
«Помилуй! ты ведь не дурак,
Не стыдно ли тебе с твоим умом молиться?
Поверь мне, в святости нисколько пользы нет.
То ль дело веселиться!
Прими мой дружеский совет:
В объятия мои скорее возвратися.
Ну полно, братец, не сердися;
Увидишь, буду как вперед служить тебе».
Бездушин улыбнулся
И сам сказал в себе:
«Пусть думает его, что я ума рехнулся.
Поддел я славно сатану!
А уж людей теперь, конечно, обману».

ДВА КРАСАВЦА

Приехал в Ярославль валдайский дворянин,
Пригожий очень господин,
Красавец; волосы имел он золотые,
Природой в кудри завитые,
И ими так, как Феб, сиял,
Лишь только что не сожигал;
Лицо широкое в коричневых всё мушках,
Иль, попросту сказать, в веснушках?
Глаза сафирные, но только без бровей;
Нос длинный, с маленькой на кончике прибавкой,

Багряной с вишню бородавкой;
 Рот самый крошечный, едва не до ушей;
 Кривые, на манер клыков слоновых, зубы
 И как сафьянные подушки обе губы.
 Вот он пошел в ряды обнови покупать,
 Все безобразные ведь любят щеголять,—
 И видит в лавке там сидельца молодого,
 Курносого, рябого,
 Такого, что пером не можно написать,
 Ни в сказке рассказать.
 Валдаец мой остановился
 И, вздернув кверху нос,
 Преважно делает ему такой вопрос:
 «Не в Ярославле ль ты, голубчик мой, родился?»
 — «На что вам? Так, сударь, я здешний мещанин».
 — «Ты здешний? — подхватил со смехом дворянин.—
 Ну, правду говорят у нас, что ярославцы
 В России первые красавцы.
 Подобного тебе на белом свете нет!
 Позволь списать с себя портрет.
 Что за это с меня попросишь?
 Да истину скажи, не маску ли ты носишь?»
 Сиделец ничего на то не отвечал,
 С поклоном лишь ему он зеркало представил.
 Увидя в нем себя, Нарцисс мой замолчал,
 Как розан покраснел и дале путь направил.

Мы ближнего нимало не щадим;
 В других пороки замечаем,
 Других браним, пересмежаем —
 А на себя не поглядим.

КАЩЕЙ И ЛЕКАРЬ

Кащей не в шутку захворал,
 Пять дней уж с сундука не сходит;
 Не ест, не пьет и глаз почти не сводит:
 Пришло невмочь, за лекарем послал.
 Явился врач, ему лекарство прописал:
 «Сейчас же,— говорит,— пошлите вы в аптеку».
 — «А много ль денег дать велите человеку?»
 — «Не знаю, право, что возьмут...
 Ну, дайте двадцать пять, вам сдачи принесут».
 — «Что ж делать? Так и быть! Сейчас pošлю Ванюшку.
 Иван, приподними ты у меня подушку;
 Возьми, вот пять алтын!
 Вот гривна!.. Кажется, дал лишний грош один.
 Постой-ка: раз, два, три, четыре, пять — ну, верно!
 Скорей с рецептом ты беги,
 Да не зайти в кабак. Куда как это скверно!..
 Не грязно на дворе, так скинь ты сапоги».
 Разинул лекарь рот, как будто видел чудо;
 Не верил он своим глазам, ушам.
 «Вы поняли меня,— сказал он,— очень худо;

Пошлите двадцать пять рублей...» — «Не дам, не дам!
Как двадцать пять рублей! О, господи мой боже!

Во сне ли я иль наяву?»

— «Здоровье ведь всего дороже».

— «Как двадцать пять рублей! За что?» — «Да за траву,
Микстуру, капли и пилюли».

— «Да полно, оживу ли

От этих я лекарств? Ведь я едва дышу;

За что же двадцать пять рублей терять напрасно!»

— «Хотя вы и больны опасно,

Не бойтесь: я еще кой-что вам пропишу

И, так сказать, из мертвых воскрешу,

Лишь только вы ко мне доверенность имейте

И денег не жалейте.

Я за свои труды полушки не хочу:

Вы бедный человек, без платы вас лечу,

А даром получать лекарство невозможно.

Вам подкреплять себя хорошей пищей должно;

Для супа рябчиков или цыплят купить,

И лучшее вино с водой отварной пить.

Возьмите вы себе рейнвейну, иль лафиту,

Хоть в пять рублей...» — «Совсем нет аппетита!»

— «Придет. Пошлите ж двадцать пять...

Коль денег нет у вас, пожалуй, я достану».

— «Отец мой, за тебя молиться богу стану».

— «Я вам служить сердечно рад.

Вот этот сундучок отдайте мне в заклад».

— «Да разве на полу больному мне валяться?»

— «Нет, я пришлю кровать:

На ней покойнее вам будет почивать.

Давайте-ка сундук, извольте приподняться.

Ты за извозчиком сходи теперь, Иван!»

— «Куда? Останься здесь, болван!..

Помилуйте!» — «Ну, выбирайте:

Лечитесь или умирайте».

— «Уж лучше так умру; оставьте вы меня».

— «Прощайте; не прожить вам дня.

Отца духовного позвать вы прикажите

И гроб получше закажите.

Уж не ударьте в грязь лицом,

Распорядите всё перед своим концом,

Чтоб после не было ни споров, ни тревоги.

В шесть лошадей возьмите дроги,

Покров богатый, балдахин...»

— «Не беспокойтесь, я не знатный господин;

Не для того копил всю жизнь свою именье,

Чтобы на мотовство пошло, на погребенье!

Могу я обойтись без этих пустяков».

— «Есть у меня собранье черепов,

Но нету черепа скупого;

Продайте мне свой труп, купить его готов;

Не сыщете купца другого».

— «Когда не шутите, то я себя продам».

— «Серьезно говорю». — «А много ли дадите?»

— «Ну, двадцать пять рублей я дам».

— «Нет, мало!» — «Сколько же хотите?»
 — «По крайней мере сто». — «Как можно? Пятьдесят».
 — «Прибавьте». — «Шестьдесят
 И ни копейки боле.
 Поверьте, что другой вас даром не возьмет.
 Простите!» — «Быть по вашей воле:
 Давайте по рукам, да деньги наперед!»

ЛЕВ И ЛИСИЦА

И умному всего предвидеть невозможно;
 Но ежели придет беда,
 То в случае таком ума терять не должно:
 С умом и от беды спасешься иногда.

Лисица от собак в пещеру забежала
 И, Льва увидев там, присела, задрожала.
 Потрясиши гривую, разинув страшный зев:
 «Добро пожаловать! — сказал с насмешкой Лев. —
 Пора уж, право, и обедать.

Хочу я твоего мяса теперь отведать».
 — «О, правосудие небес! —

Вверх голову подняв, Лисица возопила. —
 Так точно, правду ты, Зайчиха, говорила:
 За грех родителей и детям мстит Зевес.
 И я... за мать свою... казнь люту принимаю».

— «Что бредишь ты? Совсем тебя не понимаю».
 — «О, государь! Прости мой справедливый страх;
 Всё в кратких объясню словах,
 В осеннюю однажды пору
 К покойной матушке моей

Зайчиха от дождя зашла погреться в нору.
 Грех дурно говорить о матери своей;
 Но от тебя, монарх, я ничего не скрою
 И, как пред богом, пред тобою
 Должна всю истину сказать:

Прожорлива была моя покойна мать.
 Пришеллицу она мгновенно растерзала.
 Та, умираючи, сказала —

Не позабыть мне ввек ее последних слов, —
 Сказала: «Будет тот наказан от богов,
 Гостеприимства кто законы нарушает
 И странников в своем жилище умерщвляет, —
 Погибнет он, и весь его погибнет род!»

И подлинно, чрез год
 В норе, где мать моя Зайчиху умертвила,
 Земля, обрушившись, убийцу задавила».
 Лев призадумался. «Пошла, — сказал, — пошла!
 Дарю тебе живот». Лисица поклонилась
 Его величеству и от него пустилась,
 Как из лука стрела.

ЗОЛОТАЯ СТРУНА

На лире порвалась струна;
 Обыкновенная была она.
 Вот навязали вмиг другую,
 Однако не простую,
 А золотую!
 И лира начала блистать.
 Но стали как на ней играть,
 Не та уже была гармония, что прежде.

Коль именитому невежде
 Стул в Академии дадут —
 Чего ждать тут?

КУЛИК-АСТРОНОМ

«Кулик велик! Кулик
 Велик! Кулик велик!»
 Так хрюкала в лесу Свинья, или Веприца,
 Большая мастерица
 И врать
 И жрать.
 — «Да полно же тебе! — сказала ей Лисица. —
 Что клеплешь ты на Кулика?
 Чем эта птица велика?
 Лишь только нос большой, как у кастрюли ручка;
 А сам он что за штука!
 Ты, видно, спятила, Хавроньюшка, с ума».
 — «Ах ты, безбожница-кума!
 Да знаешь ли, Кулик мой гений-самоучка!
 Великий астроном!
 Что перед ним мясник коломенский Пахом!
 Кулик мой, по своей охоте,
 Весь день и ночь всё на болоте...»
 — «А что же делает он там?»
 — «На кочку с кочки он, мой миленький, летает
 И звезды носиком считает;
 А астрономии ведь выучился сам;
 Не зная грамоте, и по одним звездам
 Всё, всё тебе расскажет
 И, что где есть, покажет.
 Однажды указал мне кучу желудей...»

Есть свиньи из людей,
 Которые невежд хвалами превозносят,
 Да за это у них чего-нибудь и просят.

СЛОН И СОБАКИ

Брылан, задорный беглый пес,
 С большой Свиньей схватился,
 Возился с ней в грязи, возился,
 Свиною кровью обагрился,
 Всю Свинью искусал, прогнал и... поднял нос.
 «Знай, наши каковы кусаки! —

Сказал он ей.— И век Брылана поминай!»
 Возрадовались все его друзья, собаки,
     «Ай! ай! —
 Визжит, вертя хвостом, Брех, пудель сухощавый.—
     Покрыл себя, Брылан, ты славой!
     Ай, ученик! Ай, друг!
     Прославил ты наш круг!»
 — «Ай, ай! Брылан! ай! ай! — кричат тут и щенята.—
 Хвала, свиной герой!» — «Послушайте, ребята! —
     Брылан преважно возгласил.—
 Чуть-чуть я у Свиньи хвоста не откусил.
     Когда же сладил со Свиньею,
 Примусь и за Слона. Ну что, в родню хоть толст,
     Да не в родню, быть может, прост.
     Друзья! за мной!
 Я знаю, Слон идет теперь на водопой.
 Марш на Волынский двор!» За ним все побежали...
 Увидели Слона, смешались, задрожали,
     Попятились. «Стой, толстый, стой! —
 Кричит Брылан.— Как смел обидеть ты дворняжку?»
     — «Какую?» — «Завирашку!
 Проси прощения; не то, брат, на дуэль.
 Заставлю пролежать в сарае пять недель».
     — «Да отвяжись, чего ты хочешь?
 Не прыгай высоко, ведь на клыки наскочишь».
 — «Что пред дворняжкой ты виноват, скажи,
 И всю правдою в неправдах нам служи:
 Велим ли проучить кого, так размозжи;
     Кого лизать — лижи».
     — «Лизать?» — Вот Слон тут осердился,
     Брылана хоботом схватил,
 Через решетку вмиг его в канал спустил,
 И где же? — в полынье, каналья, очутился!..
 А Пудель?.. На язык хотя он и остер,
     Но немец так хитер,
 И совестней притом: нет, он не горячился
 И впереди щенят бежать назад пустился.

Хоть как собака ни сильна,
 Но где ей укусить Слона!
 Беда, когда дойдет до драки;
 Не трогайте ж Слонов, Собаки!

СКОТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Не бойся, говорят, суда,
 А бойся вот судьи. И то беда:
     Как секретарь доложит,
     Так и судья плохой положит.
     Напорют целую тетрадь,
     Пропишут, спутают, завяжут,
     И грамотному не понять,
 А настоящего и главного не скажут.

Лев сделал приставом Собаку при Овцах;
 Волкам Собака страх.
 Один из них хотел Ягненком поживиться,
 Схватил его и в лес понес;
 Но нагнал вора верный пес,
 И должен был Волк ужина лишиться
 Да клоком шерсти поплатиться.
 Волк с жалобой в суд идет —
 Осел там был судья, а секретарь Лисица,
 Докладывать большая мастерица,—
 Гусенка на поклон секретарю несет.
 Доклад Лисица подает:
 От слова до слова прошение прописала,
 Законы подвела,
 Но об Ягненке не сказала,
 И как сказать? Она при деле не была.
 И вот, без всяких справок
 И без очных, как должно, ставок,
 Последовал журнал, что «в силу скотских прав
 За оскорбленье Волчьей чести
 И вырванье с азартом шерсти
 Взыскать с Собаки должно штраф,
 Бесчестье и увечье;
 А стадо всё овечье
 Просителю на время поручить.
 Собаку же от места удалить,
 Для соблюдения пользы Львиной».
 Что делает доклад Лисы и суд Ослиный,
 Особенно в дали, в глуши!
 По дудке их там и пляши.

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ

Приятель у меня старик проказник был;
 Богатый человек, почти и не служил —
 Отставлен с крестиком. В Москве он мало жил,
 А более в своей любимой подмосковной;
 Имел там дом огромный,
 Большой фруктовый сад,
 И английский еще, иль парк-оранжереи,
 В которых рос отличный виноград,
 Зверинец, свой оркестр и разные затеи:
 Имел актеров крепостных,
 Актрис, певиц, танцовщиц ловких,
 Наемных трех французов бойких
 Да сотни две собак и гончих и борзых.
 Пять тысяч душ ему досталось в наследство,
 Да долгу нажил миллион;
 Так деньгами сорить мог он.
 Его любило всё соседство.
 И как же не любить?
 Где всласть поест, попить,
 Повеселиться?
 У Дурнева. А денег где занять,

Когда нужда случится?

У Дурнева ж. Расписку только дать.
Какую вздумает он сам продиктовать,
И на условия все тотчас согласиться.
Случалось, иногда брал туфли он в заклад,
Халат, кушак иль шапку, или миску;
А деньги возвратишь — отдаст тебе расписку,
Залог и сумму всю назад.

К своим собакам звал соседских по билетам;
Рожденье праздновал любимых лошадей;
Дурачился, сказать уж правду, не по летам;
Но, впрочем, не был он в числе дурных людей

И делал иногда, что должно.

Проказничать богатым можно.

В деревне Дурнева когда я навестил,
Меня он славно угостил;
Музыка за столом гремела,
И первая певица пела.

Вот отобедали. «Что, не угодно ль в сад?»
— «О, рад!»

Пошли. Какой чудесный там каскад!
Какие мостики, беседки и руины!

Куда ни взглянешь, всё картины.

«А это что за храм? —

Вскричал я в изумленье,

Увидя с куполом, с колоннами строенье;
Уж подлинно сказать, что было загляденье! —
Что там?

Какое божество сей храм в себе скрывает?»
— «Наружность иногда обманчива бывает[27],
И это, господин поэт, вам не во гнев,

Не храм, а хлев!»

— «Как хлев?» — «Войдите

И поглядите».

Толкаю дверь, вхожу.

И с поросятами свиней тут нахожу.

«Ну, видишь ли мои затеи?

Не все еще; в другом покое есть и змеи.

Войди, увидишь сам, что правду говорю».

— «Покорнейше благодарю...

Повеса ты, повеса!

Ну стоит ли, скажи, потратить столько леса,
Искусства и труда

Для змей и для свиней? Ужели нет стыда
Тебе дурачиться в твои почтенны леты?»

— «А ваша братья-то, поэты,

Что делают? Не то ли ж, что и я?

На что дар многие из вас употребляют!

Цветы поэзии фигурно рассыпают,

А под цветами глядь — или в грязи свинья,

Иль ядовитая змея.

Но свиньи у меня других хоть не марают,

А змеи не кусают.

Желаю знать, что б ты на это отвечал?»

Я... промолчал.

ЧИЖ И СТРИЖ

Гулял с женою муж в саду,
 И на беду
 Пред ними птичка пролетела
 И на рябину села.
 «Смотри, смотри, жена: вон Чиж!»
 — «Не Чиж, Иваныч, Стриж».
 — «О, вздор, ты, дура, говоришь,
 Уж я сказал, что Чиж, так ты должна мне верить».
 — «Вот хорошо! Не верь своим очам,
 А верь твоим речам».
 — «Я знаю, чем тебя уверить:
 За палкой не заставь сходить».
 — «Стриж — стану всё я говорить.
 Чижи зеленоваты,
 Стрижи же черноваты
 И длинноваты.
 Слепой увидит: это стриж».
 — «Молчи ж!» —
 И хлоп жену по уху.
 — «Разбойник! только пить сивуху
 И бить жену. Пей, варвар, кровь мою,
 А я за правду постою.
 Стриж, а не Чиж!» Иваныч за сивуху
 Еще дал плюху:
 «Молчи». — «Не замолчу,
 Не покорюсь палачу.
 Стриж, а не Чиж!» — И битва закипела,
 Михевна уступить тирану не хотела,
 Язвит его, — чем в силах, — языком,
 А он так кулаком.
 Кокошник на гряде свалился,
 Иваныч мой остервенился,
 Михевну за косу схватил
 И сильною рукой в крапиву потащил.
 На крик несчастной прибежали,
 Но без десятских двух никак бы не отняли.
 Калганиху-лекарку взяли!
 Но знание ее, увы, не помогло!
 Просили знахаря Вавилу —
 Ничто Михевну не спасло:
 От скверного стрижа пошла она в могилу.

Не спорь из пустяков
 И не беси злых дураков;
 Как язвы, ссоры удаляйся;
 Но где потребует долг, совесть — не молчи
 И говори, а не кричи,
 Без сердца убедить старайся.

ГОРДЮШКА-КНИГОПРОДАВЕЦ

Был здесь давно один мерзавец

Гордюшка, плут-книгопродавец,
По честности и по уму
Вином бы торговать ему
В какой-нибудь корчме, и то не христианской —
В жидовской иль магометанской.
А походил он на жида!
Без совести и без стыда
На белый свет родился,
Рад удавиться и за грош;
А впрочем, всем он был хорош;
Немножко грамоте учился,
Мог двоеточие от точки отличить,
Мог объявление о книге сочинить,
Любил для барышей душой литературу,
В «Оракулах» держал всегда сам корректуру;
Ученых пьяниц он погодно нанимал
И компиляции в свет с ними издавал.
Жаль, не писал стихов Гордюшка!
Одна почтенная старушка
По смерти мужниной вдруг в нищету пришла;
Что было лишнее, кой как распродала,
В ломбард иное заложила;
Одну лишь комнату топила —
Так берегла дрова
И деньги бедная вдова.
Занемоги она еще весной ненастной.
Как быть?
Лекарства не на что купить.
Но добрый лекарь частный
Старушке страждущей помог.
Да наградит его сам бог!
А он всегда тех награждает,
Кто бедным вдовушкам охотно помогает.
Узнал торгош Гордей,
Что после мужа есть шкаф целый книг у ней.
Вот он к больной приходит,
В постели бедную находит
И говорит: «У вас, я слышал, книжки есть...
Хоть торгош книгами не можно нынче весть...
От книг так плохи авантажи,
Что лучше продавать, поверьте, калачи...
Но на комиссию я взял бы для продажи;
Позвольте посмотреть». Дают ему ключи.
Вот шкаф он отпирает —
Шкаф книгами набит.
Гордюшка их перебирает.
На титулы глядит,
Понюхает иную,
То улыбнется плут,
То рожу сделает такую,
Как будто долг с него берут.
Смотрел, глядел час целый;
В затылке почесал;
Потом с осанкой гордой, смелой
Презрительно сказал:

«Хоть счетом книг и много,
 Но разобрать коль строго,
 Так мало тут добра.
 Ну что? «Деяния Петра»
 Да Ломоносова, Державина творенья
 И Дмитриева сочиненья,
 Жуковского, Карамзина —
 И только ведь из русских!»
 — «А сколько, батюшка, зато здесь книг французских,
 Латинских, греческих?» — «Да все ведь старина!
 Расина, Буало, Корнеля всяк имеет;
 По-гречески ж не всякий разумеет.
 А, правду молвить, и латынь
 Хоть кинь!
 Народ наш деловой, торговый и воинский —
 На что же нам язык латинский?..
 Однако, так и быть,
 Рад все у вас купить,
 Коль сходно отдадите.
 Ну, много ли, сударыня, хотите?»
 — «А сколько б дали вы?» — «Да что вас обижать?
 Извольте: дам я... двадцать пять».
 — «Как? Двадцать пять рублей? За все?.. Не грех вам это?»
 — «Да рассудите: нынче лето;
 А до зимы
 Почти ведь не торгуем мы.
 Не выручишь, ей-богу, и на лавку!»
 — «Я лучше их сожгу! Как? Двадцать пять!» — «Жаль вас!
 Извольте, так и быть, вдобавку
 Еще пять рубликов, и деньги сей же час!»
 — «Подите ж вон!» — «Ну, десять я прибавлю.
 Хотите тридцать пять?
 И шкап, пожалуй, вам оставлю
 Да буду, матушка, вас вечно поминать».
 Старушка рассердилась,
 С Гордюшкой побранилась
 И гонит плута вон.
 Не идет, однако, он,
 Торгуется, клянется,
 Что покупателя другого не найдет,
 И наконец
 За сотню книги все купил у ней, подлец!
 Возрадовался мой Гордюшка,
 Что им ограблена так бедная старушка.
 А после на пятак взял рубль он барыша.
 Куда ж пойдет душа
 Такого торгаша?
 В ад, разумеется, конечно!
 По приказанью трех безжалостных сестер
 Из книг, им проданных, там сделают костер,
 И будет жариться он вечно.

Поставили на улице фонарь —
И уняли ночного вора.

Плут секретарь
Остерегается прямого прокурора.

То ль дело воровать впотьмах?
То ль дело командир, который не читает,
Не смыслит ничего в делах,
А подписью своей бумаги утверждает!
Хвала от всех воров, воришек — темноте,
Невежеству и глупой доброте.

ДВА КРЕСТЬЯНИНА И ОБЛАКО

«Смотри-ка, брат Антон! —
Соседу говорит крестьянин Агафон,
А сам весь побледнел и так, как лист, трясется.—
Смотри-ка, туча к нам несется!»
— «Так что ж?» — «Как что? Да град пойдет
И хлеб у нас побьет;
Все пропадет,
Озимое и яровое;
Голодный будет год, а там, гляди, и мор!..»
— «Пустое, брат сосед, пустое!
Какой несешь ты вздор!
Не град, а дождь пойдет: давно к дождю уж парит!
Вот каплет, кажется. Уж то-то хлеб поправит!
Мы уберем его и много продадим
Да браги наварим.
Гуляй и пей уже зимою!
Пусть дождь идет; я очень рад!»
— «Ну, посмотри, посыплет град!»
— «Нет, дождь пойдет». — «Град!» — «Дождь!»
Не спорь же ты со мною». —
— «Да что и спорить с дураком?»
Антон за это хватъ соседа кулаком;
Тот в ухо сам его — и драка началась.
Ни град, ни дождь еще нейдет,
А кровь из обоих уж льет!
Меж тем прочистилось, и туча пронеслася.

Д.В. Давыдов

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
 По лужам, по грязи, по жесткой мостовой,
 Однажды Ноги очень гневно
 Разговорились с Головой:
 «Как мы несчастны, боже мой,
 Что век осуждены тебе повиноваться!
 Днем, ночью, осенью, весной,
 Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
 Туда, сюда, куда велишь;
 И к этому ж еще, опутавши чулками,
 Ботфортами да башмаками,
 Ты нас, как ссылочных колодников, моришь
 И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами;
 Еще же если б ты к Ногам
 Была почтительней за труд их неизменный;
 Так нет! Когда тебя, с душою сопряженны,
 Несем к торжественным богам,
 Тогда лелеешь нас; но лишь домой вступили —
 То Ноги, по твоим словам,
 Как будто не ходили».
 «Молчать! — тут Голова сказала им, — молчать!
 Иль не страшит моя вас сила?
 Бродяги! вам ли размышлять,
 Когда мне место раз определила
 Природа выше вас, то чтоб повелевать!»
 «Ну, очень хорошо! пусть ты б повелевала,
 По крайней мере нас повсюду б не совала,
 А прихотям твоим несносно угрождать!
 Да между нами ведь признаться,
 Коль нами право ты имеешь управлять,
 То мы имеем тож все право спотыкаться;
 И можем иногда, споткнувшись, — как же быть? —
 Твое могущество об камень расшибить!»

Смысл этой басни всякий знает...
 Но должно — цыц! — молчать: дурак — кто все болтает!

БЫЛЬ ИЛИ БАСНЯ, КАК КТО ХОЧЕТ НАЗОВИ

За правду колкую, за истину святую,
 За сих врагов царей, — деспот
 Любимца осудил: главу его седую
 Велел снести на эшафот.
 Но сей пред смертью умел добиться
 Пред грозного царя предстать —
 Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
 Но, если правды он боится,
 Хотя бы басню рассказать.
 Царь жаждет слов его — философ не страшится
 И твердым гласом говорит:

«Ребенок некогда сердился,
Увидя в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что мог он зеркало разбить.
Назавтра же, гуляя в поле,
В реке свой гнусный вид увидел он опять...
Как реку истребить? — нельзя, и поневоле
Он должен был в душе и стыд и срам питать!
Монарх! стыдись; ах! это сходство
Прилично ль для царя?
Я зеркало — разбей меня,
Река — твое потомство;
Ты в нем еще найдешь себя!

Монарха речь сия так убедила,
Что он велел ему и жизнь, и волю дать;
Постойте, виноват — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта былъ на сказку походила.

Ф.Н. Глинка

ФИАЛКА И ДУБЫ

В глуши под хворостом, в долине
 Фиалка на судьбу задумала роптать:
 «За что так счастливы там Дубы на вершине?
 Куда им весело на высоте стоять!
 Для них и свет открыт, они и к солнцу ближе!
 А я! Что может быть моей здесь доли ниже?
 Мне, право, жребий мой постыл!..»
 Еще не кончила — вдруг страшно бор завыл,
 Стемнели небеса и ветры налетели:
 В гремящих тучах блеск!
 В лесах дремучих треск!
 И Дубы гордые, шатаясь, заскрипели!..
 Фиалка слышала их вопль, их тяжкий стон;
 Но слышала вдали и словно как сквозь сон:
 Ей буря, в высоте ревуца, не вредила.
 Когда ж всё стихло в небесах,
 Она увидела, что буря на холмах
 Все Дубы с корнем вон и лоском положила...
 И тут-то распознал неопытный цветок,
 Что доля мирная, что тихий уголок
 Надежней и верней, чем горды те вершины,
 Где часто падают под бурей исполины.

ДВА РУЧЬЯ

В горах у пропасти шумящей
 (Весенней было то порой)
 Сошлись два Ручья. Тот вился под горой
 Чуть-чуть журча; а тот, клубя волной кипящей,
 Шумел и с ревом мчал ток бурный чрез поля.
 «Ну, верно, и теперь дрожит еще земля;
 И темный лес, и бор, пустыни отдаленны,
 Моим величьем изумленны,
 С почтеньем вторят шум теченья моего!
 Я век был мнения того:
 Когда уж течь, так течь!.. А что ручьи ленивы —
 Текут и не текут, чуть зыблют лишь волной.
 Нет, нет, я не таков: всё в прах передо мной!
 Взгляните на поля, на доли, селы, нивы,
 Я всё, где только пробежал,
 Подрыл, раздвинул, разметал!..
 А ты, товарищ, что?» — сказал Ручей надменный.
 «А я, — в ответ ему Ручей смиренный, —
 Я был простой лишь ручеек
 И в скромных берегах скромнехонько протек;
 Кропил зеленый луг, живил златую ниву,
 И часто юных роз чету счастливую,
 Когда ее губил полдневный зной,
 Отпаивал моей волной».
 — «Так прочь же от меня, ничтожное творенье!» —

Воскликнул, пеною кипя, гордец,
 «Потише, не гордись: здесь равный всем конец,
 А там, где разница была у нас в течение,
 Там, может быть, о мне со вздохом вспомянут;
 Тебя ж, когда твои промчались волны,
 Где селы и поля твоим злодейством полны,
 Тебя, губитель! там всечасно все клянут!».
 Сказал — и волны их смешались,
 И оба в бездну погрузились.

Друзья! я кончил мой рассказ.
 «А где ж нравуученье?»
 Знать, худо рассказал; иначе всяк из вас,
 Конечно, сделал бы сравненье.

ПРУД И КАПЛЯ

Заглохший осокóй и весь, как паутиной,
 Подернутый зеленой тиной,
 Дремал ленивый Пруд. В звездах лазурный свод;
 Но жалкий он слепец, не видит звезд мерцанья,
 Ни ласковой луны приветного сиянья.
 И долго было так; но вот
 Наскучил он сносить светил пренебреженье;
 И, потеряв последнее терпенье,
 Языком вод заговорил,
 И близкую свою соседку он спросил —
 Соседку-Капельку, что на листок упала
 И ясной звездочкой, качаяся, сверкала:
 «Что за счастливица ты, Капелька, у нас?
 Так светишь, так блестяшь, ну словно как алмаз!
 Тебе и солнце угрождает:
 Вот, сжавшись всё, в тебе, как в зеркале, сияет!
 По солнцу ль зеркало! Я сажён пять в длину,
 Да три, а может быть и больше, в ширину;
 Однако ж всё во мне не видны горни своды;
 И хоть бы раз луна в мои взглянула воды!
 Скажи, пожалуйста, любимица светил,
 За что же я им так не мил?»
 А Капелька в ответ: «Давно я это вижу,
 Сказала б, да боюсь: я, может быть, обижу?»
 — «О нет!» — «Так слушай же; причина тут проста:
 Ты засорен, а я чиста!»

ДИТЯ И ПТИЧКА

Певица-Пеночка, летая в чистом поле,
 Вдруг видит сад... «Мне в нем хотелось быть давно!»
 Порх, порх — и вот уж там... В сад отперто окно:
 Она к окну, в окно — и, ах! в неволе!
 Боярское Дитя
 В летунью-пташечку то тем, то сем швыряет;
 Раз мимо!.. Вот ушиб и, за крыло схватя,
 Бедняжку тормошит, таскает.

«Ну Птичка! — говорит. — Ну взвейся, ну запой».
 А Птичка глазки вверх, дрожа, век кончит свой.
 То видя, чувствует Дитя в душе мученье,
 И в слезы, и в тоску, а Няня — поученье:
 «Тебе бы пташечку легонько изловить,
     Ее беречь, за ней ходить,
     Ее кормить, ее поить;
 А Птичка стала бы и в зимние морозы
 Весь дом наш песенкой весенней веселить.
     Теперь уж не помогут слезы,
     Всему виною сам:
 Ах, снявши голову, не плачь по волосам!»

О басенка моя! туда, туда, к вельможе,
 Чтоб счастлием сие испорченно Дитя,
     Тебя хоть невзначай прочтя,
 Что с бедной птичкою, с людьми не делал то же.

ПИРАМИДА

М<ихаи>лу К<ириллович>у Г<рибовско>му

Гром грянул, вихри засвистали,
 И воздух — молний блеск и мгла!
 Трещала гордая скала,
 И дубы мощные трещали.
 Но грозный стихнул ураган,
 Исчезла ночь и мгла седая;
 Подруга утра молодая
 Румянит в высоте лазури океан...
 Опустошения кругом открылись виды:
 Там рухнул в волны берег, здесь сломлен ряд дерев.
     Везде протекшей бури гнев!
 Но радостью чело сияет Пирамиды.
 «Скажи, соседка, что значит твой покой?
 Бодра и как ни в чем по бури роковой! —
 Соседни Дубы к ней. — Ведь гор сердца стенали,
 И треснула скала, и даже мы дрожали,
 А ты?.. Ужель мы все слабей тебя одной?
 Ты удержалася какой уловкой тайной?
 Конечно, гибкостью для нас необычайной?»
 — «Ошиблись, я держусь — одною прямизной!»
 Честон! гордись, мой друг, что гибкому вельможе
     Сказать ты можешь то же!

КРЕМЕНЬ И СТАЛЬ

Кремень подругу сталь благодарил
 И говорил:
 «Спасибо, милая, лишь ты меня тронула,
 Когда полмертвенный я зябнул в тишине,
 Вдруг что-то новое родилось во мне,
 И искра из меня звездой блеснула...»
 «Напрасно! — отвечала сталь. —
 Твое всегда в тебе хранилось:

Огонь и свет в тебя вложила я ль?»
— «Всё так, но если б мы не сблизились с тобою,
Я был бы хладен, как мертвец...»

Вот так и с головой, вот так и для сердец!
Что сталь? Не случай ли, даруемый судьбою?
Ах, сколько б светлых искр в умах
И пылких чувств в застынувших сердцах
Остались навсегда сокрыты далью,
Когда б судьба своей их не коснулась сталью!..

РУЧЕЙ И РЕКА

Ручей журчал Реке: «Река! Река!
Зачем шумишь, кипишь? Зачем ты глубока?
С меня пример!— я так, чуть зыблюсь под цветами».
Ему Река: «Мой друг! есть разница меж нами.
Чуть видимый, как бисерная нить,
Ты, правда, ни цветка, ни травки не тревожишь,
Но уж зато и никогда не можешь
Ни потопить, ни напоить!»

П.А. Вяземский

ДВА ЧИЖА

«О чем так тужишь ты?— Чиж говорил Чижу.—
Здесь в клетке во сто раз приятней жить, чем в поле».
«Так,— молвил тот,— тебе, рожденному в неволе.—
Но я, я волю знал, и я о ней тужу».

ДОВЕДЬ

Попавшись в доведи на шашечной доске,
Зазналась Шашка пред другими,
Забыв, что из одной она и кости с ними
И на одном сработана станке.
Игрок по прихоти сменил ее другою
И продолжал игру, не думая о ней.
При счастье чванство впрок бывает у людей.
Но что, скажите, в нем, как счастье к нам спиною?
О доведи-временщики
На шахматном паркете!
Не забывайте, что на свете
Игрушки царской вы руки!

УБОГИЙ И КАМЕНЬ

Обломок каменный валялся средь дороги.
Таскающий ярмо страданья и суму,
Наткнулся на него убогий
И с сердцем говорит ему:
«Природы мертвое созданье!
Зачем дано тебе существованье!
Равно встречаешь ты блеск утра, ночи тьму,
И летний жар, и зимний холод!
Бесчувственно ты ко всему».
«А мне ль завидовать, чувствительный, тому,
Кто чувствовать умеет голод?»

КРУГОВАЯ ПОРУКА

«Какая ж лошадь я!»— свалившись с мосту в грязь,
Корова говорит.— «Какая ж я корова!» —
Упавши Лошадь в ров, вскричала, рассердясь.
Такой пример нам не обнова:
Обычай этот мы найдем и у людей.
Как часто в обществе друзей,
Когда о глупостях людских идет беседа,
Друг на друга мигают два соседа!

ДВЕ СОБАКИ

«За что ты в спальне спишь, а зябну я в сенях?» —
У Мопса жирного спросил Кобель курчавый.
«За что? — тот отвечал.— Вся тайна в двух словах:

Ты в дом для службы взят, а я взят для забавы!»

ЧЕРНИЛЬНИЦА И ПЕРО

*С Чернильницей Перо заспорили о том,
Кто новой оды был из них прямым творцом.
Вошел Поэт, и спор решил высокомерья.
Такие есть везде чернильницы и перья.*

БИТЫЙ ПЕС

*Пес лаял на воров; пса утром отодрали
За то, что лаем смел встревожить барский сон.
Пес спал в другую ночь; дом воры обокрали,
Отодран пес за то, зачем не лаял он.*

ДВА ЖИВОПИСЦА

*В столицу съехались портретны мастера.
Петр плох, но с деньгами; соперник Рафаэлю —
Иван, но без гроша. От утра до утра
То женщин, то мужчин малюет кисть Петра;
Иван едва ли кисть и раз возьмет в неделю.
За что ж им от судьбы неравен так дележ?
Портрет Петра был льстив, портрет Ивана — схож.*

ПОТОК И РЕКА

*Реку стыдил поток, стремящийся с высот,
Что плавно так течет в долине на просторе.
«Дай срок,— был той ответ,— как красный день зайдет,
Я тише, ты быстрее — в одном сольемся море».*

ЧЕЛОВЕК И МОТЫЛЕК

*Над мотыльком смеялся человек:
«Гость утренний! по чести, ты мне жалок!—
Он говорит.— Мгновенье — вот твой век!
И мотыльку могила — куст фиалок».
За годом год торопится вослед,
И старику отсчитано сто лет.
Час смерти бьет! Старик, на смертном ложе
Вздыхнув, сказал: «И век мгновенье тоже!»*

ПАСТУХ И ОВЦА

*Пастух стриг шерсть с Овцы и говорил ей так:
«Ну может ли меня отец нежней быть к дочке?
День целый от тебя не отхожу на шаг;
Признайся, что на свет ты родилась в сорочке!
Кормлю тебя, пою, от волка берегу,
А подрастет ли шерсть, все я ж тебя стрижу».
«Чем мне воздать тебе, о добрый пастырь стада,—
Под острием Овца смиренно говорит,—*

*За все твои труды Зевес тебе награда;
А из чего, позволь спросить, тулуп твой сшит?»*

МУДРОСТЬ

*Когда бессмертные пернатых разобрали,
Юпитер взял орла, Венере горлиц дали,
А бдительный петух был Мудрости удел,
Но бдительность его осталась без удачи.*

*Нашли, что он имел некстати нрав горячий,
Что неуступчив он, криклив и слишком смел,
А пуще на него все жаловались боги,
Что сам он малость спит и спать им не дает.*

*Минерве от отца указ объявлен строгий,
Что должность петуха сова при ней займет.
Что ж можно заключить из этой были-сказки?
Что мудрецу верней быть мудрым без огласки.*

ОСЕЛ И БЫК

*Смотря, как на реку быков хозяин вел:
«Чем хуже я быков?— вскричал в сердцах Осел.—
Меня он только бьет, их жалует и холит».
«Осел! — тут Бык прервал,— внаклад нам эта честь;
Хозяин, холя нас, не нам — себе мирволит:
Он водит к пойлу нас, чтоб после в бойню свести».*

ГУСЬ

*В каштанах по уши, у барина в дому
Гусь жирный хвастался судьбой пред уткой дикой;
Он знаки щедростей, оказанных ему,
Считал своих заслуг наградой и отликой.
«И жалко и смешно смотреть на эту спесь,—
Дикарки был ответ,— тут есть ошибка в счете;
Живем мы про себя, вы про других живете;
Мы кормимся, а вас откармливают здесь».*

ЯЗЫК И ЗУБЫ

Восточный аполог

*Один султан пенял седому визирю,
Что твердой стойкости он не имел во нраве.
«За недостаток сей судьбу благодарю!
Им удержался я и в почести и в славе,—
Сказал визирь ему,— и при дворе твоём
Средь частых перемен он был моим щитом.
Мне шестьдесят пять лет,— прибавил он с улыбкой.—
Из твердых тех зубов, которые имел,
Ты видишь — редкий уцелел.
Но все их пережил один язык мой гибкой».*

КАБАН И ОСЕЛ

*Осел с Кабаном повстречался
И так, как свойственно скоту,
Над гордым зверем насмеялся,
Хваля меж тем свой ум, таланты, красоту.
«Поди прочь от меня, негодное творенье! —
Кабан Ослу сказал.—
За дерзость бы тебя я тотчас растерзал,
Но ты осел, ты глуп, мой гнев к тебе — презренье».*

А.С. Пушкин

САПОЖНИК
Притча

*Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?..»
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»*

*Есть у меня приятель на примете!
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!*

Е.И. Алипанов

ПАСТУХ И ВОЛЧОНОК

У Пастуха была плохая собачонка,
А стадо надобно уметь оберегать;
Другого сторожа Пастух придумал взять!
    Поймал в лесу Волчонка,
    Воспитывать при стаде стал;
    Лелеял да ласкал,
    Почти из рук не выпускал.
Волчонок подобрел. Пастух с ним забавлялся,
И, глядя на него, не раз он улыбался
И приговаривал: «Расти, Волчок, крепись.
Защитника себе ягнятки дождались!
Не даст он никому моей овечки скушать».

    Как видно, наш пастух
    К пословицам был глух;
    А надо бы ему прислушать:
    Кормленный волк не то, что пес;
    Корми, а он глядит всё в лес.
Волчонок к осени порядочным стал волком;
Отцовский промысел в уме своем держал
    Да случай выбирал.
Надеясь на него, Пастух позадремал;
А сторож задушил овечек тихомолком
    Да был таков.

Опасно — выбирать в Собаки из Волков!

МЕЛЬНИЦА

Дед-мельник посильней пустил в колеса воду
    И, жерновам прибавя ходу,
    Пошел поспать домой,
    А внук на мельнице остался;
    Он был детина молодой
    И за помол еще не брался,
А потому не знал он, отчего
Вертелась жернова в глазах его.
К тому же молодца немало удивило:
С чего-то колесо заржало вдруг, завыло,
Ну так, что малого чуть-чуть не оглушило.
    В испуге он остолбенел!
Приходит дед: на жернов посмотрел,
Помазал колесо, и скрип стал тише, тише;
    Затих. Тут дед сказал: «Смотри же:
    Помажешь колесо — и в свой черед
    Оно охотнее пойдет,
    Тебе в работе помогая;
    Труды же скупно награждая,
    Услышишь ропот, вой,
    Как скрип колесовой».

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

За пляску нежилась Фиделька у господ;
Барбос, хранящий двор, прикован у ворот.
А потчуют его костями лишь на стуже.

Вот правда светская: полезному — жизнь хуже!

ЗОНТИК

Валялся зонтик. С красным днем
Забыта вся его бывалая услуга.
Пошло ненастье, дождь — тут вспомнили о нем.

Приди беда, найдем оставленного друга!

ЗАЖИГАТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО

Простое белое стекло
В знакомство с солнышком вступило
И от лучей его огонь произвело.

Счастливец тот, кого ученье просветило!

СКВОРЕЦ

Застигнутый в лесу ненастьем и грозой
Скворец летал и утомился,
И Ястреб уж над ним издалика кружился,
Но благотворною он был спасен рукой:
Шел мимо птицелов и взял Скворца с собой.
Спокоен скворушка; есть домик теплый, сытный,
И вместе с домиком — к вельможе он попал;
Вельможа тот был адмирал,
И в бурю кораблем России управлял,
Был столько ж добр душой, как саном знаменитый.
Отвел Скворцу решетчатый приют,
И Скворушку теперь лелеют, берегут;
Лишь только он проснется,
То зернышки к нему летят,
И свежая водица льется,
И с лаской на него глядят;
Укрыт от бури и погоды,
От хищных ястреба когтей,
И в доле счастливой своей
Поет, как на лугу в дни радостной свободы.
Случилось раз, что земледел
К вельможе в дом пришел;
И смотрит он, как Скворушке в отраду
Манили птичку на прохладу.
Из клетки в водоем Скворец перелетел,
Расправил крылья, разыгрался
И, веселясь, в воде плескался.
Прохлада Скворушке мила!

Вельможа, видя то, душою утешался;
 Крестьянин так же восхищался:
 Приятно и смотреть на добрые дела!
 Но Скворушка уже на воле.
 Что ж, не летит ли в чисто поле?
 Нет,— вспомня свой уютный дом,
 Он в клеточку летит с веселою душою,
 Чтоб благодетеля потешить голоском.
 Живи, Скворец, и старцу пой зимою;
 Напоминай ему о сделанном добре
 И весели его при вечера заре.

Во всякой счастлив тот поре,
 На помощь к ближнему простерта чья десница;
 А к благодетелю признательна и птица.

СВИНЬЯ В ОГОРОДЕ

Сибирская свинья безвестною жила
 На винокуренном заводе;
 Безвестно жить и у людей не в моде,
 Так в знать войти неряхе мысль пришла
 И счастья искать на это в огороде.
 Как видно, подстрекнул Хавронью бес,
 Иль, может статься,
 Наскучило в грязи валяться,
 Но только решено на чудо из чудес!
 Въезжает уж в Москву она с свиньями пышно,
 Но всё еще в Москве о ней не слышно!
 «Узнает же, кто я, московский весь народ»,—
 Хавронья хрюкнула; вломилась в огород,
 А в нем хозяйина, на грех, не видно было;
 Вот по грядам она прилежно водит рыло,
 И что-то начала искать и землю рыть;
 Сама взъерошилась, подняв свои щетины.
 Однако ничего нигде не мог найти
 По вкусу ум свиный.
 «Всё плохо, плохо здесь! —
 Она ворчит себе.— И видно неуменье!
 Я б огород пересадила весь
 На образец, на загляденье.
 Здесь место заняли капустой да травой,
 А лучше б посадить крапивы полевой;
 А тут бы с бårdой чан поставить.
 Какую пользу бы могли они доставить!
 Но всё у них не так. О! я, как захочу,
 За это проучу,
 И всё, что тут растёт, на славу в грязь втопчу!»
 Что долго думать? Принялася;
 Ну, теревить капусту с гряд,
 Укроп, и мяту, и салат;
 Не полевым кротом, но бурей поднялася!
 Левкою, алый мак,
 Петрушку, спаржу, пустарнак

Смешала с грязью в кавардак!
Случись к тому, ослов тут мимо гнали;
В забор уставя лбы, ослы забормотали.
«Ну, хрюкушка!— тут Долгоух сказал.—
Такой я смелости в тебе не ожидал!
Теперь-то я смекнул, и вот мои догадки:
Ведь ты умней,
Смелей,
Ну, даже и чудских свиней!
Такие чудеса кто б сделал без ухватки?»
Хавронья голову вскружила похвала,
Хавронья рыло подняла,—
До честолюбия и свиньи, видно, падки!—
И хрюкает: «О мне везде молва;
Я знаю Русь, и ей о мне известно;
А похвалу услышать лестно!»
— «Молчать, кума, молчать!—
Тут Ворон наградил ее советом.—
Не величайся так! Какая польза в этом,
Что худо, что добро, не знать,
Да браться разбирать?
А твой разбор такой, чтоб грязью всё марать.
Подумай, сколько ты хорошему вредила,
Но лишь ослам ты угодила,
А нам хвалить какая статья?»
Иной Зоил не только пишет,
Но даже в критике сам глупой спесью дышит!
И тем довольнее, чем больше разругал.
Пускай чужие недостатки
Завистнику б казались сладки;
А то наш шарлатан, нахал,
Добро и худо
В одно воротит блюдо,
И, радуясь, что тем ослов он насмешил,
Сам думает: «Я славу заслужил!»

М.Д. Суханов

ЦЕРЕПАХА

Раз Черепаха Льву прошение вручила;
Она о месте Льва просила.
«В какой же должности желаешь ты служить?»—
Спросила у нее Собака.
«Я,— отвечала Черепаха,—
Хотела б скороходом быть».
«Ну можно ли?— Собака возразила.—
Сама бы по себе ты прежде рассудила:
Ну как тебе в сем званье быть?
Ты ползаешь, а надобно ходить!
Ты по-пустому Льва просила.
Так, видно, ты при знатных не служила?».
От Черепахи был ответ:
«Не по способности ведь судит ныне свет;
Лишь дал бы бог определиться!
Довольны будут здесь услугою моей».
И что ж? Искательством друзей
Дано то место ей!
И ею не могли довольно нахвалиться.

ОГОНЬ И БЕРЕСТА

Рыбак, наудя рыб, расклад на бережок
Трескучий огонек.
Вблизи Огня Берестинка лежала;
Едва лишь в свет она вступала.
Увидя тут ее, Огонь сказал:
«Ах! молодешенька ты в шумный свет вступаешь,
Еще не знаешь,
Как ныне он коварен стал.
Но... если б ты решилась
Себя под власть мою отдать,
Я стал бы как сестру родную защищать».
Как сильного защиты не принять?
Береста согласилась.
Через несколько минут вдруг начал дуть Борей.
С своей защитой Огонь поближе к ней;
Дотронулся ее, Береста запылала!
Еще минута — и пропала:
Остался пепел лишь от ней.

Неопытность, страшишь ласкателей-друзей!

МЕДВЕДЬ

Медведь Львом сделан был судьей.
Спустя немного дней,
Вот волк его по дружбе навещает:
«Что, брат?— у Миши он спросил,—
Когда проситель к вам смиренно прибегает

И даст медку? Возьмешь?» Ответ Медведя был:
 «О нет! Лев очень строг; я свято чту уставы,
 Но с медом он пускай идет к моей жене,
 Она возьмет, и мне —
 На лапу попадет, а будем — оба правы!»
 Таких судей
 Немало встарь бывало у людей.

МЯТА

В одном саду, в тени сиреневых кустов.
 На грядке меж цветов,
 Лилей и васильков,
 И мята выросла простая.
 Садовник тамошний, Панфил,
 Лилей, васильки водою поливая,
 Любуясь ими, их хвалил;
 А мята, примечая,
 Одна похвал не получая,
 Раздумалась с собой:
 «Жестокий жребий мой!
 Я пользу доставляю,
 Но лишь одну меня не хвалят... Понимаю!
 Мой вид не так цветист, я всех из них простей».

Как не жалеть, что свет превратно рассуждает!
 Он тех честит и тех ласкает,
 Кто не полезнее, а видом поцветней.

УТЮГ И МУНДИР

«Пожалуй, перестань стучать по мне, мой друг!—
 Однажды Утюгу сказал Мундир, сердясь.—
 Ты видишь, я готов; мне вовсе недосуг.
 Что за привычка завелась
 Всегда задерживать, стучать?
 Не хочешь ли мое ты золото отнять,
 Которым я к себе вниманье привлекаю?»
 «Твою неопытность я извиняю,—
 Сказал в ответ Утюг.—
 Когда б глаза имел, увидел бы, мой друг,
 Что я, стуча, тебе добра желаю
 И, что измято, выправляю».

КУМ

«Дивлюся я тебе, Лука! —
 Сказал сосед Пахом.— Ужель ума не стало,
 Что управляющим ты принял дурака?
 Как глуп! Подобного и в свете не бывало.
 Где был твой ум?»
 «Ах, мой родной, да он мне кум».

И мой совет: кто хочет постараться

В делах успех иметь,
На кумовство не полагаться,
А на достоинство смотреть.

УРОК СУДЬЕ

Бобр был у Льва секретарем;
Писцами за его столом
Одни Ослы сидели.
Вот просьба на Коня к ним поступила в суд.
Истец Осел — всем сват, и налицо был тут;
Ответчик не вставал с соломенной постели.
Вот судьи начали судить!
И постарались в три дня решить,
И разумеется, что лошадь обвинили!
Осел писал, Осел скрепил,
А добрый секретарь и руку приложил.
Конь подал в высший суд; там иначе решили:
Судей сменили.
Истец Осел штраф заплатил.

Урок! чтобы судья вперед умнее был.

СЕЛЯНИН С СЫРОМ

У поселянина был с сыром поставец.
Он сберегал его в чулане.
И думал сыр продать, ждет прибыли в кармане,
А мышь, почуя сыр, глядит и наконец —
Юркнула в поставец, засела
И сыру несколько поела.
Стал думать селянин, как горю пособить?
И вздумал кошку посадить!
Сибирскую сажает.
«Теперь, голубушка,— крестьянин рассуждает,—
Тебе уж миновалась честь!
Не станешь больше сыра есть».
Проходит ночь, и рассветает.
Вот поселянин наш осматривать идет!
Глядит — и мыши точно нет;
Но с ней и сыр исчез,— как будто не бывало!
Не мышь — так кошка dokonчала.

С неосторожностью одной беды мином —
В другую попадем.

И.А. Крылов

ВОРОНА И ЛИСИЦА

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

*Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,—
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,—
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.*

МУЗЫКАНТЫ

*Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня,— сказал он с удивленьем,—
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»
«То правда,— отвечал хозяин с умиленьем,—
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».*

*А я скажу: по мне, уж лучше пей,
Да дело разумеи.*

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
 Противу дерзости искусством вооружась,
 Вандалам новым сеть поставил
 И на погибель им Москву оставил,
 Тогда все жители, и малый и большой,
 Часа не тратя, собралися
 И вон из стен московских поднялися,
 Как из улья пчелиный рой.
 Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
 Спокойно, чистя нос, глядит.
 «А ты что ж, кумушка, в дорогу?—
 Ей с возу Курица кричит.—
 Ведь говорят, что у порогу
 Наш супостат».
 «Мне что до этого за дело?—
 Вещунья ей в ответ.— Я здесь останусь смело.
 Вот ваши сестры — как хотят;
 А ведь ворон ни жарят, ни варят:
 Так мне с гостями не мудрено ужиться,
 А может быть, еще удастся поживиться
 Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
 Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
 Ворона подлинно осталась;
 Но вместо всех поживок ей,
 Как голодом морить Смоленский стал гостей —
 Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
 За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
 А как на деле с ним сочтешься —
 Попался, как ворона в суп!

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
 И труд и мудрость видеть там,
 Где стоит только догадаться
 За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
 Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
 Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
 Вот входит в комнату механики мудрец.
 Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
 Так; он и без замка;
 А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
 Не смейтесь так исподтишка!
 Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
 В механике и я чего-нибудь да стою».
 Вот за Ларец принялся он:
 Вертит его со всех сторон
 И голову свою ломает;
 То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
 Тут, глядя на него, иной

Качает головой;
 Те шепчутся, а те смеются меж собой.
 В ушах лишь только отдаётся:
 «Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
 Потел, потел; но наконец устал,
 От Ларчика отстал
 И, как открыть его, никак не догадался:
 А Ларчик просто открывался.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

лягушка, на лугу увидевши Вола,
 Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
 Она завистлива была.
 И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
 «Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?»—
 Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!»
 «Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
 Ну, каково?
 Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
 «Ну, как теперь?»—«Все то ж». Пыхтела да пыхтела
 И кончила моя затейница на том,
 Что, не сравнившись с Волом,
 С натуги лопнула и — околела.

Пример такой на свете не один:
 И диво ли, когда жить хочет мещанин,
 Как именитый гражданин,
 А сошка мелкая, как знатный дворянин.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха;
 Тут нет еще греха,
 Да вот что грех: она была спесива.
 Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
 И в лентах, и в чести, и молод был бы он
 (Красавица была немножко прихотлива):
 Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?
 Еще и то заметь,
 Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
 Хоть чудно, только так была она счастлива,
 Что женихи, как на отбор,
 Презнатные катили к ней на двор.
 Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
 Такие женихи другим невестам клад,
 А ей они на взгляд
 Не женихи, а женишонки!
 Ну, как ей выбирать из этих женихов?
 Тот не в чинах, другой без орденов;
 А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
 То нос широк, то брови густы;
 Тут этак, там не так;
 Ну, не придет никто по мысли ей никак.

Посмолкли женихи, годка два перепали;
 Другие новых свах заслали:
 Да только женихи средней уж руки.
 «Какие простаки!—
 Твердит красавица,— по них ли я невеста?
 Ну, право, их затеи не у места!
 И не таких я женихов
 С двора с поклоном проводила;
 Пойду ль я за кого из этих чудаков?
 Как будто б я себя замужством торопила,
 Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
 День весела и ночь я, право, сплю спокойно:
 Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
 Толпа и эта уплыла.
 Потом, отказы слыша те же,
 Уж стали женихи наворачиваться реже.
 Проходит год,
 Никто нейдет;
 Еще минул годок, еще уплыл год целый:
 К ней свах никто не шлет.
 Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
 Начнет считать своих подруг
 (А ей считать большой досуг):
 Та замужем давно, другую сговорили;
 Ее как будто позабыли.
 Закралась грусть в красавицыну грудь.
 Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
 Что каждый день, а что-нибудь
 Из прелестей ее лихое время крало.
 Сперва румянца нет; там живости в глазах;
 Умильны ямочки пропали на щеках;
 Веселость, резвости как будто ускользнули;
 Там волоска два-три седые проглянули:
 Беда со всех сторон!
 Бывало, без нее собранье не прелестно;
 От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
 А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
 Вот тут спесивица переменяет тон.
 Рассудок ей велит замужством торопиться:
 Перестает она гордиться.
 Как косо на мужчин девица ни глядит,
 А сердце ей за нас всегда свое твердит.
 Чтоб в одиночестве не кончить веку,
 Красавица, пока совсем не отцвела,
 За первого, кто к ней присватался, пошла:
 И рада, рада уж была,
 Что вышла за калеку.

ПАРНАС

Когда из Греции вон выгнали богов
 И по мирянам их делить поместья стали,
 Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
 Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.

Ослы, не знаю как-то, знали,
 Что прежде Музы тут живали,
 И говорят: «Недаром нас
     Пригнали на Парнас:
 Знать, Музы свету надоели,
 И хочет он, чтоб мы здесь пели».
 «Смотрите же,— кричит один,— не унывай!
 Я затяну, а вы не отставай!
     Друзья, робеть не надо!
     Прославим наше стадо
 И громче девяти сестер
 Подыдем музыку и свой составим хор!
 А чтобы нашего не сбили с толку братства,
 То заведем такой порядок мы у нас:
 Коль нет в чьем голосе ослиного приятства,
     Не принимать тех на Парнас».
 Одобрили Ослы ослово
     Красно-хитро-сплетенно слово:
 И новый хор певцов такую дичь занес,
     Как будто тронулся обоз,
 В котором тысяча немазанных колес.
 Но чем окончилось разно-красиво пенье?
     Хозяин, потеряв терпенье,
     Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
 Весьма старинное напомнить мненье:
     Что если голова пуста,
 То голове ума не придадут места.

ОРАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
 И стал он говорить пророчески ответы
     И мудрые давать советы.
     За то, от головы до ног
 Обвешан и серебром и золотом,
 Стоял в наряде пребогатом,
 Завален жертвами, мольбами заглушен
     И фимиамом задушен.
 В Оракула все верят слепо;
 Как вдруг — о чудо, о позор!—
 Заговорил Оракул вздор:
 Стал отвечать нескладно и нелепо;
 И кто к нему зачем ни подойдет,
 Оракул наш что молвит, то соврет;
     Ну так, что всякий дивовался,
     Куда пророческий в нем дар девался!
     А дело в том,
 Что идол был пустой и саживались в нем
     Жрецы вещать мирянам.
     И так,
 Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
     А как засел в него дурак,

То идол стал болван болваном.

Я слышал — правда ль?— будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться,
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву».

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу».

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

«Помилуй, мне еще и от роду нет году»,—

Ягненок говорит. «Так это был твой брат».

«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведуюсь грехи».

«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

СИНИЦА

Синица на море пустилась;

Она хвалилась,

Что хочет море сжечь.

Расславилась тотчас о том по свету речь.

Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
 Летят стадами птицы;
 А звери из лесов сбегаются смотреть,
 Как будет Океан, и жарко ли, гореть.
 И даже, говорят, на слух молвы крылатой
 Охотники таскаться по пирам
 Из первых с ложками явились к берегам,
 Чтоб похлепать ухи такой богатой,
 Какой-де откупщик и самый тороватый
 Не даывал секретарям.
 Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
 Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
 Лишь изредка иной шепнет:
 «Вот закипит, вот тотчас загорится!»
 Не тут-то: море не горит.
 Кипит ли хоть?— и не кипит.
 И чем же кончились затеи величавы?
 Синица со стыдом всвояси уплыла;
 Наделала Синица славы,
 А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
 Но ничьего не трогая лица:
 Что делом, не сведя конца,
 Не надобно хвалиться.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
 А у людей она слыхала,
 Что это зло еще не так большой руки:
 Лишь стоит завести Очки.
 Очков с полдюжины себе она достала;
 Вертит Очками так и сяк:
 То к темню их прижмет, то их на хвост нанижет,
 То их понюхает, то их полижет;
 Очки не действуют никак.
 «Тьфу, пропасть!— говорит она,— и тот дурак,
 Кто слушает людских всех врак:
 Всё про Очки лишь мне нагали;
 А проку на волос нет в них».
 Мартышка тут с досады и с печали
 О камень такхватила их,
 Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
 Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
 Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
 А ежели невежда познатней,
 Так он ее еще и гонит.

ТРОЕЖЕНЕЦ

Какой-то греховодник

Женился от живой жены еще на двух.
 Лишь до Царя о том донесся слух
 (А Царь был строг и не охотник
 Таким соблазнам потакать),
 Он Многоженца вмиг велел под суд отдать
 И выдумать ему такое наказание,
 Чтоб в страх привести народ,
 И покуситься бы никто не мог вперед
 На столь большое злодеянье:
 «А коль увижу-де, что казнь ему мала,
 Повешу тут же всех судей вокруг стола».
 Судьям худые шутки:
 В холодный пот кидает их боязнь.
 Судьи толкуют трои сутки,
 Какую б выдумать преступнику им казнь.
 Их есть и тысячи; но опытами знают,
 Что все они людей от зла не отучают.
 Однако ж наконец их надоумил бог.
 Преступник призван в суд для объявленья
 Судейского решенья,
 Которым, с общего сужденья,
 Приговорили: жен отдать ему всех трех.
 Народ суду такому изумился
 И ждал, что Царь велит повесить всех судей;
 Но не прошло четырех дней,
 Как троеженец удавился;
 И этот приговор такой наделал страх,
 Что с той поры на трех женах
 Никто в том царстве не женился.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало не угодно
 Правление народно,
 И показалось им совсем не благородно
 Без службы и на воле жить.
 Чтоб горю пособить,
 То стали у богов Царя они просить.
 Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
 На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
 Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
 И плотно так он треснул на царство,
 Что ходенем пошло трясинно государство:
 Со всех Лягушки ног
 В испуге пометались,
 Кто как успел, куда кто мог,
 И шепотом Царю по кельям дивовались.
 И подлинно, что Царь на диво был им дан!
 Не суетлив, не вертопрашен,
 Степенен, молчалив и важен;
 Дородством, ростом великан,
 Ну, посмотреть, так это чудо!
 Одно в Царе лишь было худо:
 Царь этот был синовий чурбан.

Сначала, чтя его особу превысоку,
 Не смеет подступить из подданных никто:
 Со страхом на него глядят они, и то
 Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
     Но так как в свете чуда нет,
     К которому б не пригляделся свет,
 То и они сперва от страху отдохнули,
 Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
     Сперва перед Царем ничком;
 А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком;
     Дай попытаться сесть с ним рядом;
 А там, которые еще поудалей,
     К царю садятся уж и задом.
     Царь терпит все по милости своей.
 Немного погода, посмотришь, кто захочет,
     Тот на него и вскочит.
 В три дня наскучило с таким Царем житье.
     Лягушки новое челобитье,
 Чтоб им Юпитер в их болотную державу
     Дал подлинно Царя на славу!
     Молитвам теплым их внемя,
 Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
 Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
 Не любит баловать народа своего;
 Он виноватых ест! а на суде его
     Нет правых никого;
     Зато уж у него,
 Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
     На жителей болот
     Приходит черный год.
 В Лягушках каждый день великий недочет.
 С утра до вечера их Царь по царству ходит
     И всякого, кого ни встретит он,
     Тотчас засудит и — проглотит.
 Вот пуще прежнего и кваканье и стон,
     Чтоб им Юпитер снова
     Пожаловал Царя иного;
 Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
 Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
 Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
 Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
 «Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
 Не мне ль, безумные, — вещал им с неба глас, —
     Покоя не было от вас?
 Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
 Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих;
     Вы взбунтовались в вашей луже,
 Другой вам дан — так этот очень лих;
 Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

МОР ЗВЕРЕЙ

Лютейший бич небес, природы ужас — мор
 Свирепствует в лесах. Уныли звери;

В ад распахнулись настезь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы,—
Неумолимая, как сено, косит их,
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх;
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?
В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
«О други! — начал Лев,— по множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль неволью.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь — хоть это мне и больно —
Не прав и я!
Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда — кто без греха?
Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,
Того бы в жертву и принести,—
И было бы богам то более угодно».
«О царь наш, добрый царь! От лишней доброты,—
Лисица говорит,— в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить — им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней на тот же лад
 Льстецы Льву то же говорят,
 И всякий доказать спешит наперехват,
 Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
 За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
 Во весь народ
 Поводали свои смиренно погрешенья!
 Но их безбожных самых дел
 Никто и шевелить не смел.
 И все, кто были тут богаты
 Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
 Со всех сторон
 Не только правы, чуть не святы.
 В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
 Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
 Нам были худы,
 На грех меня лукавый натолкнул:
 Ни от кого себе найти не могли ссуды,
 Из стога у попа я клок сенца стянул».
 При сих словах поднялся шум и толки;
 Кричат Медведи, Тигры, Волки:
 «Смотри, злодей какой!
 Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
 За беззаконие его к нам столько строги?
 Его, бесчинника, с рогатой головой,
 Его принести богам за все его проказы.
 Чтоб и тела нам спасти и нравы от заразы!
 Так, по его грехам, у нас и мор такой!»
 Приговорили —
 И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
 Кто посмирней, так тот и виноват.

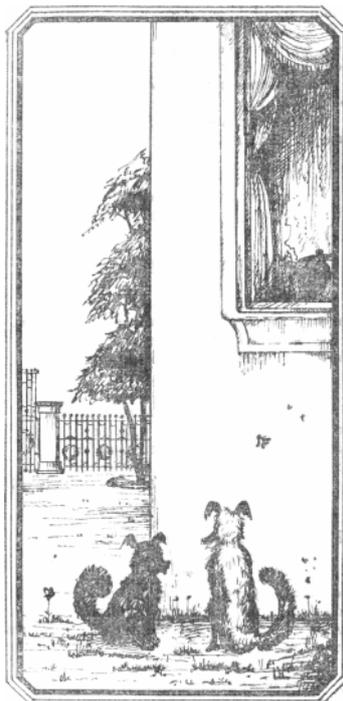
СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном
 На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
 Хоть у ворот перед двором
 Пристойнее б стеречь им было дом;
 Но как они уж понаелись —
 И вежливые ж псы притом
 Ни на кого не лают днем —
 Так рассуждать они пустились вдвоем
 О всякой всячине: о их собачьей службе,
 О хude, о добре и, наконец, о дружбе.
 «Что может,— говорит Полкан,— приятней быть,
 Как с другом сердце к сердцу жить;
 Во всем оказывать взаимную услугу;
 Не спать без друга и не съестъ,
 Стоять горой за дружню шерсть,
 И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
 Чтоб только улучшить счастливый час,
 Нельзя ли друга чем потешить, позабавить

И в дружнем счастье все свое блаженство ставить!
 Вот если б, например, с тобой у нас
 Такая дружба завелась:
 Скажу я смело,
 Мы б и не видели, как время бы летело». —
 «А что же? это дело! —
 Барбос отвечает ему. —
 Давно, Полканушка, мне больно самому,
 Что, бывши одного двора с тобой собаки,
 Мы дня не проживем без драки;
 И из чего? Спасибо господам:
 Ни голодно, ни тесно нам!
 Притом же, право, стыдно:
 Пес дружества слывет примером с давних дней,
 А дружбы между псов, как будто меж людей,
 Почти совсем не видно». —
 «Явим же в ней пример мы в наши времена! —
 Вскричал Полкан, — дай лапу!» — «Вот она!»
 И новые друзья ну обниматься,
 Ну целоваться;
 Не знают с радости, к кому и приравняться:
 «Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!

Тут повар на беду из кухни кинул кость.
 Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
 Где делся и совет и лад?
 С Пиладом мой Орест грызутся, —
 Лишь только клочья вверх летят:
 Насилу наконец их разлили водою.

Свет полон дружбою такою.
 Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,
 Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
 Послушать, кажется, одна у них душа, —
 А только кинь им кость, так что твои собаки!

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору,
 Какие-то честные торгоши
 Наторговали денег гору;
 Окончили торги и делят барыши.
 Но в дележе когда без спору?
 Заводят шум они за деньги, за товар,—
 Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
 «Скорей, скорей спасайте
 Товары вы и дом!»
 Кричит один из них: «Ступайте,
 А счета после мы сведем!»
 «Мне только тысячу мою сперва добавьте,—
 Шумит другой,—
 Я с места не сойду долой».
 «Мне две недодано, а вот тут счета ясны»,—
 Еще один кричит. «Нет, нет, мы не согласны!
 Да как, за что, и почему!»
 Забывши, что пожар в доме,
 Проказники тут до того шумели,
 Что захватило их в дыму,
 И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
 Нередко от того погибель всем бывает,
 Что чем бы общую беду встречать дружнеей,
 Всяк споры затевает
 О выгоде своей.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 Поднялся вдруг весь псарный двор —
 Почуя серого так близко забияку,
 Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
 Псаря кричат: «Ахти, ребята, вор!»
 И вмиг ворота на запор;
 В минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем.
 «Огня! — кричат, — огня!» Пришли с огнем.
 Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
 Зубами щелкая и ощетиная шерсть,
 Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
 Но, видя то, что тут не перед стадом
 И что приходит, наконец,
 Ему расчесться за овец,—
 Пустился мой хитрец
 В переговоры
 И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
 Я, ваш старинный сват и кум,
 Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
 Забудем прошлое, уставим общий лад!

А я не только впредь не трону здешних стад,
 Но сам за них с другими грызться рад
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» — «Послушай-ка, сосед,—
 Тут ловчий перервал в ответ,—
 Ты сер, а я, приятель, сед,
 И волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой:
 С волками иначе не делать мировой,
 Как снявши шкуру с них долой».
 И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?»—
 Лисицу спрашивал Сурок.
 «Ох, мой голубчик-куманек!
 Терплю напраслину и выслана за взятки.
 Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
 Утратила в делах здоровье и покой.
 В трудах куска недоедала,
 Ночей недосыпала:
 И я ж за то под гнев подпала;
 А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
 Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
 Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
 Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
 Чтоб этому была причастна я греху?
 Подумай, вспомни хорошенько».
 «Нет, кумушка; а видывал частенько,
 Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
 Как будто рубль последний доживает:
 И подлинно, весь город знает,
 Что у него ни за собой,
 Ни за женой,—
 А смотришь, помаленьку
 То домик выстроит, то купит деревеньку.
 Теперь, как у него приход с расходом свесть,
 Хоть по суду и не докажешь,
 Но как не согрешишь, не скажешь:
 Что у него пушок на рыльце есть.

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
 И дельный разговор вели между собой,
 Как вдруг из подворотни
 Дворняжка тьякнула на них;
 За ней другая, там еще две-три, и вмиг
 Со всех дворов Собак сбегалось с полсотни.
 Один было уже Прохожий камень взял.
 «И, полно, братец!— тут другой ему сказал,—

Собак ты не уймешь от лаю,
 Лишь пуще всю раздражишь стаю;
 Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю». *И подлинно, прошли шагов десятков пять,
 Собаки начали помалу затихать,
 И стало наконец совсем их не слышать.*

Завистники, на что ни взглянут,
 Подымут вечно лай;
 А ты себе своей дорогою ступай:
 Полают да отстанут.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
 Лето красное пропела;
 Оглянуться не успела,
 Как зима катит в глаза.
 Помертвело чисто поле;
 Нет уж дней тех светлых боле,
 Как под каждым ей листком
 Был готов и стол и дом.
 Все прошло: с зимой холодной
 Нужда, голод настает;
 Стрекоза уж не поет:
 И кому же в ум пойдет
 На желудок петь голодный!
 Злой тоской удручена,
 К Муравью ползет она:
 «Не оставь меня, кум милый!
 Дай ты мне собраться с силой
 И до вешних только дней
 Прокорми и обогрей!»
 «Кумушка, мне странно это:
 Да работала ль ты в лето?»—
 Говорит ей Муравей.
 «До того ль, голубчик, было?
 В мягких муравах у нас
 Песни, резвость всякий час,
 Так что голову вскружило».
 «А, так ты...» — «Я без души
 Лето целое все пела».
 «Ты все пела? это дело:
 Так поди же попляши!»

ЛЖЕЦ

Из дальних странствий возвратясь,
 Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
 С приятелем своим пешком гуляя в поле,
 Расхвастался о том, где он бывал,
 И к былям небылиц без счету прилыгал.
 «Нет,— говорит,— что я видал,
 Того уж не увижу боле.

Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».
«Что за диковина!— приятель отвечал,—
На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами вот теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет;
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет;
Но кто не лжет,
Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».
«А какова у вас река?»
«Да не мелка.
Так, видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том.
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».
«Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А все чудён и мост, по коем мы пойдем,
Что он Лжеца никак не подымает;
И нынешней еще весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо».
«Ну, не такое еще диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за дома:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!»
«Пусть так, но все признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!

Хоть римский твой и чуден огурец...»
 «Послушай-ка,— тут перервал мой Лжеец,—
 Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
 Ему и то уж силы придает,
 Что подвигов его свидетель целый свет.
 Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
 За все труды, за весь потерянный покой,
 Ни славою, ни почестями не льстится
 И мыслью оживлен одной:
 Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
 Сказал Орел однажды ей с презреньем:
 «Как ты, бедняжка, мне жалка,
 Со всей твоей работой и с уменьем!
 Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
 Да кто же после разберет
 И отличит твои работы?
 Я, право, не пойму охоты:
 Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
 Безвестной умереть со всеми наряду!
 Какая разница меж нами!
 Когда, расширися шумящими крылами,
 Ношуся я под облаками,
 То всюду рассеваю страх:
 Не смеют от земли пернатые подняться,
 Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
 Ни лани быстрые не смеют на полях,
 Меня завидя, показаться».
 Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
 Да прѳдлит над тобой Зевес свои щедроты!
 А я, родясь труды для общей пользы несть,
 Не отличать ишу свои работы,
 Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
 Что в них и моего хоть капля меду есть».

ЗАЯЦ НА ЛОВЛЕ

Большой собравшись гурьбой,
 Медведя звери изловили;
 На чистом поле задавили —
 И делят меж собой,
 Кто что себе достанет.
 А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
 «Ба, ты, косою,—
 Кричат ему,— пожаловал отколе?
 Тебя никто на ловле не видал».
 «Вот, братцы! — Заяц отвечал,—
 Да из лесу-то кто ж,— всё я его пугал
 И к вам поставил прямо в поле

Сердечного дружка?»
 Такое хвастовство хоть слишком было явно,
 Но показалось так забавно,
 Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
 А часто в дележе им доли достаются.

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
 А сапоги тачать пирожник,
 И дело не пойдет на лад.
 Да и примечено стократ,
 Что кто за ремесло чужое браться любит,
 Тот завсегда других упрямей и вздорней:
 Он лучше дело все погубит,
 И рад скорей
 Посмешищем стать света,
 Чем у честных и знающих людей
 Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
 За кошачье приняться ремесло.
 Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил
 Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
 Но только вздумала Кота она просить,
 Чтоб взял ее с собой он на охоту,
 Мышей в анбаре половить.
 «Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?
 Стал Щуке Васька говорить.—
 Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
 Недаром говорится,
 Что дело мастера боится».
 «И полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
 Мы лавливали и ершей».
 «Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
 Натешился, наелся Кот,
 И кумушку проведать он идет;
 А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,—
 И крысы хвост у ней отъели.
 Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
 Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
 И дельно! Это, Щука,
 Тебе наука:
 Вперед умнее быть
 И за мышами не ходить.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
 Петух нашел Жемчужное зерно
 И говорит: «Куда оно?
 Какая вещь пустая!

Не глупо ль, что его высоко так ценят?
 А я бы, право, был гораздо боле рад
 Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
 Да сытно».

Невежи судят точно так:
 В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
 То рады мы тому молиться,
 Кто вздумает за нас вступиться;
 Но только с плеч беда долой,
 То избавителю от нас же часто худо:
 Все взапуски его ценят,
 И если он у нас не виноват.
 Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
 Шел под вечер леском
 Домой, в деревню, с сенокосу,
 И повстречали вдруг медведя носом к носу.
 Крестьянин ахнуть не успел,
 Как на него медведь насел.
 Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
 И где б его почать, лишь место выбирает:
 Конец приходит старику.
 «Степанушка, родной, не выдай, милый!» —
 Из-под медведя он взмолился Батраку.
 Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
 Что только было в нем,
 Отнес полчерепу медведю топором
 И брюхо проколол ему железной вилой.
 Медведь взревел и замертво упал:
 Медведь мой издыхает.
 Прошла беда; Крестьянин встал,
 И он же Батрака ругает.
 Опешил бедный мой Степан.
 «Помилуй, говорит, за что?» — «За что, болван!
 Чему обрадовался сдуру?
 Знай колет: всю испортил шкуру!»

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
 И надобно с крутой горы спускаться.
 Вот, на горе других оставя дожидаться,
 Хозяин стал сводить легонько первый воз.
 Конь добрый на крестце почти его понес,
 Катиться возу не давая;
 А лошадь сверху, молодая,
 Ругает бедного коня за каждый шаг:
 «Ай, конь хваленый, тó-то диво!»

Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору,
Или в ночную пору;
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

ВОРОНЕНОК

Орел
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка,
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: «Уж братъ так братъ,
А то и когти что марасть!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал наконец
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который добром у б и волку был в подъем.
Издаясь, на него спустился
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нем.
Что хуже и всего, так на баране том

Тулуп такой был прекосматый,
 Густой, всклокоченный, хохлатый,
 Что из него когтей не вытербил вон
 Затейник наш крылатый,
 И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
 С барана пастухи его чинненько сняли;
 А чтобы он не мог летать,
 Ему все крылья окорнали
 И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
 Коль мелкий плут
 Большому плуту подражает!
 Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.

СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
 Да не умен,
 Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
 Хоть, кажется, слонов и умная порода,
 Однако же в семье не без уроды:
 Наш Воевода
 В родню был толст,
 Да не в родню был прост;
 А с умыслу он мухи не обидит.
 Вот добрый Воевода видит —
 Вступило от овец прошение в Приказ:
 «Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
 «О плуты!— Слон кричит,— какое преступленье!
 Кто грабить дал вам позволень?»
 А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
 Не ты ль нам к зиме на тулупы
 Позволил легонький оброк собрать с овец?
 А что они кричат, так овцы глупы:
 Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;
 Да и того им жаль отдать».
 «Ну, то-то ж,— говорит им Слон,— смотрите!
 Неправды я не потерплю ни в ком:
 По шкурке, так и быть, возьмите;
 А больше их не троньте волоском».

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
 И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище.
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твое услышав пенье,
 Велико ль подлинно твое умень?»
 Тут Соловей являть свое искусство стал:
 Защелкал, засвистал

На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался.
 Внимало все тогда
 Любимцу и певцу Авроры:
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
 И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.
 Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
 «Изрядно,— говорит,— сказать неложно,
 Тебя без скуки слушать можно;
 А жаль, что незнаком
 Ты с нашим петухом;
 Еще б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился».
 Услыша суд такой, мой бедный Соловей
 Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

 Избави бог и нас от таких судей.

ОТКУПЩИК И САПОЖНИК

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
 Ел сладко, вкусно пил;
 По всякий день давал пиры, банкеты,
 Сокровищ у него нет сметы.
 В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
 Всего с избытком, через край.
 И словом, кажется, в его хоромах рай.
 Одним лишь Откупщик страдает,
 Что он недосыпает.
 Уж божьего ль боится он суда
 Иль просто трусит разориться:
 Да только все ему не крепко как-то спится.
 А сверх того, хоть иногда
 Он вздремлет на заре, так новая беда!
 Бог дал ему певца, соседа.
 С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
 Сапожник, но такой певун и весельчак,
 Что с утренней зари и до обеда,
 С обеда до ночи без умолку поет,
 И богачу заснуть никак он не дает.
 Как быть и как с соседом сладить,
 Чтоб от пеня его отвадить?
 Велеть молчать: так власти нет;
 Просил: так просьба не берет.
 Придумал, наконец, и за соседом шлет.
 Пришел сосед.
 «Приятель дорогой, здорово!»
 «Челом вам бьем за ласковое слово».
 «Ну, что, брат, каково делишки, Клим, идут?»

(В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.)
«Делишки, барин? Да не худо!»
«Так от того-то ты так весел, так поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?»
«На бога грех роптать, и что ж за чудо?
Работою завален я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А с доброю женой, кто этого не знает,
Живется как-то веселей».
«И деньги есть?» — «Ну, нет, хоть лишних не бывает,
Зато нет лишних и затей».
«Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?»
«Я этого не говорю;
Хоть бога и за то, что есть, благодарю;
Но сам ты, барин, знаешь,
Что человек, пока живет,
Все хочет более! таков уж здешний свет.
Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало.
И мне бы быть богачей не мешало».
«Ты дело говоришь, дружок:
Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
Хоть говорят, что бедность не порок,
Но все уж коль терпеть, так лучше от богатства.
Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:
Ты мне за правду полюбился.
Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сих денег не моги
И к нужде их ты береги!
Пять сот рублей тут верным счетом.
Прощай!» Сапожник мой,
Схватя мешок, скорей домой
Не бегом, лётном;
Примчал гостинец под полой;
И той же ночи в подземелье
Зарыл мешок — и с ним свое веселье!
Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);
Все подозрительно, и все его тревожит:
Чуть ночью кошка заскребет,
Ему уж кажется, что вор к нему идет —
Похолодеет весь, и ухо он приложит.
Ну, словом, жизнь пошла, хоть кинуться в реку.
Сапожник бился, бился
И наконец за ум хватился;
Бежит с мешком к Откупщику
И говорит: «Спасибо на приятстве,
Вот твой мешок, возьми его назад;
Я до него не знал, как худо спят.
Живи ты при своем богатстве:
А мне, за песни и за сон,
Не надобен ни миллион».

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

К Крестьянину на двор
 Залез осенней ночью вор;
 Забрался в клеть и на просторе,
 Обшаря стены все, и пол, и потолок,
 Покрал бессовестно что мог;
 И то сказать, какая совесть в воре!
 Ну так, что наш мужик, бедняк,
 Богатым лег, а с голью встал такою,
 Хоть по миру поди с сумою;
 Не дай бог никому проснуться худо так!
 Крестьянин тужит и горюет,
 Родню сзывает и друзей,
 Соседей всех и кумовей.
 «Нельзя ли,— говорит,— помочь беде моей?»
 Тут всякий с мужиком толкует
 И умный свой дает совет.
 Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
 Не надобно было тебе по миру славить,
 Что столько ты богат».
 Сват Климыч говорит: «Вперед, мой милый сват,
 Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить»,
 «Эх, братцы, это всё не так,—
 Сосед толкует Фока,—
 Не то беда, что клеть далёка,
 Да надо на дворе лихих держать собак;
 Возьми-ка у меня щенка любого
 От Жучки; я бы рад соседа дорогого
 От сердца наделить,
 Чем их топить».
 И словом, от родни и от друзей любезных
 Советов тысячу надавано полезных,
 Кто сколько мог,
 А делом ни один бедняжке не помог.

 На свете таково ж: коль в нужду попадешься,
 Отведай сунуться к друзьям,
 Начнут советовать и вкось тебе, и впрямь:
 А чуть о помощи на деле заикнешься,
 То лучший друг
 И нем и глух.

СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
 Как видно, напоказ —
 Известно, что Слоны в диковинку у нас —
 Так за Слоном толпы зевак ходили.
 Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
 Увидевши Слона, ну на него метаться,
 И лаять, и визжать, и рваться,
 Ну, так и лезет в драку с ним.
 «Соседка, перестань срамиться,—
 Ей шавка говорит,— тебе ль с Слоном возиться?
 Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет

Вперед
 И лаю твоего совсем не примечает». —
 «Эх, эх! — ей Моська отвечает. —
 Вот то-то мне и духу придаёт,
 Что я, совсем без драки,
 Могу попасть в большие забияки.
 Пускай же говорят собаки:
 «Ай, Моська! знать, она сильна,
 Что лаёт на Слона!»

МЕШОК

В прихожей на полу,
 В углу,
 Пустой мешок валялся.
 У самых низких слуг
 Он на обтирку ног нередко помыкался;
 Как вдруг
 Мешок наш в честь попался
 И, весь червонцами набит,
 В окованном ларце в сохранности лежит.
 Хозяин сам его лелеет,
 И бережет Мешок он так,
 Что на него никак
 Ни ветер не пахнет, ни муха сесть не смеет;
 А сверх того, с Мешком
 Весь город стал знаком.
 Приятель ли к хозяину приходит:
 Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
 А ежели Мешок открыт,
 То всякий на него умильно так глядит;
 Когда же кто к нему подсядет,
 То, верно, уж его потреплет иль погладит.
 Увидя, что у всех он стал в такой чести,
 Мешок завеличался,
 Заумничал, зазнался.
 Мешок заговорил и начал вздор нести;
 О всем и рядит он и судит:
 И то не так,
 И тот дурак,
 И из того-то худо будет.
 Все только слушают его, разинув рот;
 Хоть он такую дичь несёт,
 Что уши вянут:
 Но у людей, к несчастью, тот порок,
 Что им с червонцами Мешок
 Что ни скажи, всему дивиться станут.
 Но долго ль был Мешок в чести и слыл с умом,
 И долго ли его ласкали?
 Пока все из него червонцы потаскали;
 А там он выброшен, и слуху нет о нём.
 Мы басней никого обидеть не хотели:
 Но сколько есть таких Мешков

Между откупщиков,
 Которы некогда в подносчиках сидели;
 Иль между игроков,
 Которы у себя за редкость рубль видали,
 А ныне, пополам с грехом, богаты стали;
 С которыми теперь и графы и князья —
 Друзья;
 Которые теперь с вельможей,
 У коего они не смели сесть в прихожей.
 Играют запросто в бостон?
 Велико дело — миллион!
 Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
 Сказать ли правду вам тишком?
 Не дай бог, если разоритесь:
 И с вами точно так поступят, как с Мешком.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
 С поварни побежал своей
 В кабак (он набожных был правил
 И в этот день по куме тризну правил),
 А дома стеречи съестное от мышей
 Кота оставил.
 Но что же, возвратясь, он видит? На полу
 Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
 Припав за уксусным бочонком,
 Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
 «Ах ты, обжора! ах, злодей! —
 Тут Ваську Повар укоряет,—
 Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
 (А Васька все-таки курчонка убирал.)
 Как! быв честным Котом до этих пор,
 Бывало, за пример тебя смиренства кажут,—
 А ты... ахти, какой позор!
 Теперь все соседи скажут:
 «Кот Васька плут! Кот Васька вор!
 И Ваську-де, не только что в поварню,
 Пускать не надо и на двор,
 Как волка жадного в овчарню:
 Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
 (А Васька слушает, да ест.)
 Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
 Не находил конца нравоученью.
 Но что ж? Пока его он пел,
 Кот Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
 Велел на стенке зарубить:
 Чтоб там речей не тратит по-пустому,
 Где нужно власть употребить.

ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
 Как будто бы хотел он вырыть клад:
 Мужик ретивый был работник,
 И дюж и свеж на взгляд;
 Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
 Двор обо двор с ним жил охотник
 До огородов и садов,
 Великий краснобай, названный друг природы,
 Недоученный Филосóf,
 Который лишь из книг болтал про огороды.
 Однако ж за своим он вздумал сам ходить
 И тоже огурцы садить;
 А между тем смеялся так соседу:
 «Сосед, как хочешь ты потей,
 А я с работою моею
 Далеко от тебя уеду,
 И огород твой при моем
 Казаться будет пустырем.
 Да, правду говорить, я и тому дивился,
 Что огородишко твой кое-как идет.
 Как ты еще не разорился?
 Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»
 «И некогда,— соседа был ответ.—
 Прилежность, навык, руки:
 Вот все мои тут и науки;
 Мне бог и с ними хлеб дает».
 «Невежа! восставать против наук ты смеешь?»
 «Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
 Коль ты что путное затеешь,
 Я перенять всегда готов».
 «А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дожждаться...»
 «Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
 Уж я кой-что посеял, посадил;
 А ты и гряд еще не взрыл».
 «Да, я не взрыл, за недосугом;
 Я всё читал
 И вычитал,
 Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.
 Но время еще не уйдет».
 «Как вас, а нас оно не очень ждет»,—
 Последний отвечал и тут же с ним расстался,
 Взяв заступ свой;
 А Филосóf пошел домой.
 Читал, выписывал, справлялся
 И в книгах рылся, и в грядках,—
 С утра до вечера в трудах.
 Едва с одной работою сладит,
 Чуть на грядках лишь что взойдет,
 В журналах новость он найдет —
 Все перероет, пересадит
 На новый лад и образец.
 Какой же вылился конец?
 У Огородника вошло все и поспело:
 Он с прибылью, и в шляпе дело;
 А Филосóf —

Без огурцов.

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
 Кур красть? —
 Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею.—
 Я, право, о тебе жалею!
 Послушай, мы теперь вдвоем,
 Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
 Ни на волос добра не видно.
 Не говоря уже, что красть и грех, и стыдно,
 И что бранит тебя весь свет,
 Да дня такого нет,
 Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
 В курятнике оставить шкуры!
 Ну, стоят ли того все куры?»
 «Кому такая жизнь сносна? —
 Лисица отвечает.—
 Меня так все в ней столько огорчает,
 Что даже мне и пища не вкусна.
 Когда б ты знал, как я в душе честна!
 Да что же делать? Нужда, дети;
 Притом же иногда, голубчик кум,
 И то приходит в ум,
 Что я ли воровством одна живу на свете?
 Хоть этот промысел мне точно острый нож».
 «Ну, что ж? —
 Крестьянин говорит.— Коль вправду ты не лжёшь,
 Я от греха тебя избавлю
 И честный хлеб тебе доставлю;
 Наймись курятник мой от лис ты охранять:
 Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
 Зато ни в чем не будешь ты нуждаться
 И станешь у меня как в масле сыр кататься».
 Торг слажен; и с того ж часа
 Вступила в караул Лиса.
 Пошло у мужика житье Лисе привольно;
 Мужик богат, всего Лисе довольно;
 Лисица стала и сытей,
 Лисица стала и жирней,
 Но все не сделалась честней:
 Некраденый кусок приелся скоро ей;
 И кумушка тем службу повершила,
 Что, выбрав ночь потемней,
 У куманька всех кур передушила.

В ком есть и совесть и закон,
 Тот не украдет, не обманет,
 В какой бы нужде ни был он;
 А вору дай хоть миллион —
 Он воровать не перестанет.

Предлинной хворостиной
 Мужик Гусей гнал в город продавать;
 И, правду истинну сказать,
 Не очень вежливо честил свой гурт гусиный:
 На барыши спешил к базарному он дню
 (А где до прибыли коснется,
 Не только там гусям, и людям достается).
 Я мужика и не виню;
 Но Гуси иначе об этом толковали
 И, встретясь с прохожим на пути,
 Вот как на мужика пеняли:
 «Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
 Мужик так нами помывает
 И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
 А этого не смыслит неуч сей,
 Что он обязан нам почтеньем;
 Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
 Которым некогда был должен Рим спасеньем:
 Там даже праздники им в честь учреждены!»
 «А вы хотите быть за что отличены?»
 Спросил прохожий их. — «Да наши предки...» — «Знаю.
 И все читал; но ведать я желаю,
 Вы сколько пользы принесли?» —
 «Да наши предки Рим спасли!» —
 «Все так, да вы что сделали такое?»
 «Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
 Оставьте предков вы в покое:
 Им поделом была и честь;
 А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
 Да чтоб гусей не раздражить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
 Вокруг конюшен там и кухню наслонялась;
 В сору, в навозе извалялась,
 В помоях по уши досыта накупалась,
 И из гостей домой
 Пришла свинья свиньей.
 «Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —
 Свинью спросил пастух. —
 Ведь идет слух,
 Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
 А в доме так одно богачее другого?»
 Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
 Я не заметила богатства никакого;
 Все только лишь навоз да сор;
 А кажется, уж, не жалея рыла,
 Я там изрыла
 Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!

Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.
Коми измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он.
И лошадей, мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, зная, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суется:
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперек шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет
И только плачется на то,
Что ей ни в чем никто
Никак помочь не хочет,
Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукуют тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всем заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу
Втащились на ровную дорогу.
«Ну,— Муха говорит,— теперь слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

КВАРТЕТ

Проказница Мартышка,
Осел,
Козел

Да косолапый Мишка
 Затеяли сыграть Квартет.
 Достали нот, баса, альты, две скрипки
 И сели на лужок под липки,—
 Пленять своим искусством свет.
 Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
 «Стой, братицы, стой!— кричит Мартышка.— Погодите
 Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
 Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
 Я, прима, сяду против вторы;
 Тогда пойдет уж музыка не та:
 У нас запляшут лес и горы!»
 Расселись, начали Квартет;
 Он все-таки на лад нейдет.
 «Постойте ж, я сыскал секрет! —
 Кричит Осел,— мы, верно, уж поладим,
 Коль рядом сядем».
 Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
 А все-таки Квартет нейдет на лад.
 Вот пуще прежнего пошли у них разборы
 И споры,
 Кому и как сидеть.
 Случилось Соловью на шум их прилететь.
 Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
 «Пожалуй,— говорят,— возьми на час терпенье,
 Чтобы Квартет в порядок наш привести:
 И ноты есть у нас, и инструменты есть,
 Скажи лишь, как нам сесть!»
 «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
 И уши ваших понежней,—
 Им отвечает Соловей,—
 А вы, друзья, как ни садитесь,
 Всё в музыканты не годитесь».

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
 Бросая по долине тень,
 Листы на дереве с зефирами шептали,
 Хвалились густотой, зеленостью своей
 И вот как о себе зефирам толковали:
 «Не правда ли, что мы краса долины всей?
 Что нами дерево так пышно и кудряво,
 Раскидисто и величаво?
 Что б было в нем без нас? Ну, право,
 Хвалить себя мы можем без греха!
 Не мы ль от зноя пастуха
 И странника в тени прохладной укрываем?
 Не мы ль красотью своей
 Плясать сюда пастушек привлекаем?
 У нас же раннею и позднею зарей
 Насвистывает соловей.
 Да вы, зефиры, сами
 Почти не расстаётесь с нами».

«Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,—
 Им голос отвечал из-под земли смиренно.
 «Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
 Вы кто такие там,
 Что дерзко так считаться с нами стали?» —
 Листы, по дереву шумя, залепетали.
 «Мы те,—
 Им снизу отвечали,—
 Которые, здесь роясь в темноте,
 Питаем вас. Ужель не узнаете?
 Мы корни дерева, на коем вы цветете.
 Красуйтесь в добрый час!
 Да только помните ту разницу меж нас:
 Что с новою весной лист новый народится,
 А если корень иссушится,—
 Не станет дерева, ни вас».

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
 На лад их дело не пойдет,
 И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
 Везти с поклажей воз взялись,
 И вместе трое все в него впряглись;
 Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
 Поклажа бы для них казалась и легка:
 Да Лебедь рвется в облака,
 Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
 Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
 Да только воз и ныне там.

ПРУД И РЕКА

«Что это,— говорил Реке соседний Пруд,—
 Как на тебя ни взглянешь,
 А воды всё твои текут!
 Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
 Притом же, вижу я почти всегда,
 То с грузом тяжкие суда,
 То долговязые плоты ты носишь,
 Уж я не говорю про лодки, челноки:
 Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
 Я, право, высох бы с тоски.
 В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
 Конечно, я не знатен,
 По карте не тянусь я через целый лист,
 Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
 Да это, право, все пустое!
 Зато я в илистых и мягких берегах,
 Как барыня в пуховиках,
 Лежу и в неге и в покое;
 Не только что судов

Или плотов

Мне здесь не для чего страшиться:
 Не знаю даже я, каков тяжел челнок;
 И много, ежели случится,
 Что по воде моей чуть зыблется листок,
 Когда его ко мне забросит ветерок.
 Что беззаботную заменит жизнь такую?
 За ветрами со всех сторон,
 Не движась, я смотрю на суету мирскую
 И философствую сквозь сон».
 «А философствуя, ты помнишь ли закон? —
 Река на это отвечает, —
 Что свежестъ лишь вода движеньем сохраняет?
 И если стала я великою рекой,
 Так это оттого, что, кинувши покой,
 Последую сему уставу.
 Зато по всякий год
 Обилием и чистотою вод
 И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,
 И буду, может быть, еще я веки течь,
 Когда уже тебя не будет и в помине
 И о тебе совсем исчезнет речь».
 Слова ее сбылись: она течет поныне;
 А бедный Пруд год от году все глож,
 Заволочен весь тиною глубокой,
 Зацвел, зарос осокой
 И, наконец, совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,
 Слабея всякий день,
 Когда им овладеет лень
 И оживлять его деятельность не станет.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
 Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
 По четверти обрезал рукавов —
 И локти заплатил. Кафтан опять готов;
 Лишь на четверть голее руки стали.
 Да что до этого печали?
 Однако же смеется Тришке всяк,
 А Тришка говорит: «Так я же не дурак
 И ту беду поправлю:
 Длиннее прежнего я рукава наставлю».
 О, Тришка малый не простой!
 Обрезал фалды он и поль, —
 Наставил рукава, и весел Тришка мой,
 Хоть носит он кафтан такой,
 Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
 Иные господа,
 Запутавши дела, их поправляют,

Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорогá,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинакой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова.
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они.
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».

Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
 Да тотчас и заснул.
 А Мишка на часах — да он и не без дела:
 У друга на нос муха села,
 Он друга обмахнул;
 Взглянул,
 А муха на щеке; согнал, а муха снова
 У друга на носу,
 И неотвязчивей час от часу.
 Вот Мишенька, не говоря ни слова,
 Увесистый бульжник в лапы сгреб,
 Присел на корточки, не переводит духу,
 Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
 И, у друга на лбу подкарауля муху,
 Что силы есть — хватъ друга камнем в лоб!
 Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
 И Мишин друг лежать надолго там остался!

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
 «В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил:
 Все видел, высмотрел; от удивленья,
 Поверишь ли, не станет ни уменья
 Пересказать тебе, ни сил.
 Уж подлинно, что там чудес палата!
 Куда на выдумки природа торовата!
 Каких зверей, каких там птиц я не видал!
 Какие бабочки, букашки,
 Козявки, мушки, таракашки!
 Одни как изумруд, другие как коралл!
 Какие крохотны коровки!
 Есть, право, менее булавочной головки!»
 «А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
 Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
 «Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:
 Слона-то я и не заметил».

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
 В соседстве как-то жили,
 И вот какой
 Между собой
 Они завет все положили:
 Чтоб им зверей съобща ловить
 И, что наловится, все поровну делить.
 Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
 Лиса оленя поимала
 И шлет к товарищам послов,
 Чтоб шли делить счастливый лов:
 Добыча, право, недурная!
 Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
 И озираючи товарищей кругом,

Дележ располагает
 И говорит: «Мы, братицы, вчетвером.—
 И начетверо он оленя раздирает.—
 Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
 Вот эта часть моя
 По договору;
 Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
 Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
 А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
 Тот с места жив не встанет».

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
 От разоренья,
 Что речки им и ручейки
 При водополье причиняли,
 Пошли просить себе управы у Реки,
 В которую ручьи и речки те впадали.
 И было что на них донести!
 Где озими разрыты;
 Где мельницы посорваны и смыты;
 Потоплено скота, что и не счесть!
 А та Река течет так смиренно, хоть и пышно;
 На ней стоят большие города,
 И никогда
 За ней таких проказ не слышно:
 Так, верно, их она уймет,
 Между собой Крестьяне рассуждали.
 Но что ж? как подходить к Реке поближе стали
 И посмотрели, так узнали,
 Что половину их добра по ней несет.
 Тут, попусту не заводя хлопот,
 Крестьяне лишь его глазами проводили;
 Потом взглянулись меж собой
 И, покачавши головой,
 Пошли домой.
 А отходя, проговорили:
 «На что и время тратить нам!
 На младших не найдешь себе управы там,
 Где делятся они со старшим пополам».

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
 Но если он в руках бессовестных людей,
 Они всегда найдут уловку,
 Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

 В овечьи старосты у льва просился волк.
 Стараньем кумушки-лисицы
 Слово о нем замолвлено у львицы.
 Но так как о волках худой на свете толк,
 И не сказали бы, что смотрит лев на лица,

То велено звериный весь народ
 Созвать на общий сход
 И расспросить того, другого,
 Что в волке доброго он знает иль худого.
 Исполнен и приказ: все звери созваны.
 На сходке голоса чин чином собраны:
 Но против волка нет ни слова,
 И волка велено в овчарню посадить.
 Да что же овцы говорили?
 На сходке ведь они уж, верно, были? —
 Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
 А их-то бы всего нужней спросить.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
 Пожалуйста, покушай».
 «Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
 Еще тарелочку; послушай:
 Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
 «Я три тарелки съел». — «И полно, что за счеты;
 Лишь стало бы охоты,
 А то во здравье: ешь до дна!
 Что за уха! Да как жирна:
 Как будто янтарем подернулась она.
 Потешь же, миленький дружочек!
 Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
 Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» —
 Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
 И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
 А с Фоки уж давно катился градом пот.
 Однако же еще тарелку он берет,
 Сбирается с последней силой
 И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
 Вскричал Демьян. — Зато уж чванных не терплю.
 Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
 Тут бедный Фока мой
 Как ни любил уху, но от беды такой,
 Схватя в охапку
 Кушак и шапку,
 Скорей без памяти домой —
 И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
 Но если помолчать вовремя не умеешь
 И ближнего ушей ты не жалеешь,
 То ведай, что твои и проза и стихи
 Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
 Вбежавши, Крысе Мышь сказала, —
 Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?

Вот отдохнуть и нам пора настала!»
 «Не радуйся, мой свет,—
 Ей Крыса говорит в ответ,—
 И не надейся по-пустому!
 Коль до когтей у них дойдет,
 То, верно, льву не быть живому:
 Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
 Когда боится трус кого,
 То думает, что на того
 Весь свет глядит его глазами.

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня:
 Бедняжка в ней и рвался и метался,
 А Голубь молодой над ним же издевался.
 «Не стыдно ль,— говорит,— средь бела дня
 Попался!
 Не провели бы так меня:
 За это я ручаюсь смело».
 Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
 И дело!
 Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

МЕДВЕДЬ У ПЧЕЛ

Когда-то, о весне, зверями
 В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями,
 Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
 Затем что к меду Мишка падох,
 Так не было б оглядок;
 Да спрашивай ты толку у зверей!
 Кто к ульям ни просился,
 С отказом отпустили всех,
 И, как на смех,
 Тут Мишка очутился.
 Ан вышел грех:
 Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.
 Узнали, подняли тревогу,
 По форме нарядили суд,
 Отставку Мишке дали
 И приказали,
 Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
 Решили, справили, скрепили;
 Но меду все не воротили.
 А Мишенька и ухом не ведет:
 Со светом Мишка распрощался,
 В берлогу теплую забрался,
 И лапу с медом там сосет,
 Да у моря погоды ждет.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
 Тихохонько Медведя толк ногой:
 «Смотри-ка, говорит, кум милый мой!
 Что это там за рожка?
 Какие у нее ужимки и прыжки!
 Я удавилась бы с тоски,
 Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
 А ведь, признайся, есть
 Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
 Я даже их могу по пальцам перечесть». —
 «Чем кумушек считать трудиться,
 Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
 Ей Мишка отвечал.
 Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
 Не любит узнавать никто себя в сатире.
 Я даже видел то вчера:
 Что Климыч на руку нечист, все это знают;
 Про взятки Климычу читают,
 А он украдкою кивает на Петра.

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
 Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
 Тащился медленно к своей лачужке дымной,
 Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров.
 Нес, нес он их и утомился,
 Остановился,
 На землю с плеч спустил дрова долой,
 Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
 «Куда я беден, боже мой!
 Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,
 А там подушное, боярщина, оброк...
 И выдался ль когда на свете
 Хотя один мне радостный денек?»
 В таком унынии, на свой пеняя рок,
 Зовет он Смерть: она у нас не за горами,
 А за плечами.
 Явилась вмиг
 И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
 Увидевши ее свирепую осанку,
 Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
 «Я звал тебя, коль не во гнев,
 Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей
 Нам видеть можно,
 Что как бывает жить ни тошно,
 А умирать еще тошней.

ПОДАГРА И ПАУК

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и как, и почему:
Притом же, кажется, ему,
Зажмурясь в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они, и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети — бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите
Вы, детушки, на свет и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь,
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же отселе наперед,
Кто что из вас в удел себе возьмет —
Вон, видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижины убоги?
В одних простор, довольство, красота;
В других и теснота,
И труд, и нищета».
«Мне хижин ни за что́ не надо», —
Сказал Паук. «А мне не надобно палат, —
Подагра говорит, — пусть в них живет мой брат.
В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
Гонять из каждого богатого двора».
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились в мире.
В великолепнейшей квартире
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцвеченным
И по карнизам золоченым
Он паутину разостлал
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к рáссвету едва с работою убрался,
Пришел и щеткою все смел слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался,
Оттоле Паука метлой.
Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щетка, иль крыло везде его достанет
И всю работу изорвет,
А с нею и его частехонько сметет.
Паук в отчаянье, и зá город идет
Увидеться с сестрицей:
«Чай, в селах, — говорит, — живет она царицей».
Пришел — а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит.
Примета у простых людей,

Что чем подагру мучишь боле,
 Тем ты скорей
 Избавишься от ней.
 «Нет, братец,— говорит она,— не жизнь мне в поле!»
 А брат
 Тому и рад;
 Он тут же с ней уделом обменялся:
 Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
 И, не боясь ни щетки, ни метлы,
 Заткал и потолок, и стены, и углы.
 Подагра же — тотчас в дорогу,
 Простилася с селом;
 В столицу прибыла и в самый пышный дом
 К Превосходительству седому села в ногу.
 Подагре рай! Пошло житье у старика:
 Не сходит с ним она долой с пуховика.
 С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
 Всяк при своем у них остался,
 Доволен участью равно:
 Паук по хижинам пустился неопрятным,
 Подагра же пошла по богачам и знатным;
 И — оба делают умно.

СЛОН В СЛУЧАЕ

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
 В минуту по лесам прошла о том молва,
 И так, как водится, пошли догадки,
 Чем в милость втерся Слон?
 Не то красив, не то забавен он;
 Что за прием, что за ухватки!
 Толкуют звери меж собой.
 «Когда бы,— говорит, вертя хвостом, Лисица,—
 Был у него пушистый хвост такой,
 Я не дивилась бы». — «Или, сестрица,—
 Сказал Медведь,— хотя бы по когтям
 Он сделался случайным,
 Никто того не счел бы чрезвычайным
 Да он и без когтей, то всем известно нам.
 Да не вошел ли он в случай клыками?»
 Вступился в речь их Вол:
 «Уж не сочли ли их рогами?»
 «Так вы не знаете,— сказал Осел,
 Ушами хлопая,— чем мог он полюбиться
 И в знать добиться?
 А я так отгадал —
 Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
 Себя в других охотно величаем.

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,

Что справедливости совсем они не знают,
 А правду тож они нередко наблюдают:
 Я и пример тому здесь приведу.
 По случаю какому-то, в аду
 Змея с Клеветником в торжественном ходу
 Друг другу первенства оставить не хотели
 И зашумели,
 Кому из них идти приличней наперед?
 А в аде первенство, известно, тот берет,
 Кто ближнему наделал больше бед.
 Так в споре сем и жарком и немало
 Перед Змеею Клеветник
 Свой выставлял язык,
 А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
 Шипела, что нельзя обиды ей снести,
 И силилась его переползти.
 Вот Клеветник было за ней уж очутился;
 Но Вельзевул не потерпел того:
 Он сам, спасибо, за него
 Вступился
 И осадил назад Змею,
 Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
 Но первенство ему по правде отдаю;
 Ты зла — твое смертельно жало;
 Опасна ты, когда близка;
 Кусаеть без вины (и то не мало!),
 Но можешь ли язвить ты так издалека,
 Как злой язык Клеветника,
 От коего нельзя спастись ни за горами,
 Ни за морями?
 Так, стало, он тебя вредней:
 Ползи же ты за ним и будь вперед смирней».
 С тех пор клеветники в аду почетней змей.

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
 И видя, сквозь забор,
 Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
 Спокойно Пастухи барашка потрошат,
 А псы смирнехонько лежат,
 Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
 «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
 Когда бы это сделал я!»

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали; одна с вином,
 Другая —
 Пустая.
 Вот первая — себе без шуму и шажком
 Плетется,
 Другая вскачь несется;
 От ней по мостовой и стукотня, и гром,

И пыль столбом;
 Прохожий к стороне скорей от страху жметя,
 Ее заслышавши издалека.
 Но как та Бочка ни громка,
 А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
 В том, верно, мало толку,
 Кто делов истинно,— тих часто на словах.
 Великий человек лишь громок на делах,
 И думает свою он крепку думу
 Без шуму.

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик на лето в огород
 Наняв Осла, приставил
 Ворон и воробьев гонять нахальный род.
 Осел был самых честных правил:
 Ни с хищностью, ни с кражей незнаком,
 Не поживился он хозяйским ни листком
 И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
 Но Мужик барыш был с огорода плох.
 Осел, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
 По всем грядам и вдоль и поперек
 Такую поднял скачку,
 Что в огороде все примял и притоптал.
 Увидя тут, что труд его пропал,
 Крестьянин на спине ослиной
 Убыток выместил дубиной.
 «И ништо! — все кричат,— скотине поделом!
 С его ль умом
 За это дело братья?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
 Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
 Но, кажется, не прав и тот,
 Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
 Волк, евши, никогда
 Костей не разбирает.
 Зато на одного из них пришла беда:
 Он костью чуть не подавился.
 Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
 Пришло хоть ноги протянуть!
 По счастью, близко тут Журавль случился.
 Вот кой-как знаками стал Волк его манить
 И просит горю пособить.
 Журавль свой нос по шею
 Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
 Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный,—
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Пооди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие краи
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насаказали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи-пауки.
«Путь добрый вам,— Пчела на это отвечала,—
А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите,
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верный)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался,
И даже хаживал один на паука.
А тем вошел в такую славу
Он в муравейнике своем,

Что только и речей там было, что о нем.
 Я лишние хвалы считаю за отраву;
 Но этот Муравей был не такого нраву:
     Он их любил,
     Своим их чванством мерил
     И всем им верил;
 А ими наконец так голову набил,
     Что вздумал в город показаться,
     Чтоб силой там повеличаться.
     На самый крупный с сеном воз
     Он к мужику спесиво вполз
     И въехал в город очень пышно;
 Но, ах, какой для гордости удар!
 Он думал, на него сбежится весь базар,
     Как на пожар;
     А про него совсем не слышно:
     У всякого забота там своя.
 Мой Муравей, то взяв листок, потянет,
     То припадет он, то привстанет:
     Никто не видит Муравья.
 Уставши наконец тянуться, выправляться,
     С досадою Барбосу он сказал,
 Который у воза хозяйского лежал:
     «Не правда ль, надобно признаться,
     Что в городе у вас
     Народ без толку и без глаз?
 Возможно ль, что меня никто не примечает,
     Как ни тянусь я целый час;
     А кажется, у нас
     Меня весь муравейник знает».
 И со стыдом отправился домой.

    Так думает иной
     Затейник,
 Что он в подсолнечной гремит.
     А он — дивит
     Свой только муравейник.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
     В нем винограду кисти рделись.
     У кумушки глаза и зубы разгорелись,
 А кисти сочные как яхонты горят;
     Лишь то беда, висят они высоко:
     Отколь и как она к ним ни зайдет,
     Хоть видит око,
     Да зуб неймет.
     Пробившись попусту час целый,
 Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
     На взгляд-то он хорош,
     Да зелен — ягодки нет зрелой,
     Тотчас оскомину набьешь».

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
 Их прибыльно сбывает с рук
 (А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
 Медведь задумал жить такими же трудами.
 Пошел по лесу треск и стук,
 И слышно за версту проказу.
 Орешника, березника и вязу
 Мой Мишка погубил несметное число,
 А не дается ремесло.
 Вот идет к мужику он попросить совета
 И говорит: «Сосед, что за причина эта?
 Деревья-таки я ломать могу,
 А не согнул ни одного в дугу.
 Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
 «В том,— отвечал сосед,—
 Чего в тебе, кум, вовсе нет:
 В терпеньи».

СОВЕТ МЫШЕЙ

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
 И, несмотря на кошек и котов,
 Свести с ума всех ключниц, поваров
 И славу о своих делах трубить заставить
 От погребов до чердаков;
 А для того Совет назначено составить,
 В котором заседать лишь тем, у коих хвост
 Длиной во весь их рост:
 Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
 Всегда умнее
 И расторопнее везде.
 Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
 Притом же об уме мы сами часто судим
 По платью иль по бороде.
 Лишь нужно знать, что с общего сужденья
 Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
 У коих же хвоста, к несчастью, нет,
 Хотя б лишились их они среди сраженья,
 Но так как это знак иль неуменья,
 Иль нераденья,
 Таких в Совет не принимать,
 Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
 Все дело слажено; повещено собранье,
 Как ночь настанет на дворе;
 И наконец в мучном ларе
 Открыто заседанье.
 Но лишь позаняли места,
 Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
 Приметя то, седую Мышь толкает
 Мышонок молодой
 И говорит: «Какой судьбой
 Бесхвостая здесь с нами заседает?
 И где же делся наш закон?»

Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.
 Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
 И можно ль, чтоб она полезна нам была,
 Когда и своего хвоста не сберегла?
 Она не только нас, подполицу всю губит».

А Мышь в ответ: «Молчи! все знаю я сама:
 Да эта крыса мне кума».

МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала,
 Беда б не велика сначала,
 Когда бы руки приложить;
 Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить
 А течь день ото дня сильнее становится:
 Вода так бьет, как из ведра.
 «Эй, Мельник, не зевай! Пора,
 Пора тебе за ум хватиться!»

А Мельник говорит: «Далеко до беды,
 Не море надо мне воды,
 И ею мельница по весь мой век богата».

Он спит, а между тем
 Вода бежит, как из ушата.
 И вот беда пришла совсем:
 Стал жернов, мельница не служит.
 Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
 И думает, как воду уберечь.
 Вот у плотины он, осматривая течь,
 Увидел, что к реке пришли напиться куры.
 «Негодные! — кричит, — хохлатки, дуры!
 Я и без вас воды не знаю где достать;
 А вы пришли ее здесь вдосталь допивать».

И в них поленом хватъ.
 Какое ж сделал тем себе подспорье?
 Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
 Что есть такие господа
 (И эта басенка им сделана в подарок),
 Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
 А думают хозяйству подспорить,
 Коль свечки сберегут огарок,
 И рады за него с людьми поднять содом.
 С такою бережью диковинка ль, что дом
 Скорёшенько пойдет вверх дном?

МОТ И ЛАСТОЧКА

Какой-то молодец,
 В наследство получа богатое именье,
 Пустился в мотовство и при большом раденьи
 Спустил все чисто; наконец
 С одною шубой он остался,
 И то лишь для того, что было то зимой —

Так он морозов побоялся,
 Но, Ласточку увидя, мальчй мой
 И шубу промотал. Ведь это все, чай, знают,
 Что ласточки к нам прилетают
 Перед весной,
 Так в шубе, думал он, нет нужды никакой:
 К чему в ней кутаться, когда во всей природе
 К весенней клонится приятной все погоде
 И в северную глушь морозы загнаны!
 Догадки малого умны;
 Да только он забыл пословицу в народе:
 Что ласточка одна не делает весны.
 И подлинно: опять отколь взялись морозы,
 По снегу хрупкому скрипят обозы,
 Из труб столбами дым, в оконницах стекло
 Узорами заволокло.
 От стужи малого прошибли слезы,
 И Ласточку свою, предтечу теплых дней,
 Он видит на снегу замерзшую. Тут к ней,
 Дрожжа, насилу мог он вымолвить сквозь зубы:
 «Проклятая! сгубила ты себя;
 А понадеясь на тебя,
 И я теперь не вовремя без шубы!»

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
 Наелась желудей досыта, до отвала;
 Наевшись, выпалась под ним;
 Потом, глаза продравши, встала
 И рылом подрывать у Дуба корни стала.
 «Ведь это дереву вредит,—
 Ей с Дубу ворон говорит,—
 Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
 «Пусть сохнет,— говорит Свинья,—
 Ничуть меня то не тревожит;
 В нем проку мало вижу я;
 Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
 Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».
 «Неблагодарная!— примолвил Дуб ей тут,—
 Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
 Тебе бы видно было,
 Что эти желуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленьи
 Бранит науки и ученье,
 И все ученые труды,
 Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне таланты те негодны,
 В которых Свету пользы нет,
 Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотна;
 Они такой товар, что надобно для всех.
 Купцу на торг пожаловаться грех:
 Покупщиков отбою нет; у лавки
 Доходит иногда до давки.
 Увидя, что товар так ходко идет с рук,
 Завистливый Паук
 На барыши купца прельстился;
 Задумал на продажу ткать,
 Купца затеял подорвать
 И лавочку открыть в окошке сам решился.
 Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
 Поставил свой товар на диво,
 Засел, надувшись спесиво,
 От лавки не отходит прочь
 И думает: лишь только день настанет,
 То всех покупателей к себе он переманит.
 Вот день настал: но что ж? Проказника метлой
 Смели и с лавочкой долой.
 Паук мой бесится с досады.
 «Вот,— говорит,— жди праведной награды!
 На весь я свет пошлюсь, чье тонее тканье:
 Купцово иль мое?»
 «Твое, кто в этом спорить смеет? —
 Пчела отвечает.— Известно то давно;
 Да что в нем проку, коль оно
 Не одевает и не греет?»

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

«Отколе, умная, бредешь ты, голова?» —
 Лисица, встретясь с Ослом, его спросила.
 «Сейчас лишь ото Льва!
 Ну, кумушка, куда его девалась сила:
 Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
 И я, без памяти, бегом,
 Куда глаза глядят, от этого урода;
 А ныне в старости и дряхл и хил.
 Совсем без сил,
 Валяется в пещере, как колода.
 Поверишь ли, в зверях
 Пропал к нему весь прежний страх,
 И поплатился он старинными долгами!
 Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
 По-своему:
 Кто зубом, кто рогами...»
 «Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?»—
 Лиса Осла перерывает.
 «Вот-на! — Осел ей отвечает.—
 А мне чего робеть? и я его лягнул:
 Пускай ослиные копыта знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
 Не смеют на тебя поднять они и взгляды:

Но упади лишь с высоты,
От первых жди от них обиды и досады.

МУХА И ПЧЕЛА

В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя,
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоём я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житьё!
За мною только лишь и дела
Лететь по балам, по гостям;
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины,—
Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
Притом же, жалуя пол нежный,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой иль шейке белоснежной».
«Все это знаю я,— отвечает Пчела.—
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом».
«Вот,— Муха говорит,— гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

КОТЕЛ И ГОРШОК

Горшок с Котлом большую дружбу свел;
Хотя и познатней породю Котел,
Но в дружбе что за счет? Котел горой за свата;
Горшок с Котлом за панибрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.
Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовет;
Горшок наш от Котла никак не отстаёт
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустились друзья по тряской мостовой,

Толкаются в телеге меж собой.
 Где горки, рытвины, ухабы —
 Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
 От каждого толчка Горшку большой наклад;
 Однако ж он не думает назад,
 И глиняный Горшок тому лишь рад,
 Что он с Котлом чугунным так сдружился.
 Как странствия их были далеки,
 Не знаю; но о том я точно известился,
 Что цел домой Котел с дороги воротился,
 А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
 Что равенство в любви и дружбе вещь святая.

СОЛОВЬИ

Какой-то птицелов
 Весною наловил по рощам Соловьев.
 Певцы рассажены по клеткам и запели,
 Хоть лучше б по лесам гулять они хотели:
 Когда сидишь в тюрьме, до песен ли уж тут?
 Но делать нечего: поют,
 Кто с горя, кто от скуки.
 Из них один бедняжка Соловей
 Терпел всех боле муки:
 Он разлучен с подружкой был своей.
 Ему тошнее всех в неволе.
 Сквозь слез из клетки он посматривает в поле;
 Тоскует день и ночь;
 Однако ж думает: «Злу грустью не помочь!
 Безумный плачет лишь от бедства,
 А умный ищет средства,
 Как делом горю пособить;
 И, кажется, беду могу я с шеи сбывать:
 Ведь нас не с тем поймали, чтобы скушать,
 Хозяин, вижу я, охотник песни слушать.
 Так если голосом ему я угожу,
 Быть может, тем себе награду заслужу,
 И он мою неволю окончат».
 Так рассуждал — и начал мой певец:
 И песнью он зарю вечерню величает,
 И песнями восход он солнечный встречает,
 Но что же вышло наконец?
 Он только отягчил свою тем злую долю.
 Кто худо пел, для тех давно
 Хозяин отворил и клетки и окно
 И распустил их всех на волю;
 А мой бедняжка Соловей,
 Чем пел приятней и нежней,
 Тем стерегли его плотней.

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин по́звал в суд Овцу;
 Он уголовное взвел на бедняжку дело;
 Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
 Запрос ответчику, запрос истцу,
 Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
 Как было дело, в чем улика?
 Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
 Поутру, у меня двух кур недосчитались:
 От них лишь косточки да перышки остались;
 А на дворе одна Овца была».
 Овца же говорит: она всю ночь спала,
 И всех соседей в том в свидетели звала,
 Что никогда за ней не знали никакого
 Ни воровства,
 Ни плутовства;
 А сверх того, она совсем не ест мясного.
 И приговор Лисы вот, от слова до слова:
 «Не принимать никак резонов от Овцы,
 Понеже хоронить концы
 Все плуты, ведомо, искусны;
 По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
 Овца от кур не отлучалась прочь,
 А куры очень вкусны,
 И случай был удобен ей;
 То я сужу, по совести моей,
 Нельзя, чтоб утерпела
 И кур она не съела;
 И вследствие того казнить Овцу,
 И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

СКУПОЙ

Какой-то домовой стерег богатый клад,
 Зарытый под землей; как вдруг ему наряд
 От демонского воеводы —
 Лететь за тридевять земель на многи годы.
 А служба такова: хоть рад или не рад,
 Исполнить должен повеленье.
 Мой домовой в большом недоуменьи,
 Как без себя сокровище сберечь?
 Кому его стеречь?
 Нанять смотрителя, построить кладовые —
 Расходы надобно большие;
 Оставить так его,— так может клад пропасть;
 Нельзя ручаться ни за сутки;
 И вырыть могут и украсть:
 На деньги люди чутки.
 Хлопочет, думает — и вздумал наконец.
 Хозяин у него был скряга и скупец.
 Дух, взяв сокровище, является к Скупому
 И говорит: «Хозяин дорогой!
 Мне в дальние страны показан путь из дому;
 А я всегда доволен был тобой:
 Так на прощанье, в знак приязни,

Мои сокровища принять не откажись!
 Пей, ешь и веселись,
 И трать их без боязни!
 Когда же придет смерть твоя.
 То твой один наследник я:
 Вот все мое условие;
 А впрочем, да продлит судьба твое здоровье!»
 Сказал — и в путь. Прошел десяток лет, другой.
 Исправя службу, домовой
 Летит домой
 В отечески пределы.
 Что ж видит? О, восторг! Скупой с ключом в руке
 От голода издох на сундуке —
 И все червонцы целы.
 Тут Дух опять свой клад
 Себе присвоил
 И был сердечно рад,
 Что сторож для него ни денежки не стоил.

 Когда у золота скупой не ест, не пьет,—
 Не домовому ль он червонцы бережет?

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
 В лес овцу затащил, в укромный уголок,
 Уж разумеется, не в гости:
 Овечку бедную обжора ободрал,
 И так ее он убирал,
 Что на зубах хрустели кости.
 Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
 Оставил к ужину запас и подле лег
 Понезжиться, вздохнуть от жирного обеда.
 Вот близкого его соседа,
 Мышонка, запахом пирушки привлекло.
 Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
 Схватил кусок мяса — и с ним скорей убрался
 К себе домой, в дупло.
 Увидя похищенье,
 Волк мой
 По лесу поднял вой;
 Кричит он: «Караул! разбой!
 Держите вора! Разоренье:
 Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
 У Климыча-судьи часишки вор стянул
 И он кричит на вора: караул!

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!»
 «Ну, каково, приятель, поживаешь?»
 «Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!»

Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор
 И по миру пошел с тех пор».
 «Как так? Плохая, кум, игрушка!»
 «Да так! О рождестве была у нас пирушка;
 Я со свечой пошел дать корму лошадям;
 Признаться в голове шумело;
 Я как-то заронил, насилу спасся сам;
 А двор и все добро сгорело.
 Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
 И на меня прогневался, знать, бог:
 Ты видишь, я без ног;
 Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
 Я тож о рождестве пошел в ледник за пивом,
 И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
 С друзьями полугару;
 А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
 Так я свечу совсем задул:
 Ан, бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
 Что сделал из меня совсем не человека,
 И вот я с той поры калека».
 «Пеняйте на себя, друзья! —
 Сказал им сват Степан. — Коль молвить правду, я
 Совсем не чту за чудо,
 Что ты сожгел свой двор, а ты на костылях:
 Для пьяного и со свечою худо;
 Да вряд не хуже ль и впотьмах».

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый, верный пес
 Барбос,
 Который барскую усердно службу нес,
 Увидел старую свою знакомку,
 Жужу, кудрявую болонку.
 На мягкой пуховой подушке, на окне.
 К ней ластяся, как будто бы к родне,
 Он, с умиленья, чуть не плачет,
 И под окном
 Визжит, вертит хвостом
 И скачет.
 «Ну, что, Жужутка, как живешь,
 С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
 Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
 Какую службу ты несешь?»
 «На счастье грех роптать, — Жужутка отвечает, —
 Мой господин во мне души не чаает;
 Живу в довольстве и добре,
 И ем и пью на серебре;
 Резвлюся с барином: а ежели устану,
 Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
 Ты как живешь?» — «Я, — отвечал Барбос,
 Хвост плетью опустил и свой повесил нос, —
 Живу по-прежнему: терплю и холод
 И голод,

И, сберегаячи хозяйский дом,
 Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
 А если невпопад залаю,
 То и побои принимаю.
 Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
 Бессилен бывши так и мал,
 Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
 Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно!—
 С насмешкой отвечал Жужу.—
 На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
 Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
 В бедняжку когти запустила
 И, ласково его сжимая, говорила:
 «Соловушка, душа моя!
 Я слышу, что тебя везде за песни славят
 И с лучшими певцами рядом ставят.
 Мне говорит лиса-кума,
 Что голос у тебя так звонок и чудесен,
 Что от твоих прелестных песен
 Все пастухи, пастушки — без ума.
 Хотела б очень я сама
 Тебя послушать.
 Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
 Не бойся, не хочу совсем тебя я кушать.
 Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
 И отпущу гулять по рощам и лесам.
 В любви я к музыке тебе не уступаю.
 И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
 Меж тем мой бедный Соловей
 Едва-едва дышал в когтях у ней.
 «Ну, что же? — продолжает Кошка,—
 Пропой, дружок, хотя немножко».
 Но наш певец не пел, а только что пищал.
 «Так этим-то леса ты восхищал!—
 С насмешкою она спросила.—
 Где ж эта чистота и сила,
 О коих все без умолку твердят?
 Мне скучен писк такой и от моих котят.
 Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен:
 Все без начала, без конца.
 Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»
 И съела бедного певца —
 До крошки.

Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?
 Худые песни Соловью
 В когтях у Кошки.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
 На сильных и на богачей
 Лев, вышед из терпенья,
 Пустился сам свои осматривать владенья.
 Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
 Наудя рыб, изжарить их собирался.
 Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
 Всяк, видя близкий свой конец, метался.
 На Мужика разинув зев:
 «Кто ты? что делаешь?» — спросил сердито Лев.
 «Всесильный царь! — сказал Мужик, оторопев, —
 Я старостою здесь над водяным народом;
 А это старины, все жители воды;
 Мы собрались сюды
 Поздравить здесь тебя с твоим приходом».
 «Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
 «Великий государь! Здесь не житье им — рай.
 Богам о том мы только и молились,
 Чтоб дни твои бесценные продлились».
 (А рыбы между тем на сковородке бились.)
 «Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне,
 Они хвостами так и головами машут?»
 «О мудрый царь! — Мужик ответствовал, — оне
 От радости, тебя увидя, пляшут».
 Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь
 Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
 Отправился в дальнейший путь.

ПРИХОЖАНИН

Есть люди: будь лишь им приятель,
 То первый ты у них и гений и писатель,
 Зато уже другой,
 Как хочешь сладко пой,
 Не только, чтоб от них похвал себе дождаться,
 В нем красоты они и чувствовать боятся.
 Хоть, может быть, я тем немного досажу,
 Но вместо басни былъ на это им скажу.

Во храме проповедник
 (Он в красноречии Платона был наследник)
 Прихожан поучал на добрые дела.
 Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
 В ней правда чистая, казалось, без искусства,
 Как цепью золотой,
 Возьмемля к небесам все помыслы и чувства,
 Сей обличала мир, исполненный тщетой.
 Душ пастырь кончил поученье;
 Но всяк ему еще внимал и, до небес
 Восхищенный, в сердечном умиленье
 Не чувствовал своих текущих слез.
 Когда ж из божьего миряне вышли дому:
 «Какой приятный дар! —

Из слушателей тут сказал один другому,—
 Какая сладость, жар!
 Как сильно он влечет к добру сердца народа!
 А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
 Что на тебе слезинки не видать?
 Иль ты не понимал?» — «Ну, как не понимать!
 Да плакать мне какая статья:
 Ведь я не здешнего прихода».

ВОРОНА

Когда не хочешь быть смешон,
 Держися звания, в котором ты рожден.
 Простолюдин со знатью не роднися;
 И если карлой сотворен,
 То в великаны не тянися,
 А помни свой ты чаще рост.

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
 Ворона с Павами пошла гулять спесиво —
 И думает, что на нее
 Родня и прежние приятели ее
 Все заглядятся, как на диво;
 Что Павам всем она сестра
 И что пришла ее пора
 Быть украшением Юнонина двора.
 Какой же вышел плод ее высокомерья?
 Что Павами она ощипана кругом
 И что, бежав от них, едва не кувырком,
 Не говоря уж о чужом,
 На ней и своего осталось мало перья.
 Она было назад к своим; но те совсем
 Заклеванной Вороны не узнали,
 Ворону вдосталь ощипали,
 И кончились ее затеи тем,
 Что от Ворон она отстала,
 А к Павам не пристала.

Я эту басенку вам былью поясню.
 Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
 Чтоб в знатную войти родню.
 Приданого за ней полмиллиона.
 Вот выдали Матрену за барона.
 Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
 Попреки, что она мещанкой родилась,
 А старая за то, что к знатным приплелась:
 И сделалась моя Матрена
 Ни Пава, ни Ворона.

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых невлюбил овец,
 Их просто бы ему перевести не трудно;
 Но это было бы неправосудно —

Он не на то в лесах носил венец,
 Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
 А видеть пеструю овцу терпенья нет!
 Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
 И вот к себе зовет
 Медведя он с Лисою на совет —
 И им за тайну открывает,
 Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
 Глазами целый день страдает
 И что придет ему совсем лишиться глаз,
 И как такой беде помочь, совсем не знает.
 «Всесильный Лев! — сказал, насупяся, Медведь, —
 На что тут много разговоров?
 Вели без дальних сборов
 Овец передушить. Кому о них жалеть?»
 Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
 Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
 Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь —
 И не прольешь невинной крови.
 Осмелюсь я совет иной произнести:
 Дай повеленье ты луга им отвести,
 Где б был обильный корм для маток
 И где бы поскакать, побегать для ягнят;
 А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
 То прикажи овец волкам пасти.
 Не знаю, как-то мне сдается,
 Что род их сам собой переведется.
 А между тем, пускай блаженствуют оне;
 И что б ни случилось, ты будешь в стороне».
 Лисицы мнение в совете силу взяло
 И так удачно в ход пошло, что, наконец,
 Не только пестрых там овец —
 И гладких стало мало.
 Какие ж у зверей пошли на это толки? —
 Что Лев бы и хорош, да все злодеи волки.

БЕЛКА

У Льва служила Белка.
 Не знаю, как и чем; но дело только в том,
 Что служба Белкина угодна перед Львом;
 А угодить на Льва, конечно, не безделка.
 За то обещан ей орехов целый воз.
 Обещан — между тем все время улетает;
 А Белочка моя нередко голодает
 И скалит перед Львом зубки свои сквозь слез.
 Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
 Ее подружки в вышине;
 Она лишь глазками моргает, а оне
 Орешки знай себе щелкают да щелкают.
 Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
 Глядит — нельзя никак:
 На службу Льву ее то кличут, то толкают.
 Вот Белка наконец уж стала и стара

И Льву наскучила: в отставку ей пора.
 Отставку Белке дали,
 И точно, целый воз орехов ей прислали.
 Орехи славные, каких не видел свет;
 Все на отбор: орех к ореху — чудо!
 Одно лишь только худо —
 Давно зубов у Белки нет.

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
 Что от нее житья в пруде не стало;
 Улик представлен целый воз,
 И виноватую, как надлежало,
 На суд в большой лохани принесли.
 Судьи невдалеке сбিরались;
 На ближнем их лугу пасли;
 Однако ж имена в архиве их остались.
 То были два Осла,
 Две Клячи старые да два иль три Козла;
 Для должного ж в порядке дел надзора
 Им придана была Лиса за прокурора.
 И слух между народа шел,
 Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
 Со всем тем не было в судьях лицеприязни,
 И то сказать, что Щукиных проказ
 Удобства не было закрыть на этот раз.
 Так делать нечего: пришло писать указ,
 Чтоб виноватую предать позорной казни
 И, в страх другим, повесить на суку.
 «Почтенные судьи! — Лиса тут приступила, —
 Повесить мало, я б ей казнь определила,
 Какой не видано у нас здесь на веку:
 Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
 Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
 Кричат судьи. На том решили все согласно
 И Щуку бросили — в реку!

КУКУШКА И ОРЕЛ

Орел пожаловал Кукушку в Соловьи.
 Кукушка, в новом чине,
 Усевшись важно на осине.
 Таланты в музыке свои
 Выказывать пустилась;
 Глядит — все прочь летят,
 Одни смеются ей, а те ее бранят.
 Моя Кукушка огорчилась,
 И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
 «Помилуй! — говорит, — по твоему веленью
 Я Соловьем в лесу здесь названа;
 А моему смеяться смеют пенью!»
 «Мой друг! — Орел в ответ, — я царь, но я не бог.
 Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.

Кукушку Соловьем честить я мог заставить;
Но сделать Соловьем Кукушку я не мог».

БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
И что же узнаю? — Приятель мой в тревоге:
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю — приятель стал не тот.
То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
«Что сделалось с тобой, мой милый?.. Я надеюсь,
Не болен ты». — «Ох! ничего: я бреюсь».
«Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконец вину беды такой:
«Что дива? — я сказал, — ты сам себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не Бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только с ними станешь».
«Ох, братец, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь».
«А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей — боятся,
И терпят при себе охотней дураков?

БУЛАТ

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи не велики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома, запросто, лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтесывать тычины к огороду.
Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубах и в ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
Верхом.
Вот еж, в избе под лавкой лежа,

Куда и клинок брошен был,
 Однажды так Булату говорил:
 «Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
 И если про Булат
 Так много громкого неложно говорят,
 Не стыдно ли тебе щепать лучину
 Или обтесывать тычину,
 И, наконец, игрушкой быть ребят?»
 «В руках бы воина врагам я был ужасен,—
 Булат отвечает,— а здесь мой дар напрасен:
 Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому:
 Но разве я свободен?
 Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
 Кто не умел понять, к чему я годен».

ОСЕЛ

Был у крестьянина Осел,
 И так себя, казалось, смиренно вел,
 Что мужику нельзя им было нахвалиться;
 А чтобы он в лесу пропасть не мог —
 На шею прицепил мужик ему звонок.
 Надулся мой Осел: стал важничать, гордиться
 (Про ордена, конечно, он слышал),
 И думает, теперь большой он барин стал;
 Но вышел новый чин Ослу, бедняжке, соком
 (То может не одним Ослам служить уроком).
 Сказать вам должно наперед:
 В Осле не много чести было;
 Но до звонка ему все счастливо сходило:
 Зайдет ли в рожь, в овес иль в огород,—
 Наестся дóсыта и выйдет тихомолком.
 Теперь пошло иным все толком:
 Куда ни сунется мой знатный господин,
 Без умолку звенит на шее новый чин.
 Глядят: хозяин, взяв дубину,
 Гоняет то со ржи, то с гряд мою скотину;
 А там сосед, в овсе услыша звук звонка,
 Ослу колом ворочает бока.
 Ну, так, что бедный наш вельможа
 До осени зачах,
 И кости у Осла остались лишь да кожа.

И у людей в чинах
 С плутами та ж беда: пока чин мал и беден,
 То плут не так еще приметен;
 Но важный чин на плуте как звонок:
 Звук от него и громок и далек.

МИРОН

Жил в городе богач, по имени Мирон.
 Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
 Нет, таких людей не худо имя помнить.

На богача кричат со всех сторон
 Соседи; а едва ль соседи и не правы,
 Что будто у него в шкатулке миллион —
 А бедным никогда не даст копейки он.
 Кому не хочется нажать хорошей славы?
 Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
 Мирон мой распустил в народ,
 Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
 И подлинно, кто ни придет к воротам —
 Они не заперты никак.
 «Ахти! — подумают, — бедняжка разорился!»
 Не бойтесь, скряга умудрился:
 В субботу с цепи он спускает злых собак;
 И нищему не то чтоб пить иль наедаться, —
 Дай бог здоровому с двора убраться.
 Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
 Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
 Жаль только, что собак таких он держит злых
 И трудно до него добиться:
 А то он рад последним поделиться».

Видать случалось часто мне,
 Как доступ не легок в высокие палаты;
 Да только всё собаки виноваты —
 Мироны ж сами в стороне.

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
 Не в гости, но живот спасая;
 За шкуру он свою дрожал:
 Охотники за ним гнались и гончих стая.
 Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
 Да то лишь горе,
 Что все ворота на запоре.
 Вот видит Волк мой на заборе
 Кота
 И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
 Кто здесь из мужичков добрее,
 Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
 Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
 Все это ведь за мной». — «Проси скорей Степана;
 Мужик предобрый он». — Кот Васька говорит.
 «То так; да у него я ободрал барана». —
 «Ну, попытайся ж у Демьяна». —
 «Боюсь, что на меня и он сердит:
 Я у него унес козленка». —
 «Беги ж, вон там живет Трофим». —
 «К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
 Он на меня с весны грозит за ягненка!» —
 «Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —
 «Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» —
 «Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, —
 Сказал тут Васька Волку, —

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
 Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
 Чтоб на свою беду тебя спасли они.
 И правы, — сам себя вини:
 Что ты посеял — то и жни».

ЛЕЩИ

В саду у барина в пруде,
 В прекрасной ключевой воде,
 Лещи водились.
 Станицами они у берегу резвились,
 И золотые дни, казалось им, катились.
 Как вдруг
 К ним барин напустит велел с полсотни шук.
 «Помилуй! — говорит его, то слыша, друг,—
 Помилуй, что ты затеваешь?
 Какого ждешь от шук добра:
 Ведь не останется Лещей здесь ни пера.
 Иль жадности ты шук не знаешь?»
 «Не трать своих речей,—
 Боярин отвечал с улыбкою,— все знаю;
 Да только ведать я желаю,
 С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»

ЛЕВ

Когда уж Лев стал хил и стар,
 То жесткая ему постеля надоела:
 В ней больно и костям; она ж его не грела,
 И вот сзывает он к себе своих бояр,
 Медведей и волков пушистых и косматых,
 И говорит: «Друзья! для старика
 Постель моя уж чересчур жестка:
 Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
 Мне шерсти пособрать,
 Чтоб не на голых камнях спать».
 «Светлейший Лев! — ответствуют вельможи,—
 Кто станет для тебя жалеть своей
 Не только шерсти — кожи,
 И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
 Олени, серны, козы, лани,
 Они почти не платят дани;
 Набрать с них шерсти поскорей:
 От этого их не убудет;
 Напротив, им же легче будет».
 И тотчас выполнен совет премудрый сей.
 Лев не нахвалится усердием друзей;
 Но в чем же то они усердие явили?
 Тем, что бедняжек захватили
 И дочиста обрили,
 А сами вдвое хоть богаче шерстью были —
 Не поступились своим ни волоском;
 Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,

Из той же дани поживился —
И на зиму себе запасся тюфяком.

ТРИ МУЖИКА

Три Мужика зашли в деревню ночевать.
Здесь, в Питере, они извозом промышляли;
Поработали, погуляли
И путь теперь домой на родину держали.
А так как Мужичок не любит тощий спать,
То ужинать себе спросили гости наши.
В деревне что за разносол:
Поставили пустых им чашку щей на стол,
Да хлеба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы в Питере, — да не о том уж речь;
Все лучше, чем голодным лечь.
Вот Мужички перекрестились
И к чаше приютились.
Как тут один, посмётливей из них.
Увидя, что всего немного для троих,
Смекнул, как делом тем поправить
(Где силой взять нельзя, там надо полукавить),
«Ребята, — говорит, — вы знаете Фому,
Ведь в нынешний набор забреют лоб ему».
«Какой набор?» — «Да так. Есть слух — война с Китаем,
Наш Батюшка велел взять дань с Китайцев чаем».
Тут двое принялись судить и рассуждать
(Они же грамоте, к несчастью, знали:
Газеты и, подчас, реляции читали).
Как быть войне, кому повелевать.
Пустились мои ребята в разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А наш того, лукавец, и хотел:
Пока они судили, да рядили,
Да вбиска разводили,
Он ни гугу — и щи и кашу, все приел.

Иному, до чего нет дела,
О том толкует он охотнее всего,
Что будет с Индией, когда и от чего,
Так ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глаз сгорела.

ПАСТУХ

У Саввы, пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Все м плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерет.

«И не диковина,— твердит народ,—
 Какая от волков овцам пощада!»
 Вот волка стали стеречи.
 Но отчего ж у Саввушки в печи
 То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
 (Из поваренок, за грехи,
 В деревню он был сослан в пастухи:
 Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
 За волком поиски; клянет его весь свет;
 Обшарили весь лес,— а волка следу нет.
 Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
 А ест овец-то — Савва.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
 Помещичьих хором
 Народ толпился.
 На Белку в колесе зевал он и дивился.
 Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
 Так бегала она, что лапки лишь мелькали
 И раздувался пышный хвост.
 «Землячка старая,— спросил тут Дрозд,— нельзя ли
 Сказать, что делаешь ты здесь?»
 «Ох, милый друг! тружусь день весь:
 Я по делам гонцом у барина большого;
 Ну, некогда ни пить, ни есть,
 Ни даже духу перевести».
 И Белка в колесе бежать пустилась снова.
 «Да,— улетаю, Дрозд сказал,— то ясно мне,
 Что ты бежишь, а всё на том же ты окне»

Посмотришь на дельца иного:
 Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
 Он, кажется, из кожи рвется,
 Да только все вперед не подается,
 Как Белка в колесе.

МЫШИ

«Сестрица! знаешь ли, беда! —
 На корабле Мышь Мыши говорила,—
 Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
 Чуть нехватила
 До самого мне рыла.
 (А правда, так она лишь лапки замочила.)
 И что диковинки — наш капитан
 Или с похмелья, или пьян.
 Матросы все — один ленивее другого;
 Ну, словом, нет порядку никакого.
 Сейчас кричала я во весь народ,
 Что ко дну наш корабль идет:
 Куда! — Никто и ухом не ведет,
 Как будто б ложные я распускала вести;
 А ясно — только в трюм лишь стоит заглянуть,

Что кораблю часа не дотянуть.
 Сестрица! Неужли нам гибнуть с ними вместе!
 Пойдем же, кинемся скорее с корабля;
     Авось недалеко земля!»
 Тут в Океан мои затейницы спрыгнули
     И — утонули;
 А наш корабль, рукой искусною водим,
 Достигнул пристани и цел и невредим.

Теперь пойдут вопросы:
 А что же капитан, и течь, и что матросы?
     Течь слабая, и та
     В минуту унята;
 А остальное — клевета.

ЛИСА

Зимой, ранехонько, близ жи́ла,
 Лиса у проруби пила в большой мороз.
 Меж тем оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
     Но — кончик хвостика Лисица замочила,
     И ко льду он примерз.
 Беда невелика, легко б ее поправить:
     Рвануться только посильней
 И волосков хотя десятка два оставить,
     Но до людей
     Домой убраться поскорей.
 Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
     Раскидистый и золотистый!
 Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ;
 А между тем авось и оттепель придет,
     Так хвост от проруби оттает.
 Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
     Глядит — и день светает,
 Народ шевéлится, и слышны голоса.

Тут бедная моя Лиса
 Туда-сюда метаться;
 Но уж от проруби не может оторваться.
 По счастью, Волк бежит. «Друг милый! кум! отец!—
 Кричит Лиса.— Спаси! Пришел совсем конец!»
 Вот кум остановился —
 И в спасенье Лисы вступился.
 Прием его был очень прост:
 Он начисто отгрыз ей хвост.
 Тут без хвоста домой моя пустилась дура.
 Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

 Мне кажется, что смысл не темен басни сей:
 Щепотки волосков Лиса не пожалей —
 Остался б хвост у ней.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
 И до того, что наконец
 Правительство зверей благие меры взяло
 Вступиться в спасенье Овец,—
 И учрежден Совет на сей конец.
 Большая часть в нем, правда, были Волки;
 Но не о всех Волках ведь злые толки.
 Видали и таких Волков, и многократ,—
 Примеры эти не забыты,—
 Которые ходили близко стад
 Смирнехонько — когда бывали сыты.
 Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
 Хоть надобно Овец оборонить.
 Но и Волков не вовсе ж притеснить,
 Вот заседание в глухом лесу открыли;
 Судили, думали, рядили
 И наконец придумали закон.
 Вот вам от слова в слово он:
 «Как скоро Волк у стада забуянит
 И обижать он Овцу станет,
 То Волка тут властна Овца,
 Не разбираючи лица,
 Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
 В соседний лес иль в бор».
 В законе нечего прибавить, ни убавить.
 Да только я видал: до этих пор,—
 Хоть, говорят, Волкам и не спускают,—
 Что будь Овца ответчик иль истец,
 А только Волки все-таки Овец
 В леса таскают.

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!»
 «А ты, Кукушечка, мой свет,
 Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певицы нет!»
 «Тебя, мой куманек, век слушать я готова».
 «А ты, красавица, божусь,
 Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
 Чтоб начала ты снова...
 Откозь такой берется голосок?
 И чист, и нежен, и высок!..
 Да вы уж родом так: собою невелички,
 А песни, что твой соловей!»
 «Спасибо, кум; зато, по совести моей,
 Поешь ты лучше райской птички,
 На всех ссылаюсь в этом я».
 Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
 Хоть вы охрипните, хваля друг дружку,—
 Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
 Кукушка хвалит Петуха?
 За то, что хвалит он Кукушку.

ВЕЛЬМОЖА

Какой-то в древности Вельможа
 С богато убранного ложа
 Отправился в страну, где царствует Плутон.
 Сказать простее,— умер он;
 И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
 Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
 «Родился в Персии, а чином был сатрап;
 Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
 То сам я областью не правил,
 А все дела секретарю оставил».
 «Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
 Да все подписывал, что он ни подавал».
 «Скорей же в рай его!» — «Как! где же справедливость?»—
 Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
 «Эх, братец!— отвечал Эак,—
 Не знаешь дела ты никак.
 Не видишь разве ты? Покойник — был дурак!
 Что, если бы с такою властью
 Взялся он за дела, к несчастью,—
 Ведь погубил бы целый край!..
 И ты б там слез не обобрался!
 Затем-то и попал он в рай,
 Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью.
 Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
 «Поистине роптать ты вправе на природу,—
 Сказал он.— Воробей, и тот тебе тяжел.

Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
 Ты зашатаешься, начнешь слабеть
 И так нагнешься сиротливо,
 Что жалко на тебя смотреть.
 Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
 Не только солнца я препятствую лучам,
 Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
 Стою и тверд и прям,
 Как будто б огражден ненарушимым миром:
 Тебе всё бурей — мне всё кажется Зефиром.
 Хотя б уж ты в окружности росла,
 Густою тению ветвей моих покрытой,
 От непогод бы я быть мог тебе защитой;
 Но вам в удел природа отвела
 Брега бурливого Эолова владенья:
 Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —
 «Ты очень жалостлив, — сказала Трость в ответ. —
 Однако не крушишься: мне столько худа нет.
 Не за себя я вихрей опасуюсь;
 Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
 Так бури мало мне вредят;
 Едва ль не более тебе они грозят!
 То правда, что еще доселе их свирепость
 Твою не одолела крепость
 И от ударов их ты не склонял лица;
 Но — подождем конца!»
 Едва лишь это Трость сказала,
 Вдруг мчится с северных сторон
 И с градом, и с дождем шумящий Аквилон.
 Дуб держится — к земле Тростиночка припала.
 Бушует ветер, удвоил силы он,
 Взревел и вырвал с корнем вон
 Того, кто небесам главою своей касался
 И в области теней пятою упирался.

СОБАКА И ЛОШАДЬ

У одного крестьянина служба,
 Собака с Лошадью считаются как-то стали.
 «Вот, — говорит Барбос, — большая госпожа!
 По мне, хоть бы тебя совсем с двора согнали.
 Велика вещь возить или пахать!
 Об удальстве твоём другого не слышать;
 И можно ли тебе равняться в чем со мною?
 Ни днем, ни ночью я не ведаю покою:
 Днем стадо под моим надзором на лугу,
 А ночью дом я стерегу».
 — «Конечно, — Лошадь отвечала, —
 Твоя правдива речь;
 Однако же, когда б я не пахала,
 То нечего б тебе здесь было и стеречь».

РАЗБОЙНИК И ИЗВОЗЧИК

В кустарнике залегши у дороги,
 Разбойник под вечер добычи нажидал,
 И, как медведь голодный из берлоги,
 Угрюмо даль он озирал.
 Посмотрит, грузный воз катит, как вал.
 «Ого!— Разбойник мой тут шепчет.— Знать, с товаром
 На ярмарку; чай всё сукно, камки, парчи.
 Кручина, не зевай — тут будет на харчи:
 Не пропадет сегодня день мой даром».
 Меж тем подъехал воз; кричит Разбойник: «Стой!» —
 И на Извозчика бросается с дубиной.
 Да лих; схватился он не с олухом-детинной:
 Извозчик — малый удалой,
 Злодея встретил мостовиной,
 Стал за добро свое горой,
 И моему герою
 Пришлось брать поживу с бою —
 И долгов и жесток был бой на этот раз.
 Разбойник с дюжины зубов не досчитался,
 Да перешиблена рука, да выбит глаз;
 Но победителем однакож он остался:
 Убил Извозчика злодей.
 Убил — и к добыче скорей.
 Что ж он завоевал? — Воз целый пузырей!
 Как много из пустого
 На свете делают преступного и злого.

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФ

Вельможа, в праздный час толкуя с Мудрецом
 О том о сем,
 «Скажи мне,— говорит,— ты свет довольно знаешь,
 И будто в книге ты в сердцах людей читаешь:
 Как это, что мы ни начнем,
 Суды ли, общества ль учены заведем,
 Едва успеем оглянуться,
 Как первые невежи тут вотрутся?
 Ужли от них совсем лекарства нет?»
 «Не думаю,— сказал Мудрец в ответ,—
 И с обществами та ж судьба, сказать меж нами,
 Что с деревянными домами».—
 «Как?» — «Так же: я вот свой достроил сими днями:
 Хозяева в него еще не вобрались,
 А уж сверчки давно в нем завелись».

СОБАКА

У барина была Собака шаловлива,
 Хоть нужды не было Собаке той ни в чем;
 Иная бы таким житьем
 Была довольна и счастлива
 И не подумала бы красть!
 Но уж у ней была такая страсть:
 Что из мясного ни достанет,

В минуту стянет.
 Хозяин сладить с ней не мог,
 Как он ни бился,
 Пока его приятель не вступился
 И в том ему советом не помог.
 «Послушай,— говорит,— хоть, кажется, ты строг,
 Но ты лишь красть Собаку приучаешь,
 Затем, что краденый кусок
 Всегда ей оставляешь.
 А ты вперед ее хоть меньше бей,
 Да кражу отнимай у ней».
 Едва лишь на себе Собака испытала
 Совет разумный сей,—
 Шалить Собака перестала.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ

Какой-то Лев большой охотник был до кур;
 Однако ж у него они водились худо.
 Да это и не чудо!
 К ним доступ был свободен чересчур.
 Так их то крали,
 То сами куры пропадали.
 Чтоб этому помочь убытку и печали,
 Построить вздумал Лев большой курятный двор,
 И так его ухитить и уладить,
 Чтобы воров совсем отвадить,
 А курам было б в нем довольство и простор.
 Вот Льву доносят, что Лисица
 Большая строить мастерица —
 И дело ей поручено,
 С успехом начато и кончено оно;
 Лисой к нему приложено
 Все и старанье, и уменье.
 Смотрели, видели: строенье — загляденье!
 А сверх того все есть, чего ни спросишь тут:
 Корм под носом, везде натыкано насесток,
 От холоду и жару есть приют,
 И укромонные местечки для наседок.
 Вся слава Лисаньке и честь!
 Богатое дано ей награжденье,
 И тотчас повеленье
 На новоселье кур немедля перевестъ.
 Но есть ли польза в перемене?
 Нет. Кажется, и крепок двор,
 И плотен и высок забор —
 А кур час от часу все мене.
 Отколь беда, придумать не могли.
 Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
 Тое ж Лису — злодейку.
 Хоть правда, что она свела строенье так,
 Чтобы не ворвался в него никто, никак,
 Да только для себя оставила лазейку.

МАЛЬЧИК И ЧЕРВЯК

Не льстись предательством ты счастье сыскать!
У самых тех всегда предатель низок,
Кто при нужде его не ставит в грех ласкать,
И первый завсегда к беде предатель близок.

Крестьянина Червяк просил его пустить
В свой сад на лето погостить
Он обещал вести себя там честно,
Не трогая плодов, листочки лишь глодать,
И то; которые уж станут увядать.
Крестьянин судит: «Как пристанища не дать?
Ужли от Червяка в саду мне будет тесно?
Пускай его себе живет.
Притом же важного убытку быть не может,
Коль он листочка два-три сглохнет».
Позволил, и Червяк на дерево ползет;
Нашел под веточкой приют от непогод,
Живет без нужды, хоть не пышно,
И про него совсем не слышно.
Меж тем уж золотит плоды лучистый Царь,
Вот в самом том саду, где также спеть все стало,
Наливное, сквозное, как янтарь,
При солнце яблоко на солнце дозревало.
Мальчишка был давно тем яблоком пленен,
Из тысячи других его заметил он;
Да доступ к яблоку мудрен.
На яблоню Мальчишка лезть не смеет,
Ее тряхнуть он силы не имеет
И, словом, яблоко достать не знает как.
Кто ж в краже Мальчику помочь взялся? Червяк.
«Послушай,— говорит,— я знаю это точно,
Хозяин яблоки велел снимать;
Так это яблоко обоим нам не прочно;
Однако ж я берусь его достать,
Лишь поделись со мною. Себе ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро боле;
А мне и самой малой доли
На целый станет век глодать».
Условье сделано: Мальчишка согласился;
Червяк на яблоню — и работатъ пустился;
Он яблоко в минуту подточил.
Но что ж в награду получил?
Лишь только яблоко упало,
И с семечками съел его Мальчишка мой,
А как за долей сполз Червяк долой,
То Мальчик Червяка расплющил под пятой.
И так ни Червяка, ни яблока не стало.

БЕДНЫЙ БОГАЧ

«Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съестъ, ни спитъ
И только деньги лишь копить?»

Да и на что? Умрем, ведь все оставим.
Мы только лишь себя и мучим, и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим.
А богачей скупых на муку жизнь похожа», —
Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа.
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес:
Последнее едва ли не вернее —
Из дела будет то виднее;
Предстал, и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал, для чего; служить я другу рад.
Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,
Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж — и из него без счету вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».
Сказал — и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся,
И что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье продлится!» —
Бедняк мой говорит. —
Червонцев я себе повытаскаю груду,
Так завтра же богат я буду —
И заживу как сибарит».
Однако ж поутру он думает другое.
«То правда, — говорит, — теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком еще провесть хоть день!
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так удержу чудесный кошелек;
Уж так и быть, еще я поговую
Один денек;
А, впрочем, ведь пожить всегда успею».
Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год —
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
Меж тем он скудно ест, и скудно пьет;
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь недостает.

Лишь кошелек нести сберется,
То сердце у него сожмется;
Придет к реке,— воротится опять.
«Как можно,— говорит,— от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою само льется?»
И наконец, Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает;
Он стал и слаб, и хил; здоровье и покой,
Утратил все; но все дрожащею рукой
Из кошелька червонцы он таскает.
Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион.

Козьма Прутков

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

На беговых помещик ехал дрожках.
Летела цапля; он глядел.
«Ах! почему такие ножки
И мне Зевес не дал в удел?»
А цапля тихо отвечает:
«Не знаешь ты, Зевес то знает!»

Пусть баснь сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татаринoм рожден, так будь татарин;
Коль мещанином — мещанин,
А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что наконец
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

ЧЕРВЯК И ПОПАДЬЯ

Однажды к попадье заполз червяк за шею;
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» — «Я червяка давлю».

Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею.

РАЗНИЦА ВКУСОВ

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слышать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом,
В собрании гостей большом,
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: все тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно.
Я этой басней пояснил тебе:
Сума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.

Тебе, дружок, и горький хрен — малина;
А мне и бланманже — полынь.

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюда особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
«Изрядно,— тот в ответ,— прозябло уж совсем!»

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

СТАН И ГОЛОС

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услышал...
«Ах, если б голосом твоим я обладал,—
Так молвил пристав,— я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».

ПОМЕЩИК И ТРАВА

На родину со службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья, меж нами связь —
Залог утехи;
Пойдемте же мои осматривать поля!»

И, преданность крестьян сей речью воспала,
 Пошел он с ними купно.
 «Что ж здесь мое?» — «Да все,— ответил голова—
 Вот тимофеева трава...»
 «Мошенник!— тот вскричал.— Ты поступил преступно!
 Корысть мне недоступна;
 Чужого не ищу; люблю свои права!
 Мою траву отдать, конечно, пожалею;
 Но эту возвратить немедля Тимофею!»
 Оказия сия, по мне, уж не нова.
 Антонов есть огонь, но нет того закону,
 Чтобы всегда огонь принадлежал Антону.

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

Чиновник толстенный, не очень молодой,
 По улице с бумагами под мышкой,
 Потая и пыхтя и мучимый отдышкой,
 Бежал рысцой.
 На встречах он глядел заботливо и странно,
 Хотя не видел никого,
 И колыхалась на шее у него,
 Как маятник, с короной Анна.
 На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
 Скорей беги! Ты знаешь,
 Что экзектор наш с той и другой ноги
 Твои в чулан упрячет сапоги,
 Коль ты хотя немножко опоздаешь!»
 Он все бежал. Но вот
 Вдруг слышит голос из ворот:
 «Чиновник! окажи мне дружбу;
 Скажи, куда несешься ты?» — «На службу!»
 «Зачем не следуешь примеру моему,
 Сидеть в спокойствии? признайся напоследок!»
 Чиновник, Курицу узревши, эдак
 Сидящую в лукошке, как в дому,
 Ей отвечал: «Тебя увидя,
 Завидовать тебе не стану я никак;
 Несусь я, точно так,
 Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!»
 Разумный человек коль баснь сию прочтет,
 То, верно, и мораль из оной извлечет.

ЗВЕЗДА И БРЮХО

На небе, вечерком, светилась Звезда.
 Был постный день тогда:
 Быть может, пятница, быть может, среда.
 В то время по саду гуляло чье-то Брюхо
 И рассуждало так с собой,
 Бурча и жалобно и глухо:
 «Какой
 Хозяин мой

Противный и несносный!
 Затем что день сегодня постный,
 Не станет есть, мошенник, до звезды;
 Не только есть — куды! —
 Не выпьет и ковш воды!..
 Нет, право, с ним наш брат не сладит;
 Знай бродит по саду, ханжа,
 На мне ладони положая;
 Совсем не кормит, только гладит».

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
 Звезда, прищурившись, глядит на край окольный;
 То спрячется за колокольней,
 То выглянет из-за угла,
 То вспыхнет ярче, то сожмется,
 Над животом исподтишка смеется...
 Вдруг Брюху ту Звезду случилось увидеть.
 Ан, хватъ!
 Она уж кубарем несется
 С небес долой,
 Вниз головой,
 И падает, не удержав полета;
 Куда ж? — в болото!
 Как Брюху быть? Кричит «ахти» да «ах»!
 И ну ругать Звезду в сердцах.
 Но делать нечего: другой не оказалось,
 И Брюхо сколько ни ругалось,
 Осталось
 Хоть вечером, а натошак.

Читатель! басня эта
 Нас учит не давать, без крайности, обета
 Поститься до звезды,
 Чтоб не нажить себе беды.
 Но если уж пришло тебе хотенье
 Поститься для душеспасенья,
 То мой совет
 (Я говорю из дружбы):
 Спасайся, слова нет,
 Но главное — не отставай от службы!
 Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
 Коли сумеешь ты прийти к нему по нраву,
 Тебя, конечно, в добрый час
 Представит к ордену святого Станислава.
 Из смертных не один уж в жизни испытал,
 Как награждают нрав почтительный и скромный.
 Тогда — в день постный, в день скоромный —
 Сам будучи степенный генерал,
 Ты можешь быть и с бодрым духом,
 И с сытым брюхом!
 Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
 Быть при звезде?

*Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.*

Читатель! он тебе не попадался?

Демьян Бедный

РЫБОЛОВЫ

Бывают же дела!
Зовите это чудом,—
Но вслед за православным людом
Лиса посты блюла
И в пост жила лишь рыбным блюдом.
«Тут дело вкуса, мол, совсем не чудеса»,—
Мне скажут. Я не прекословлю.
Но дело в том: раз утречком Лиса
Пришла к реке на ловлю.
В струи прозрачные закинута леса
С наживкой — мухой золотистой.
Разнежилась Лиса на травушке росистой;
Ан глядь — напротив Волк сидит на берегу,
— Принес его нечистый! —
Сидит и ни гугу:
Тихонько рыбу удит.
Так делать нечего, себя Лисичка нудит
И куму шлет привет.
Кум корчит ей в ответ
Подобие улыбки:
«Желаем кумушке — наудить больше рыбки!»
А рыбки нет как нет!
В досаде Волк уж было забожился:
«Уловец-то какой здесь был, кума, вчерась!..»
И вдруг насторожился.
За ним — Лиса. В реке резвился
Меж двух крючков — Карась!
От жадности у Волка ни терпенья,
Ни совести, — он к рыбе держит речь:
«Миляга, подь сюда! От ложного движенья
Тебя хочу я оберечь.
Пусть рыбы немые, да не глухи...
Послушай-ка, держись подальше ты от мухи!
Не то как раз нарвешься на крючок.
Меж тем — гляди сюда: ну что за червячок
Перед тобою вьется!»
Лиса от бешенства трясется:
«А, серый черт!.. Так знай: ты больше мне не кум,
Подохнуть бы тебе от лихоманки!
Карасик, ложись на собственный свой ум.
И муха и червяк — равно приманки.
Да разница все ж есть,
Какую съесть.
Голубчик мой, я так толкую:
Коль все равно тебе, какую
Кончину живота обрести,
Так выбирай из них любую:
В рыбачью сеть ты можешь влезть,
Узнаешь человечьи руки;
Иль можешь смерть приять от щуки,
Иль от другой какой помрешь ты штуки,

Иль можешь за ничто пропасть,
 Живым попавши в волчью пасть!..
 Сравни ж теперь, — а в выборе ты волен! —
 Таким концом ты можешь быть доволен?
 А мне ты попадись — тебе почет какой!
 Тебя я скушаю — уж похваюсь заране! —
 Не прежде, как, обсыпанный мукой,
 Ты хорошо прожаришься в сметане!»

Карасик! Что тебе лукавый «рыболов»?
 Не слушая его коварно-льстивых слов,
 Себе, а не врагу, в угоду
 Нырни поглубже в воду!

Трибун

Трибуна славного, любимца муз и граций,
 Раз некий юноша спросил: «Скажи, Маклаций,
 Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
 Такими стал не брезговать речами,
 Что вчуже пожимать приходится плечами!
 Недавно вынес суд строжайший приговор
 Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
 Так на суде стоял за вора,
 Как будто сам ты вор?
 Беру другой пример — совсем не для эффекта:
 Известный взяточник-префект влетел под суд,
 А ты уж тут как тут,
 Готовый вызволить преступного префекта.
 Не ты ль в защитники был позван богачом,
 Чью знают все звериную натуру,
 Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
 Содрал с него бичом?
 Ты с этим палачом
 Предстал перед судом, хваля и обеляя,
 Сам знаешь, негодяя!
 А между тем забыт тобой твой долг прямой —
 Быть люду бедному защитой!
 Ответ же, ритор знаменитый,
 Скажи по совести и не кривя душой:
 Кто для тебя всего дороже,
 Почтивший ли тебя доверием народ
 Иль всякий темный сброд,
 Пред коим честный люд быть должен настороже?»
 И юноше отвечивал трибун,
 Любимец муз и граций,
 Маклаций:
 «Хотя ты очень юн,
 Рассудка у тебя, пожалуй, все же хватит
 Понять — да и дурак поймет! —
 Что всех дороже тот,
 Кто всех дороже платит».

Благотворитель

Однажды в барский особняк,
 В роскошные приемные палаты,
 Краснея за свои лохмотья и заплаты,
 Пришел за помощью бедняк.
 Хоть стыд его давил почище всякой ноши,
 Да барин — человек, по слухам, был хороший.
 И впрямь — пред гостем он размяк.
 Как вдруг на бедняке он увидал... калоши!
 Казалось бы, пустяк!
 Но филантроп вскипел:
 «Ах, чертов ты тьюфяк!
 В конюшне быть тебе, а не в моей гостиной!
 И ты, невежа, мог,
 Такою будучи неряшливой скотиной,
 Еще рассчитывать, чтоб я тебе помог?!
 Вон, хам! И не посмей сюда явиться снова!!»
 Бедняга не успел в ответ промолвить слова,
 Как вылетел тормашкой за порог.

Наказан был бедняк примерно,
 Калош не снял он — верно! —
 Да как их снять, когда под ними нет сапог?!

ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный совет постановил увеличить до 15 часов рабочий день приказчиков и лишить их праздничного отдыха.

Из газет

Над мужиком, над Еремеем,
 В деревне первым богатеем,
 Стряслась беда:
 Батрак от рук отбился,
 Батрак Фома, кем Еремей всегда
 Хвалился.
 Врага бы лютого так поносить не след,
 Как наш Фома Ерему:
 «Людоед!
 Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
 Так будет! Больше мне невмочь
 Работать на тебя и день и ночь
 Без сроку.
 Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
 Так побоялся б ты хоть бога.
 Смотри — ведь праздник у порога,
 А у тебя я праздновал когда?
 Ты так с работой навалился,
 Что впору б дух лишь перевести.
 За недосугом я, почесть,
 Год в церковь не ходил и богу не молился!»
 На батрака Ерема обозлился:
 «Пустые все твои слова!
 Нанес ты, дурья голова,
 Большую гору

Вздору.
 Никак, доведь меня ты хочешь до разору?
 Какие праздники ты выдумал, Фома?
 Бес праздности тобой, видать, качает.
 Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:
 Кто любит праздновать, тот не добром кончает,
 Ты чем язвишь меня — я на тебя дивлюсь:
 «Год богу не молюсь»!
 А не подумал, Каин,
 Что за тебя помолится хозяин?!»

НАРОДНИК

Помещик, встретясь с мужиком,
 С беднягой Фокой,
 «Эй, Фока, говорит, слынешь ты докой,—
 Потолковать бы нам ладком,
 Пока нет шуму.
 Ведь выборы у нас почти что на носу.
 В политике ж мужик, сам знаешь, как в лесу,—
 Так надо разобрать, кому идти-то в Думу?
 Я, например, готов... Тяжелый крест снесу...
 Поклясться б за меня ты мог пред целым сходом:
 Помещик наш пойдет, мол, заодно с народом.
 Мы столкнуться бы почти во всем могли,
 Лишь стоит бредни все забыть насчет земли».
 «Земли!— под ложечкой у Фоки засосало.—
 Землица... что ж?... Землица... не вредит...
 Иным — в излишестве... У нас — ой-ой как мало...»
 «Вот простота, о чем твердит?
 Кому дано, тому дано — от бога».
 А Фока стонет: «Эх, и нам бы... хоть немного...
 Землицы клочок...»
 «Что вижу, Фока, мысль твоя совсем убога,
 Как неотпаренный лубок!
 Сойтись бы в главном нам, а пустяки — похерим!»
 Тут Фока наш стал сразу зверем:
 «Стой! От какого ты виляешь пустяка?
 Ты что же, думаешь, напал на дурака?
 Аль мужики от бар когда добро видали?
 Аль наша память коротка?
 Проваливай отсель, собачий сын, пока
 Тебе бока не обломали!»

ОПЕКУНЫ

Не только в старину, и ныне
 Бывают чудеса:
 Про Волка вспомнила Лиса,—
 Волк легок на помине:
 «Хозяйке-кумушке привет!
 К тебе я без доклада...»
 «Ах, что ты, куманек, мой свет!
 Я польщена, я очень рада...

Подумать: навестил меня премьер-министр!
 Да, кстати... Впрочем, кум, ты так горяч и быстр,—
 Не огорчить бы мне тебя своим упреком...
 Прости, я не в своем уме...
 Но, право, милый кум, ты в сане столь высоком
 Стал плохо помнить о куме.
 Ты, зная, например, как пламенно о курах,
 Об этих кротких дурах,
 Пекусь я, не щадя ни времени, ни сил,
 Хоть раз бы ты спросил:
 Как курочки твои, кума, живут на свете?..»
 «Постой-ка,— перебил тут Волк,— постой, кума!
 Да ты сама,
 Чай, не последнею ты спицей-то в Совете!
 А ты ль меня утешила когда?
 За все последние года
 Хоть пару ты промолвила словечек
 Насчет моих овечек?!»

. . . . .
 Примета верная, читатель милый мой:
 Хороший кум всегда столкнется с кумой.
 А овцы знать должны, как знать должны и куры:
 Раз речь зашла о них, так быть им всем — увы!—
 Одним без шкуры,
 Другим без головы!

ПРИТОН

Дошел до станового слух:
 В селе Голодном — вольный дух:
 У двух помещиков потрава!
 И вот — с несчастною, покорною толпой
 Кровавая учинена расправа.
 Понесся по селу и плач, и стоң, и вой...
 Знал озверевший становой,
 Что отличиться — случай редок,
 Так лил он кровь крестьянскую рекой.
 Что ж оказалось напоследок?
 Слух о потраве был пустой:
 От мужиков нигде потравы никакой.
 «Ах, черт! Дела на слабом грунте!
 Не избежать плохой молвы!»
 Но, не теряя головы,
 Злодей строчит доклад об усмиренном бунте.
 Меж тем, очнувшись от бойни, мужики
 На тайном сходе у реки
 Постановили: быть Афоне
 За дело общее в столице ходоком,
 Пред Думой хлопотать,— узнать, в каком законе
 Дозволено все то, что ноне
 Лихие вороги творят над мужиком?
 Уехал наш ходок и через две недели
 Привозит вестъ.
 Не дали мужики Афоне с возу слезть,

Со всех сторон насели:

«Был в Думе?» — «Был».

«Ну, что?»

«Да то:

Судились овцы с волком...»

«Эй, не томи!.. Скорее толком

Все говори,— кричит Егор,—

Нашел на извергов управу?»

«Не торопись ты... Больно скор...

Мы казнены и впрямь совсем не за поправу.

Шел в Думе крепкий спор

Про наше — слышали? — про наше изуверство!

Но всех лютей чернил нас некий старичок...

По виду так... сморчок...

А вот — поди ж, ответ держал за министерство:

«Потравы не было. Да дело не в траве:

У мужика всегда поправа в голове».

Так, дескать, господа нас малость постращали,

Чтоб мы-де знали:

Крепка еще на нас узда!

А кровь... Так не впервой у нас ее пущали...

Что, дескать, было так и будет повсегда!»

«Ай, горе наше! Ай, беда!

Ни совести в тебе, скотина, ни стыда! —

Тут с кулаками все к Афоне —

Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?

Ведь ты же был, никак, балда,

В разбойничьем притоне!»

Святая истина была в словах толпы:

Ведь в Думе кто сидел? Помещики, попы.

А с мужиком у них была какая спайка?

Крест да нагайка!

БЕДА

Батрак Лука,

И сна лишившись и покою,

Вконец измаялся с рукою:

Бог весть с чего горит горьмя рука,

Вся вздулась, почернела.

«Ты что же, чертов сын, слоняешься без дела

Из-за такого пустяка?» —

Хозяин, Пров Кузьмич, кричит на батрака.

Кричит, не ведая того, что подоспела

И на него беда:

Был с вечера здоров мужик наш, как всегда,

А утром сам не может встать с постели.

Свалился на манер снопа.

Родные ошалели,

Бегут за знахаркой, зовут скорей попа.

У смертного одра сгрудилась толпа.

Бедняга Пров Кузьмич ревет, как зверь, от боли:

«Ай, помереть бы, что ли!..»

Ай, братицы, силы нет!.. Ай, братицы, пропаду!..»

У Кузьмича сел чирей на заду!

ОПЕКА

Помаялся вдовцом Фома немало,
 Когда жены не стало,—
 Но жил, терпел: авось бог детям даст судьбу.
 Гадал, не чувствовал: век и его короток.
 Сразила хворь Фому. Лежит Фома в гробу,
 Покинув на беду двух малышей-сироток.
 Толкуют мужики средь голого двора:
 Как быть с детьми? У них, помимо крова,
 Всего сиротского добра
 Одна корова.
 «Тьфу!— кто-то вдруг ругнулся сгоряча.—
 Несет нелегкая к нам Прова Кузьмича,
 Нет на него провалу!»
 Все знали Прова-богача
 За кулака и обиралу.
 Войдя во двор,
 Кузьмич заводит разговор,
 Что, дескать, для души он поработать хочет.
 О похоронах он немедля хлопочет;
 А что касается детей,
 То их хорошему вручить бы человеку,
 И сам Кузьмич готов по доброте своей
 С согласия общего малюток взять в опеку:
 «Что ж, братицы! Погрешил я вдосталь на веку,
 Так, может, грех какой я добрым делом смою.
 Уж я сироток опеку,
 Уж я их успокою!»
 Дивятся все, такой увидя оборот,—
 Стоят, разинув рот,
 И, кажется, упасть готовы в ноги Прову.
 Меж тем, пока очухался народ,
 Наш «опекун», не видевши сирот,
 Уводит со двора сиротскую корову!

ПОРОДА

У барыни одной
 Был пес породы странной
 С какой-то кличкой иностранной.
 Был он для барыни равно что сын родной:
 День каждый собственной рукой
 Она его ласкает, чешет, гладит,—
 Обмывши розовой водой,
 И пудрит и помадит.
 А если пес нагадит —
 Приставлен был смотреть и убирать за ним
 Мужик Аким.
 Но под конец такое дело

Акиму надоело.
 «Тьфу, говорит, уйду я к господам другим!
 Без ропота, свободно
 Труд каторжный снесу,
 Готов служить кому угодно,
 Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
 Так порешил на этом твердо,
 Оставшись как-то с псом наедине,
 Аким к нему: «Скажи ты мне,
 Собачья морда,
 С чего ты нос дерешь так гордо?
 Ума не приложу:
 За что я псу служу?
 За что почет тебе, такому-то уроду?!»
 «За что?— ответил пес, скрывая в сердце злость.—
 За то, что ты — мужичья кость,
 И должен чтить мою высокую породу!»

Забыл Аким: «По роду и удел!»
 Так ведь Аким — простонародье.
 Но если я какого пса задел,
 Простите, ваше благородье!

СЫНОК

Помещик прогорел, не свесть конца с концом,
 Так роца у него взята с торгов купцом.
 Читателям из тех, что позлословить рады,
 Я сам скажу: купчина груб,
 И роцу он купил совсем не для прохлады,
 А — дело ясное — на сруб.
 Все это так, чего уж проще!
 Однако ж наш купец, бродя с сынком по роце,
 Был опьянен ее красотой.
 Забыл сказать — то было вешним утром,
 Когда, обрызгана душистою росой,
 Сверкала роца перламутром.
 «Не роца — божья благодать!
 Поди ж ты! Целый рай купил за грош на торге!
 Уж роцу я срублю,— орет купец в восторге,—
 Не раньше осени, как станет увядать!»
 Но тут мечты отца нарушил сын-мальчонок:
 «Ай, тятенька, гляди: раздавленный галчонок!»
 «И впрямь!.. Ребята, знать, повадились сюда.
 Нет хуже гибели для птицы, чем в эту пору!
 Да ты пошто реवेशь? Какая те беда?»
 «Ой, тятенька! Никак, ни одного гнезда
 Мне не осталось... для разору!»

Что скажешь о сынке таком?
 Он жадность тятькину — в количестве сугубом,—
 Видать, усвоил с молоком,
 Был тятка — кулаком.
 Сын будет — душегубом!

ПЕС

«Хозяин стал не в меру лих!
Такую жизнь,— сказал в конюшне рыжий мерин,—
Терпеть я больше не намерен:
Бастую — больше никаких!»
И мерину в ответ заржали все лошадки:
«Ты — прав, ты — прав!
Стал больно крут хозяйский нрав,
И далеко зашли хозяйские повадки!»
Бывалый мерин знал порядки.
Он тут же внес на общий суд
Ряд коренных вопросов:
Про непосильный труд,
Про корм из завали, гнилой трухи, отбросов
(Сенца не видели, где ж думать об овсе?),
Про стариков, калек,— про тех, что надорвались...
Лошадки обо всем в минуту толковались,
А толковавшись, забастовали все!
Хозяин промышлял извозом,
Так потому его,
При вести о таких делах, всего
Как будто обдало морозом.
Но все ж на первых он порах,
Хоть самого трепал изрядный страх,
Прибег к угрозам.
Не помогло. Пришлось мудрить.
Лошадок пробует хитрец уговорить
Поодиночке.
Дела на мертвой точке!
Хозяин — зол, хозяин — груб,—
То бороду рванет, то чуб,
И наконец с досады
Стал даже пить.
«Ведь до чего же стойки, гады!
Никак, придется уступить!»
И уступил бы. Очень просто.
Да — как бывает у людей:
На чистом теле вдруг короста! —
Без скверного нароста
Не обошлось у лошадей:
В надежде выслужить почет, покой и негу
Дал впрячь себя в телегу
Жеребчик молодой.
Вздыбились лошади: «Гляди, подлец какой!»
Родная мать, мотая головой,
Сынка стыдила:
«Мать, братьев променял ты на щепоть овса!
И как тебя на свет я только породила,
Такого пса?»
Меж тем хозяин ободрился,
На «псе» на бойню прокатился,
Всех забастовщиков сбыл с рук — и дня не ждал:
Скорей купил и впряг в погибельное дышло

Лошадок новых.
 Что же вышло?
 Жеребчик прогадал:
 Хозяин взял привычку
 Пускать покорного скота
 На всякую затычку.
 Так «пес» не вылезал почти из хомута!
 И каялся потом не раз он, горько плача,
 Да поздно. Под конец
 Жеребчик стал — куда там «жеребец»! —
 Как есть убогая, заморенная кляча!

ПРАВДОЛЮБ

«В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе»,—
 Так начинают все, да нам — не образец.
 Начнем: в одном селе был староста-подлец,
 Ну, скажем, не подлец, так что-то в этом роде.
 Стонали мужики: «Ахти, как сбыть беду?»
 Да староста-хитрец с начальством был в ладу,
 Так потому, когда он начинал на сходе
 Держать себя подобно воеводе,
 Сражаться с иродом таким
 Боялись все. Но только не Аким:
 Уж подлинно, едва ли
 Где был еще другой подобный правдолюб!
 Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
 Так поминай как звали!
 Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
 А старосте-плуту на сходе каждый раз
 Такую резал правду-матку,
 Что тот от бешенства рычал и рвался в схватку,—
 Но приходилось смирять горячий нрав:
 Аким всегда был прав,
 И вся толпа в одно с Акимом голосила.
 Да что? Не в правде сила!
 В конце концов нашел наш староста исход:
 «Быть правде без поблажки!»
 Так всякий раз теперь Аким глядит на сход...
 Из каталажки.

ВОЛК

Газета «Земщина» открыла рабочий отдел, в котором призывает рабочих к «классовой» организации.

Из газетной хроники.

Долгонько я молчал. А правду молвить надо.

В овечьей шкуре Волк прокрался как-то в стадо.
 Вобразившись на бугор, он к овцам держит речь:
 «Овечки, ярочки, подруги!
 Покажемте пример для всей округи,
 Что овцам незачем давать себя стеречь!»

Удрав от пастухов с их преданными псами,
 Докажем всем, что мы от Волка уберечь
 Себя сумеем сами.
 Да что! Ведь как-никак Волк тоже с головой:
 Смекнет он сам, что с нами
 Ему расчет прямой
 Сойтись на мировой.
 Подруженьки, нет спору,
 Что Волку не корысть
 Овец вповалку грызть
 Без вкусу, без разбору.
 Сподручней для него нас есть... по договору!
 Забыв, что было день назад,
 Мы с Волком поведем дела на новый лад.
 И я уверена, что сам он будет рад
 К обеду резать нас — законно и без риску —
 По нами ранее одобренному списку».

Вот где — любуйтесь — грамотеи!
 В игре с рабочими им нечем козырнуть,—
 Казалось бы: оглобли повернуть,—
 Так нет, пустились на затеи!
 Да не с того конца!
 Не скрыли хищного лица,
 Как ни рядились в рабочие тулупы.
 Ведь басня вся моя — для красного словца,—
 Рабочий — не овца!
 А волки «Земщины»... ей, не по-волчьи глупы!

СВАТОВСТВО

«Ну, чем, скажи ты мне, сынок мой не жених?»
 «Дочь у меня, чай, тож невеста
 Не из худого теста!»
 Вот были мужики! И не сошли ведь с места,
 А дело слажено у них:
 Едва ль не за вторым стаканом
 Толкуют о приданом.
 А только кулака, ей-ей, надул кулак:
 Жених известный был плутяга и маклак
 И бил в глаза фальшивым глянцем.
 Невеста же, хотя и впрямь брала
 И телом и румянцем,
 Однако же давно промеж парней слыла
 Девицею... с «изъянцем»!

Слыхал я, что кадет стал нынче в женихах,
 Что к «прогрессистке» он заслал московских свах;
 — Не думайте, что сдуру или спьяна! —
 Купчиха хоть проста, да сдобна и румяна.
 А что касается изъяна,
 Девица — спору нет — с «грешком»,
 Зато жених с «хорошим тоном». —
 Так все покроется «законом»

И золотым мешком!

ТЕРЕХА

Многие рабочие читают буржуазные господские газеты, потому что там пишут занятно.

Из письма рабочего.

У всякого Ермишки
Свои делишки.
А у Терехи дел — хотя б на полчаса.
День целый паренек шныряет по заводу
Да мелет языком: сначала — про погоду,
Про сплетни разные, потом — про чудеса,
Каких не слыхано и сроду,
А там — хитрец каков!
Ведь начал с пустяков —
Ан глядь, в конец того выводит вавилоны
Про власть и про законы,
Про мирное житье, покой и благодать,
Про старые порядки,
Которые, мол, грех огульно осуждать,
И про рабочий люд: ему б терпеть да ждать,
А он туда ж — шумит, бастует без оглядки!..
Завод под вечер тих и пуст,
Зато полна пивная лавка.
Тереха тут. Вокруг Терехи — давка,
Тереха — златоуст!
Что ж так? Аль все вчера от пашни?
Ужель рабочим невдомек,
Что их морочит всех зубастый паренек,
С хозяином сведя лихие шашни?
Какое! Знают все. Наружу правда прет.
Куда Тереха гнет, всем до чего понятно!
А слушают взасос: «Что ж из того, что врет?
Да врет-то как занятно!»

Когда б я мог!
Когда б имел я бойкий слог!
Уж то-то б написал статейку
Про «Речь», «Биржевку» да «Копейку»,
Не позабыв еще газеток двух иль трех,
Что нравятся иным рабочим,
До разного вранья охочим,
Где что ни слово — брех, да ведь какой же брех:
Не одного, а дюжины Терех!

ПОЛКАН

Заграй Полкана поносил
Что было сил:
«У, дьявол старый!.. Лежебока!..
Хозяйский прихвостень!.. Наушник!.. Егоза!
Бесстыжие твои глаза!..»

Подох бы ты до срока!»
 «Аль ты совсем оглох, Полкан:
 Сидишь — молчишь, как истукан.
 Что ж не проучишь ты буяна?»
 Приятель так — Султан —
 Спросил Полкана:
 «Ужель ты хочешь допустить,
 Чтоб стал Заграй тебя честить
 Пред целым нашим вечем?!
 Грызни как след его!!»
 «Ох, брат,—
 Вздохнул Полкан,— грызнуть я рад,
 Да нечем!»

Кадет, кадет!
 Ну, что бы взять пример с Полкана,
 Чтоб не было обмана:
 Молчать бы, коль зубов уж нет!

ГИПНОТИЗЕР

Помещик некий, быв изрядным фантазером,
 Задумал стать гипнотизером,
 Добыл из города два воза нужных книг,
 Засел за них, читал не две, не три недели —
 Едва ль не целый год, и наконец достиг
 Желанной цели:
 Любого мужика мог усыпить он вмиг!
 Да слуги барина к тому ж гневить не смели,
 Так стоило ему явиться средь двора,
 Как бабы, мужики и даже детвора
 Валились наземь и храпели.
 «Вот ум! Вот голова! —
 Прошла про нашего затейника молва
 Среди помещиков-соседей.—
 Подумать лишь, хитрец каков!
 Не надо больше тумачков:
 Почище найдена управа на медведей!»
 (То бишь на мужиков.)
 И в первый праздничек соседи мчат к соседу.
 Но пир гостям — не в пир, беседа — не в беседу,
 И преферанс — не в преферанс!
 Им гипнотический подай скорей сеанс!
 Без лишней канители
 Желанью общему хозяин уступил:
 Емелю-конюха в два слова усыпил.
 Все гости онемели!
 Хозяин между тем из сонного Емели
 Что хочет, то творит:
 «Емеля, говорит,
 Глянь, становой в деревню мчится!»
 Мужик томится:
 «Ой... братцы... ой...
 Разбой!..»

«Постой,
 Никак — ошибка!
 Не разглядел я, виноват,
 К нам едет думский депутат!»
 У мужика — улыбка:
 «Вот будет рада... попадья...
 Стал депутатом... поп Илья!»
 Поповским голоском запел хозяин: «Чадо,
 Скажи, чего первой просить для паствы надо,
 Когда в столице буду я?»
 И стоном вырвалось у бедного Емельки:
 «Проси... земельки!»
 «А про помещиков ты, вражий сын, забыл?!» —
 Тут гости сгоряча вскричали в общий голос.
 Емеля взвыл.
 Стал у Емели дыбом волос,
 И, засучив по локоть рукава,
 Такие наш мужик понес слова,
 Что гости с перепуга
 Полезли друг на друга!

 Скажу я господам иным
 (Здесь места нет пока угрозам):
 Мужик чувствителен всегда к своим занозам.
 Не прикасайтесь к его местам больным,
 Хоть он и под тройным
 Гипнозом!

ГАСТРОЛЕР

Провинция каналье шустрой — клад.
 Какой-то правый депутат
 В губернский городок приехал на гастроли —
 Не для погрома, нет, совсем в особой роли:
 Читать предвыборный доклад.
 Весь город потонул в афишах:
 Афиши на столбах, заборах, фонарях,
 Афиши на ларях,
 На будках, на домах и чуть ли не на крышах.
 Цветами, флагами украшен был вокзал,
 И для доклада лучший зал
 Отведен был задаром.
 Доволен будет пусть амбаром
 Какой-нибудь эсдек
 Иль страшный черноблузник,
 Но не солидный человек,
 Не депутат-союзник.
 Народу полон зал набилось на доклад.
 Союзник рад.
 С лоснящеюся рожей,
 Пред губернаторской ослабившись ложей,
 Он начал говорить
 И с первых слов понес такую ахинею,
 Что, только вспомнивши о ней, уж я краснею,

Не то чтоб слово повторить.
Казалось, лиходеи оглоблей всех ударил.
Люд ошарашенный стал сразу глух и нем,—
А кто-то между тем
Рукою жадною в его карманах шарил!

Урон, положим, небольшой —
Уйти домой с пустым карманом —
Для тех, кто, опоен дурманом,
Ушел еще с пустой душой.

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком бережку
Случилось встретиться пастушьему Рожку
С Кларнетом.
«Здорово!» — пропищал Кларнет.
«Здорово, брат,— Рожок в ответ,—
Здорово!
Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?»
«Вот это ново,—
Обиделся Кларнет.— Глаза вперед протри
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князья и графы!
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь под твою — быки с коровами одни
Хвостами машут!»
«То так,— сказал Рожок,— нам графы не сродни.
Одначе помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!»

ЖУК И КРОТ

В момент весьма серьезный
(Обжоре хищному, Кроту, попавши в рот)
Взмолился Жук навозный:
«Не ешь меня, высокородный Крот!
Ты знаешь сам, слыву я жестким блюдом,
Меж тем живым я — побожусь! —
Тебе в чем-либо пригожусь».
Внял Крот мольбе каким-то чудом:
«Ин так и быть, живи,
Комар тебя язви!
Желудок свой изнежив червяками,

Намедни впрямь его расстроил я жуками
 И натерпелся мук.
 А ты как будто славный малый:
 Храбрец и говорун. Должно, взаправду Жук
 Бывалый.
 Послушай: по душам потолковав со мной,
 Уж вот как ты меня обяжешь,
 Когда мне обо всем, что знаешь, порасскажешь.
 Хотелось бы мне знать, к примеру, как весной
 Благоухают розы.
 Слышал я стороной,
 Что аромат у них довольно недурной».
 «Душок — божественный!» — утерши лапкой слезы,
 Счастливый Жук жужжит Кроту
 И, чтобы отплатить ему за доброту,
 Желая показать, как дивно пахнет роза,
 Подносит... шарик из навоза.

На вкус и цвет
 Товарища, как говорится, нет.

УМНИЦА

«Ни капли гордости аль совести. Эх ты! —
 Ворчал свинье Кудлай. — Есть разные скоты,
 Но ты поистине особая скотина:
 Тебя не оскорбить ни словом, ни пинком.
 Наплюй тебе в глаза — умоешься плевком.
 Скажи, пожалуйста: опричь тебя, по ком
 Гуляет часто так хозяйская дубина?»
 «Эхма! —
 Хавронья хрюкнула. — Большого ты ума.
 Недаром ребра видно.
 Ну, малость и побьют. Подумаешь: обидно!
 Бокам, чай, больно да спине?
 При чем же совесть тут? Голубчик, да по мне,
 Так, право, все равно: что бита, что не бита.
 Не гнали б только от корыта!»

Свинья, а в ней ума какая бездна скрыта!
 Философ — не свинья!
 Ведь рассуждает как? Ну, ровно бы по нотам!

С согласия вашего, читатели-друзья,
 Да будет басенка сия
 Посвящена российским... «патриотам»!

ЛОЖКА

Набив пустой живот
 Картошкой вареной,
 Задумался Федот.
 Задумавшись, вздремнул и видит сон мудреный:
 Все ожило кругом! Ухват забрался в печь,

Горшки заспорили с заслонкой,
 И ложка на столе неслыханную речь
 Вдруг повела с солонкой:
 «Вот так вся жизнь прошла без радостного дня.
 Дает же бог другим удачу?
 А мне... Нелегкая, зная, дернула меня
 Родиться ложкою — мужчицкой на придачу.
 Век сохну за других. Гляди, который день
 Федот наш мается, слоняется, как тень?
 Жена свалилася, у деток золотуха.
 В могилу всех сведет лихая голодуха.
 Меж тем что́ делает Федот?
 Уж хуже голода каких еще прижимок?
 Нет, он последнюю телушку продает
 Из-за каких-то недоимок.
 Как можно дальше жить — не приложу ума.
 Так лучше уж своим терзаниям и мукам
 Я положу конец сама!»
 Тут, крикнувши: «Прощай, кума!»,
 Бедняжка треснулася о пол с великим стуком.
 «Постой!.. Разбилася!.. Эхма!»
 Федот во сне метнулся,
 Но в этот час проснулся
 И в ужасе схватился за виски.
 От ложки на полу и впрямь лежат куски.
 «Фу, дьявол! Это ж что ж? Мне снилось аль не снилось?
 В башке ли малость... прояснилось?
 Ох! — застонал Федот от яростной тоски.—
 Что ж делать? А? Пойти до одури напиться?
 Аль утопиться?»

ОПЕКУН

Такое диво в кои веки:
 Совсем на днях сановник некий
 Сиротский посетил приют.
 «Великолепно! Превосходно!
 Ну, прямо рай: тепло, уют...
 Детишки — ангелы. А честь как отдают!
 И маршируют?»
 «Как угодно,—
 По отделеньям и повзводно..»
 «Быть может, «Славься» пропоют?
 Восторг! Божественно! И этому виновник?..»
 Смотритель дал ответ: «Я-с и моя жена».
 «За все вам русское мерси!— изрек сановник.—
 Такая именно нам школа и нужна,
 С патриотической основой,
 Я очень ваш почин ценю.
 Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
 А здесь — столовая? Доволен и столовой.
 Позвольте мне меню.
 Как?!— вдруг вскипел наш гость.— Молочный суп... Жаркое...
 И это... это — в пост!

Черт знает что такое!»
 «Ваш-сясь! Питание... Малютки... Хилый рост...
 Из бедноты сиротки...
 Родные померли все больше от чахотки...
 Врачи...»
 «Врачи нахально врут!
 Не допущу потворства!
 С поста не мрут,
 А мрут — с обжорства!»

 «Ведь этакий вандал!» —
 Иной читатель скажет гневно.
 А я б опекуна такого оправдал:
 Ведь он от голоду ни разу не страдал,
 А от обжорства — ежедневно!

ГАСТРОНОМ

«Как звать тебя?»
 «Памфил Босой».
 «Подумать, гастроном какой тут объявился!»
 Заводчик так рабочему дивился:
 Бедняга-гастроном гнилою колбасой
 Давился.
 «Знать, заработки хороши?» —
 Хозяин вымолвил ехидно.
 «Куда! — вздохнул Памфил. — Гроши!»
 «Гроши? Оно и видно.
 Где мастер?»
 «Здесь!»
 «Пиши...
 За лишний жир... вот этому вот... графу...
 Целковый штраф!»

 Пожалуй, скажет кто: «Ну, мыслима ль когда,
 Хоть и в хозяине, такая подлость, друже?
 Так не бывает!»
 Господа,
 Бывает так, — хоть, правда, не всегда:
 По большей части — хуже!

ЛИЦЕДЕИ

Недавно случай был с Барбосом:
 Томила пса жара,
 Так средь двора
 Клевал он носом.
 А не заснуть никак! Усевшись на тыну,
 Сорока-стрекотуха
 Мешала сну.
 «Ой, натрещала ухо...
 И принесло же сатану!
 Чай, больше места нет?.. Послушай-ка, болтуха:
 Уж ты б... таё...

Недалеко до лесу...
 Летела б ты, ей-богу, к бесу!»
 Сорока же — свое:
 То сядет, то привскочит,
 Слюною глазки мочит,
 Псу жалобно стрекочет:
 «Голубчик, не озорь!
 Ведь у меня, гляди, какая хворь:
 Я так измаялась, устала,—
 Пить-есть почти что перестала,—
 Вся измытарилась и сердцем и душой,
 Скорбя о братии меньшей!
 И ко всему щеку раздуло... вспухли губы...
 Ох, смертушка! Нет сил терпеть зубную боль!»
 «Щека и губы... Тьфу!— рычит Барбос.— Позволь,
 Трещотка чертова, кому бы
 Врала ты, да не мне.
 Где ж видано, в какой стране,—
 Уж разве что во сне,—
 Чтоб у сороки были... зубы?!»

Урок вам нужен? Вот урок:
 Встречаются меж нас нередко лицедеи:
 Высокие слова, высокие идеи,—
 Нет подвигов, но будут — дайте срок!
 Известно *urbi et* (смотри словарь!) — *et orbi*:
 Их грудь — вместилище святой гражданской скорби!
 На деле ж вся их скорбь — зубная боль сорок!

ПАРИ

«Мавруша!.. Кисанька!.. — печально серый кот
 Мяукал у ворот.—
 О, душегубство! О, злодейство!
 Ну, как теперь один я вынянчу котят?
 Они ж еще и не глядят!
 Пропало все мое семейство!»
 «Голубчик Вася, что с тобой?
 Да не нужна ль моя услуга?» —
 Летит Барбос на голос друга.
 «Ох, брат, наказан я судьбой!»
 «Как? Говори скорей! Уж я взаправду трушу».
 «В трактире... сжарили и съели, брат, Маврушу».
 «Кто съел-то?» — взвыл Барбос, попятившись назад,
 «Рабочий... то ль мужик... Побился об заклад...
 За пять целковых, супостат,
 Маврушу слопал.
 Всю — с головы и до хвоста!»
 «Да что ты? Батюшки! Нет, это неспроста.
 Не, не!..» — растерянно глазами пес захопал.

Читатель, что ни говори,
 Тут ясно — дело не в пари.
 Раз не осталось от кошки

Ни хвостика, ни ножки,
Наверно, «супостат» денька четыре-три
Пред тем не видел... хлеба крошки.

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать — сорок
Устроили совет:
«Житья нам, братцы, нет».
«Беда. Хоть с мосту в воду».
«Добудемте права!»
«Умремте за свободу!»

От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава,
Как первый, кто кричал: «За волю в землю лягу!»,
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто куда,
Айда!

Зайчиха с зайнькой под кустиком сидела.
«Охти мне, без тебя уж стала тосковать.
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорились, что ль, в Совете вы до дела?»
«Договорилися. Решили бунтовать!»

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
Не говоря уж о лисе,
Теперь поди хвосты поджали звери все,—
А больше всех, понятно, волки?!

ВОРЫ

На днях в Михайловском манеже приступят к устройству международной
интендантской выставки.

«Вечернее время»

Лихому вору
Все впору.
Накравши где-то чуть не гору
— Короче: добрый воз! —
Хороших, гибких лоз
И наплетя из них корзинок,
Свое изделие привез Корней на рынок.
«Вот где корзиночки! Ну, чем не хороши?! —
Корней товар свой выхваляет.—
Ей-ей, нужда не позволяет,
А то б не променял не то что на гроши,
Ни на какие барыши!
(Сам барыши в уме считает.)
Эй, тетка, не зевай, спеши.
Три гривенки — корзина.
За парочку — полтина!» —

Орет вовсю купчина.
 Ан рядом — глядь! Мартын корзины ж продает,—
 Да как ведь продает? Задаром отдает:
 «Вот где плетушки так плетушки!
 Эй, божии старушки,
 Молодки-хлопотушки,
 Красотки-хохотушки,
 Маланья, Акулина!..
 Товар — малина!
 Берите у Мартына,
 За штуку — три алтына,
 Молодкам — за пятак,
 А ежли что — и так!»
 «Мартын, очухайся, скотина! —
 Шипит Корней.—
 Ты ж это что, злодей,
 Рехнулся с полугару,
 Объялся ль белены,
 Что своему товару
 Не ведаешь цены?
 Расстаться можно так с последними штанами!
 Ведь при моей цене барыш уж не большой,—
 А я корзины плел все ж из лозы... чужой...
 Из краденой, сказать меж нами».
 «Эх,— отвечал Мартын,— чудак же ты, Корней!
 На что польстился? На лозинки!
 Какой с лозы барыш? Будь наперед умней:
 Вруй готовые корзинки!»

Вот то-то и оно.
 Нет интендантов здесь? Спросить бы заодно.
 (Охота просто знать. Мы, право, не задиры.)
 Как это там у них: все иль не все равно,
 Что воровать: казенное сукно,
 Готовые ль казенные мундиры?

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
 Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго,
 А не потонем — все равно —
 Водой промочит все зерно».
 Приказчик мечется, хлопочет.
 А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
 Дрожащим голосом бормочет:
 «Святители! Разор!
 Чины небесные, арханделы и власти!
 Спасите от лихой напасти!
 Я добрым делом отплачу...
 Сведу в лампадах пуд елею...
 Под первый праздничек свечу
 Вот с эту мачту закачу...
 И сотельной не пожалею!»
 То слыша, говорит приказчик Пантелею:

«Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?
 Да где же ты свечу такую раздобудешь?»
 «Молчи, дурак,— умнее будешь! —
 Хозяин отвечал сквозь слез.—
 Дай только вымолить скорей у неба жалость,
 Чтоб я с моим добром остался невредим,—
 А там насчет свечи мы после... поглядим...
 Укоротим, пожалуй, малость!»

Читатель, за вопрос нескромный извини:
 Скажи, ты помнишь ли те дни,
 Когда везде толпы народа
 Гудели, как шмели
 У меда:
 «Свобода!»
 «Свобода!»

А дела до конца не довели.
 На радостях, забыв о старом,
 Обмякли перед вольным даром.
 Читатель, если ты один из тех шмелей,
 Сам на себя пеняй и сам себя жалея,—
 А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
 Что заслужил, то получи:
 Заместо сотенной свечи —
 Копеечный огарок.

НАТУРАЛИСТ

«Эх ты, карманчик мой! Расти, голубчик, пухни!»—
 Так губернаторский лакей,
 Мокей,
 Пред всею челядью бахвалился средь кухни.
 «Что, ирод? Знать, опять с кого-нибудь содрал?»
 «Вестимо!
 Чужой целкач у нас не проплывет, брат, мимо.
 Как вышло давеча. Проснувшись, генерал:
 «Ну, что, брат? — эт-та мне,— в приемной много люду?»
 «Порядком, говорю, набилось отовсюду».
 «А ты,— и пальцем так изволил погрозить,—
 Карман себе небось успел уж нагрузить?»
 «Так точно,— говорю.— Греха таить не буду.
 А только доложу: есть и для вас... «сюжет»...»
 Тут барин мой, как был без брюк и без манжет,
 К дверям-от — шасть, и к щелке — глазом.
 «Где, говори скорей?»
 «Вон... в шляпке с черным газом».
 «Так... Недурна, хе-хе... Еще разок взгляну...»
 А сам пустил слюну:
 «Венера... истинно Венера...
 Глаза потупила... Пикантная манера!
 Не удержаться тут святому от греха.
 Зачем пришла, Мокей?»
 «Просить за жениха,
 Что посадили вон намедни... землемера».

«За жениха, хе-хе... Ух, дьявол! Все забудь!
 Видал, какая грудь?
 Пусть не ломается, шепни, не будет дурой.
 Скажи, что, дескать, я... что мы... не как-нибудь:
 Облагорожены культурой!
 Исполним, дескать, все... Мол, барин — холостяк,
 И благодарность вся... пустяк:
 Возьмем, хе-хе... натурой!»

За все свои дела волк отвечает шкурой.
 Но этот самый вот «натуралист»-подлец
 Попал в министры под конец.
 И хоть при Керенском и был объявлен вором,
 Но как сановникам еще была лафа,
 То, вишь ты, для него «не подошла графа»,
 И этот аспид был отпущен прокурором.

ОСЛЫ

Не рядовой осел, не пустобай-оратор,
 Словам которого, кто хочет, тот перечь,—
 Осел сановнейший, делец-администратор
 В собрании ослов держал такую речь:
 «Друзья! Мы все живем в периоде ослином.
 Хотел бы знать я: кто, наш славный род хуля,
 Осмелится сказать, что для ослов земля
 Сошлася клином?
 Ослы прошли везде, куда ни посмотри.
 Ослы теперь — предмет и зависти и злобы.
 Кого и чествуют и жалуют цари?
 Кто нынче — первые особы?
 Кто — все великие и малые послы?
 Кто — все приказные чины и воеводы?
 Все,— если не ослы,
 То близкой к ним породы!
 Но... здесь я подхожу к печальнейшему «но»,
 Высокородные отцы и патриоты,—
 В нем — зло, таящее грядущих бед зерно,
 Несчастье, ставшее для нас уже давно
 Предметом горестной тревоги и заботы:
 Одолевают нас незначная родня.
 Ослы в опасности! Породу их грязня,
 Из сел и деревень, улусов и аулов
 В их круг втирается тьма лошаков и мулов.
 Недостает еще — храни нас бог! — коня.
 Отцы! В минувший съезд избрали вы меня,
 Чтоб в сферах правящих добыл я повеленье
 Об утверждении особых прав и льгот
 В ослином поколеньи.
 Добыл я все. И вот
 Моих хлопот
 Осуществленье:
 На теплые места, на всякий важный пост
 Пройдет лишь наш прирост,

Ослы без подмеси, в которых каждый атом
 Заверен нашим аттестатом.
 И первый суд сейчас произнесете вы.
 Вот перед вами строй любезных наших деток».

(Шум. Крики: «Господи!» — «Красавцы!» — «Прямо львы!»)
 «Правофланговый!»
 «Гы!»
 «Молчи!.. Осел-трехлеток!..
 Судите сами».
 «Гы!»
 «С чего начнем?»
 «С хвоста».
 «Не хвост, а красота!»
 «Как будто слишком длинный?»
 «Хвост — истинно ослиный!»
 «А уши, уши каковы?»
 «Из-за ушей совсем не видно головы!»
 «Позвольте, главное совсем и позабыто:
 Копыто как?»
 «Хоть напоказ,
 Вот полюбуйтесь. В самый раз.
 Как есть ослиное копыто!»
 «Ура!.. Качать мальца!»
 «Поставить на овес! —
 Вскричали судьи все приятно и согласно,
 Как сто немазанных колес.—
 Экзамен выдержан прекрасно!»

Хотя в былые дни для знатного осла
 Открыты были все карьеры,
 А революция ослов порастрясла,—
 Однако ж их еще осталось — свыше меры.

УРОЖАЙ

Как у попа Ипата
 Не борода — лопата.
 Расправивши ее оплывшею рукой,
 Печальных мужиков намедни
 В конце обедни
 Поп речью потчевал такой:
 «Ох, вижу: в помыслах мирских погрязли все вы.
 Не богомольцы вы весной.
 Все только думки про посевы:
 А не побил бы град, а не спалил бы зной.
 Почто мятетесь и плачетесь вскую?
 Бог видит нашу скорбь и всю нужду людскую,
 Казня и милуя нас, грешных, поделом.
 Не судьи мы господней воле.
 Идите же со мною в поле,—
 На всходах отпоем молебен всем селом.
 И ущедрит нас бог зерном по вашей вере,
 И будет хорошо приходу и попу.
 С вас много ль надо мне: с копенки по снопу

Аль с закрома по мере».

Читатель, не мудри и зря не возражай.
 Поп линию свою ведет примерно:
 Помолится, и будет урожай —
 У мужиков? Бог весть! А у попа — наверно.

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
 «А ну-ка, миленький, а ну-ка,
 Что говорит твоя хваленая наука?»
 «Да вот... рассказ про паука».
 «Ась? — екнуло у старика. —
 Паук?.. Ну, что же он, к примеру?»
 «Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.
 Добро, что нет средь пауков
 В рост человечий великанов:
 Такой паук бы съел в день дюжину быков
 И дюжину баранов».
 «Ух! — захлебнулся старичок. —
 Ай, божья тварь! Ай, паучок!
 Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,
 Уж то-то бы... хозяин получился».

КЛОП

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
 Вот как-то довелось им встретиться случайно,
 Клоп рад был встрече чрезвычайно;
 Панкрат — не слишком рад.
 А надо вам сказать: судьба свела их вместе —
 Не помню точно — где,
 Не то в суде,
 Не то в присутственном каком-то важном месте.
 Кругом — чины да знать. Нарядная толпа
 Изнемогает в кривотолках.
 Панкрат и без того сидел как на иголках —
 А тут нелегкая несет еще клопа!
 Взобравшись ловко по обоям
 К Панкрату на рукав, клоп таким героем
 Уселся на руку и шарит хоботком.
 От злости наш Панкрат позеленел весь даже:
 «Ах, черт, и ты туда же
 Кормиться мужиком!»
 И со всего размаху
 Хлоп дядя по клопу свободною рукой.
 Мир праху
 И вечный упокой!

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?
 А я — ни жив ни мертв. Наморщив потный лоб,
 Сижу, ужасною догадкой потрясенный:
 Ну что, как этот клоп —

Казенный?

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Друзья-товарищи, не знаю, что со мной?
 Должно, всему виной
 Мои превратные марксистские идеи.
 Ведь про хозяев я писал, выходит, ложь.
 Поверить мне — и впрямь хозяева все сплошь
 Какие-то злодеи.
 Винюся и даю вам образец иной.
 Пусть торжествует добродетель.
 Вот вам «хозяин-благодетель»,
 «Отец родной».

«Спасибо,— кланялся хозяин верным слугам,—
 Не мастер, братцы, я красиво говорить.
 Не знаю, как вас по заслугам
 Благодарить.
 Я с вами зачинал и с вами создал дело.
 Я вам обязан всем добром:
 С заводских черных стен до этих вот хором,—
 Во всем ваш дух и тело.
 В работе общей мы слились в одну семью.
 Я нуждам вашим всю, всю душу отдаю
 И позабочусь впредь о вашей светлой доле:
 За то, что для меня вы не щадили сил,
 За то, что были вы всегда в хозяйской воле,
 Чтоб чувствовали вы, как я ваш труд ценил,
 Дарю вам купчую на пятьдесят могил».

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняясь без дела
 В реке средь камышей,
 Компания вьюнов случайно налетела
 На общий сбор ершей.
 («Случайно», говорю, а может — «не случайно»?)
 Ерши решали тайно,
 Как им со щукою вести дальнейший бой?
 Каких товарищей избрать в Совет ершинный
 Для руководства всей борьбой
 И управления общиной?
 Достойных выбрали. «Все любы вам аль нет?»
 «Все любы!» — «Все!» — «Проголосуем».
 «Согласны, что и подписуем».
 «Позвольте! Как же так? Уж утвержден Совет? —
 Пищит какой-то вьюн.— Да я ж не подписался!»
 «Ты к нам откуда притесался? —
 Кричат ерши.—
 Не шебарши!»
 «Чего — не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
 Вы на собрание и нас позвать могли бы.
 Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы.

Со шукой боремся и мы».
 «Вы?!» — «Чем напрасно горячиться
 Да подыматься на дыбы,
 Вам у вьюнов бы поучиться
 Культурным способам борьбы».
 «Каким?» — «Сноровке и терпенью.
 Уметь мелькнуть неслышной тенью,
 Где попросить, где погрозить,
 Где аргументом поразить,—
 Зря не казать своих колючек;
 Колючки — это уж старо!»

«Постой! Наплел ты закорючек.
 Да у вьюнов-то есть перо?»
 «Есть». — «Без колючек всё?» — «Вестимо».
 «Тогда... плывите, братцы, мимо!»

ЕПИТИМИЯ

Настоятель М-ской пустыни К-ской области не выдает монахам штанов.
 «Современное слово», 1913 г.

Узревши, как под свист, под песни, охи, ахи,
 Поднявши рясы до рубахи,
 В страстной четверг монахи
 Плясали лихо трепака
 У кабака,
 Накинулся на них отец игумен:
 «Псы! Мало путаться вам с бабами у гумен
 Да девок зазывать под вечер в пустыри,
 Так вы теперь на грех и в срам пустились явный?
 Любуйся, дескать, люд хороший, православный,
 Какие кобели идут в монастыри!
 Что ж думаете вы? Что я все так оставлю
 И отпущу вам все вины?
 Да я вас, вражьи вы сыны,
 Год целый каяться заставляю!
 Чтоб знали вы, как чтить великий четверток,
 И чтобы впредь вы, лоботрясы,
 Бесстыдно оголясь, не задирали рясы,
 Отныне повелю держать вас... без порток».
 Даю не вымысел, а жизни верный сколок.
 Хоть дерзкий мой язык обычно груб и колок,
 Я о портках пишу без замыслов худых —
 Во здравие души и тела молодых
 И старых... богомолк.

ДОБРЯК

Какой-то филантроп, увидевши с крыльца
 Изнеможенного оборвыша-мальца,
 Лежащего средь цветника в растяжку,
 Воскликнул: «Жалко мне, дружок, измятых роз,
 Но больше жаль тебя, бедняжку».

Скажи, зачем ты здесь?»
 «Ах,— отвечал сквозь слез
 Малютка голосом, исполненным страданья,—
 Я третий день... без пропитанья!..
 И здесь я рву...
 И ем... траву!»
 «Траву? — вскричал добряк, разжалобившись пуще —
 Так обойди же дом и поищи во рву:
 Там ты найдешь траву куда погуще!»

СЛЕПОЙ И ФОНАРЬ

Столкнувшись с кем-то в темноте,
 «Ой! — взвыл слепой от боли.—
 Ну, люди! Прямо скот, ей-богу, на скоте!
 Фонарь-то я ношу для развлечения, что ли?»
 «Фонарь? — слепому был ответ.—
 Но где ж фонарь? Его и нет».
 «Ан есть!» — «Но кто ж его приметит:
 Ведь ты не видишь сам, что твой фонарь — не светит!»

Я басню разъяснять не стану. Дело в том,
 Что в восемь строк она вместилась вся удобно,—
 А ежели смысл ее растолковать подробно,
 Напишешь целый том!

КУПИДОША

«Друг, Купидошечка! — любезничал с утра
 С ищейкой унтер Пришибеев.—
 И как же ловко ты вчера
 Разнюхал сходочку вот этих вот... злодеев!
 Спасибо! Поддержал!
 За расторопность — на... съешь шоколадцу плитку!»
 Пес беспокоился, чего-то все визжал
 И носом тыкался в калитку.
 «Так... понимаем, брат: к собачкам погулять?
 Ну, неча хвостиком вилять!
 Айда! Да не сгрызись, гляди, со сворой злою!»
 Помчался Купидон на улицу стрелюю,
 А через часика примерно через два
 Едва-едва
 Назад волочит ноги.
 «Ой, батюшки. Хорошие итоги!»
 У Пришибеева остыло все в груди:
 «Иди сюда, иди.
 Скажи, как дело было?
 Вишь: хвост повис уныло,
 И слезы льют из глаз...
 Ужли отказ?!
 Пренебрегли такой особой!
 К ищейке, стало быть, прониклись лютой злобой?
 Вот так-то и со мной бывает всякий раз,
 И никакой тебе приятности житейской!

Облают — слова не скажи.
Вот после этого служи
На службе полицейской!»

ЗАКОННИКИ

Микола Тюрин поутру
Чинил дыру
В прогнившей крыше
И только что, взобравшись выше,
Сесть на конек хотел верхом,
Как поскользнулся ненароком
И, вниз свалившись кувырком,
О частокол огрелся боком.
На крик народу собралось.
Жена исходит в диком вое:
«Ды на ко-го ж...»
«Не вой ты... брось!»
«Эх, братцы, горе-то какое!»
«Гляди: прошло колом наскрозь!»

Придя в себя, бедняк Микола
Взмолился горько: «Братцы... ой!..
Сымите... братцы... с частокола!..»
«Чичас приедя становой,—
Уж потерпи, голубчик, малость!»
«Уж потерпи!»
«Ой... братцы... ой!..»
«Чичас приедя... Эка жалость!..»
«Ды на ко-го ж ты нас...»
«Постой!
Тьфу, Груша, ты-то хоть не вой!»
«Ды на ко-го ж...»
«Ой... братцы... ой!..»
«Чичас приедя!.. Слышь, Микола?
Никак нельзя без протокола!»
«Уж потерпи!»
Мужик терпел...
Терпел... Под вечер захрипел,
Уставил мутный взор на Грушу,
Икнул... и отдал богу душу!

В ЦЕРКВИ

Сысой Сысоич, туз-лабазник,
Бояся упустить из рук барыш большой,
Перед иконою престольной в светлый праздник
Скорбел душой:
«Услышь мя, господи! — с сияющей иконы
Сысоич не сводил умильно-влажных глаз.—
Пусть наживает там, кто хочет, миллионы,
А для меня барыш в сто тысяч... в самый раз...
Всю жизнь свою потом я стал бы... по закону...»
Сысоич глянул вбок,— ан, возле богача

Бедняк портной, Аким Перфильев, на икону
 Тож зенки выпялил, молитвенно шепча:
 «Пошли мне, господи, в заказчиках удачу...
 Последние достатки трачу...
 Чтоб обернуться мне с детишками, с женой,
 С меня довольно четвертной...»
 Купчина к бедняку прижался тут вплотную,
 От злости став белей стены:
 «Слышь? Лучше замолчи!.. На, сволочь, четвертную
 И не сбивай мне зря цены!»

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-далеком царстве,
 В ненашем государстве,
 За тридцать земель
 Отсель,
 Среди подданных царя мудрейшего Тофуты
 Случилось что-то вроде смуты.
 «Разбой! — кричали все. — Грабеж!»
 Шли всюду суды-пересуды:
 Порядки, дескать, в царстве худы,
 Насилья много от вельмож!
 Одначе
 Хоть бунтовали все, но в общей суете
 Верх брали те,
 Кто посильней да побогаче:
 «Чем лезть нам, братцы, напролом,
 Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
 Проведавши от них о нашей злой обиде,
 Царь нас рассудит в лучшем виде».
 Но то ли сам дошел, то ль, расхрабрясь от слов
 Вельможи главного, злодея Протоплута,
 Не допустил к себе послов
 Мудрейший царь Тофута:
 «Нелепо, — молвил он, — мне слушать их, занé
 Все, что известно им, известно также мне,
 А ежели что мне неизвестно,
 О том им толковать подавно неуместно!»
 Но черный люд не сдал: боролся до конца,
 Пока не выкурил Тофуту из дворца.
 И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
 Как власть отбитую народом у Тофуты,
 Присвоили себе все те же богачи,
 Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
 У бедных стали так выматывать все жилы,
 Как «не запомнят старожилы».
 Пошел в народе разговор:
 «Попали мы впросак!»
 «Того ль душа хотела?»
 «Эх, не доделали мы дела!»
 «От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
 Потолковали,
 Погоревали

И богачей смели, как сор.
 Жизнь сразу вышла на простор!
 Я в этом царстве жил недавно.
 И до чего живут там славно,
 На свой особенный манер!
 Как это все у них устроено на месте
 И с применением каких геройских мер,
 Вы этого всего нагляднейший пример
 В Коммунистическом найдете манифесте.

ПСОЙ

Псой — оборотистый мужик,
 Когда-то лавочник был местный.
 Теперь он просто ростовщик
 И плут известный.
 Путь у него к наживе прост:
 Паук пускал деньжатки в рост.
 Росли деньжатки помаленьку.
 Опутал мироед родную деревеньку,
 Потом — соседнюю, потом —
 Округа целая ограблена плутом!
 Люд бедный стоном стонет,
 А Псой в довольстве тонет:
 С спокойной совестью и без больших хлопот
 Переливает знай в рубли народный пот.
 Там урожай хорош ли, плох ли,
 А Псою то и это впрок:
 Содрав положенный оброк,
 Псой крестится: «Не я б, так все б кругом подошли!»
 Но под конец он так прижал всю бедноту,
 Что стало ей невмозготу;
 Ввалилися к нему голодные солдатки:
 «Ты, дьяволов ты сын, съел наши все достатки!
 Нет на тебя, на пса поганого, ружья!
 Вот погоди ужю, придут с войны мужья!»
 Вцепиться в бороду готовы бабы Псою.
 Псой перед бабами — лисою:
 «Спасибо, милые, за добрые слова.
 Вот благодарность мне, я вижу, какова.
 Такого ли от вас я чаял воздаянья
 За все мои благодеянья?
 Мужьями мне грозить? — Не страшно. Я не трус.
 Придут — там будет видно,
 Мне, главное, обидно,
 За что вы на меня?» — Наговорив турус,
 Псой выпроводил баб и в первую же ночку,
 С собою прихватив сундук, жену и дочку,
 Удрал, — куда? — бог весть.
 Сумел следы замести.

В собрание одно на днях попав случайно,
 Был удивлен я чрезвычайно.
 Псой объявился тут. Растрепанный и злой,

Кричит: «Долой! долой!»
 Бранит большевиков и чем-то их страшит,
 Эсеров очень восхищает.
 Интеллигентники от Псоя без ума:
 Вот, дескать, мудрость где народная сама!
 А то скрывают, крохоборы,
 Что мироед у них пришел искать опоры!

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
 Помещик некий в лес заехал погулять.
 На козлах Филька красовался,
 Такой-то парень — богатырь!
 «Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь.—
 Молодняком помещик любовался.—
 Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
 Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
 В остратку мужикам... на случай своеволья!»
 «М-да! — Филька промышал, скосивши вбок глаза.—
 М-да... розги — первый сорт...
 Молоднячок... Лоза!..
 Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!

Какой же басенке урок? Смешной вопрос.
 Года все шли да шли,— и молодняк подрос.

БОГОМОЛКА

Монаси — чины ангельскии.

У лавры Троицкой, в слободке,
 Монах повадился ходить к одной молодке.
 Муж со двора, монах во двор.
 Зачем? Нескромный разговор.
 Одначе как-то муж все шашни обнаружил
 И, сцапав в добрый час духовного отца,
 Уж так-то, так его утюжил:
 С того и с этого конца!
 То видя, всплакалась соседка-богомолка:
 «Стой, стой, безбожник! Стой! С ума сошел, Миколка!
 Не тронь священного лица!»
 «Так я ж накрыл его с женою, шельмеца!»
 «Накрыл его с женой... Подумаешь — причина!
 Да ты б еще ценил, что, может, через год
 Вдруг женка даст тебе приплод,—
 И от кого приплод, пойми ты, дурачина:
 От ангельского чина!

Вот с богомолкою подобной и толкуй.
 Не дай господь такой обзавестись хозяйкой!
 Заладит, что ни день, «Исаия ликуй!»
 С монахом снюхавшись, с Исайкой!

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

У батюшки Ипата
 Водилися деньжата.
 Конечно, дива тут особенного нет:
 Поп намолил себе монет!
 Однако же, когда забыли люди бога
 И стали сундуки трясти у богачей,
 Взяла попа тревога:
 «Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
 Решив добро свое припрятать повернее,
 Поп, выбрав ночку потемнее,
 Перетащил с деньгами ларь
 В алтарь
 И надпись на ларе искусно вывел мелом:
 «Сей ларь — с Христовым телом».
 Но хитрый пономарь,
 Пронюхав штуку эту
 И выудивши всю поповскую монету,
 Прибавил к надписи: «Несть божьих здесь телес!
 Христос воскрес!»

Что пономарь был плут, я соглашусь, не споря,
 Плут обманул плута — так кто ж тут виноват?
 Но я боюсь, чтоб поп Ипат
 Не удавился с горя.

КРЕЩЕНИЕ

Дьячок Кирилл да поп Ипат
 У старенькой купели
 Под писк ребят
 Козлами пели.
 Кто про детей, а батя — про отцов:
 «Ужотко проучу я этих подлецов:
 Довольно мне они, злодеи, насолили!
 Церковный сенокос и поле поделили,
 На требы таксу завели...
 Приходится сидеть как раку на мели:
 Нет ни почету, ни доходу!»
 С перекосившимся от злой усмешки ртом
 Поп ребятишек в воду
 Стал погружать гуртом:
 «Во имя... отца... и сына... и святого духа...
 Крещаются младенцы: Голиндуха...
 Евпл... Хуздазад... Турвон...
 Лупп... Кирса... Сакердон...
 Эксакостудиан... Проскудия... Коздоя...»
 Чрез полчаса
 В деревне шум стоял от ругани и воя.
 Ермил накинулся на кума, на Сыся:
 «Кого же ты носил крестить: дитё аль пса?
 Как допустил его назвать ты... Сакердоном?»
 В другом конце сцепился Клим с Антоном:
 «Как, ты сказал, зовут мальчика?»
 На куме не было лица.

«Эк... сам...— уставился бедняк убитым взглядом
На разъяренного отца.—

Как бишь его... Кума с попом стояла рядом...

Эк... сам...»

«Что сам? Крестил аль что? Ты, леший, пьян!»

«Я? Пьян? Ни боже мой!» — Кум жалко усмехнулся.—

А крестничка зовут: Эк... сам... кустом... Демьян!»

«Сам под кустом Демьян?! Ах, братцы!

Он рехнулся!»

Пров кума своего на все лады честил:

«Ты ж где, подлец,— в лесу дитё мне окрестил,

Аль у соседского овина?

Как, повтори, зовут мальца?»

«Ху... Хуздазад!»

«Что? Сам ты Хуздазад! Вон со двора, скотина!

Неси дитё назад!»

«Ай! — Кузькина жена в постели горько билась.—

Какого Евпла мне, кума, ты принесла?

Евл!.. Лихоманка б вас до смерти затрясла!»

У Сурина Наума

За Голиндуху так благодарили кума,

Что, не сбежись народ на шум,

Крестины век бы помнил кум.

«При чем тут кумовья? Опречь попа Ипата,—

Мне скажут,— ни одна душа не виновата».

Пожалуй, что и так. Хоть есть слушок, что поп,

Из кумовей попал кому-то под ослон,

Ссылаться пробовал на святы,

Но... я при этом не был, братцы!

СОБОРОВАНИЕ

Кулак Ермил Ермилыч занемог,

Лежит, не чувствуя совсем ни рук, ни ног,

Хрипит, глазами дико водит:

«Ой,— стонет,— смерть моя... Ой, ой, конец приходит!»

В избе переполох.

Семейство все вокруг болящего хлопочет.

Послали за попом: Ермил-де очень плох—

Собороваться хочет.

Явился поп. За плату в пять овчин

Над умирающим отбрыкал скорбный чин.

Отбрыкал честью, по канону,

Потом усаженный за стол, распялил пасть

И так нажрался самогону,

Что прямо страсть!

Забывши, что в углу под Спасом

Хозяин при смерти, стал батя диким гласом

Такие песенки похабные орать

И по избе ходить таким задорным плясом,

Что у хозяина тем часом

Пропала всякая охота помирать;

Весь распалившись от бабиной забавки:

«Ай, батя! — завопил Ермил, махнувши с лавки,—
Ай, батя! Ты ж прямой Целитель Пантелей!
А ну-кося и мне стакашечку налей!»

В МОНАСТЫРЕ

Поползень втихомолочку нашел себе богомолочку.
Народная пословица.

«Здесь,— богомолке так шептал монах смиренный,—
Вот здесь под стеклышком, внутри сего ларца,
Хранится волосок нетленный,—
Не знаю в точности — с главы, или с лица,
Или еще откуда —
Нетленный волосок святого Пуда.
Не всякому дано узреть сей волосок,
Но лишь тому, чья мысль чиста, чей дух высок,
Чье сердце от страстей губительных свободно
И чье моление к святителю доходно».
Умильно слушая румяного отца,
Мавруша пялила глаза на дно ларца.
«Ах,— вся зардевшись от смущенья,
Она взмолилась под конец,—
Нет от святителя грехам моим прощенья:
Не вижу волоска, святой отец!»
Отец, молодушку к себе зазавши в келью
И угостив ее чаишком с карамелью
И кисло-сладеньким винцом,
Утешил ласковым словцом:
«Ужотко заходи еще... я не обижу.
А что до волоска — по совести скажу:
В ларец я этот сам уж двадцать лет гляжу
И ровно двадцать лет в нем ни черта не вижу!»

БАСНИ ЭЗОПА

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись — Медведь с Китом,
И так сдружились крепко оба,
Что, заключив союз до гроба,
Друг другу поклялись в том,
Что каждый помогать другому будет в горе,
Ну, скажем там, болезнь случится иль война...
Вот, как на грех, пришлось вскоре
Нарваться Мише на Слона.
Увидевши, что близко море,
Стал Миша друга звать скорей:
«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»
Кит в берег тычется,— увы, царю морей
Не выбраться на сушу!
Медведь Кита корит:
«Изменник! Продал душу!»
«Кому? — ответил Кит.— И в чем моя вина?»

Вини мою природу!
 Я помогу тебе, как только ты Слона
 Швырнуть сумеешь в воду!»
 «Дурак! — взревел Медведь. — Не знал бы я беды,
 Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
 «Друг, — выбившись из сил,
 Конь с удивлением спросил, —
 В чем дело?
 Что значит жалоба твоя?
 Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

Иной с устало-скорбным ликом,
 Злым честолюбием одержим,
 Скрипит о подвиге великом,
 Хвалясь усердием... чужим.

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
 «Грабеж! Разбой! —
 Волк поднял вой. —
 Так вот какой ты есть защитник угнетенных!
 Так вот изнанка какова
 Твоих желаний затаенных!
 Вот как ты свято стал чужие чтить права!
 Пусть льстит тебе низкопоклонник,
 А я... Когда при мне нарушил царь закон,
 Я, не боясь, скажу, что он
 Из беззаконников — первейший беззаконник!
 Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый гнев!..»
 «Брось! — усмехнулся Лев. —
 Все это без тебя мне хорошо известно,
 Как не в секрет и волчий нрав.
 В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
 Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

ОСЕЛ И ЛЕВ

«Друзей мы ценим не числом,
 А качеством», — читал я где-то,
 Ан вот подите же: Лев дружбу свел с Ослом.
 Ну, что вы скажете на это?
 Лев! С кем? С Ослом? Да почему?
 А потому!
 Мне ж все подробно знать откуда?
 Должно быть, царская причуда!
 Льву... Все дозволено ему!
 Ослов ли брать к себе на службу
 Иль заводит с ослами дружбу.
 Хоть, впрочем, нет большой диковинки и в том,

Что просто Лев с тоски, чтоб отогнать зевоту,
 Решил обзавестись не другом, а шутом.
 Так это аль не так, мы выясним потом.

Однажды взяв Осла с собою на охоту,
 Лев дал ему работу:
 Зайдя вперед, пугать зверей, чтоб, ошалев,
 Они неслись туда, где притаился Лев.
 Осел в усердии великом
 Всех всполошил ослиным криком.
 Добычи вдосталь было Льву.
 В час отдыха, со Львом разлегшись важно рядом,
 «Что, друг,— спросил Осел,— а страшно я реву?»
 Окинув «друга» хитрым взглядом,
 Лев отвечал:
 «Беда как страшно! Я — оглох!
 Не только ты переполох
 На всех зверей навел немалый,
 Но в страхе жители бегут из ближних сел;
 Да сам я струсил бы, пожалуй,
 Когда б не знал, что ты — осел!»

ДОБРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:
 «Ты, кумушка, не думай,
 Что я всегда такой угрюмый:
 Злость на меня находит полосой.
 А вообще, сказать не лицемера,
 Добрей меня не сыщешь зверя.
 Спроси хоть у людей: ем мертвых я аль нет?»
 «Ах, кум,— Лиса в ответ,—
 Что мертвые?! Я думаю другое:
 Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
 Когда бы мертвецов ты менее щадил,
 Но... оставлял живых в покое!»

Смысл этой басенки не нов
 Для лицемеров и лгунов:
 Прочтут, поймут... и не покажут вида,
 Что их касается обида!

МИР

Тигр с Барсом встретился однажды у ручья.
 Была ль вина — и чья,
 Старинная ли тут сказалась злоба,
 Не знаю,— только оба
 Вступили сразу меж собой
 В жестокий бой.
 К концу уставши так, что лапою не двинуть,
 Остановились — дух немного перевести,
 Ан, смотрят: воронья кругом не то — не счесть,
 А глазом не окинуть!

Горланит черный стан, кружит над головой,
 Заране радуясь добыче даровой.
 То видя, хоть у них давно прошла усталость,
 Бойцы, и поостыв и образумясь малость,
 Речь повели о мировой.

Я басню раскопал у старика Эзопа.
 Мораль, которую жевали «до потопа»,
 Теперь, того гляди, применишь невпопад.
 Все ж повторю ее — без лишних междометий:
 Там, где двумя нарушен добрый лад,
 Разладу рад,
 Конечно, третий.
 И в басне дан пример наглядный и живой,
 Как важно вовремя сойтись на мировой.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой, Антигоны,
 Богач Филон, как должно богачу
 (Не скареду, я то сказать хочу),
 Устроил пышные на редкость похороны,
 «О матушка, скажи, как это понимать? —
 В смущенье молвила сквозь слезы дочь вторая.—
 Сестре покойнице ужели не сестра я,
 И ты — не мать,
 Что убиваться так по ней мы не умеем,
 Как эти женщины, чужие нам обеим?
 Их скорбь так велика
 И горе — очевидно,
 Что мне становится обидно:
 Зачем они сюда пришли издалека
 При нас оплакивать им чуждую утрату?»
 «Никак,— вздохнула мать,— ты, дочь моя, слепая?
 Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
 Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умеете отличать
 Скорбь тех, кто иль привык, иль вынужден молчать,
 От диких выкриков и воплей неумных
 Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

ГЕРМЕС

Какой-то токарь, плут известный и повеса,
 Состряпав наскоро из дерева Гермеса
 И притащив его на рынок продавать,
 Стал покупателей умильно зазывать:
 «Для лиц всех возрастов и для любого пола
 Гермес — за три обола!
 За три обола!
 Купив его, нужды не будешь знать ни в чем,
 Весь век свой проживешь в довольстве и покое;
 Кто беден — станет богачом,

А кто богат — разбогатеет вдвое!»
 «Ба! — кто-то из толпы, задетый за живое,
 Взял на смех продавца, — чудак же ты, видать,
 Что сам сбываешь с рук такую благодать!»
 «Эх, — продавец в ответ, — иди ты, братец, к шуту!
 Ведь ты пойми: сказать Гермесу не в укор,
 Он хоть отзывчив, да не скор,
 А три обола мне нужны сию минуту!»

ХИТРОСТЬ

Осла настигнул Волк. Увидевши врага,
 Осел давай вопить: «Нога моя, нога!»
 «Что? — удивился Волк. — Нога?.. Не понимаю!»
 «Понять не трудно: я хромаю.
 Из-под копыта хлещет гной.
 Когда б ты закусить теперь задумал мной,
 Ты б лег, отравленный, с костями моими рядом:
 Я весь пропитан гнойным ядом...
 Друг, сделай милость, помоги! —
 Хитрец Осел молил сквозь слезы.—
 Я умираю от занозы...
 О, если б ты ее мне вынул из ноги!»
 Нагнулся Волк: «Давай сюда копыто, что ли!..
 Где ж рана?»
 «Вот... Не там... Ой, пропаду от боли!
 Ой!» — «Да постой!
 Эк ты какой:
 Копыто наперед очистим от навозу».
 Покамест Волк искал занозу,
 Осел примерился, да так его лягнул,
 Что тот и ноги протянул!
 Очнувшись через час, Волк взвыл от лютой злобы.
 «Кем я обманут, а? Добро бы
 Кем путным, — нет, себя я на смех дал Ослу!
 Такая б дурь не грех в теленке годовалом,
 А я ведь, старый черт, мясник по ремеслу,
 С чего надумал я рядиться коновалом?»

Из басни можно бы извлечь любой урок.
 Что хитрость, дескать, есть порок иль не порок, —
 Но... остановка в малом:
 Я в жизни часто сам, спасаясь от беды,
 Хитрил на все лады,
 Так мне ль сводить концы проблемы этой тонкой?
 Пусть сводит кто другой, а я... пойду сторонкой.

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящий сборник входят избранные басни лучших баснописцев классической эпохи русского баснописания — от Антиоха Кантемира до И. А. Крылова. Наряду с поэтами, в творчестве которых басня была одним из основных жанров,— А. П. Сумароков, И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев, И. А. Крылов — здесь представлены также и забытые баснописцы — М. М. Херасков, М. Д. Чулков, П. А. Вяземский и редко обращавшиеся к басне, но создавшие совершенные и оригинальные образцы в этом роде (Д. И. Фонвизин, А. С. Пушкин). Включены также произведения, показывающие, как совершенствовалось и развивалось русское баснописание, как баснописцы откликались на общественные и литературные события своего времени.

В примечаниях приводятся краткие биографические и библиографические справки о баснописцах и необходимые пояснения к текстам.

Тексты печатаются в переводе на современную орфографию с сохранением характерных особенностей оригинала.

По сравнению с изданием 1961 г. (М.: Художественная литература) в сборнике несколько изменено расположение текстов так, чтобы оно отражало смену разных школ и направлений в русском баснописании. Состав сборника пополнен, биографические справки и примечания доработаны В. П. Степановым.

А. Д. КАНТЕМИР

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) был сыном молдавского господаря, в 1711 г. перешедшего на сторону Петра I и переселившегося в Россию. Образование и воспитание он получил в России и стал убежденным сторонником петровских преобразований. Он был близок к «ученой дружине», в которую входили просвещеннейшие деятели петровского времени — Феофан Прокопович, В. Н. Татищев. В литературе он выступил как поэт-сатирик. Его сатиры, ставшие классикой русской сатирической литературы, из-за резкого обличения пороков дворянства и духовенства не были напечатаны при жизни. Вскоре после восшествия на престол имп. Анны Иоанновны Кантемир был удален в почетную ссылку, назначен послом сначала в Лондон, а потом в Париж. Там он пробыл с 1732 г. до конца жизни, активно отстаивая русские государственные интересы. Стихотворная басня была новым жанром, который Кантемир вводил в русскую литературу. До него читатели были знакомы лишь с прозаическими баснями Эзопа. Кантемир пользовался еще силлабическим стихом, в котором требовалось соблюдать равное количество слогов, а не ударений (как в современном силлабо-тоническом стихе) в каждой стиховой строке; сильное ударение делалось на предпоследнем слоге и более слабое — в середине стиха, перед легкой остановкой в чтении (цезурой). Басни Кантемира впервые появились в печати в издании «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира», подготовленном поэтом и переводчиком И. С. Барковым (1762). Печатаются по «Собранию стихотворений» Кантемира (Л., 1957), где их тексты уточнены по рукописям. Кантемир сам сделал примечания к своим басням.

Ястреб, Павлин и Сова (с. 23). «Ст. 1. *Воевода*. Начальник войска, фельдмаршал. Ст. 2. *Из воздушного рода*. Из птиц, сиречь, понеже воздух обитают. Ст. 16.

Славы жало. Славы любовь, склонность та, которая нас к трудам ободряет в надежде получения чрез них себе славного имени. Ст. 17. *Седина бесплодна.* Старость не лучший плод принесет. Ст. 18. *Что Павлину перья так, как и гордость, сродна.* Что перья павлину никакого достоинства не придают, понеже они дар природы, а не трудами своими добыты. К тому ж та, без трудов, от самой своей природы данная ему красота его гордым делает. Сим стихом стихотворец означает дворян спесивых, которые кроме своего знатного имени, которая украса им от предков доставлена, никакого собственного достоинства не имеют. Ст. 22. *Недремно та бодрствует, пока унывает.* Не туды совет клонится, чтоб народа начальникам ночь не спать, но чтоб бодрствовать о благосостоянии народном гораздо больше своих подчиненных». Басня написана в Лондоне, в 1735 г.

Огонь и восковой болван (с. 24). «Ст. 1. *Восколей.* Воскового дела мастер; тот, сиречь, кто из воску образчики льет или лепит. Ст. 2. *Излил болван.* То, что вылил образчик. Ст. 7. *Осягл жар.* Жар тут в именительном падеже, воск в винительном. *Расползлося.* Растопилося». Басня написана в Москве, в начале 1731 г. Намекает на попытку части русской аристократии, «верховников», после смерти Петра II захватить власть в свои руки; сам Кантемир выступал сторонником воцарения Анны Иоанновны, надеясь, что она продолжит реформы Петра I.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769), поэт и теоретик литературы, был сыном астраханского священника. Он учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве, но, не желая становиться церковнослужителем, самовольно, без паспорта, отправился продолжать образование за границу; пять лет прожил в Париже и Голландии. У него есть ряд стихотворений, написанных на французском языке. Вернувшись в Россию, он был зачислен переводчиком в Академию наук и приобрел славу придворного поэта. В 1732 г. он опубликовал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором доказывал, что силлабические стихи противостественны русскому языку и что русские стихи должны быть основаны на чередовании ударений. Собственные его поэтические опыты были не всегда удачны. Поэтому позднее возник спор между Ломоносовым, Сумароковым и Тредиаковским о первенстве в изобретении новой системы стихосложения.

При дворе и в Академии наук «безродный» Тредиаковский терпел непрерывные насмешки и оскорбления. Однако своей деятельностью переводчика, ученого-филолога, лингвиста он много сделал для развития русской литературы; его филологические труды высоко ценил А. С. Пушкин. Для своих басен, сочиненных, как он писал, «для опытка», Тредиаковский на основе античной литературы создал особые размеры — «хореический» и «иамбический» гекзаметры. Он подражал римским баснописцам Феду и Бабрию; сюжеты их басен восходили к прозаическим басням легендарного грека Эзопа. Написаны басни Тредиаковского, по-видимому, в начале 1750 г.

Печатаются по изданию: Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы. Т 1.— СПб., 1752.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), гениальный ученый и писатель, известен как основоположник высокой лирической поэзии, автор замечательных од. Но он оставил заметный след и в истории басни. В «Кратком руководстве к красноречию...» (1748), известном также под названием «Риторика», он дал четкое и общепонятное определение жанра басни: «вымышленное повествование, имеющее в себе нравоучение, кратко и ясно изображенное». Сюда же он включил и три стихотворения, в качестве примера того, как надо писать басни. Они представляют первые в России силлабо-тонические переложения сюжетов, заимствованных у французского баснописца Ж. Лафонтена. Однако Ломоносов отказался от разностопного стиха Лафонтена, имитирующего разговорную речь. Спокойную, пронизанную юмором повествовательность его басен подчеркивает равностопный ямб, его любимый стихотворный размер. Этим правилам следовал ряд поэтов, современников Ломоносова (например, И. С. Барков). Лишь последняя басня Ломоносова «Свинья в лисьей коже» написана разностопным ямбом, так как она пародировала манеру Сумарокова. При жизни поэта она не печаталась. Сокращенный ее вариант появился впервые в «Российской универсальной грамматике...» (иначе «Письмовнике») Н. Г. Курганова (1769).

Печатаются по изданию: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8.—М.-Л., 1959.

<Свинья в лисьей коже> (с. 30). Написана в 1760—1761 гг., является ответом на басню А. П. Сумарокова «Осел во Львовой коже».

Он хлеб их отымает — намек на увольнение Сумарокова от управления русским придворным театром. *Кривляя рожу, моргала* — нервный тик, которым страдал Сумароков.

А. П. СУМАРОКОВ

Александр Петрович Сумароков (1717—1777), один из создателей новой русской литературы, принадлежал к более молодому поколению писателей, чем его современники Тредиаковский и Ломоносов.

Потомственный дворянин, он учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, служил в гвардии. В 1747 г. он напечатал свои «Две эпистолы» (стихотворные послания), в которых речь шла о поэзии и русском языке, и которые стали манифестом нового литературного направления — русского классицизма. В 1749 г. при дворе были поставлены его первые оригинальные трагедии в стихах, а когда Ф. Г. Волков создал русскую драматическую труппу, Сумароков в 1756 г. стал первым директором придворного театра. Сумароков разработал как литературную теорию классицизма, так и на практике дал образцы всех литературных жанров — драматических и поэтических, которые с тех пор получили право гражданства в русской литературе. Его деятельность породила целую школу последователей и подражателей. Отстаивая свои литературные убеждения, самолюбивый Сумароков, начиная с 1750 г. постоянно вступал в полемику с Ломоносовым и Тредиаковским, часто оборачивавшуюся литературными скандалами.

Басня (или, как он называл ее, «притча») была любимым жанром Сумарокова. Им было написано свыше 370 басен, больше чем каким-либо другим русским баснописцем. Он начал печатать их в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» с 1755 г. В 1762 г. вышли две первые, а в 1769 г. третья кни-

га его «Притчей»; в посмертном «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе» Сумарокова известный русский просветитель и сатирик Н. И. Новиков напечатал по рукописям поэта еще три новых книги басен. Сумароков создал басню в той форме, которая стала для нас привычной и существует до настоящего времени. Он первый применил в басне разностопный ямб, который хорошо и естественно передавал обыденную живую речь, ее разнообразные интонации. Из нравоучительного стихотворения с отвлеченной моралью басня под пером Сумарокова превратилась в острую сатиру, часто метившую в конкретных людей и события. Сюжеты басен Сумарокова чаще всего совпадают с баснями классика мировой басни Ж. Лафонтена, но перерабатывал он их в русском духе. Он также обращался к народному анекдоту, сказке, широко использовал народную мудрость — пословицы, поговорки; есть у него сюжеты, взятые прямо из жизни или придуманные им самим. Современники необычайно высоко ценили притчи Сумарокова, называя его «русским Лафонтеном». Новиков писал о нем: «Притчи его почитаются сокровищем Российского Парнаса, и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де ла Фонтеня, славнейших в сем роде». Только спустя полвека, после басен Хемницера и Дмитриева, притчи Сумарокова стали казаться читателям грубыми и неискренними.

Печатаются по изданиям: Сумароков А. П. Притчи, кн. 1—3.— СПб., 1762—1769; Полное собрание всех сочинений. Т. 7.— М., 1781.

Скупой (с. 33). *Шелег* — стертая монета, потерявшая большую часть своей ценности.

Кошка (с. 34). *Фишбейная юбка* — широкая юбка на каркасе из китового уса.

Яйцо (с. 35). *Сертить* — шлаться без дела, суетиться.

Блоха (с. 37). *Минерва* — богиня мудрости (римск миф.); *Каллиопа* — муза эпической поэзии (греч. миф.), воспевавшей подвиги героев.

Пир у Льва (с. 40). *И вместо портупей имеют кушаки* — то есть купцы, а не дворяне, имевшие право на ношение шпаги; Сумароков имеет в виду разбогатевших купцов, добивавшихся дворянства. *Потазать* — наказывать, побранить.

Жуки и Пчелы (с. 42). Басня, по-видимому, обращена против В. К. Тредиаковского, поместившего в сборнике «Сочинения и переводы» свой трактат по стихосложению. Стих «Они работают, а вы их труд ядите» был взят эпитафией к журналу Н. И. Новикова «Трутенъ» на 1769 г.; позднее он ассоциировался с обличением крепостного права.

Сова и Рифмач (с. 42). Направлена против Тредиаковского, претендовавшего на роль зачинателя новой русской поэзии.

Коловратность (с. 42). *Коловратность* — круговращение. Возможно, тема басни навеяна придворными интригами в конце царствования Елизаветы Петровны и при воцарении Екатерины II, когда круто менялись судьбы многих вельмож.

Безногий солдат (с. 43). *Пятница и среда* — постные дни недели. *Из ряды* — по договору.

Подьяческая дочь (с. 44). *Корнет* — дамский чепец особого покроя. *Флеровый салон* — род круглого плаща, женская одежда из шелковой материи. *Трисет* — карточная игра с колодой без троек.

Волки и овцы (с. 47). *Астрея* — богиня справедливости, управлявшая ми-

ром в золотом веке (греч. миф.). *Сабинянки* — имеется в виду античное предание о похищении римлянами во главе с Ромулом себе в жены дочерей из местного племени сабинян. *Подклет* — нижний этаж избы, кладовая.

Суд (с. 49). *Дать сок* — силой выжать, заставить отдать.

Кисельник (с. 50). Сюжет восходит к притче Феофана Прокоповича (1681—1736), вставленной в его проповедь «В неделю цветную».

Сатир и гнусные люди (с. 51). Сумароков изобразил в притче свое трудное положение поэта-сатирика. С римскими лесными божествами связывалось происхождение сатирической поэзии. Последние два стиха Н. И. Новиков взял эпитафией к «Трутню» на 1770 г. *Демокрит* — древнегреческий философ, по преданию, осмеивавший пороки своих соотечественников.

Кот и мыши (с. 53). *Подъяческий крючок* — ухищрение в судебной тяжбе.

Порча языка (с. 58). *Мотонис Н. Н.* (ум. 1787) и *Козицкий Г. В.* (1725—1775), переводчики с греческого и латинского языков, считавшиеся в свое время тонкими стилистами. Басня направлена против засорения русского языка иностранными заимствованиями.

Чинолюбивая Свинья (с. 58). *Гай Калигула* (I век), римский император, по преданию хотел назначить свою любимую лошадь консулом, чтобы ей отдавали соответствующие почести. *Припадки* — здесь: неожиданный фавор.

Калигулина лошадь (с. 59). См. прим. к притче «Чинолюбивая Свинья». *Консул* — высшее должностное лицо в Древнем Риме. *Невтон* — Ньютон (1642—1727), английский ученый.

Стряпчий (с. 60). *Стряпчий* — ходатай по судебным делам, частный поверенный.

Ось и Бык (с. 60). *Тягло тянет* — несет крепостные повинности.

Хвастун (с. 62). Впоследствии этим сюжетом воспользовался И. А. Крылов в басне «Лжец».

Деревенские бабы (с. 63). *Ксантинна* — жена древнегреческого философа Сократа, по преданию, крайне сварливая женщина.

Коршун в павлиньих перьях (с. 68). *Жеребо* — беременно, наполненно. *Сверстать* — сравнять.

Мужик с котомой (с. 70). Сюжет притчи напоминает былинку о Микуле Селяниновиче; Сумароков высказывает в ней свое уважительное отношение к крестьянскому труду.

Отрекшаяся мира мышь (с. 71). Направлена в адрес русского духовенства, отказавшегося оказать правительству финансовую поддержку во время Семилетней войны (1756—1763). *У коих бороды пошире* — духовенство было освобождено Петром I от бритья бороды.

Волк, ставший пастухом (с. 73). Одна из первых басен, опубликованных Сумароковым; противопоставлена по форме басне Ломоносова «Волк-пастух».

Осел во Львовой коже (с. 77). *В чину уroda Из сама подла рода, Которого пахать произвела природа* — в этих стихах Ломоносов, вышедший из крестьян, увидел намек на себя и отвечал Сумарокову в басне «Свинья в лисьей коже».

Лисица и Статуя (с. 80). *Хераскова* (1737—1809) — поэтесса, жена М. М. Хераскова.

Феб и Борей (с. 81). *Борей* — Калигула, а *Феб* — Екатерина — имя Калигулы в просветительской литературе использовалось как символ необузданного деспотизма. В данном случае Сумароков имеет в виду Петра III, свергнутого

с престола в пользу его жены Екатерины II, которая в начале царствования изображала себя просвещенной правительницей.

Дуб и Трость (с. 83). *Зефир* — легкий ветерок; *Аквилон* — свирепый северный ветер.

Голова и члены (с. 84). В басне выражена идея необходимости подчинять личные и сословные интересы общегосударственным целям.

Обезьяна-стихотворец (с. 87). Направлена против Ломоносова, возвышенную одическую поэзию которого Сумароков не признавал, противопоставляя ей свою, «естественную». Осмеивает опечатку Ломоносова в «Оде на взятие Хотина», где вместо «кастальский» (мифологический ручей, источник поэтического вдохновения) было напечатано «кастильский» (испанский). *И стала петь, Гомера подражая* — имеется в виду незавершенная поэма Ломоносова «Петр Великий».

Ослица и кобыла (с. 87). Возможно, намекает на брак сестры Сумарокова, Е. П. Сумароковой, и А. И. Бутурлина, которого поэт вывел под именем Кащея в комедии «Лихоимец». *Четвертый способ был доньше прежде кнут* — пытка, официально отмененная Екатериной II.

Арап (с. 88). Направлена против литературных противников Сумарокова. *Козицкий* — см. «Порча языка».

Пучок лучины (с. 91). Имеется ввиду эпоха феодальной раздробленности в истории русского государства.

М. М. ХЕРАСКОВ

Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) предполагал стать военным и окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Однако вскоре он перешел на службу в администрацию только что открытого Московского университета, с которым оказался связан на всю жизнь. Он был директором университетской типографии, организовал Московский благородный пансион, много лет был куратором (директором) университета. Писать он начал под влиянием А. П. Сумарокова, как его ученик, но скоро вокруг него и издававшихся им в Москве журналов сгруппировался так называемый «херасковский кружок» молодых писателей. В их творчестве особое развитие получили темы нравственного самосовершенствования, добродетели, нравственных качеств человека, особенно полно отразившиеся в лирике, драматургии и романах Хераскова. В известной мере Херасков выступил как предшественник сентименталистов (Карамзин, Дмитриев) с их интересом к этическим исканиям и внутреннему миру человеческой личности. Первые притчи Хераскова появились в журналах 1750 г. В них он подражал сатирической манере Сумарокова, однако постепенно разуверился в возможности сатирой исправить человеческие пороки. Свой первый поэтический сборник Херасков намеренно назвал «Нравоучительные басни» (1764), так как в них преобладает морально-философская аллегория, а основное настроение — печальное созерцание вечных недостатков человеческой природы.

Печатается по изданию: Русская басня XVIII—XIX вв.— Л., 1949.

Бабочка и Пчела (с. 97). *Аврора* — богиня утренней зари; *Флора* — богиня цветов (римск. миф.).

В. И. МАЙКОВ

Василий Иванович Майков (1728—1778) пришел в литературу через увлечение театром. В Ярославле у отца, богатого помещика, он познакомился с основателем русского театра актером Ф. Г. Волковым. В Петербурге, служа в гвардии, он сблизился с А. П. Сумароковым. Печататься Майков начал в начале 1760 г., после переезда в Москву, в журналах М. М. Хераскова и прославился как автор комических поэм, наиболее известной из которых была «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771), по выражению А. С. Пушкина, «истинно смешное произведение». Она написана как пародия на важные эпопеи классицизма; герой ее ямщик Елеся по воле бога вина и веселья Вакха мстит откупщикам за повышение цены на водку. В баснях Майкова, предшествовавших созданию поэмы, вырабатывалась эта шутливая манера, принесшая ему славу. Майков назвал свой сборник басен в подражание Хераскову «Нравоучительные басни» (кн. 1—2, 1766—1767). Однако в них было больше веселости, чем морализирования. Майков рассказывает свои истории как анекдот, завершая их, как правило, остроумной и отточенной концовкой. Майков не владел свободно ни одним иностранным языком. Поэтому сюжеты для басен он заимствовал из русских переводов Эзопа, Фэдра, Голберга, а многое брал из русского фольклора или фацетий (коротких сатирических рассказов, популярных в древнерусской литературе). Впрочем, современники считали, что отсутствие у Майкова переводов и переложений придает его басням особое своеобразие. «Нравоучительные басни» были переизданы в 1788 г.

Печатается по изданию: Майков В. И. Избранные произведения.— М.— Л., 1966.

Конь знатной породы (с. 107). *Пегас* — крылатый конь, обитающий с богами на Олимпе, символ поэтического вдохновения (греч. миф.). *Буцефал* — лошадь Александра Македонского.

Скупой (с. 108). *Гарпагон* — герой комедии Мольера «Скупой». *У Фэдра есть дракон* — басня Фэдра «Лисица и дракон». *Сумароков называет* — намек на басню Сумарокова «Сторож богатства своего».

М. Д. ЧУЛКОВ

Михаилу Дмитриевичу Чулкову (ок. 1743—1792) в своей жизни пришлось быть актером, придворным лакеем, чиновником; к концу жизни он выслужил право на дворянство и стал помещиком. Таким же пестрым, как биография, было и его творчество. Чулков писал романы (в том числе плутовской роман «Пригожая повариха»), комические поэмы, составлял словари по русской мифологии; он издавал также два сатирических журнала. В первом из них, «И то, и сию» (1769), он и напечатал свои басни-анекдоты в стихах. Печатаются по этому изданию. Часть сюжетов Чулкова встречается в «Письмовнике» Н. Г. Курганова.

М. И. ПОПОВ

Михаил Иванович Попов (1742—ок. 1790) был сотоварищем М. Д. Чулкова по службе в придворном театре. Во многом похожа и их литературная деятельность. Попов также ориентировался на широкого демократического читателя, писал романы, большой популярностью пользовались его песни; он выпустил «Описание древнего славянского языческого баснословия», сотрудничал в сатирических журналах. Известность принесла ему первая русская ко-

мическая опера «Анюта» (1772). Попов был хорошо знаком с Н. И. Новиковым, в журналах которого и появились впервые его притчи.

Печатаются по изданию: Попов М. И. Досуги.— СПб., 1772

Два вора (с. 123). *В серяке* — в серой крестьянской одежде, сермяге. *Съезжая изба* — присутственное место, ведавшее сбором податей.

А. О. АБЛЕСИМОВ

Александр Онисимович Аблесимов (1742—1783), сын небогатого помещика, в юности служил канцеляристом при А. П. Сумарокове в привилегированной гвардейской лейб-компанской роте, а потом в придворном театре и начал печататься в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). В 1769 г. он стал постоянным сотрудником журнала Н. И. Новикова «Трутень», где появились его первые стихотворные «сказки» — сатирические басни, действующими лицами которых были люди, а не животные. В том же году он издал сборник «Сказки в стихах Александра Аблесимова». Часть этих стихотворений он позднее переделал и поместил в журнале «Разкащик забавных басен», издававшемся им анонимно в 1781 г. Однако славу Аблесимову принесли не стихи, а комическая опера «Мельник — колдун, обманщик и сват», долго державшаяся в репертуаре русского театра.

Печатаются по журналу «Разкащик забавных басен» и по изданию: Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX в.— Л., 1969.

Купчиха во дворянках (с. 126). *Старуха* — здесь: сваха. *Роспись* — список женихов. *Магистрат* — высшее учреждение городского самоуправления, которое ведало также вексельными делами.

Приказная уловка (с. 127). *Читал печатное* — намек на объяснения в журнале Екатерины II «Всякая всячина», что взяточничество процветает только потому, что просители развращают чиновников, предлагая им взятки. Эти объяснения были осмеяны в передовой сатирической журналистике XVIII в. *Указ подъячих испужал* — изданное Екатериной II в 1762 г. и не имевшее серьезных последствий запрещение чиновникам брать взятки.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

Ипполит Федорович Богданович (1743—1803) прославился прежде всего поэмой «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах» (1783), в которой переложил в виде изящной поэтической сказки миф об Амуре и Психее. Литературная деятельность Богдановича началась в журналах М. М. Хераскова «Полезное увеселение» (1760—1762), затем он сам был одним из издателей журнала «Невинное упражнение», также выходившего в Москве. Здесь в числе других его стихотворений появились и его басни-притчи. Ранние свои произведения Богданович собрал в анонимно вышедшей книге «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» (1773). Характерно, что, много занимаясь переводами, он почти не обращался к классическим басенным сюжетам. Он придумывал их сам или перелагал в стихи устные народные анекдоты. Поэтому некоторые его басни позднее были напечатаны в виде подписей к лубочным народным картинкам и таким образом получили широкую известность у простонародного читателя.

Печатаются по сб.: «Лира».— СПб., 1773, и журналу «Собеседник любителей русского слова», 1783, ч. I.

М. Н. МУРАВЬЕВ

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) оставил мало завершенных сочинений, но активно участвовал в литературном движении своего времени. Он был близко знаком с Н. И. Новиковым, М. М. Херасковым, В. И. Майковым, Н. А. Львовым и другими писателями. Сохранилась обширная переписка Муравьева, в значительной степени посвященная литературным вопросам и литературным новостям. Длительное время Муравьев прослужил в гвардии; неожиданно в 1785 г. он был взят в воспитатели к наследнику престола Александру Павловичу. В этой должности он старался привить своему воспитаннику гуманные взгляды. В 1802 г. его назначили заместителем министра просвещения и попечителем Московского университета, в истории которого он оставил заметный след. Взыскательный писатель, Муравьев мало печатался при жизни. В оставшихся неопубликованными сочинениях он во многом предвосхитил новые литературные направления — сентиментализм и преромантизм. Такие поэты, как К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский, посмертно издавшие сочинения Муравьева, считали его своим предшественником. «Басни в стихах» были первой книгой Муравьева (1773); известно, что он работал и над второй книгой басен. Старые басни он позднее серьезно переработал стилистически, в сторону большей ясности и изящества рассказа. В этих своих поисках он почти приблизился к той реформе басни, которую осуществил его младший современник И. И. Дмитриев.

Печатается по изданию: Муравьев М. Н. Стихотворения.— Л., 1967.

Суд Момов (с. 133). Басня воспроизводит часть одного из «диалогов» греческого сатирика Лукиана (II в.). *Засодимский* Михаил Андреевич — преподаватель риторики в Вологодской духовной семинарии; под Вологдой находилось имение Муравьевых.

Перо (с. 136). *Ермолов* Александр Петрович — земляк Муравьева, один из фаворитов Екатерины II. *Олешев* Алексей Васильевич — вологодский помещик, писатель.

И. И. ХЕМНИЦЕР

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) был сыном обрусевшего немца, полкового лекаря, и по настоянию отца сам должен был стать лекарем. Однако в 1757 г. он самовольно поступил в военную службу и пробыл в ней 12 лет. В 1769 г. он получил незначительную должность при Горном училище в Петербурге, в середине 1770 гг. познакомился с Н. А. Львовым, В. В. Капнистом, Г. Р. Державиным, высоко ценившими и поддерживавшими поэтическое дарование Хемницера. Первый сборник «Басни и сказки» (1779) Хемницер посвятил М. А. Дьяковой, жене Львова. Хемницер был необычайно скромным и робким человеком; страшась возможных замечаний критики, он скрыл свое авторство, подписав сборник псевдонимом N. N. В 1782 г., незадолго до своего отъезда к последнему месту службы русским торговым консулом в Смирну, Хемницер напечатал вторую книгу «Басен и сказок». Как писатель Хемницер испытал сильное влияние передовых мыслителей XVIII столетия. Он восхищался идеями Ж. Ж. Руссо, Вольтера; в поисках сюжетов для своих басен он обратился к поэзии немецкого просветителя Хр. Геллерта. Звучащие в баснях Хемницера призывы к личному благородству, честности, умению «стоять за правду»

стали своеобразной гражданской позицией его дружеского окружения. Державин, например, позднее отдавал предпочтение Хемницеру даже в сравнении с такими замечательными баснописцами, как И. И. Дмитриев и И. А. Крылов:

*Эзон, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Последнему сказал: «Ты тонок и умен»;
Второму: «Ты хорош для модных нежных жен»;
С усмешкой первому сжал руку — и ни слова.*

Столкновение просветительских идеалов с русской чиновничьей и крепостнической действительностью породило ноты уныния и скепсиса в баснях Хемницера, грустный взгляд на неразумное и неизменяемое устройство мира.

После смерти Хемницера Львов и Капнист выпустили самое полное издание «Басен и сказок» в 3 частях, которое они постарались приспособить ко вкусам читателей начала XIX века и для этого исправили стиль его басен. Популярность басен Хемницера была велика. В XIX в. он, наряду с Крыловым, был самым читаемым баснописцем.

Печатаются по изданию: Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений.— М.— Л., 1963.

Дерево (с. 142). *Идея басни* — шаткость положения вельмож при царском дворе. *Вулкан* — бог подземного огня (римск. миф.).

Два соседа (с. 144). *Живот* — нажитое, движимое имущество, богатство.

Лжец (с. 147). *В то время самое, как опыты те были* — опыты по действию огня на алмазы, на которых присутствовал Хемницер в Горном училище.

Барон (с. 149). *Гайдуки* — здесь: слуги. *Щечить* — воровать, таскать украдкой. *Аргус* — многоглазый великан, у которого часть глаз всегда бодрствовала (греч. миф.).

Стряпчий и воры (с. 160). *Править* — оправдать. *Расщечить* — разворовать.

Дионисий и министр его (с. 162). *Дионисий* (ок. 432—367 до н. э.) — сиракузский тиран, отличавшийся крайней подозрительностью и жестокостью; известен также как самолюбивый писатель.

Привилегия (с. 166). *Здесь об откупщиках словцо сказать* — намек на указ 1767 г., позволявший откупщикам произвольно повышать цены на вино.

Метафизический ученик (с. 172). *Метафизиками* (или схоластиками) в XVIII в. называли представителей схоластической науки; существовали и печатались подборки анекдотов о смешных поступках «схоластиков». Басню высоко оценил В. Г. Белинский: «Наконец явился талантливый Хемницер и написал своего превосходного «Метафизика», который и доньше и всегда будет превосходен как ловко написанная эпиграмма...» В одной из своих работ эту басню упоминает В. И. Ленин (Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 2, с. 418). Басня была широко известна в переработке В. В. Капниста, напечатанной в издании стихотворений Хемницера 1799 г. под названием «Метафизик». Стих из нее: «Веревка! — вервие простое!» стал широко распространенной поговоркой.

Народ и идолы (с. 176). *Жрецы на жерновах водою разъезжали* — по-видимому, намек на легенду об Антонии Римлянине, новгородском «чудотворце», переплывшем на камне море.

Я. Б. КНЯЖНИН

Яков Борисович Княжнин (1740—1791), крупнейший драматург XVIII в., вошел в историю литературы как автор тираноборческой трагедии «Вадим Новгородский» (1789), не только не увидевшей сцены, но и запрещенной в царской России к публикации вплоть до середины XIX в. Как комедиограф Княжнин был предшественником А. С. Грибоедова; в «Горе от ума» заметно влияние его комедий. Басни Княжнина и его стихотворные сказки еще сохраняют связь с сатирической традицией А. П. Сумарокова. Но он уделяет больше внимания последовательному развитию сюжета, развернутым диалогам басенных персонажей. Такая его басня, как «Мор зверей», является непосредственным предвестием басенного слога И. А. Крылова. Печатаются по изданию: Княжнин Я. Б. Собрание сочинений, т. 4. СПб., 1787.

Дуб и Трость (с. 184). *Полубогам венцы сплетаются* — дубовыми венками в древности увенчивали царей и полководцев.

Д. И. ФОНВИЗИН

Денис Иванович Фонвизин (1744—1792), гениальный комедиограф, автор комедий «Бригадир» и «Недоросль», еще в юности перевел прозой и напечатал сборник басен датского писателя Л. Голберга. Единственная стихотворная басня Фонвизина является переложением прозаической басни немецкого писателя-демократа Х. Ф. Шубарта. Фонвизин подарил басню издателям сборника «Распускающийся цветок» (1787), в котором печатались сочинения воспитанников Университетского пансиона. Басня разоблачает «просвещенный абсолютизм» XVIII в.; может быть, своим переложением писатель откликнулся на смерть прусского короля Фридриха II (1786), выдававшего себя за последователя философов-просветителей и известного своими кровопролитными войнами.

Печатается по изданию: Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 1.— М.— Л., 1959.

Лисица-кознодей (с. 186). *Кознодей* — проповедник. *Альфреско* — особый вид настенной живописи.

И. П. ПНИН

Иван Петрович Пнин (1773—1805) принадлежал к младшему поколению писателей-просветителей, связанных с возникшим в 1802 г. Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, объединявшим демократически настроенных литераторов. В 1804 г. он напечатал «Опыт о просвещении относительно к России», сразу же конфискованный властями. В этом сочинении в надежде на либеральные реформы Александра I он яркими красками изобразил тяжкое положение крепостных крестьян и призвал правительство защитить их от произвола помещиков. Члены Вольного общества высоко ценили поэтическое дарование Пнина; незадолго до смерти он был избран президентом общества. Басни Пнина по большей части появились в издававшемся им «Санкт-Петербургском журнале» (1798). В них он пропагандирует просветительские идеи о взаимозависимости народа и власти, общественных добродетелях и т. д.

Печатаются по изданию: Пнин И. П. Полное собрание сочинений.— Л., 1934.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Гаврила Романович Державин (1743—1816), крупнейший поэт XVIII столетия, начал писать басни в 1780 г., однако только в начале XIX в. решился составить из них самостоятельную книгу басен. Она должна была войти в дополнительный том его собрания сочинений, не вышедший в свет из-за смерти поэта. Басни Державина отличаются особым своеобразием. Он придавал важное значение оригинальности своих басенных сюжетов, и не «заимствовал», а «изобретал» их сам; у него почти не встречаются заимствованные сюжеты. В большинстве своем басни Державина представляют злободневные отклики на события современной политической и придворной жизни, облеченные в «басенную» форму иносказания. В этом смысле они принадлежат к политической басне, получившей развитие в творчестве Д. В. Давыдова, Ф. Н. Глинки, П. А. Вяземского.

Печатаются по изданию: Державин Г. Р. Сочинения. Под ред. Я. К. Грота. Т. 2—3.— СПб., 1865—1866.

Лев и Волк (с. 193). Басня направлена против известного царедворца Екатерины II Л. А. Нарышкина, получившего прозвище «шпынь» (шут, балагур). У Державина выведен под именем Пифика (обезьяна); Лев — императрица.

Фонари (с. 193). *Кулибинский фонарь* — Кулибин Иван Петрович (1735—1818), механик-самоучка, был изобретателем фонаря с зеркальным отражателем.

Крестьянин и Дуб (с. 194). Басня написана Державиным в Калуге, во время ревизии по жалобам на губернатора Д. И. Лопухина; аллегорически изображает борьбу поэта с противодействием местных властей.

Хозяйка (с. 195). В басне Державин сравнивает царствование Екатерины II и Павла I, и осуждает щедрые и незаслуженные награды, раздававшиеся императором своим любимцам.

И. И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) начал службу солдатом в гвардейском полку, без протекции выслужив затем офицерский чин. В смутное время царствования Павла I он предпочел выйти в отставку, но позднее, при Александре I, сделал блестящую карьеру, став сенатором, членом Государственного Совета и министром юстиции (1806—1814).

Первые стихотворения Дмитриева относятся к 1770 г., но по-настоящему его дарование заблистало в период сотрудничества в журналах и альманахах, которые издавал в 1790-х гг. Н. М. Карамзин. Он был самым близким другом и единомышленником Дмитриева. Песни, лирические стихотворения, басни и «стихотворные сказки» сразу же получили широкую известность и сделали имя Дмитриева популярным у читателей. Он попадает в число ведущих поэтов, знакомится с Г. Р. Державиным и кругом близких к нему писателей. Вместе с Карамзиным Дмитриев борется за обновление литературного языка, пишет остроумные сатиры и эпиграммы на противников «нового слога». В 1794 г. выходит его первый сборник «И мои безделки» (заглавие перекликается со сборником Карамзина «Мои безделки»), а в 1803—1805 гг. он уже выпускает три части собрания своих сочинений — «Сочинения и переводы». Здесь был напечатан основной корпус басен Дмитриева, позднее пополнявшийся им от издания к изданию. В 1823 г. Дмитриев взыскательно отобрал лучшие из них для шестого, итогового издания своих «Стихотворений», которое было издано

Вольным обществом любителей российской словесности со специально написанной для этого случая статьей П. А. Вяземского «О жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». Сам автор пометил его как «исправленное и уменьшенное».

Последние годы жизни, после отставки, Дмитриев провел в Москве как литературный патриарх, окруженный уважением нового поколения писателей. Он почти ничего не писал. Самым значительным возвращением к басенному жанру в это время является его сборник «Апологи в четверостишиях» (1826).

Печатаются по изданию Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений.— Л., 1967.

Мышь, удалившаяся от света (с. 197). *Дервиш* — восточный монах-отшельник.

Мудрец и поселянин (с. 206). В басне развивается руссоистская философия естественной жизни. *Зенон, Эпикур и Платон* — древнегреческие философы.

Пустынник и Фортуна (с. 213). *Плутарх* — древнеримский историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» великих людей древности.

Царь и два пастуха (с. 222). Басня отражает надежды Дмитриева на то, что Александр I, сменивший на русском престоле Павла I, привлечет к управлению страной способных и честных людей.

Воспитание Льва (с. 224). Басня содержит намек на необычное воспитание, полученное Александром I под руководством республиканца Лагарпа: одновременно Дмитриев выражал в ней надежду, что в его царствование установятся принципы «просвещенного», гуманного правления.

Три льва (с. 229). *Беллона* — богиня войны (римск. миф.).

История (с. 232). Басня посвящена выходу в свет первых томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и намекает на содержание готовившегося девятого тома, посвященного царствованию Ивана Грозного.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852), выдающийся поэт и переводчик, зачинатель русской романтической поэзии, был поэтическим наставником молодого Пушкина. Работа над жанром басни была кратким, но очень интенсивным периодом в его творческой биографии. Все его басни были написаны около 1808 г. и появились в журнале «Вестник Европы», который он тогда редактировал. Среди них были первые переводы из французского баснописца Флориана, после этого получившего известность в России. Жуковский в качестве образца ориентировался на И. И. Дмитриева, с которым был близок так же, как и с Н. М. Карамзиным. Однако он сумел оценить и первые басни И. А. Крылова, откликнувшись восторженной рецензией на выход его первого сборника. Своим переложениям, несмотря на их близость к подлиннику, Жуковский иногда придавал несвойственный оригиналу комический оттенок повествования. В этом сказался его природный комический дар, полностью проявившийся на заседаниях литературного объединения «Арзамас», где он вел шуточные протоколы, известные в дружеском кругу под названием «арзамасской галиматши». Впоследствии Жуковский не включал басни в свои собрания сочинений, за исключением «Сна могольца», по-видимому, из-за блестяще разработанной концовки, созвучной элегическому творчеству поэта.

Печатаются по изданию: Жуковский В. А. Сочинения. Т.1.— СПб., 1878.

Каплун и Сокол (с. 241). *Арзамас* — город, славившийся домашней птицей

и снабжавший ею Москву. Когда в 1814 г. было создано общество «Арзамас», «арзамасский гусь» стал его шутливым символом.

В. А. ОЗЕРОВ

Владислав Александрович Озеров (1769—1816), автор прогремевших на сцене в начале XIX в. стихотворных трагедий «Фингал» и «Дмитрий Донской», как баснописец при жизни был известен только узкому кругу друзей: его стихотворения появились в печати лишь в посмертных изданиях. В Сухопутном шляхетном кадетском корпусе он учился словесности у Я. Б. Княжнина, позднее был принят в доме Г. Р. Державина, у Олениных он встречался с И. А. Крыловым. Возможно, общение с поэтами, которые успешно выступали как баснописцы, и побудило его обратиться к этому жанру. Озеров перелагал исключительно сюжеты Лафонтена, но весьма вольно, сильно отступая от оригинала, так что, по наблюдениям исследователей, некоторые его басни скрыто откликаются на современные события и события его личной жизни.

Печатаются по изданию: Озеров В. А. Трагедии. Стихотворения.— Л., 1960.

Оратор и болван (с. 243). Басня направлена против поэта Н. П. Николева, ожесточенного литературного противника Я. Б. Княжнина. Николев ответил на басню Озерова своей «Басней» («Болван-молокосос из силы вон кричал...»). *Цицерон* — римский оратор (I в. до н. э.); его речь в защиту полководца Лигария — прославленный памятник античного красноречия.

В. Л. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин (1770—1830), дядя А. С. Пушкина, начал печататься в сентиментальных журналах конца XVIII века. Он был хорошо знаком с Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским и одним из первых начал борьбу с противниками Карамзина «шишковистами», сторонниками «Беседы любителей русского слова». Его стихотворные полемические послания к Жуковскому и Д. В. Дашкову, сатира-поэма «Опасный сосед» послужили сигналом к началу открытой войны между двумя литературными лагерями; «арзамасцы» избрали Пушкина своим «старостой». В поэзии Пушкин был учеником Дмитриева; современники ценили легкость его стиха, остроумие его сатир и эпиграмм. Басни Пушкина также стилистически отточены; в то же время критики упрекали «музу Василия Львовича» в некотором многословии, «водянистости». Как баснописцу ему не доставало энергии мысли и энергии в повествовании. Тем не менее его басни остаются лучшими образцами русской сентиментальной басни.

Печатаются по изданию: Пушкин В. Л. Стихотворения.— СПб., 1822.

К. Н. БАТЮШКОВ

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) был воспитанником М. Н. Муравьева. Благодаря этому еще в ранней юности он вошел в круг известных писателей начала XIX в. Позднее он сблизился с литераторами из Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, особенно с баснописцами А. Е. Измайловым и А. П. Бенитцким, издававшими журнал «Цветник» (1808—1811). Вместе с ними он принял участие в борьбе против консервативного литературного объединения «Беседа любителей русского слова» и ее организатора А. С. Шишкова. Особенно широкую известность получила сатира

Батюшкова «Видение на берегах Леты», предвещавшая будущую полемику «арзамасцев» с «шишковистами». Басни относятся к ранним поэтическим опытам Батюшкова. Тем не менее в их стиле, лирических отступлениях уже проявился его талант поэта-элегика, создателя языка «легкой поэзии» предпушкинской поры.

Печатаются по изданию: Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений.— М.—Л., 1964.

Пастух и Соловей (с. 254). Басня написана в защиту В. А. Озерова от нападок театральной критики и в связи с затруднениями, которые чинила театральная администрация постановке его трагедий. В письме к А. Н. Оленину (1808) Озеров писал о Батюшкове: «Прелестную его басню почитаю истинно драгоценным венком моих трудов». «*Димитрий*» — «Дмитрий Донской», трагедия Озерова. *Эврипид* (Еврипид)—древнегреческий драматург (V в. до н. э.).

А. Н. НАХИМОВ

Аким Николаевич Нахимов (1782—1814), сын помещика Харьковской губернии, образование получил в благородном пансионе при Московском университете; тогда же в московских журналах появились его первые стихотворения. Затем он служил в армии, был чиновником в Петербурге. Окончив в 1808 г. Харьковский университет, он остался при нем читать лекции чиновникам, готовившимся к сдаче экзаменов на чин. Это время было самым плодотворным в литературной деятельности Нахимова. Его сатирические стихотворения в рукописях широко расходились в Харькове. Он выступает в них неприимимым врагом «крапивного семени», подьячих. Творчество Нахимова продолжало традицию сатирической литературы XVIII в. В жанре басни он также не последовал опыту таких поэтов, как Хемницер, Дмитриев или Крылов, а остался верен сатире Сумарокова. Его басни — это прежде всего сатиры с коротким афористическим заключением. Их оживляет присущее Нахимову поэтическое остроумие и живой, обличительный задор. Сюжеты басен он в большинстве случаев изобретал сам. Печатаются по изданиям: Нахимов А. Н. Сочинения в стихах и прозе.— Харьков, 1815, и журналу «Русская старина» (1880, № 11).

Живописец (с. 259). *Рафаил* — Рафаэль, великий итальянский живописец.

Парик и Болван, на котором его расчесывают (с. 260). *Болван* — подставка для парика.

Повестка (с. 261). *Алтынница* — скряга, скупая.

Ассигнация и Алтын (с. 261). *Алтын* — медная монета (три копейки).

Крыса и секретарша (с. 263). *Хабар* — барыш.

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) получил образование в Горном корпусе. По окончании его поступил на службу в Экспедицию государственных имуществ, где и прослужил до 1826 г. Потом он был вице-губернатором в Твери и в Архангельске, но не ужился там с провинциальной бюрократией. Вернувшись в Петербург, он получил место преподавателя словесности при Пажеском корпусе. Умер поэт в бедности, почти в нищете. С 1802 г. Измайлов был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, позднейшая история которого оказалась теснейшим образом связана с

его именем. С 1807 г.— он его секретарь; в 1816 г. он возобновил деятельность Общества и до 1825 г. был его бессменным председателем. Измайлов энергично участвовал в литературной борьбе с «Беседой любителей русского слова» А. С. Шишкова, в спорах о романтизме начала 1820 гг., выступал против реакционных журналистов Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. Как баснописец Измайлов приобрел известность по выходе первого сборника «Басни и сказки» (1814). Сатирическая басня оказалась его настоящим призванием. Он пользовался в своем творчестве широким кругом источников басенных сюжетов; наиболее ценимы им были французские баснописцы Ж. Лафонтен и Ж. Флориан, из немецких — Хр. Геллерт. Многие его басни построены на анекдоте или в духе анекдота, обрабатывал он и случайные сюжеты. Сильной стороной его басен было описание бытовых ситуаций со всеми красочными подробностями. Так сложился специфический измайловский «фламандский» стиль, позволивший современникам называть его «русским Теньером». Сборник «Басни и сказки» неоднократно переиздавался, пополняясь от издания к изданию новыми произведениями. Измайлов выступил также и в качестве теоретика басни, написав «Опыт о рассказе басни» (1817), и как критик современных баснописцев в «Разборе некоторых образцовых басен лучших российских фабулистов» (1821).

Печатаются по изданиям: Измайлов А. Е. Басни и сказки, изд. 5.— СПб., 1826; Басни и сказки.— СПб., 1839.

Кукушка (с. 267). Басня, вероятно, направлена против писателя П. И. Голенищева-Кутузова, переводчика античных поэтов Пиндара и Сафо.

Лебедь, Гусь, Утка и Журавль (с. 269). *Рифмач-капиталист* — вероятно, баснописец-графоман Д. И. Хвостов, оплачивавший журналистам похвальные отзывы о своих произведениях.

Два Осла (с. 272). В басне сатирически описаны похвалы, которыми осыпали друг друга на заседаниях члены «Беседы любителей русского слова». *Два Осла* — это А. С. Шишков, произнесший при открытии «Беседы» свое «Рассуждение о любви к отечеству», и И. С. Захаров, в том же 1811 г. читавший в ней «Похвальное слово женам». *Фр. Фенелон* — французский писатель, воспитатель детей Людовика XIV.

Макарьевнина уха (с. 274). Басня направлена против поэтов романтической школы, писавших, по мнению Измайлова, чересчур цветисто.

Блины (с. 275). Басня высмеивает религиозное ханжество, насаждавшееся в стране министром народного просвещения А. Н. Голицыным.

Черный Кот (с. 276). Басня адресована А. Я. Никольской, вдове рано умершего друга и соредактора Измайлова по журналу «Цветник» П. А. Никольского. *Сибариты* — жители античного города Сибариса, купавшиеся в роскоши и ставившие наслаждение главной целью жизни. *Тартюф* — герой одноименной комедии Мольера.

Слезы Кащея (с. 280). *Платон Левшин* и *Иоанн Леванда* — известные проповедники начала XIX в.

Пьяница (с. 282). *Два воина... в броне сермяжной* — постовые-будочники, следившие за порядком в городе.

Лгун (с. 290). Басня направлена против издателя журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньина, широко публиковавшего исторические материалы и сведения о самоучках «из народа»; публикации Свиньина не отличались добросовестностью. *Тюльери* (Тюильри) — дворец французских королей в Пари-

же. *С Адмиралтейство* — фасад Адмиралтейства в Петербурге имеет длину 400 метров.

Две Козы (с. 293). Чины майора и штаб-лекаря относились по принятой в царской России «Табели о рангах» к 8-му классу.

Филин и Чиж (с. 298). Басня направлена против деятелей «Беседы любителей русского слова». *Филин* — организатор «Беседы» и ее руководитель А. С. Шишков; *Ворон* — по-видимому, Д. И. Хвостов; *Черный Грач* — П. Ю. Львов, автор сочинения «Храм славы российских ироев»; *Кукушка* — П. И. Голенищев-Кутузов, переведший мистическую поэму английского поэта Э. Юнга «Ночи»; *Сыч* — автор эпических поэм С. А. Ширинский-Шихматов, любимый ученик Шишкова.

Исправление (с. 302). *И. Г. Юнг-Штиллинг* — немецкий писатель-мистик.

Золотая струна (с. 307). Басня имеет в виду практику выборов в Российскую Академию, литературную организацию, которая, по замыслу, должна была объединять лучших писателей; в начале XIX в. ее членами были в основном третьестепенные литераторы.

Кулик-астроном (с. 307). Направлена против П. П. Свиньина; имеется в виду его статья в «Отечественных записках» — «Ф. А. Семенов, мясник-астроном в Курске».

Слон и собаки (с. 308). Направлена против реакционных журналистов Ф. В. Булгарина (Брылан) и Н. И. Греча (Пудель Брех); *Слон* — сам Измайлов, отличавшийся дородностью.

Гордюшка-книгопродавец (с. 313). Направлена против перекупщика книг с Апраксина двора Я. В. Матюшина, имевшего репутацию бессердечного ростовщика. *Оракулы* — гадательные книги. «*Деяния Петра*» — многотомный труд И. И. Голикова, посвященный Петру I. *Три безжалостные сестры* — фуррии, богини мщениия (римск. миф.).

Д. В. ДАВЫДОВ

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839), знаменитый партизан 1812 года и певец гусарской вольницы, в молодости примыкал к группе оппозиционно настроенных гвардейских офицеров. В 1800 г. им было написано несколько стихотворений, которые не могли быть напечатаны и распространялись в списках. Несмотря на это, басни Давыдова получили широкую известность в прогрессивно настроенных кругах русского общества; среди декабристов эти произведения, направленные против деспотизма самодержавия, имели хождение наряду с другими агитационными сочинениями революционного содержания. В басне «Голова и Ноги» Давыдов использовал сюжет, известный по басне Эзопа «Живот и Ноги» и обрабатывавшийся также другими русскими баснописцами; стихотворение «Быль или басня, как кто хочешь назови» является переложением басни французского писателя Л. Ф. Сегюра «Ребенок, зеркало и река». Однако и в том, и в другом случае он заостряет трактовку сюжета, применяя иносказательные ситуации к русской действительности. Вторая басня в списках имела также заглавия «Река и зеркало», «Деспот», «Бич»; иногда приписывалась А. С. Пушкину.

Печатаются по изданию: Давыдов Д. В. Сочинения.— М., 1962.

Ф. Н. ГЛИНКА

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) приобрел литературное имя после появления в печати его «Писем русского офицера» (1815—1816), представлявших описание Отечественной войны 1812 года с точки зрения ее рядового участника. Он был активным членом ранних декабристских организаций, президентом связанного с ними Вольного общества любителей российской словесности (1816—1825); его собственное творчество этого периода сыграло большую роль в распространении вольнолюбивых идей. Глинка принадлежал к умеренному крылу декабристского движения и не принял участия в восстании 1825 г. Тем не менее как лицо подозрительное он был выслан из Петербурга. Басни Глинки, как и вся его поэзия, отличаются некоторой нравоучительностью и философичностью тона, что должно было подчеркнуть серьезность затронутых поэтом гражданских тем. Печатаются по изданию: Глинка Ф. Н. Избранные произведения.— Л., 1957.

Пирамида (с. 324). *Грибовский* Михаил Кириллович — член Союза Благоденствия, впоследствии вышедший из тайных организаций.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) играл видную роль в литературной жизни 1810—1820 гг. Он принял деятельное участие в литературном обществе «Арзамас», часто выступал с критическими статьями в журналах. Сначала он был активным защитником Карамзина и сентиментализма, в 1820 г. стал пропагандистом романтической поэзии. В эти годы сложился его легкий и точный стих, язвительный эпиграмматический стиль. Друг А. С. Пушкина и многих декабристов, Вяземский придерживался либеральных убеждений, из-за которых вынужден был уйти со службы и долгие годы в глазах правительства пользовался репутацией подозрительного и неблагонадежного человека.

Басенный жанр всегда интересовал Вяземского, хотя количественно, и по художественным достоинствам, его басни уступают его лирике. Для «арзамасских собраний» Вяземский написал цикл пародий на произведения баснописца-графомана Д. И. Хвостова; ему принадлежит обстоятельная статья об И. И. Дмитриеве-баснописце. В период особо суровых цензурных гонений на литературу (1818—1824) иносказательная форма басенного повествования дала Вяземскому возможность выразить печатно убеждения, созвучные взглядам декабристов.

Печатаются по изданию: Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. 3.—СПб., 1880.

Доведь (с. 326). *Доведь* — шашка, проведенная в дамки.

А. С. ПУШКИН

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) написал всего лишь одну басню полемического характера — «Сапожник» (1829), направленную против критика Н. И. Надеждина, который выступил в журнале «Вестник Европы» с резкими и несправедливыми нападка на поэмы «Полтава» и «Граф Нулин», упрекая Пушкина в несоблюдении правил эстетики. Поэт ответил на критику своей притчей, сюжет которой восходит к рассказу римского историка и ученого Плиния Старшего (I в. н. э.) о легендарном живописце Апеллесе. В XVIII в. на тот же сюжет В. И. Майковым была написана басня «Живописец и сапожник».

Печатается по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 1.— М.— Л., 1948.

Е. И. АЛИПАНОВ

Егор Иванович Алипанов (1800—1860) был крепостным крестьянином. По делам своего помещика он в 1824 г. приехал в Петербург, и в журналах, как диковинка, стали появляться стихотворения поэта-крестьянина. В 1830 г. вышли отдельным изданием «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова». Российская Академия присудила автору за успехи в словесности серебряную медаль, что помогло Алипанову получить вольную от своего помещика. Через год вышел второй сборник, «Басни» (1832). Алипанов хорошо владел техникой стиха и, несмотря на то, что поздно занялся литературой, был начитанным человеком. Возможно, эта поздняя образованность была причиной того, что в его баснях заметны подражания таким крупным баснописцам, как И. И. Дмитриев и И. А. Крылов. Дальнейшая судьба Алипанова сложилась неудачно; его поздние сочинения успеха не имели, и он исчез из литературы.

Печатаются по изданию: Алипанов Е. И. Басни.— СПб., 1832.

Скворец (с. 334). *Вельможа* — Александр Семенович Шишков, президент Российской Академии, содействовавший освобождению Алипанова (скворец в басне — сам Алипанов) от крепостной зависимости. Во время Отечественной войны 1812 г. Шишков был государственным секретарем.

Свинья в огороде (с. 335). Басня направлена против журналиста Н. А. Полевого, в это время враждовавшего с А. С. Пушкиным и писателями его круга, и преемственно связана с басней И. А. Крылова «Свинья». *Я знаю Русь, ей и о мне известно* — перифраз слов Полевого «Я знаю Русь, и Русь меня знает» из предисловия к его роману «Клятва при гробе господнем». *А нам хвалит какая статья* — перифраз из басни Крылова «Прихожанин».

М. Д. СУХАНОВ

Михаил Дмитриевич Суханов (1801—1843), поэт-самоучка, родился в Архангельской губернии. Случайно познакомившись в детстве с произведениями своего великого земляка М. В. Ломоносова, он увлекся сочинительством и в 1825 г. с большими трудами перебрался в Петербург. Здесь в 1828 г. вышел его первый сборник «Басни, песни и разные другие стихотворения крестьянина Михайлы Суханова», отмеченный поощрительной медалью Российской Академии. В песнях Суханова чувствуется сильное влияние фольклора; иногда его называли «архангельским Кольцовым». Басня как жанр, способный выразить житейскую народную мудрость, также пользовалась большой любовью поэта. Они у него обычно кратки и всегда сопровождаются особо выделенной моральной сентенцией. Сюжеты Суханов придумывал сам; лишь некоторые заимствованы из басен Л. Голберга в переводе Д. И. Фонвизина. Как отмечала критика, эти небольшие апологи особенно нравились читателям «простотою рассказа, свободным стихосложением и удачно приисканными нравственными примечаниями».

Печатаются по сборникам: Суханов М. Д. Басни, песни и разные другие стихотворения.— СПб., 1828, и Время не праздну.— СПб., 1836.

И. А. КРЫЛОВ

Великий баснописец Иван Андреевич Крылов (1769—1844) родился в Троицкой крепости Оренбургской губернии, где служил его отец, армейский офицер. После смерти отца в 1778 г. Крылов вынужден был пойти на службу подканцеляристом. Четырнадцатилетним подростком он вместе с семьей перебирается в Тверь. В течение ряда лет Крылов состоял на службе канцеляристом в Казенной палате, одновременно занимаясь сочинительством. Он пишет стихи, трагедии, комедии, которые, однако, не увидели света. Подлинная известность приходит к Крылову в 1789 г., когда он, переехав к этому времени в Петербург, предпринимает издание сатирического журнала «Почта духов». Сатирические письма-фельетоны молодого Крылова обратили на себя внимание правительства резкостью сатиры на вельмож, дворянство, чиновничество. На протяжении ближайших лет Крылов еще продолжал свою журнальную деятельность, издавая журналы «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Однако, подвергаясь гонениям со стороны властей, он вынужден был уехать из столицы — сначала в Москву, а затем затеряться в провинции. В эти годы он пишет едкую сатиру на царствование Павла I — «шутотрагедию» «Трумф» (или «Подщипа»). В 1806—1807 гг. Крыловым были написаны пьесы «Модная лавка» и «Урок дочкам», имевшие большой успех у зрителя.

Лишь в 1806 г. он снова возвращается в столицу и выступает со своими баснями, сразу же завоевавшими широкую популярность. В эти годы он сблизился с А. Н. Олениным и его семьей и стал постоянным посетителем кружка Оленина. В 1812 г. Крылов поступил на службу в Публичную библиотеку (ныне имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), где прослужил в течение многих лет.

В 1809 г. вышла первая книжка басен Крылова. Вслед за ней Крылов издает новые, дополненные сборники своих басен. «Изданиям басен Крылова потерян счет,— писал Белинский.—...Таким успехом не пользовался на Руси ни один писатель, кроме Ивана Андреевича Крылова».

«Басни» в девяти книгах, подготовленные Крыловым в последние месяцы жизни, в 1843 г., выходят уже после смерти баснописца. Печатаются по изданию: Крылов И. А. Полное собрание сочинений, т. 3.— М., 1946.

Ворона и Курица (с. 344). Басня навеяна карикатурой И. Тереминева «Французский вороний суп», относящейся ко времени пребывания французской армии в Москве. *Смоленский князь* — М. И. Кутузов.

Парнас (с. 348). Басня посвящена заседаниям в Российской Академии, где читались панегирические речи в честь российских государей и вельмож, составленные в официозном духе. В начале XIX в. Российская Академия объединяла в основном третьестепенных литераторов и превратилась в консервативную литературную организацию. При первых выборах в члены Академии Крылов был забаллотирован (1808).

Синица (с. 351). В основе басни лежит народная пословица: «Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много наделала». *Нептун* — бог морей (римск. миф.).

Троеженец (с. 352). Написана в связи с громким бракоразводным процессом военного историка Е. Б. Фукса, обвенчавшегося в третий раз, не оформив развода со своей второй женой.

Собачья дружба (с. 357). *Орест* и *Пилад* — два неразлучных друга (греч. миф.).

Раздел (с. 358). Басня написана в период Отечественной войны 1812 г. и

разоблачала эгоизм дворянства в момент всеобщей опасности, угрожавшей стране.

Волк на псарне (с. 360). Басня является откликом на полученное в Петербурге известие о мирных предложениях Наполеона, сделанных им Кутузову 23 сентября 1812 г. Кутузов, однако, решительно отверг эти предложения. По словам одного из современников, Крылов передал жене Кутузова собственноручный список басни, который она переслала мужу. После сражения под Красным Кутузов прочитал басню собравшимся вокруг офицерам и при словах: «А я, приятель, сед...» — снял свою фуражку.

Щука и Кот (с. 366). В басне Крылов осмеивает слишком медленные действия адмирала Чичагова, поставленного командовать Южной армией. Чичагов должен был отрезать путь отступления разгромленным войскам Наполеона через Березину. Из-за опоздания Чичагова отдельным частям наполеоновской армии удалось уйти.

Обоз (с. 368). В 1812 г. после занятия французами Москвы Александр I потребовал от Кутузова быстрых действий против проникшего в глубь России неприятеля. Кутузов же, верный своей тактике, основанной на истощении неприятеля, медлил, постепенно осуществляя свой стратегический план. Крылов в басне оправдывает стратегию Кутузова.

Осел и Соловей (с. 371). По рассказам современников, басня была написана Крыловым в насмешку над знакомым вельможей, который, прослушав несколько его басен (в том числе, переводы из Лафонтена), спросил: «Это хорошо, но почему вы не переводите так, как Иван Иванович Дмитриев?» — «Не умею», — скромно отвечал поэт.

Кот и Повар (с. 377). Написанная незадолго до начала войны с Наполеоном, басня выражала убеждение русских патриотических кругов в необходимости принять срочные меры против угрозы вторжения Наполеона в Россию.

Гуси (с. 380). По древнеримскому преданию, гуси, дремавшие на городской стене, оповестили своим криком население Рима о внезапном нападении галлов и тем помогли спасению города.

Квартет (с. 383). Сохранилось свидетельство, что поводом к написанию Крыловым этой басни послужили изменения в составе Государственного Совета в 1810 г. Департаменты Совета возглавляли П. В. Завадовский, А. А. Аракчеев, Н. С. Мордвинов, П. В. Лопухин; к ним будто бы соответственно и относились прозвища — Осел, Медведь, Мартышка, Козел.

Лебедь, Щука и Рак (с. 385). В этой басне также видели намек на неурядицы в Государственном Совете.

Демьянова уха (с. 391). По словам современника Крылова, басня была написана под впечатлением заседаний в «Беседе любителей русского слова», на которых зачастую бездарные поэты душили всех чтением бесконечно длинных произведений. После одного из таких утомительно тоскливых чтений Крылов прочел басню «Демьянова уха», рассмешившую всех собравшихся близостью ситуации.

Подагра и Паук (с. 395). *Слух этот Лафонтен по свету распустил* — речь идет об одноименной басне французского баснописца Ж. Лафонтена.

Клеветник и Змея (с. 398). В основе басни лежит народная пословица: «Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь». *Вельзевул* — сатана.

Совет Мышей (с. 403). Баснописец, возможно, имел в виду преобразование

по проекту М. М. Сперанского Непременного Совета в Государственный Совет.

Соловьи (с. 410). В этой басне Крылов под Соловьем подразумевал, по-видимому, себя, а под Птицеловом — А. Н. Оленина, в качестве начальника Крылова по Публичной библиотеке пытавшегося направлять его творчество.

Кошка и Соловей (с. 415). Басня намекает на трудное положение русских писателей под гнетом царской цензуры, не разрешавшей писать что-либо дурное о крепостном праве, произволе чиновников и т. п.

Рыбья пляска (с. 416). По свидетельству современников, в этой басне заключается намек на подлинный исторический факт, относящийся к поездке Александра I по России. В одном из городов, где он останавливался в губернаторском доме, Александр I увидел в окно приближавшуюся к дому толпу людей. На вопрос царя, что это означает, губернатор ответил, что это депутация от жителей, желающих принести благодарность за состояние края. Александр, спеша с отъездом, не принял этих лиц, которые на самом деле шли с жалобой на губернатора.

Прихожанин (с. 417). Написана в ответ на статью П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» и его же послание «И. И. Дмитриеву», в которых отдавалось предпочтение басням Дмитриева перед крыловскими.

Пестрые овцы (с. 419). При жизни Крылова не печаталась по цензурным причинам. По мнению одних комментаторов, басня является откликом на репрессии против передовой профессуры Петербургского университета в 1822 г. Другие считают, что она написана в связи с возмущением в Семеновском полку против жестокого обращения командира с солдатами. После расследования по приказанию царя солдаты полка были распределены по гарнизонам в самых опасных и нездоровых местах.

Кукушка и Орел (с. 421). В басне высмеивается реакционный писатель Ф. В. Булгарин, пользовавшийся особым покровительством властей.

Булат (с. 422). Современники относили эту басню к судьбе героя Отечественной войны 1812 г. генерала А. П. Ермолова, заподозренного Николаем I в сочувственном отношении к декабристам и отставленного от дел.

Пастух (с. 428). В основе басни пословица: «На волка токмо слава, а овец таскает Савва».

Кукушка и Петух (с. 432). По мнению современников, в басне высмеиваются реакционные писатели Булгарин и Н. И. Греч, восхвалявшие друг друга в тогдашних журналах и газетах. В сборнике «Сто русских литераторов», где впервые появилась эта басня, помещена была также карикатура, изображавшая Булгарина и Греча с головами петуха и кукушки.

Вельможа (с. 433). Цензура почти два года не разрешала печатать эту басню Крылова. *Эак* — один из трех судей в Аиде, подземном царстве мертвых, над которым властвует Плутон (греч. миф.).

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Козьма Прутков — собирательный литературный образ писателя, созданный братьями Жемчужниковыми — Алексеем (1821—1908), Александром (1824—1895), Владимиром (1830—1884) и известным писателем А. К. Толстым (1817—1875). Стихи Козьмы Пруткова родились из шуточных забав и экспромтов этих авторов, объединившихся под одним псевдонимом. Они печатались с

1851 г. в журналах «Современник», «Искра» и в сатирическом приложении к «Современнику» — «Свистке». Басни Козьмы Пруткова не являются пародией на какие-нибудь конкретные произведения; они развенчивают ложную «мудрость», «глубокомысленности» морали, басенные штампы и архаичность формы баснописания у эпигонов Крылова.

Печатаются по изданию: Козьма Прутков. Сочинения, т. 3.—М., 1946.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Демьян Бедный (псевдоним, настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов) (1883—1943) родился в семье крестьянина-бедняка. Отслужив действительную службу в армии, необычайно способный юноша сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета. Вскоре, участвуя в революционном движении, он примкнул к большевикам. Хотя первые стихи его начали появляться в печати с 1899 года, настоящая популярность пришла к Демьяну Бедному со времени его сотрудничества в легальной большевистской печати. Он умел писать доступно для рабочего и крестьянского читателя, ярко и доходчиво пропагандировал идеи марксизма и конкретную политику большевистской партии, умел ядовито и остроумно осмеять врагов рабочего движения. За его литературной работой внимательно следил и всячески поддерживал ее Ленин. В мае 1913 года он писал в редакцию газеты «Правда» о Демьяне Бедном: «Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не притянете, *не поможете* ему» (Полн. собр. соч., т. 48, с. 182). В 1917 году в «Правде» была напечатана повесть-поэма Демьяна Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю» — о приходе крестьянских масс в революцию. В годы гражданской войны он писал агитационные стихи, сатиры на белогвардейцев, песни, из которых «Проводы» («Как родная меня мать провожала...») стала народной. Одним из наиболее значительных произведений 1920-х годов явилась поэма «Главная улица».

Основная часть басен была создана Демьяном Бедным в 1912—1913 годах для большевистских газет «Звезда» и «Правда». Он сумел вдохнуть в забытый жанр басни новую жизнь, донося до рабочих «эзоповым языком» иносказания правду через рогатки царской цензуры. Басня под пером Демьяна Бедного превратилась в злободневный политический фельетон; некоторые из них и печатались под рубрикой «маленький фельетон». В них широко отразилась политическая борьба, которую вели большевики против буржуазных и монархических партий в период созыва 4-й Государственной Думы. Басни Демьяна Бедного, написанные грубовато, но броско, открывали глаза рабочим на антинародную политику помещиков и буржуазии. Их агитационное значение высоко ценил Ленин. После выхода в 1913 году отдельного сборника басен Демьяна Бедного он рекомендовал его вниманию Максима Горького: «Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите» (Полн. собр. соч., т. 48, с. 180). В. Бонч-Бруевич вспоминал: «Я стал рассказывать аллегорическое значение некоторых басен Демьяна и, когда мы дошли наконец до басни «Бунтующие зайцы», где Гучков изображен главарем этих зайцев, стоящим на пригорке и ораторствующим, а все его последователи-октябристы в конце концов, с перепугу, бесконечной чередой улепетываю-

щими во все лопатки в кусты,— Владимир Ильич пришел в восторг: «Вот это настоящая оппозиция его величества. Вот это, с позволения сказать, русский парламент! Замечательно! Но они-то сами понимают, что Демьян так их разделяет?» («На литературном посту», 1931, № 4, с. 5—6). Несмотря на аллегорическую форму, многие басни Демьяна Бедного появились в печати, изуродованные карандашом цензора; некоторые вообще не смогли быть напечатаны при царизме и впервые увидели свет только в новом издании 1917 года. Демьян Бедный продолжал писать басни и после Октября, направляя свои удары против церковников, кулаков и других врагов Советской власти. Особый интерес представляют его стихотворные переложения прозаических басен Эзопа, родоначальника басенного жанра, которому поэт умело придал совершенно неожиданную новизну и современность звучания.

Печатаются по изданию: Демьян Бедный. Собрание сочинений, тт. 1—3.— М.: Художественная литература, 1963—1964; из него же заимствованы и материалы примечаний к басням.

Рыболовы (с. 447). В басне разоблачался антинародный характер буржуазных партий (в том числе и меньшевиков-ликвидаторов), пытавшихся всевозможными посулами привлечь рабочих на свою сторону и отвлечь их от классовой борьбы. *Нырни поглубже в воду!*...— призыв к углублению нелегальных форм революционной работы.

Трибун (с. 449). *Маклаций* — адвокат В. А. Маклаков, член Государственной Думы, деятель правого крыла кадетской партии. Как депутат выступал в Думе с либерально-демагогическими речами, а как адвокат за высокие гонорары защищал в судах финансовых воротил.

Народник (с. 451). Басня написана в 1912 году в связи с подготовкой к выборам в 4-ю Государственную Думу и посвящена борьбе буржуазных политических партий за голоса крестьян; в частности, отражает поддержку большевиками «трудовиков», представителей партии мелкобуржуазных крестьянских демократов. При первой публикации в «Звезде» имела концовку:

*Кадет! Нет басни без морали.
Поостерегся б ты, ей-ей! трудовика.*

Пес (с. 458). Басня направлена против штрейкбрехеров, срывающих рабочие забастовки.

Волк (с. 460). Басня направлена против попыток буржуазных партий внести раскол в рабочее движение, отколоть рабочих от большевиков. В 1919 году была перепечатана под заглавием «Соглашатели». «Земщина» — черносотенная газета правых депутатов в Думе.

Сватовство (с. 461). «*Прогрессистка*» — так называемая «прогрессивная партия», близкая к кадетам.

Гипнотизер (с. 463). Басня связана с думской предвыборной борьбой и разъясняла крестьянам коренные противоречия между ними и помещиками по земельному вопросу.

Гастролер (с. 465). Конкретным поводом для написания басни послужили выступления в Киеве с предвыборными речами монархиста и черносотенца В. М. Пуришкевича. *Эсдек* — социал-демократ, *черноблужник* — анархист, *союзник* — представитель партии «Союз русского народа».

Жук и Крот (с. 467). Басня является откликом на выступление писателя Федора Сологуба (Ф. К. Тетерникова) с пасквилем против Максима Горького в газете «Речь» (1912).

Умница (с. 467). «*Патриоты*» — реакционеры-черносотенцы, насаждавшие шовинизм в рабочем движении.

Лицедеи (с. 471). «*urbi et orbi*» (лат.) — для всеобщего сведения; буквально: «Городу <Риму> и миру».

Бунтующие зайцы (с. 472). Басня высмеивала демагогически-либеральные выступления лидеров партии «октябристов» — А. И. Гучкова и других, платформой которой были умеренные реформы, провозглашенные царским манифестом от 17 октября 1905 года, и трусливый характер этой буржуазной оппозиции монархическому режиму.

Свеча (с. 474). Басня изобличала подлинный смысл «высочайшего манифеста» от 17 октября 1905 года, которым царское правительство, чтобы потушить революционное движение 1905 года, обещало России гражданские свободы. Затем постепенно были урезаны даже «дарованные свободы». На это намекают заключительные стихи басни:

*Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.*

За публикацию басни был конфискован 2-й номер журнала «Просвещение» за 1913 год.

Натуралист (с. 475). Мишенью басни являлся А. Н. Хвостов, нижегородский губернатор, известный своими служебными злоупотреблениями и развратным образом жизни; с 1915 года он был министром внутренних дел и шефом корпуса жандармов. Концовка басни написана в 1918 году.

Ослы (с. 477). Концовка басни написана в 1919 году.

Ерши и вьюны (с. 481). Басня разоблачала меньшевиков-ликвидаторов.

Купидоша (с. 484). *Унтер Пришибеев* — персонаж одноименного рассказа А. П. Чехова, образ, ставший символом грубого полицейского произвола.

Законники (с. 484). Первоначальное название басни — «Мужики».

Тофута Мудрый (с. 486). Написана сразу после Февральской революции, свергнувшей самодержавие. *Тофута* — последний русский царь Николай II. *Злодей Протоплут* — министр внутренних дел царского правительства А. Д. Протопопов.

Помощь (с. 493). Басня написана в 1916 году и тогда же запрещена цензурой, так как воспринималась как намек на взаимоотношения между Россией и Англией во время империалистической войны.

Волк и Лев (с. 494). Басня звучала в период публикации как разоблачение грабительского характера империалистической войны, которая велась под лозунгом защиты малых государств.

Р 89 Русская басня /Под общ. ред. В. П. Степанова; Сост., вступ. ст. и прим. Н. Л. Степанова.— М.: Правда, 1986.— 544 с., ил.

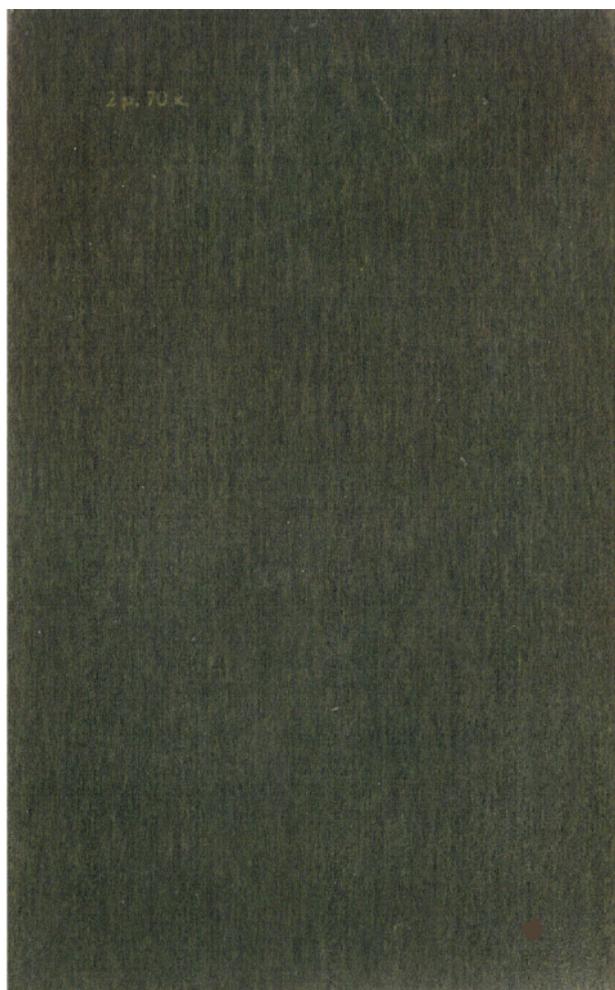
Басня — один из древнейших жанров литературы, уходящий своими корнями в народный фольклор. Цель настоящего сборника — проследить историю классического периода русского баснописания — от А. Кантемира до И. А. Крылова. Наряду с произведениями известных баснописцев в него включены произведения мало известных авторов — М. Чулкова, А. Измайлова и др., а также образцы басенного творчества писателей, которые непосредственно баснописцами не являются — Д. И. Фонвизина, А. С. Пушкина.

Составитель Николай Леонидович Степанов
Редактор Е.М. Кострова
Художественный редактор Г. О. Барбашинова
Технический редактор Т. С. Трошина

Сдано в набор 24.03.86. Подписано к печати 18.08.86. Формат 84x108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 28,77. Уч.-изд. л. 28,99. Тираж 500 000 экз. (3-й завод: 300 001 — 500 000 экз.). Заказ № 5520. Цена 2 р. 70 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Советское Зауралье». 640627. г. Курган, ул. Карла Маркса, 106.

Примечания

1

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII.— Л., 1952, с. 392.

[^^^]

2

Пушкин А. С. Собр. соч. в десяти томах. Т. VI.— М., 1962, с. 15.

[^^^]

3

Потебня А. Из лекций по теории словесности.— Харьков, 1894, с. 27.

[^^^]

4

Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. 1.— СПб., 1849, с. XXI.

[^^^]

5

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII.—М., 1955, с. 575.

[^^^]

6

Потебня А. Из лекций по теории словесности.— Харьков, 1894, с. 58.

[^^^]

7

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I.—М., 1953, с. 61.

[^^^]

8

Жуковский В. А. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4.— М.-Л, 1960, с. 407.

[^^^]

9

«Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. I.— М., 1812, с. 103.

[^^^]

10

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IV.—М., 1954, с. 148.

[^^^]

11

Вигель Ф. Записки, ч. 3.— М., 1892, с. 153.

[^^^]

12

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IV.— М., 1954, с. 148.

[^^^]

13

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII.— М., 1955, с. 114

[^^^]

14

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII.—М., 1952, с. 392.

[^^^]

15

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII.— М., 1955, с. 575.

[^^^]

16

См. об этом: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IV,— М., 1955, с. 149.

[^^^]

17

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. VIII.— Л., 1952, с. 394—395.

[^^^]

18

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IV.— М., 1954, с. 150-151.

[^^^]

19

«Телескоп», 1831, ч. II, № 6, с. 386.

[^^^]

20

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII.— М., 1955, с. 576.

[^^^]

21

Филомела и Прогна — дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил ее в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филомелу в Соловья, а Прогну в ласточку.

[^^^]

22

Чувство чести (*фр.*).

[^^^]

23

Полустишие, украденное у И. А. Крылова (см. басню «Кот и Повар»). (Прим. автора.)

[^^^]

24

Полустишие, украденное у И. И. Дмитриева из басни: «Заяц и Перепелиха».
(Прим. автора.)

[^^^]

25

Ужаснейшей толщины англичанин, о котором Княжнин упоминает в Послании от Дяди Рифмоскрипа к Племяннику. *(Прим. автора)*

[^^^]

26

«Черт побери! Да здоровствует Наполеон! Браво, господин Софрон!» (фр.)

[^^^]

27

Стих И. И. Дмитриева.

[^^^]